ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
писателей России

Издание осуществлено на средства
Правительства Оренбургской области

2017
ГОД ЭКОЛОГИИ
В РОССИИ
Оренбуржье

Оренбург
2017

«Гостиный Дворъ» № 1 (1), 15 ноября 2017 г.
Журнал

Учредители:
Министерство культуры и внешних связей Оренбургской области, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»

Главный редактор Н.Ю. Кожевникова

Редакционный общественный совет:
председатель – **Е.В. Шевченко, министр культуры и внешних связей Оренбургской области**

С.В. Василенко (Москва)
Д.Е. Кан
П.Н. Краснов
В.Н. Кузнецов
В.А. Лабузов
А.В. Лигостаева
В.Д. Лютый (Воронеж)
Г.П. Матвиевская
В.М. Молчанов
П.Г. Рыков
Л.П. Сковородко
В.Б. Соколов
Т.В. Судоргина
А.Г. Филиппов
Т.М. Шабаренина (Уральск, Казахстан)
Н.А. Ягодинцева (Челябинск)

Почтовый адрес редакции: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10
Телефон 8-903-394-32-60
Телефон/факс (3532) 78-37-91
E-MAIL: Gdvor56@yandex.ru, editor@orenlit.ru. Веб-сайт: orenlit.ru

Почтовый адрес издателя: 460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10, ГБУК «Областной Дом литераторов им. С.Т. Аксакова»
E-MAIL: Domliteratorov28@mail.ru
Телефон/факс (3532) 78-41-29

На первой и последней страницах обложки – фотоколлажи **В.Б. Соколова**
Художник – **В.В. Кожевникова** (г. Санкт-Петербург)
Компьютерный дизайн – **Ю.В. Стрельникова, Л.И. Потехина**
Компьютерный набор, корректура – **Ю.В. Стрельникова**

В спорных случаях оставляются стиль, орфография и пунктуация авторов, которые несут ответственность также и за достоверность фактов. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи

Сдано в набор 12.09.2017 г.
Подписано в печать 24.10.2017 г.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Объём 22,5 печ. л.
Тираж 1 000 экз.
Заказ № 6575
Цена – бесплатно

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ56-00704 от 18 октября 2017 г. в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Оренбургской области.

ООО Универсальная Типография «Альфа Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом №2ж
Федеральный номер для всех городов РФ: 8-800-300-16-00
ISBN 978-5-9500793-5-1
© Журнал «Гостиный Дворъ», 2017

Прекрасны вы, поля земли родной,
Ещё прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми её народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы…

Михаил ЛЕРМОНТОВ

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

6 **Пётр Краснов.** По причине души. *Пьеса в двух действиях*
82 **Владимир Шадрин.** «Где дух любви непреходящ…» *Стихи*
88 **Пётр Краснов.** Верность правде. *О творчестве Владимира Петрова*
90 **Владимир Петров.** Родительский день. *Рассказы*
106 **СТИХИ ПО КРУГУ: Сергей Бурдыгин, Диана Кан, Наталья Кожевникова, Виталий Молчанов, Павел Рыков, Алексей Хальзунов, Тамара Шабаренина**
118 **Николай Волженцев.** Нумыл? Косо?! *Старинная русско-мордовская быль*
128 **Виктор Ренёв.** Свисток. *Рассказы*

НАША ГОСТИНАЯ

138 **Владислав Бахревский.** Перовские. *Роман. Продолжение*
166 **Виктор Брюховецкий.** «Я обращаюсь к Богу…» *Стихи*
173 **Николай Алешков.** О Родине, о маме, о любви… *Стихи*
179 **Александр Орлов.** Парабеллум. *Рассказ*
187 **Александр Евсюков.** Боль правды. *О книге А. Орлова «Кравотынь»*
191 **Надежда Чванова.** Травы детства. *Стихи*
196 **Татьяна Жарикова.** «Любите ли вы театр?»

ЮБИЛЕЙ

200 **Андрей Румянцев.** Чем близка чужая книга? *К 80-летию со дня рождения В.Г. Распутина*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
211 **Вячеслав Лютый.** Живые страницы русского бытия. Василий Белов: вчера, сегодня, завтра
215 **Анастасия Порошина.** В этом «Дворике» уютно всем!

ОРЕНБУРГСКАЯ ДИАСПОРА
220 **Ирина Дубовицкая.** Алтарь науки. *Повесть*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ИМ. С.Т. АКСАКОВА
230 **Александр Атвиновский.** Туман. *Рассказ*
241 **СТИХИ ПО КРУГУ: Наталья Осипова, Ирина Лаврина, Любовь Сухарева, Ксения Мотыженкова, Екатерина Мотыженкова**
246 **Сергей Миронов.** Формула счастья. *Глава из повести*
256 **Елена Кубаевская.** Лирический разбег. *Стихи*

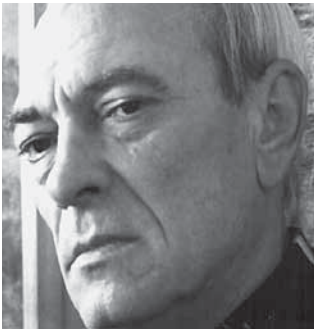
ДУХОВНЫЙ ЩИТ
259 **Игумен Варнава (Соколов)** «Мне всегда будет не хватать Пустыни…» *Беседа с журналистом Татьяной Морозовой*

КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ
286 **Людмила Овсянникова.** Мы — Багайдины. *История рода*

В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ
293 **Галина Матвиевская.** Сады Оренбурга. *Из опыта прошлого*
303 **Ирина Константинова.** «Пришла она — русская революция…» *По страницам оренбургских газет*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
312 **Зоя Дамрина.** Наш «новый» учитель. *К 125-летию В.П. Правдухина*
319 **Валентина Капустина.** «Избранные» книги Валериана Правдухина. *Библиографический обзор*

ГОД ЭКОЛОГИИ
328 **Валерий Слюньков.** Река Урал. Ждать и надеяться. *Больная тема*
340 **Александр Чибилёв.** Заповедное Оренбуржье: трудный путь к признанию. *К 100-летию заповедной системы России*



Пётр КРАСНОВ

ПО ПРИЧИНЕ ДУШИ

Пьеса в двух действиях

Пётр Николаевич Краснов родился в 1950 году в селе Ратчине Шарлыкского района Оренбургской области. Окончил Оренбургский сельскохозяйственный институт, Высшие литературные курсы в Москве, работал агрономом, сотрудником многотиражной газеты. Известный прозаик, его книги переведены на многие европейские языки. Лауреат Всесоюзной премии им. М. Горького за лучшую первую книгу, Большой литературной премии России, всероссийских литературных премий им. И. Бунина, им. Александра Невского, им. Д. Мамина-Сибиряка, им. Льва Толстого «Ясная Поляна», Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка», премии «Оренбургская лира», региональной литературной премии им. П.И. Рычкова и др. Награждён дипломом ЮНЕСКО за выдающийся вклад в мировую культуру. Живёт в Оренбурге.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ТИМОФЕЙ ИВАНОВ

АКСИНЬЯ, его жена

ВАСИЛИЙ, их сын

АЛЁНА, их умершая в детстве дочь

ЕГОРОВНА, старуха-соседка

ДЕД АЛЁШКА, её супруг

ДМИТРИЙ, сотрудник областного краеведческого музея

АВДЕЕНКО Афанасий Григорьевич, председатель сельсовета

ЗАВОДСКОЙ, он же Николай Савин, паромщик

БЕЛЕНЬКИЙ Виталий Самуилович, работник областной рыбоохраны

КРОХАЛЁВ Павел Николаевич, местный рыбинспектор

КАТЕРИНА, его жена

МАРИЯ, продавщица сельмага

ПЕННЕР Пётр Германович, врач сельской больницы

ЛОГУНОВ, следователь

СУДЬЯ и двое народных заседателей

СТОЛПОВСКИХ, адвокат Иванова

Райцентровские:

СЕКРЕТАРЬ СУДА

ПЕРВЫЙ МУЖИК

ВТОРОЙ МУЖИК

СЕКРЕТАРША

ГРИШАНЬКИНА, заведующая районной гостиницей

Односельчане Иванова:

СТАРИК

МУЖИК

ВАСЮКОВ

НИКУЛЬШИН

РЕВНИВЫЙ

РЫЖИЙ (Окунишников)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Начало восьмидесятых годов. Бывшая станица по реке Урал.

Сельский двор Ивановых, раннее, ещё в сутеми, летнее утро. Сзади, за сараем и раздёрганными кленовыми верхушками, виден силуэт церкви с порушенным куполом. Тревожная трель полевых сверчков-цикад, которой начинается картина, спадает, отдаляется. Из сенцев дома выходит Аксинья, одетая на староказачий манер; что-то неуловимо девичье сохранилось в ней, статность ещё можно принять за стройность, бабью неторопливость — за девичью ленцу. Берёт подойник, уходит в сарай. Немного погодя появляется из дома Иванов, лет под пятьдесят, закуривает, достаёт из-под застрехи сарая связку из удочек, банку с червями, выносит совок отрубей — словом, собирается на рыбалку. С полным подойником выходит из сарая Аксинья.

АКСИНЬЯ: Ты глянь-ка — наладился... Совсем он, гляжу, с Васькой избаловался, к рыбалке припал. Ну, у него-то каникулы были — а ты?! К Угорам бы лучше съездил, косой помахал, чем лягушек по берегам пугать...

ИВАНОВ (нехотя): Лето нас балует... господь бог.

АКСИНЬЯ: Ну, мужичьё — всё на засуху эту готовы свалить... В глотке у вас засуха, вот где... ни конца ей там, ни краю!

ИВАНОВ: Здрассте, а я-то с какого тут боку? Забыл уж, как она пахнет.

АКСИНЬЯ (цедит молоко, видно, что ворчит она просто так, поскольку к слову пришлось): Забыл? А маёвка?

ИВАНОВ (насмешливо): А что — маёвка? Кто кого домой вёл, вспомни? От кавалеров отбил и увёл, а ты ещё песняка пыталась...

АКСИНЬЯ (ничуть не смутившись): Разок в году и бабам можно.

ИВАНОВ (не понять, шутит он или нет): За другой разок возьму вожжи да по гладкой-то...

АКСИНЬЯ (насторожившись): У нас их нету...

ИВАНОВ: С колхозу принесу — ременные.

АКСИНЬЯ: Ох и муженёк строгай... скажи — казак! (Легонько виснет, подойдя сзади, у него на плечах.) Откеда что берётся...

ИВАНОВ: А что ж, всё вашей казаре, что ли? Бьют вас, бьют, никак всё гордыню не собьют.

АКСИНЬЯ: А как дед Алёшка говорит? Оттого это, что свободными родились.

ИВАНОВ: От чего свободными — от жизни? (Аксинья не знает, что ответить.) Вот то-то...

АКСИНЬЯ: А у вас, мужичья сиволапого, век её не было, гордости.

ИВАНОВ: Не было — и не надо, жизню этим всё равно не переможешь.

АКСИНЬЯ: А чем переможешь?

ИВАНОВ: Если б знал — сказал... Чем ты ни хошь, тока не гордостью. Уж лучше смирным век прожить, всё другим вреда меньше.

АКСИНЬЯ: У вас, у лаптей, на всё одна отговорка: терпи да молчи... (Смеётся.) То-то я тебя обратала... как телка повела. Плечищи под три мешка, а теля телей был.

ИВАНОВ: Ну, так чем же гордиться, ежели теля. Обратала она... небось, до смерти боялась, что перехватят. Вас тогда, после войны, как травы наросло, в каждый дом зазывали, — а женихов? Я да Егор Ампилогов, покойник, да Никулышин ещё... Побегала, повыглядывала меня по задам — Егоровна мне ещё тогда сказала... что, нет?

АКСИНЬЯ: Так ежели ты по задам ходил, куста боялся...

ИВАНОВ (надевает бессменные кирзачи): Боялся, не боялся — не тебе знать. «Обороть...» Ты выбирала, а я, выходит, не выбирал, да?

АКСИНЬЯ: Да уж выбрал... на одиннадцать аж лет моложе. Губа не дура.

ИВАНОВ (встаёт, пробует, хорошо ли обулся): А это чтоб глупей себя не искала.

Дёрнув плечиком, Аксинья демонстративно высыпает отруби из совка в ведро с пойлом для коровы, взбалтывает его палкой.

ИВАНОВ: Э, э... куда?!

АКСИНЬЯ: Туда! Обойдётся твоя рыба. Тут не знаешь, чем корову правдать, а он со своей рыбалкой... Ну, сам, чай, скотине в глаза будешь глядеть, зимой-то. Вспомнишь тады про рыбу.

ИВАНОВ (усмехнувшись): Ну, злыдня... Ладно тебе.

АКСИНЬЯ: Не ладно! Ты лучше скажи, что с Васькой делать будем?

ИВАНОВ: С Василием? А что с ним делать надо? Парень как парень. Сэпэтэу свою кончит, а там, глядишь, в армию...

АКСИНЬЯ: А потом? Люди вон своих в города выталкивают — а мы? Что ж он, так и будет

здесь на тракторе — дураком широкого профиля, как его отец?! (Иванов смеётся.) Чего лыбишься?! Полозиете там на своих полях — ни денег, ни чести, одна пыль на морде, а нам ваши туфайки мазутные отмачивай... не-е, я своё дитё на такую посмешищу не пущу!

ИВАНОВ (вяло, в полушутку): Как это — чести нет? В газетах тока и видишь: «хлебороб», то да сё...

АКСИНЬЯ: А в спину смеются. Расселись вон в конторах, бумажки со стола на стол носют и рады, что дураки пока не перевелись, упираются за них... Ты вон неделю посевы прикатывал, как анчутка приходил, на бровях аж лохмушки висели — а сколько получил? Рупь семьдесят на день! А им, в холодке, по трёшке да пятёрке, им воду — и ту Нюшка носит, уборщица... Ить смеются!

ИВАНОВ (со вздохом): Смеются... Так сами ж сеяли, если не прикатать — что там вырастет? Хрен да маленько? Свой труд жалко, вроде того...

АКСИНЬЯ: Во-во! Сами пахали, сами сеяли... А я не хочу, чтоб над моим сынком всю жизню смеялись! Над нами измывались как хотели, жилы вытягивали — ладно... хочешь, чтоб и над ним?! Вон пусть в город, хоть в общежитию, хоть на квартиру: отработал часы — и ходи человеком. Там хоть платят. К свату, на машзавод. Или в этот, как его... Газ... Газпром. Там трактористы тоже нужны, сват сказывал.

ИВАНОВ: Ну, ему ещё окончить надо, не шуми. Да и как такую соплю в город пускать? Там такие алыхари есть, в дружки затешутся... Что получишь? После армии ещё куда ни шло...

АКСИНЬЯ: Вот и поговори с таким... Николи с тобой не поговоришь путём, сразу отговорки. Не-ет, видно, так и есть оно: мать — овца, да лучше отца... И тот тоже: что ни спросишь, на всё — «нормально...» Оба мужики, и потужить не с кем... (Горестно.) И где ж ты там, доча моя ненаглядная... Ить уж шестнадцать лет, как нету, а...

Откуда-то возникает еле слышимая поначалу трель полевых сверчков-цикад — тревожная, будто предупреждающая.

ИВАНОВ (грубо): Ладно-ладно... завела она. (Глядит на небо, определяясь по времени.)

АКСИНЬЯ: Да-к опять вчера явилась во сне... я уж тебе не стала сказывать, тебе ить ничего не скажи. Стала так — и ка-быть большая уже наша Олёнка, вроде лет как двадцать... стала и спрашивает: а Вася где? А мне как запамятовало, не знаю, что сказать. А папаня где, спрашивает? А я так ничо и... не могу сказать, и всё тут. А тут вроде как вы появились; а она увидела, посмотрела так и говорит: ну, слава Богу, все здеся... А я вот всё думаю: Василий-то её уж не застал — а вот знает она его, спрашивает...

ИВАНОВ: Ох, бабы... сами глупы, да ещё других норовите заморочить.

АКСИНЬЯ: Да-к ежли сон такой? Я его не выбирала.

Слышно мычание, отдалённый щелчок пастушьего кнута.

ИВАНОВ: Выгоняй корову, нечего болтать. (Берёт удочки, полведёрник, направляется к выходу.) А я пошёл.

АКСИНЬЯ: Иди, иди... (Вдогонку.) А вожжей на баб у нас, милёнок, николи не водилось!..

Картина вторая

Травянистый берег Урала, вдали виден противоположный, лесистый. Утро на исходе, начинается день. Иванов, сидя под бережком спиной к зрителям, сматывает удочки, собирается домой. Из-под берега доносится иногда плеск, журчанье невидимой воды.

Слышен хруст пересохшей травы, появляется Заводской — невысокий, рябой, лет шестидесяти пяти, одетый по-рыбацки, через плечо у него отмокревшая полотняная сумка с рыбой.

ЗАВОДСКОЙ: А-а, тут вон кто... Здоров был, землячок! (Иванов кивает.) Знаю, знаю — святое местечко... (Заглядывает под берег.) Как, удружил водяной?

ИВАНОВ: Да так... пару сазанишек.

ЗАВОДСКОЙ: И то хлеб. А я тут, понимаешь, морды-верши глядел свои... чуток не искупался. Не молоденький уже — зябко, едрит-твою!.. (Садится, стаскивает резиновый сапог, развешивает портянку на кустике.) Сызмальства не знал я рыбалки: то на заводе чертоломил, то на шахтах... а там какой отдых?! С ребятами усядешься — и вдымоган, себя не помнишь... Милое дело — теперь! (Достаёт из карманов початую бутылку, хлеб, пару сушёных рыбёшек, кружку.) Вы, я гляжу, безработные нынче с этой засухой?

ИВАНОВ: Да сам видишь, подпалило, с апреля ни одного путёвого дождя. Уж посевы списывают.

ЗАВОДСКОЙ: А в колхозе всегда — то потоп, то засуха... А теперь слушай сюда, Тимох: выпей со мной за компанию, а?! Чтоб ерши поершистей ловились!

ИВАНОВ (оглядывается, с некоторой неловкостью): Да вроде б ни к чему... Разве что от безделья отдохнуть...

ЗАВОДСКОЙ: Вот-вот... держи-ка! (Пьют по очереди.) А я тебе так скажу, что нынче можно в любом сословии жить, в самом распоследнем даже. Нищим — и то сыт и одет будешь. Потому что сам народ наелся наконец, хлебом вот этим уже свиней кормит...

ИВАНОВ: Что ж, пора уж — заслужили, заработали...

ЗАВОДСКОЙ: Да заслужили-то побольше, не всё ещё своё взяли... ну, а когда наш русский брать умел?! Всё только с него самого — «давай-давай»! А он ведь простодыра, всякому верит. Наговорят ему, нашепчут, он ворота

растворит, шапку оземь — пропадай, пошла-поехала!.. А всё потому, что жить не умеет, этим и пользуются. Жить-то не умеет.

ИВАНОВ: Ишь ты... Наука, конечно, трудная, не всем даётся... Ну, а ты сам — что, так уж и умеешь?

ЗАВОДСКОЙ: Я-то? И умею. Раньше не умел, дурачок, подбзыкивали — я и бежал... как же, с Кировского завода, егемон рабочего класса! А теперь умею, научила жизнь. Никакому там начальнику или толстосуму не позавидую — зачем?! Речи эти, прения-потения, как бы угодить, не прогадать... Как бы снизу не подсидели да сверху не поддели... А я сердцем спокоен, мне на весь этот тарарам навалить побольше... для дураков он, тарарам! Я почему к вам пристал, в Кузьминовку? Потому что жить тут можно. Баба с хатой нашлась, река не слишком травленная, место весёлое — чего не жить?! Паромишко у меня ходкий, катаюсь себе с берега на берег, дышу, форму поддерживаю. Деньги? Рыбку наловил, загнал, вот те и деньги. Ну, а этой (постучал пальцем по бутылке) бровастый нам припас — пить не перепить...

ИВАНОВ: Да уж, обеспечил...

ЗАВОДСКОЙ: Ну вот. Скажут: «запретить!» — на прикол стану, не скажут — опять Заводской будет людей добрых (усмехнулся) и недобрых доставлять, куда им надо... (Поднял палец.) Филосо-офия! Это понять надо. Весь свой век я маленьким человеком прожил; а спроси, хочу ли наверх? И я тебе скажу — нет! (Наливает, подаёт Иванову.) Никто меня не теребит, в глаза не колет, не материт впотаях, что я кому-то жизнь замордовал — любота! Совести моей не хватит, что в начальниках ходить!

ИВАНОВ: Совести-то? (Вздохнул.) Совести там много требуется, эт-ты верно. И пониманья тоже. Как-никак, люди под ними ходят, живые: чуть не так повернулся — и, глядишь, раздавил... Не, дело опасное. Ну, они тоже, чай, смотрят сейчас... не по-людски им тоже надоело жить — сколько можно? Да и рухается всё, на что ни глянь, — когда не по-людски-то... Тут зачешешься.

ЗАВОДСКОЙ (глядит изумлённо): Да ты, брат, шутник, я гляжу... С чего ты шутить-то взялся, не пойму?

ИВАНОВ (не понимает): Как — шутить? Я не шучу. Я что вижу, то и говорю.

ЗАВОДСКОЙ: Много ж ты видишь... (Не выдерживает.) Ну и р-разумники вы тут все... пни колхозные, ей-богу, — хошь обижайся, хошь нет! Это они-то зачесались?! Они смотрят?! (С издёвкой.) Да-а, поумнел народец... Не для того они всю житуху эту распрекрасную себе устраивали, чтоб... это... для тебя переделывать теперь — не для того! Не скажу, как на самом верху, а эти — точно!.. Да ты иль забыл, как жили? Иль

больно хорошо теперь живёшь, что защищаешь?! Эх ты-ы!..

ИВАНОВ: Ну ты меня не принижай давай, мне не ругачки — мне правда нужна. Ещё чего — их защищать. Они и на мне поездили, до сих пор едут... в светлое будущее. Не забыл. Нехорошо мы жили, я ничего не говорю; так ить и времена какие были, спомни: и отбиваться надо было, и народ поворачивать... поверни, когда у него морда в другу сторону смотрит! Тебя вот со мной — поверни!

ЗАВОДСКОЙ: Вот-вот... доповорачивались! А зачем? Я, может, не хочу — меня кто спросил?! Наманули, семь шкур содрали — а куда завели?!

ИВАНОВ (не очень уверенно): Да-к были причины... Народ бы зря на такое дело не стронулся... (Уверенней.) Не, пустяком народ не сдвинешь. Ну а делали всё живые люди, не от большого ума... Не, все мы виноваты, что так получилось. Все, от мала до велика.

ЗАВОДСКОЙ: Ишь ты, добренький он какой — «все»!.. А я вот ни добрым не хочу быть, ни виноватым — при чём тут я?! Мало, что ль, вкалывал я, гробился, по землянухам сырым... это... пролетарствовал — а что я с этого имею? Да ни хрена, как не работал. А я ведь и целину покорял, и где только не был...

ИВАНОВ (равнодушно): Ну ты б не пил, не гулял по всей Рассее... жил бы как люди. Хоть на той же целине, раз занесло. Другие вон, глядишь, и обстроились, и обжились...

ЗАВОДСКОЙ: А что они мне, другие? Бездельников этих кормят, а сами от зарплаты до зарплаты, внатяжку... Кого-кого, а меня этим не убаюкаешь, дудки, я жизнь прожил.

ИВАНОВ: А я, по-твоему, проплясал? Чай на веранде пил? Нет, брат Николай, из одной мы чашки хлебали...

ЗАВОДСКОЙ (подхватывает): ...из одного стакана и пьём! (Смеётся.) А-а, да ладно... Хрен с ними, нам оно всё равно, что там делается. На то там люди сидят, а мы с ними, брат ты мой, не в паях. Потому что в разных странах живём: мы с тобой — заложники коммунизма в России, а они — в эсэсэр... вот так! Чуешь разницу?! Ладно, тяни давай! (Следит, как Иванов пьёт.) Есть, есть у нас утешительница... Так они что могут дать, кроме неё?! (С хитрецой.) Знаешь слово такое — оптимизм? Ну, смысл его?

ИВАНОВ: Да вроде знаю...

ЗАВОДСКОЙ (обувается): Так вот, один кореш мой, это когда ещё в Челябе я работал, говорить любил: бойся оптимистов, ибо их оптимизм, скорей всего, за твой счёт... Так-то! (Наливает себе, пьёт.) Вроде шутка, а смысл... не-ет, смысл есть! Подумай. (Встаёт.) Ну, вот и посидели. К корыту своему пора, а то скоро клиенты мои пойдут-поедут...

ИВАНОВ: Да всяк из нас по-своему думает...

ЗАВОДСКОЙ: А всё равно — подумай... (Заглядывает под берег, уходит.)

Иванов закуривает, задумчиво смотрит на реку. Говорит: «Н-да...», спускается под берег за оставшейся удочкой.

ИВАНОВ: Ладно, и нам пора... (Пробует поднять удочку, но крючок за что-то зацепился в воде.) Вот чёрт... надо ить! Теченьем, что ли, занесло? (Пытается отцепить, заходит и так, и эдак.) Рвать? (Задумывается, глядит вниз; потом вдруг что-то замечает, нагибается.) Во-он оно что... верша вроде? (Тянет, разгибается, в руках у него натянутый, уходящий другим концом в воду, шнур.) Чужа снасть как чужа жена... (Раздумывает, несколько опьянело трёт лицо, оглядывается.) Перетяг, точно... ч-чёрт! Поставил себе рыбачок и спит, а мне... Ну нет, милок, своя снасть дороже. (Тянет, тетива перетяга режет пальцы.) Да что за груз там у него — полцентнера? Ага, вот... (Отцепляет от тетивы свой крючок, бросает удочку на берег, опять останавливается.)

Наступает момент, когда решается всё. Перебивая звуки утра, возникает всё та же томительная, будто предупреждающая трель ночных цикад. Иванов колеблется, но что-то привлекает его там, в воде, — и он начинает перебирать, подтягивать тетиву перетяга.

ИВАНОВ: Поставил и дрыхнет, рыбачок... (Вдруг настораживается, почувствовав что-то на перетяге; смотрит вверх по реке, вниз, оглядывается. На одном из крючков перетяга болтается щурёнок, но Иванов уже не обращает внимания на такую мелочь.) Так-так... посмотрим! А ты спи давай... десятые сны доглядывай, р-рыбачок! Та-ак... Ого! (Возится под берегом, выпрямляется, в руках у него осётр килограмма на два-три. Иванов скидывает с себя механизаторскую куртку, закатывает в неё осетра; облегчённо вытирает пот, оглядывается.) Ни хрена себе — добыча!.. Ну, закинуть теперь... (Наспех сматывает третью удочку, затем начинает распутывать под берегом перетяг.) А, ч-чёрт!..

КРОХАЛЁВ (за сценой): Вот-вот... вы это правильно, я им сам не верю: тока и глядят... По мне, так бы и вовсе запретить... Ага, вон ещё один сидит. Ну, это береговушник...

Иванов замирает, затем лихорадочно сбрасывает перетяг под обрывчик, заталкивает ногой. Входят Крохалёв и Беленький. На Крохалёве плащ, рыбнадзоровская фуражка, в руке кирзовый планшет. На Беленьком приличный костюм, шляпа; лицо его заспано, недовольно.

КРОХАЛЁВ: Та-ак... Сидим?

ИВАНОВ: Да вот... Здоровы были.

КРОХАЛЁВ (хозяйски): Здоровы, здоровы, милок... слава Богу. Мы-то здоровы, а вот ты

как тут... Балуешь небось, мать твою так?! (Мельком глянул на разбросанное по берегу хозяйство Иванова.) Что молчишь — язык отсох?

ИВАНОВ (сдерживаясь): Почему это — балую. Так... закидушку глядел.

КРОХАЛЁВ: Какую закидушку, чью?

ИВАНОВ: Свою, конечно.

КРОХАЛЁВ: Закидушку он глядел... На десять хвостов, небось, твоя закидушка? Смотри у меня, увижу ещё раз — прощайся со своей закидушкой, парень. (Шарит уже глазами по противоположному берегу, дальше по реке.) Поймал что?

ИВАНОВ (облегчённо): Да сазанишек пару, не больно клевало...

Беленький, похлопывая прутиком по ноге, наблюдает за ними. Потом всходит на самый обрывчик, тоже осматривается по реке. Всё с тем же брюзгливо-заспанным выражением на лице смотрит сверху на Иванова, замечает у него под ногами перетяг.

БЕЛЕНЬКИЙ: А что за шнуры там лежат... что это?

КРОХАЛЁВ (встревоженно): Где? Закидушка, нет? Ну-ка... (Подбегает к обрывчику, смотрит, лицо его начинает багроветь.)

БЕЛЕНЬКИЙ (презрительно): «Закидушка...» Всё проверь! Мы тут, понимаешь, спим, а они... (Крохалёв спрыгивает под берег, поднимает спутанную снасть, злобно чертыхается.) Что там, в этой, как её... (Показывает пальцем на куртку.) В этой, э-э, одежде?

ИВАНОВ (шагнул вперёд, растерянно): Да-к что там может быть...

Крохалёв опережает его, хватает за полу куртки, подымает, и рыба тяжело вываливается на траву. Она уже снулая, не шевелится. Все смотрят на неё, Иванов, крякнув, лезет за папиросами.

БЕЛЕНЬКИЙ (сам не ожидавший такого): Н-да... (Помолчав.) Вот так оно всегда и бывает... Что ж, составляйте, товарищ Крохалёв, акт.

КРОХАЛЁВ (открывает планшет, руки у него трясутся): Счас... Сейчас я ему составлю актец... Гады! Как знал, что подведут под... Говори фамилию, сукин сын!

ИВАНОВ (вздрагивает): Кто... сукин сын? (Отбрасывает папироску.) Это кто — я?!

КРОХАЛЁВ (угрожающе): Говори фамилью! Ерепенится он ещё... Ты думаешь, я не знаю, кто ты?! Знаю!

ИВАНОВ (делает шаг к нему): Так я, по тебе выходит, сукин сын? И ты что ж, мать мою... на цепи держал?! (Сгрёб его за грудки, притянул.) А ты воды холодной уральской... ты не пробовал, доглядчик?!

КРОХАЛЁВ (хватает его за руки, хрипит): Брось! Брось, дурак... сядешь! (Потеряв самообладанье, бьёт Иванова кулаком в бок.)

Иванов, взбешённый, дёргает его на себя и толкает в воду.

Но Крохалёв всё же умудряется не упасть, лишь одной ногой попадает в воду, слышен её плеск; выбирается на берег. Иванов поднимает чугунную шестерню-грузило, собираясь забросить перетяг назад, в воду.

КРОХАЛЁВ (отдуваясь, но голосом неожиданно спокойным): Ку-уда! (Иванов приостанавливается.) Перетяг ты нам, дружок, оставишь... Это нам как весчественное доказательство. Ты думал, с тобою шутки шутют?

ИВАНОВ (глухо): Сам вынул, сам и поставлю, ты тут не лезь... Не моя снасть, пусть ею хозяин распоряжается.

КРОХАЛЁВ: Вон оно как — уже и не твоя!.. Я не я, значит, и жопа не моя, да?! Дуракам говори, а мы эти штуки знаем. (Оглядывает мокрые, измазанные в глине ноги.) Сапоги вот эти истопчу, где надо, но тебя, сука, засажу... Мы вам тут шорох наведём!

ИВАНОВ: Ну-ка, отойди, делопут... не ровён час — зацеплю. А законом меня нечего пугать, законы у нас правильные...

Крохалёв поспешно отступает, и Иванов, коротко размахнувшись, швыряет шестерню, слышится глухой всплеск, шлепок тетивы о воду.

КРОХАЛЁВ (злорадно): Зря старался, это тебе не поможет теперь. (Подходит, останавливается над рыбой.) Осетринки ему захотелось... не про твои зубы она, осетрина. А вот уж сто шестьдесят третью статью — это как бог свят, уж это я тебе обещаю. Так сам с нами пойдёшь иль участкового вызвать?

ИВАНОВ (вылезает наверх): Пошёл ты на хрен, делопут.

БЕЛЕНЬКИЙ (сначала явно струсивший, но понявший теперь, что опасаться нечего, с неудовольствием): Навоевались? (Останавливается против Иванова, смотрит.) А вы, приятель, подлежите сейчас аресту — вы это-то хоть знаете?..

ИВАНОВ (злость в нём борется с боязнью, тупо): Ничего я не знаю. Не мой перетяг, нечего на меня клепать...

БЕЛЕНЬКИЙ (оборачиваясь к инспектору, брезгливо): Да он, вдобавок, пьян. (Увидел бутылку, катнул её носком туфли.) Ага, да вот она... Ну ладно. Крохалёв, вытащи-ка этот, э-э... перетяг. И как они только умудряются... Где он живёт?

КРОХАЛЁВ: В селе, где ж ещё. Возле старых складов, я знаю. Иванов его фамилия, вспомнил.

БЕЛЕНЬКИЙ: Иванов-Петров-Сидоров? Ну, так если сам не подойдёт к сельсовету, то попросите участкового. Не хватало ещё драться с ним, упрашивать тем более — много чести... Видно, вольготно они себя тут чувствуют, если в открытую, у самого села осетра — государственную рыбу! — таскают...

Иванов молча собирает удочки, поднимает куртку с ведром, выходит на тропку.

КРОХАЛЁВ: В том-то и дело, что... Да не было такого, давно уж! А тут вот как назло... (Иванову, вдогонку.) Чтоб к десяти был в сельсовете... а то мы с тобой по-другому разговаривать начнём, слышишь?!

ИВАНОВ (сквозь зубы, тихо): Не ори... (Уходит.)

Картина третья

Часть одноэтажного зданьица сельсовета из силикатного кирпича, низенькое бетонное крылечко, палисадник с замороженными степной сухостью кустиками. Над входом выцветший транспарант: «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!». Часть транспаранта со словами «в жизнь!» полуоторвана и свесилась вниз. На переднем плане, у штакетника, длинная скамья. На скамье сидит небритый, в запущенной одежде старик — видно, из старичков-одиночек; сидит на протяжении всей картины, глядя под ноги и мало на что обращая внимание, одну за одной курит самодельные махорочные цигарки; кажется, что свёртывать их — единственная его забота.

Входит Иванов — видно, что он уже побывал дома, вместо куртки на нём мятый дешёвый пиджачок. Проходит в сельсовет, но почти тут же возвращается.

ИВАНОВ (старику): А что председатель — не был ещё?

СТАРИК (поднял голову, не сразу): Грозился подойтить.

Иванов бесцельно оглядывается, топчется, садится. Но тут же встаёт, ходит. Мимо сельсовета идёт Аксинья, в руках у неё авоська с парой буханок хлеба и каким-то кульком — из магазина. Замечает мужа первой.

АКСИНЬЯ: Вон он где... А я думаю, куда эт мужик мой пропал — нету и нету. А он тута. Что такое?

ИВАНОВ (хмуро): Да надо тут... Ты в колхоз сёдня не ходи. Дома пополись, у самих весь огурешник зарос.

АКСИНЬЯ: Это почему?

ИВАНОВ: Не ходи... понадобиться можешь. Всех денег не заработаешь.

АКСИНЬЯ: А что эт ты такой? Как ударенный, глаз не подымаешь... Иль случилось что?

ИВАНОВ (раздражённо): Случилось, не случилось... Твоё дело малое, иди вон огурешник обиходь. Земля там, гляжу, в камень заклёкла...

Аксинья пожимает плечами, ещё раз смотрит на него, уходит. Из сельсовета лениво выходит правленческий шофёр Васюков — хлыщеватый, с наглыми глазами. За ним идут Никульшин и Ревнивый. Немного погодя с улицы к ним присоединяются, придя на разговор, ещё два мужика.

РЕВНИВЫЙ (продолжая разговор, Васюкову): Знаем,

знаем!.. А кто у Нюрки все завалинки пооббил, дрожжи просил — жена, мол, послала?! (Все останавливаются возле скамейки.) Она ему: нету, мол, все извела, а он: открой, Нюрок, есть у тебя, как не быть... Хоть, мол, поскрёбушки. Ну, с её дрожжей хоть кто припьянеет...

НИКУЛЬШИН: Так и что ж — дала?

Старик кхекает, беззвучно смеётся, мотая опущенной головой.

ВАСЮКОВ (ухмыляясь): Во брешут! Да там Киргизёнок днюет и ночует... вот пройда-то! Ни одной не пропустит, всяку ущипнёт. То за Валькой Ломакиной ударял, а надысь вон (оглядывается на Иванова) к Аксютке всё клеился, фуражку правил, цветок ей за пазуху совал... Не-е, ты не гляди, что он мухортенький... он бобыль, он себя сохранил!

Иванов злобно глядит на Васюкова, не зная, что сказать.

РЕВНИВЫЙ (Васюкову): Это тебе Сёмка-Киргизёнок дорожку перешёл, кривоногий, вот ты и злобишься.

ВАСЮКОВ (с усмешкой): Всех наших дорожек не перетопчешь...

ИВАНОВ (неприязненно): Что, жирок завязался лишний? Своих баб уже не хватает? Попрямить бы вам ноги...

ВАСЮКОВ (пожимает плечами): Шастают мужички, что ж... Этого дела не запретишь.

НИКУЛЬШИН: Не в мужиках дело — в бабах... Какая баба.

ВАСЮКОВ: Ну, не скажи... Их много вон честных ходит, баб, — а я знаю: это они потому честные, что мужик им под иху манеру ещё не попался. Вот они и ходят, гордятся.

РЕВНИВЫЙ: Под каку таку манеру?

ВАСЮКОВ: А у жены своей спроси, она те скажет... А лучше у полюбовника, ежли есть. Они в этом толк держат, всё тебе до ниточки раздеклешат, что и как...

РЕВНИВЫЙ (фальцетом): Ну, ты давай не заносись... знай меру! А то я подеклешу тебе! Я своей бабе верю, не то что ты.

ВАСЮКОВ (не обижаясь): Да ты обожди, не торопись хвалиться... что вот торопишься? Вон я как-то прочитал: умный хвалится детьми, а который поглупее — тот женой своей... Это ещё проверить надо. А я вот ни одной не верю. Я бабе верю, пока она со мной лежит; а как встала — всё, шабаш, хоть она христом-богом клянись!

РЕВНИВЫЙ: Господи, да ты-то сам какой? Тебе ль говорить?!.

ВАСЮКОВ: А какой такой, чем хуже тебя? Все мы одинаковы, все мясо едим.

С улицы появляется Авдеенко. Ступает он неспешно и солидно, солдатски грубоватое лицо его под военного покроя фуражкой исполнено собственного значения; при ходьбе опирается на подаренную ему в отставку

вычурную толстую трость. Сановито отдуваясь, здоровается со всеми за руку. Впрочем, Старика обходит, как обходят нечто неодушевлённое.

АВДЕЕНКО: Чего ждём?

НИКУЛЬШИН: А что бог с неба даст, нам всё равно. Кто дело сторожит, кто от дела бежит — всем место есть. Колхоз дело такое... добровольное.

РЕВНИВЫЙ (дурашливо): Ну! Кто ж в ём добровольно работает? За орден-то Сутулова?

Старик опять беззвучно смеётся, не подымая головы. Авдеенко недовольно оборачивается к Ревнивому.

АВДЕЕНКО: Эт-то то есть как?!

РЕВНИВЫЙ (разводит руками): Да как... всё как оно есть.

ВАСЮКОВ: Мы вот тут, Афанасий Григорич, про баб разговор завели — ты как?

АВДЕЕНКО (подстраиваясь): А что, я бы не против...

ВАСЮКОВ: Ну вот, теперь мы и мнению власти знаем. (Приобнимает сельсоветчика, заглядывает ему под козырёк.) Видно, никого она, мать-природа, не обделила, даже-ть начальство.

АВДЕЕНКО (снимает его руку с плеча): Ну-ну... Уж тебе-то она в полную меру отписала... Не панибратствуй, понимаешь. (Смотрит на полуоборвавшийся транспарант.) Ну сколько можно повторять?! Сколько талдычить, чтоб прибили?!

ВАСЮКОВ (нахально): Напиши, Афанасий Григорич, дневной наряд — прибью.

АВДЕЕНКО (несколько опешив): Как — дневной?

ВАСЮКОВ: Известно как — восемь часов... От сверхурочных тоже не откажусь.

Все оживляются, посмеиваются, Старик крутит головой, внятно хихикает. Авдеенко возмущённо крякает, глядя в наглые глаза Васюкова, и направляется к дверям сельсовета. Иванов идёт за ним.

Картина четвёртая

Кабинет Авдеенко. Портрет Андропова, книжный шкаф, в котором почти нет книг, одни брошюры и папки, телефон, ковровая дорожка, — порядок во всём образцовый.

АВДЕЕНКО (кивает, губы озабоченно поджаты): Ну-ну... дальше что? А он что сказал?

ИВАНОВ: А что он скажет... Тебя, говорит, арестовать надо. Участковым грозился.

АВДЕЕНКО: Нету сейчас участкового, в отъезде... Да-а, наворочал ты, парень, делов. Ну, не вышло у тебя с рыбкой — так зачем было за грудки хватать, усугублять, так сказать?

ИВАНОВ: Да он сам... это... обнаглел: изгалялся надо мной, обзывал, как какого-нибудь... Какой я ему сукин сын?

АВДЕЕНКО (в раздвоеньи): Возможно, он тоже не прав...

Обнаглел... Он при исполнении служебных обязанностей, в своём он прав... Чёрт знает, куда вас заносит... как дети все, ей-богу! (Хлопает по одной из папок на столе.) Одному вон чужие гуси спать спокойно не давали, получил этими... граблями по голове, а теперь вот ходит, стучится в инстанции... а этот осетрины захотел. Нагрешат, а потом ходят. (Достаёт из книжного шкафа сзади красный «Уголовный кодекс РСФСР», из кармашка — очки, водружает на нос, листает.) А нет бы — не грешить...

ИВАНОВ (с тревогой глядя на книгу): Ничего я, Афанасий Григорич, не захотел. Нужна она мне, эта осетрина... век жил без неё и дальше проживу. По нечайке вышло, сами видите. Я ж не вру.

АВДЕЕНКО: Эти ваши нечайки — они у меня вот где (стучит ребром ладошки по шее), ваши нечайки. А где у тебя доказательства? Докажи этому начальнику, что не твой он, этот перемёт... или перетяг, как он там у вас называется? Кто поручится? Я не поручусь. А здесь (приподымает книгу, словно показывая её, и снова осторожно кладя) — здесь записано в статье сто шестьдесят третьей уголовного кодекса РСФСР, что если ловил рыбу ценной породы, то получай до четырёх лет... Почитай-ка!

ИВАНОВ (подавленно): Да что читать... понятное дело. Это уж вы читайте, вам видней. Только я ж не вру, что не мой это перетяг, зачем я врать тут буду...

Опять возникают, сначала еле слышимые, и начинают усиливаться бредовые трели цикад — голос беды.

АВДЕЕНКО: Какая всем разница, врёшь ты иль не врёшь... ведь поймал? Поймал. И ладно бы — один он был, Крохалёв. Куда ни кинь, а к нашему сельсовету приписан, хоть и хуторский: поговорили бы, ну и замяли дело... Но тут начальник этот — сам говоришь, строгий. И мы фактически обязаны ему содействовать как советская власть.

ИВАНОВ: Так что ж теперь — посадют?..

АВДЕЕНКО: Ну, ну... сразу он — «посадют». Подожди тут. Погуляй пока, а как они подойдут, разбираться начнём. И первым делом кайся во всём, не перечь, на рожон не лезь... рыбачок. Иди. (Набирает какой-то трёхзначный номер телефона; свет в это время начинает мало-помалу гаснуть, звук цикад усиливается и под конец заглушает сходящий на нет голос Авдеенко.) Алё, Катя? Правление колхоза, я спрашиваю? (Громко, стараясь докричаться.) Катя, Сергей Николаевич у себя? Да-да... Как это — «вы бы пришли»... Ну и что, что двери рядом... мало ли что! Я официально, да... Пусть трубочку возьмёт. Сергей Николаич? Сергей Николаич, тут такое дело: человек мне нужен...

Выдели, а? Да тут этот... лозунг этот над входом — то гляди на голову упадёт. Прибить, да. Ну и ещё что-нибудь, работку найдём. Да уж неделя, как оторвался. А наряд будет. Будет, говорю... оплатим! А то, понимаешь, дискредитация получается, да... Позор, говорю, сплошной. А мы не должны упускать... Конечно. Ну да, конечно, если мы упустим, то... Вот именно. Вот я и говорю... (Звук уходит, свет гаснет.)

На просцениуме в пятне возникшего тусклого света Иванов. В тени на другом конце его виднеется Старик, всё так же согнувшийся на скамье, сосущий потухшую цигарку, изредка покачивающий головой; что-то тихо, невнятно бормочет иногда. Громкие стонущие трели цикад (но не на максимуме). Иванов стоит, опустив голову. Потом вздрагивает, будто очнувшись, начинает ходить — нервно, в ожидании весь; то и дело останавливается, шевелит губами, на лице растерянность и пробегающие отсветы, отголоски каких-то обрывочных мучительных мыслей. Подходит к стоящему на табуретке бачку с прикованной цепочкой алюминиевой кружкой, нацеживает, жадно пьёт, гремя цепочкой. И опять ходит, пятно света начинает гаснуть, цикады постепенно смолкают, а сквозь них всё слышней становится разговор в кабинете Авдеенко, понемногу усиливается, освещая кабинет, загорается общий свет.

ГОЛОС БЕЛЕНЬКОГО: ...А это, понимаете ли, совсем другое дело. Да, совсем другое! И мы здесь ни на что иное не пойдём — да, не согласимся!

ГОЛОС АВДЕЕНКО: Да, но в данном случае... Исходя из сложившейся ситуации, я думаю, не стоит преувеличивать последствия такого вот, извиняюсь, незапланированного чэпэ...

Свет. Кабинет Авдеенко. Хозяин его в своём кресле, Крохалёв примостился на подоконнике, с явной скукой поглядывая иногда в окно. Беленький расположился у самого стола, откинувшись на стуле, спиной к зрителям; важно кивает иногда или наклоняет голову, побарабанивает пальцами. Его шляпа хозяйски лежит на столе, под самым носом у Авдеенко; тот косится на неё, но убрать, видимо, не решается.

АВДЕЕНКО (продолжает): Контингент у нас в Кузьминовке, сами понимаете, не тово. Казаки — народ, э-э... вам не надо рассказывать, какой это народ. Ну и пришлые, конечно. Работаем, пытаемся что-то делать. Но, сами понимаете... Ну, я позову. (Встаёт, семенит к двери и, высунув голову в коридор, кричит): Нюшка!.. (Прислушивается.) Как провалилась куда... Нюшка! (Из коридора слышится женский голос: «Ну, чего вам?») Тут где-то этот... Иванов ходит. Найди и — сюда! (Возвращается к столу.) Да, народ, знаете... Но, как говорится, пост не бросишь.

Входит Иванов, останавливается. Помешкав, снимает фуражку, пытается пригладить волосы.

Оглядывается на стулья, но сесть не решается. Так получается, что он один на своей половине сцены, они же втроём — там, у стола.

АВДЕЕНКО: А вот и наш рыбак, чухонец... Ну-ка, садись. Что ж ты, братец, мозги-то мне пудрить... твой выходит, перетяг? А это, понимаешь ли, две большие разницы — твой он или не твой, перетяг. Две большие разницы, да. Не знал я, что ты этим занимаешься, а то бы...

ИВАНОВ (чуть не взмолившись): Да ну как же так, Афанасий Григорич... какой же он мой?! Рыбачил, ну и зацепил, вижу — шнур... Не рвать же удочку. Кто ж знал, что он там... она, рыба эта. Ну и... Мне ль перетягами этими заниматься, что вы! А работать кто за меня будет? Да вы у любого спросите, у соседей, и каждый вам скажет, что никогда я этим... (Оглянувшись, садится, наконец, у двери.)

АВДЕЕНКО: А ты подожди... обожди. Ты ведь сам заявил товарищам, что твоя это закидушка, что, мол, проверяешь её — это и в акте записано... что, нет? Дайте ему, товарищ Беленький, акт, пусть полюбуется...

БЕЛЕНЬКИЙ: Акт я ему дам, и он его нам подпишет (оборачивается наконец и глядит на Иванова прищуренными равнодушными глазами — впрочем, тут же отворачивается), дело не в этом. Мы имеем факт, что данный ваш житель уже поймал государственного осетра и намерен был унести, полакомиться, так сказать... И это в завершении нереста, в осетре обнаружена икра, мы вам показывали уже, Афанасий... э-э... Григорич. Какое нам дело, чьим орудием действовал преступник? Мы имеем факт, и его нам вполне достаточно, чтобы с полным основанием начать дело. Тем более что браконьер оказал... э-э-э... злое сопротивление инспектору рыбнадзора, ударял и искупал по пояс. А не будь меня как свидетеля — чтобы он тогда сделал? Я не берусь предсказывать, чтобы он сделал. Я боюсь предсказывать.

АВДЕЕНКО (слабо улыбается Беленькому): Да нет, чтобы он сделал... ничего бы он не сделал, мы его знаем. (Строго глядит на Иванова.) Но тем не менее...

БЕЛЕНЬКИЙ: Да, тем не менее. Павел Николаевич у нас один из самых работящих, уважаемых товарищей, мы очень ценим его старания. И слава... э-э... богу, что он задержал очередного браконьера, пусть это послужит... э-э, повлияет на других, кто очень уж хочет залезть руками в государственный рыбный фонд — вот так. Мы не намерены с этим мириться и, по моему глубокому убежденью, должны каждый факт браконьерства соответственно наказывать, да. Мы имеем право и должны, просто обязаны наконец этим правом воспользоваться, поймите меня правильно.

АВДЕЕНКО: Но, Виталий Самуилович... (заёрзал в кресле, взгляд его метнулся к Иванову и будто не долетел, остановился

на бумаге акта). Я с вами, сами понимаете, целиком и полностью «за». Нельзя не наказывать, это наш с вами принцип, да. Но в данном случае дело обстоит так, что... Знаете, оштрафуйте его на полную катушку, а дело передайте нам. Мы найдём как... мы его, голубчика, примерно накажем.

БЕЛЕНЬКИЙ (безнадёжно, скорбно прикрыл глаза, качнул головой): Нет.

АВДЕЕНКО: Но ведь наши полномочия, наши, так сказать...

БЕЛЕНЬКИЙ: Нет и нет. (Недовольно, с нажимом.) Поймите, штат инспекторов у нас минимален, нам трудно. Нам нехорошо. Браконьер умнеет, наглеет, я бы сказал... что тут сделаешь? Засуха, безделье, отовсюду сигналы, что рыбу незаконно берут, — а кто берёт, нам неизвестно. И если мы ещё начнём жалеть, то я не знаю, что ещё будет, мы тогда просто не нужны будем.

ИВАНОВ (всё время что-то хочет сказать, но не решается или не успевает): Да какой я вам браконьер, зачем уж так-то... Один раз в лето вышел на реку посидеть, а тут... Зачем вы на меня так?!

БЕЛЕНЬКИЙ: Вы это мне, знаете... не надо! Не люблю! Помолчите, а лучше выйдите, без вас решим. Я бы на вашем месте помолчал. Выйдите!

Снова появляется, постепенно усиливается звук цикад. Свет начинает гаснуть.

ИВАНОВ (растерянно встаёт, смотрит на Авдеенко, ожидая помощи, но не получает её. И в дверях ещё раз останавливается): Я уж вас прошу... очень вам благодарны будем. Што ж меня мять-то... Я ведь при совести, невзначай.

БЕЛЕНЬКИЙ (не оборачиваясь): Идите, идите — разберёмся. И, пожалуйста, без просьб. Раньше надо было думать.

АВДЕЕНКО (нервно поглаживая свой армейский ёжик): Подожди, это, там...

Иванов выходит в дверь, свет к тому времени гаснет совсем, цикады усиливаются. На просцениуме опять проступает силуэт сидящего всё в той же согбенной, горестно-раздумчивой какой-то позе Старика. В этой же стороне сцены появляется в слабом свете Иванов; проходит за спиной Старика, обращённого лицом к зрителям, и вдруг замечает его. Останавливается над ним, смотрит, мучительно что-то пытаясь вспомнить и осознать. И, наконец, спрашивает чуть приглушённым, каким-то внутренним, настоящим своим голосом.

ИВАНОВ: Ты зачем здесь?

СТАРИК (как-то безжизненно, не подымая головы): Не знаю...

ИВАНОВ: Но ты кто?

СТАРИК: Не знаю... забыл.

ИВАНОВ: Но как же-ть так... как можно забыть?

СТАРИК (после некоторого молчания): Не знаю. Заставили.

ИВАНОВ: Кто?

СТАРИК (ровным голосом, но с тоской): А это ты их спроси...

ИВАНОВ: Кого это — «их»? (Старик молчит.) Кого? Кто знает? (Старик не отвечает.) Кто они?

Старик качает головой, что-то бормочет себе, сосёт потухшую цигарку, смотрит на неё, в сердцах бросает под ноги и достаёт кисет, начинает сворачивать новую. Иванов, не дождавшись ответа, идёт просцениумом, тяжело думая о своём; перед уходом приостанавливается, ещё раз оглядывается на Старика. Затемнение. Звук цикад уходит, свет прибавляется, на сцене всё тот же кабинет Авдеенко.

БЕЛЕНЬКИЙ (у двери, надевая шляпу): ...как видите, ситуация просто безвыходная... что тут сделаешь? Я не знаю, что тут сделаешь. Тут надо военное положение вводить... Поглядим. А суд решит.

АВДЕЕНКО (выходит его проводить): Понимаю, понимаю. Но со своей стороны мы сделаем всё должное, чтобы, так сказать, защитить члена нашего коллектива, потому что...

БЕЛЕНЬКИЙ (перебивает его, Крохалёву — уже из коридора): Да, пусть подпишет акт, что ознакомился и согласен. А не подпишет, так ему ж хуже будет. И побыстрее.

Авдеенко и Беленький уходят. Крохалёв топчется с актом в руках, выглядывает в коридор и чуть не сталкивается с Ивановым. Иванов входит.

ИВАНОВ (кашлянув, просительным тоном): Ну, как оно тут?..

КРОХАЛЁВ (бурчит, не глядя на Иванова): А никак... в район едем. (Идёт к столу, кладёт акт, пристукивает его авторучкой.) Подпиши.

ИВАНОВ (вроде б с готовностью): Да-к это... что писать-то?

КРОХАЛЁВ: Ну, что... «Ознакомился и согласен», что ещё.

ИВАНОВ: Да какое ж я согласен, Пал Николаич, — перетяг-то не мой...

КРОХАЛЁВ (раздражённо): Пиши-пиши... рядиться он ещё будет, спорить. Слышал, что мой сказал?

ИВАНОВ: Да я подпишу... только подпишу, что ознакомился, иначе что ж я на себя...

КРОХАЛЁВ: Ох, гляди!

ИВАНОВ (примеривается к бумаге): Нет, ты как хочешь, а я уж... Как ж-ть я могу согласиться, Пал Николаич? Ты меня много на реке видел? На улице чаще видимся, чем... (Подписывает.) Слышь, Пал Николаич... я приду к тебе вечерком? По-людски всё надо б, что ж бучу-то подымать...

КРОХАЛЁВ (оглядываясь на дверь, будто испугавшись, торопливо): А вот это ни к чему... Совсем уж ни к чему, и не думай...

Почти вырывает у Иванова акт, на ходу сворачивает его

и суёт в свой планшет, поспешно выходит. Иванов глядит ему вслед и тяжело, устало опускается на стул, где недавно сидел Беленький; облокотившись на стол, прижимает кулаки ко лбу, замирает.

Возвращается Авдеенко, без удивленья видит Иванова таким, каков он сейчас есть.

АВДЕЕНКО (сумрачно): В суд дело передают, м-мать иху!.. Неймётся этому гладкому, всё как об стенку: нет, нельзя, у нас самые строгие инструкции. (Садится за стол.) Молодой, да ранний.

ИВАНОВ (кладёт руки на стол, через силу): А Крохалёв?

АВДЕЕНКО: Да что — Крохалёв... Тут всё дело в этом, Беленьком. Как-кой он, к чёрту, беленький — чёрный весь как жук, жушный!.. Будь моя воля, так я бы... (Надевает очки, роется в папках.) Ты им акта не подписывай, а там видно будет.

ИВАНОВ: Я подписал уже.

АВДЕЕНКО (даже очки снял, воззрился на Иванова): Как... когда?! Это сейчас, что ли?

ИВАНОВ (устало): Ну.

АВДЕЕНКО (не сразу): Бить тебя некому, дурака такого...

ИВАНОВ (равнодушно): Я подписал, что только ознакомился.

АВДЕЕНКО (облегчённо): И всё? Ну-ну... Вообще бы не надо подписывать, никак... Ну ладно. Попытаемся что-нибудь сделать — но не знаю, не знаю... Иди домой и жди вызова моего, в случае чего.

ИВАНОВ: Так меня что... арестуют?

АВДЕЕНКО: И это могут, а что ж ты думал? Это, брат, тебе не колхоз — государство, с ним шутки плохи.

ИВАНОВ (очнувшись, с болью): Да как же всё получается, Афанасий Григорич!..

АВДЕЕНКО: А вот так. Иди, иди, у меня уже голова от тебя разболелась. Чёрт бы вас побрал всех... как младенцы все, ей богу! Ид-ди ради Христа!..

Картина пятая

Двор Ивановых. Входит Иванов, останавливается посредине, осматривается, словно по ошибке попал в чужой двор. Бросает пиджачок, бывший у него в руках, на лавку, садится на ступеньки сенец, пусто смотрит перед собой.

АКСИНЬЯ (выходит из сарая): А я слышу, кто-то стукнул... Чем ходить, карду вон пошире бы пустил, сколько можно скотине тесниться. (Вспоминает.) Да, есть-то собираешься ты ныне аль нет? Время обед. (Только сейчас замечает неладное.) Ты что это как с похорон? И утром... (Вглядывается в его лицо.) Иль весть какая?

ИВАНОВ: Весть? Есть и весть...

АКСИНЬЯ: Что в сельсовет-то — вызывали?

ИВАНОВ: Вызывать не вызывали... сам пришёл. (С трудом.) Дело нехорошее получилось, Аксют. Сажать меня надумали, вот что... или вроде того. Ерундовина такая вышла.

АКСИНЬЯ (не верит): Сажать? Да ты, это... окстись, что мелешь-то? (Понимает, что муж говорит всерьёз, в её глазах, в голосе возникает что-то нехорошее, злое.) Что городишь-то?!.

ИВАНОВ (впервые взглядывает на неё): Не горожу, Ксень, — всамделе. С рыбнадзором поцапался, носит их поганым ветром... Думал с утра — обойдётся, а оно вот не обходится... Дай мне с десятку, дело одно надо сделать.

АКСИНЬЯ: Скоко тебе?

ИВАНОВ: Ну, рублей десять...

АКСИНЬЯ (грубо): Рублей десять?! (Одёрнула юбку меж ног, пошла на него.) С надзором, говоришь?... А ну, выкладай, что ты там наделал! Сажать его надумали... ты иль забыл, выворотень чёртов, что не мальчик ты, что семья... Чего натворил?!

ИВАНОВ: Подожди, подожди... попёрла! (Вдруг, словно сломавшись, соглашается.) Натворил, Аксют, действительно... Да кто ж их знал, что окажутся они там? Знать бы — верстой обошёл эту реку!.. Да-к и не виноват я, считай, по нечайке всё...

АКСИНЬЯ (стоя над ним, почти причитая): Да ты что ж надо мной воду-то варишь... что не говоришь-то?! Что ж я самая последняя всё узнаю от тебя — аль чужая какая?! Где-то безобразию развёл и ходит молчком, думает!..

ИВАНОВ: Тебе и говорю, первой...

АКСИНЬЯ: Где ж говоришь, коли... Да как ж-ть мог связаться ты, такое-то сделать? Где ж глаза-то бесстыжие твои были, что думал-то, когда такое творил?!

ИВАНОВ (теряя терпение): Какое «такое»? Ты хоть узнай сначала, о чём речь, а потом кричи. Нечего теперь кричать.

АКСИНЬЯ: А я знаю — какое! За хорошее людей в тюрьму не сажают, ты мне не говори. А он там натворил бог знает что, а теперь его улещивай! В воротах его встречай, десятки давай!.. Да как ты мог такое, как осмелилси-то?!

Иванов в сердцах сплёвывает, встаёт, уходит в дом; Аксинья, утирая концом платка глаза, идёт следом. В окно, открытое во двор, слышатся обрывки их разговора.

ГОЛОС ИВАНОВА (то возникая, то пропадая): ...да как — вот так!.. Чертей на неё ловить, на эту снасть... А кто знал?.. Ретивый, куда-а!.. А что Авдеенко... Судом грозятся...

ГОЛОС АКСИНЬИ: А связываться зачем?! Отдал бы им всё, от греха подальше... Господи, да что ж это такое... неужель уж и эта чаша не минует нас? Рыбак...

Говорила ить, что не делом занялся... Говорила, как сердце чуяло.

ГОЛОС ИВАНОВА (раздражённый): Ничего оно у тебя не чуяло, нечего попусту молоть... Кончай. Все вы горазды, опосля-то.

ГОЛОС АКСИНЬИ: Чего ж теперь, мильцанера ждать, Быкова? (Сморкается там, всхлипывает.) Готовь, жена, сухари... Господи, кручина-то какая! Как ж-ть совести хватило у тебя — семью подводить... Зачем ты на реку эту пошёл?! Ить суд — шутка ли?!

ГОЛОС ИВАНОВА: Опять она своё... Замолчи.

ГОЛОС АКСИНЬИ: Я ить жалеючи, Тимош. Вся наша жизнь теперь навыворот, как мне жалко-то...

ГОЛОС ИВАНОВА: Замолчи! (Пауза.) Толку от вас, баб... одни охи. Десятку дай... а то две. Схожу к этому Крохалёву... (Пауза.) Поживей копайся.

Выходят из дому, Иванов берёт пиджак, суёт в нагрудный карман деньги.

ИВАНОВ: Мне ещё к председателю колхозному попасть надо, застать... Обскажу всё, пусть. Может, замнут они дело. Иль оштрафуют, подожди гориться. Толку-то от этого.

АКСИНЬЯ: Ты уж не бери к нему вина-то, ты этот... коньяк ему возьми, пусть он им подавится, паразит. Накинулись на мужика, знать ничего не хотят... Хорош этот Крохалёв, нечего сказать... бирюк чёртов! Забрался как нелюдь на хутора, уж и с людьми жить разучился. И парнишки у них какие-то дикие, и Катька его... в магазине встренешь — слова не вытянешь. Дикие, я и говорю. Господи, и кому только угождать нам не приходится, горемыкам!.. И проси, спина, чай, не отсохнет. Всё-то от горя до горя перемыкой живём, как проклятые... (Спохватилась.) А поесть-то что ж, ить с утра не емши ходишь...

ИВАНОВ: Какая тут еда...

АКСИНЬЯ: Не-не, обожди!.. (Бежит в дом, выносит ломоть хлеба с парой яиц в пакете, засовывает в карман пиджачка.) Хоть по дороге где-нито перехватишь... Иди. И проси, нечего уж теперь... Проси.

Картина шестая

Сельский магазин, судя по всему — бывший купеческий лабаз с мощными железными затворами, сейчас распахнутыми; над дверьми вывеска, с торцовой стены его лавочка и штабель дощатых ящиков, в основном из-под водки. Всё кругом, конечно, затоптано, в окурках, несколько ящиков расставлены для «заседающих», сейчас они пусты. Дело к вечеру. Входит Иванов, вид у него усталый, на лице постоянное — то напряжённое, то притухающее — раздумье. Заходит в магазин, но далеко вглубь не проходит, виден в двери.

ГОЛОС МАРИИ: Здравствуй, Тимофей Василич. Давненько не был.

ИВАНОВ: Да как-то, знаешь... Здравствуй, Мань.

ГОЛОС МАРИИ: Вроде ныне и делов у вас немного... Ваш брат, трактористы, от меня вон не вылазют; прямо не отойди — везде разыщут...

ИВАНОВ: Так комбайны ремонтируют, а там — известно дело...

ГОЛОС МАРИИ: Ох уж... Опосля такого ремонта их самих ремонтировать надо. А тебя, гляжу, нет и нет. Что, не пошёл на комбайн?

ИВАНОВ: Да что убирать-то? Осень пустая будет. Дома копаюсь. (Пауза.) Я что-то не вижу этой... главной.

ГОЛОС МАРИИ (смеётся): Водки-то? Щасик со склада принесут, двух добровольцев отрядила. А ты что, взять хотел?

ИВАНОВ: Да надо... Или уж коньяк, что ли, вон тот сыми, за восемь...

ГОЛОС МАРИИ: Что, гость какой высокай?

ИВАНОВ: Да какой гость... нужда у нас гость. Или подожди, не сымай, ну его... Лучше свою возьму, она привышнее.

ГОЛОС МАРИИ: Да-к и то верно. (Выглядывает, смотрит вдаль улицы.) Чтой-то не идут, не видно...

Она сходит на пятачок перед магазином, садится на врытую поодаль скамейку. Иванов выходит следом.

МАРИЯ: Гляжу вот на наших мужиков и не узнаю... Ка-быть не мы это вместе бегали, в кулюкушки играли, хороводились потом... Хоть вон Митрий, Окунишников-то, на склад сейчас побежал... ить какой парень был — золото! Хоть плясать, хоть работать — везде годился. Николи за людьми не тянулся, а всё люди за ним. И вот обжился вроде, поперёд всех и машину купил, и в дому образов только святых нету... а вот затосковал, вот возьми ты его. Смыслу, грит, нету. Да уж какой, говорю, такой уж смысл-то нужон, раз дети есть... Мы вон с дочкой одни остались, а смыслу хоть отбавляй... голова кругом. А этому вот троих не хватает, гольной водкой свою тоску заливает, второй уж год. Не-е, ежли уж такие под откос пошли, то...

ИВАНОВ (раздумчиво): Да, вино — оно такое... Спустили его с цепи, оно и кружит рядом... вроде как всегда наготове. Чуть ты зазевался где там или слабину дал — оно тут как тут, цап тебя... Все под ним, как под богом, ходим, куда ни сунься — везде вино...

МАРИЯ: Во-во... По мне, какой ни надоедный товар — селёдка, два дня потом не отмоешься от неё, всё пахнет... а по мне лучше ею торговать цельный день, чем бутылками. Да-к нету, селёдки-то. (Помолчала.) А дружок-то у Митрия был, помнишь? Ну, Ванёк-то, который в эмтээсе

тогда работал, а потом в инженера вышел, в Рассыпную уехал... да цыганистый, горячий такой?

ИВАНОВ (не совсем уверенно): Ну?

МАРИЯ (глядя со странной, пытливой какой-то полуулыбкой): Так он ить тада чуть не убить тебя хотел...

ИВАНОВ (глядит удивлённо, хмыкает): Да за что?

МАРИЯ (с тою же улыбкой): А эт чтоб я на тебя не глядела...

ИВАНОВ (не находит, что сказать): Да-к это... я-то тут при чём? (Понимает, что сказал не совсем то, пытается шутить.) По задам и ходил, чтоб не глядели.

МАРИЯ: Во-во... Там тебя, говорят, Ксенька и караулила. Бойченная, словила...

ИВАНОВ: Это как сказать... (Не без удивления опять и с горечью какой-то.) Надо ж... и мы как раз говорили сёдня, о том же.

МАРИЯ: С Ксенькой?

ИВАНОВ: А с кем ещё. (Смотрит внимательно.) А ты что вспомнила?

МАРИЯ (со вздохом — впрочем, лёгким): Да так... Надо ж когда-нибудь сказать. А то молчишь и молчишь. Намолчалась я за свою жизнь.

ИВАНОВ (шуткой скрывая некоторое своё смущение): А что ж ты Ванька-то этого...

МАРИЯ: Упустила-то?! (Смотрит открыто, ясно.) Да вот, дура была...

ИВАНОВ (чтобы что-то сказать): Мы все не умней были. Как вспомнишь...

МАРИЯ: Да кто говорит... Всякому своё вышло, в суд не подашь.

ИВАНОВ (возвращается к нынешнему, глядит на небо — солнце уж за крышами; вздыхает): Что верно, то верно...

Слышен говор, из-за угла появляются Окунишников, в старой истончавшей телогрейке и калошах на босу ногу, и какой-то мужик, тоже довольно затрапезного вида; они несут ящик водки.

МАРИЯ: А-а, вот и комсомольцы-добровольцы... Вы там сказали, чтоб ещё сюда подвезли?

ОКУНИШНИКОВ (вдохновенно): А как ж-ть! Машину уж подали! (Затаскивают ящик в магазин, Мария идёт за ними, рассчитывает их.) А за труды?

МАРИЯ: За труды жена выдаст.

ОКУНИШНИКОВ (выходит с бутылкой): Ну что ни баба, то поперешница!.. (Иванову.) Ты как насчёт этого? А то б ещё одну...

ИВАНОВ: Не, дело есть.

ОКУНИШНИКОВ: Гляди...

Не мешкая, Окунишников с мужиком располагаются на ящиках. Иванов входит в магазин.

ИВАНОВ: Давай уж ещё одну, про запас.

МАРИЯ: Бери, её-то не жалко. Вас жалко.

ИВАНОВ (помедлив): Вправду?

МАРИЯ: А то нет? Как машина с водкой подойдёт — глядишь и думаешь: одна, а сколько горя везёт... Счас вот с работы пойдут — только подавай... А что Васька-то вашего не видать стало?

ИВАНОВ: Да-к уж всё, конец каникулам, на запашку бросили. Нам теперь пахать да пахать, полей — их вон сколь посписано... Ладно, пошёл я.

МАРИЯ (тихо): Дай тебе Бог...

Картина седьмая

Горница в доме Крохалёва — саманные, давней постройки стены, небольшие глубокие окна. Стол, в углу над ним божница, направо — белёная голландка, занавески: всё грубовато, захватано, на всём какой-то налёт временности. На лавке, подавшись к окну, разбирает в свете вечерней зари какие-то бумаги Крохалёв, тут же валяется его планшет.

На дворе слышно редкое злобное гавканье крупного, по-видимому, кобеля, звяканье посуды.

КАТЕРИНА (за сценой): ...да с час как приехал, дома. Павлушк, тут человек к тебе! (На собаку.) Цыть, злоба! Глотку готов порвать, дармоед чёртов! Ну-кось я вот тебя дрыной!..

Крохалёв, обернувшийся было к двери, видит входящего Иванова и с самым раздражённым видом отворачивается.

ИВАНОВ (кашлянув в кулак): Пришёл вот, Пал Николаич... (оглядывается, ищет, где присесть). Ты уж не гляди, что так... говорить-то надо.

КРОХАЛЁВ (раздражённо): Говорил ему — не приходи... так нет, пришёл он всё-таки. Что вот ты пришёл, ну?

ИВАНОВ: Ну, как же... Дело-то надо решать.

КРОХАЛЁВ (то ли кривится, то ль усмехается): А его и без нас решат, не бойсь. Ты что ж думаешь, там решать некому, что ли? Решат, за этим дело не станет.

ИВАНОВ: Да знаю, что решат; так надо по-доброму как-то, по-людски. Посидим, это, поговорим... а? (Помешкав, достаёт из карманов одну бутылку, за ней другую, делает шаг, ставит их на стол, за хлеб, прикрытый дежником. Крохалёв не то что удивлён, но раздосадован.) Ты уж не гляди, сколько выпьем... Сам понимаешь. Я уж думал: с кем, как не с тобой, мне говорить... Начальникам что, приехал да уехал, а нам... Дело ить не шуточное — жизненное, так надо и поговорить, Пал Николаич, что ж сплеча рубить...

КРОХАЛЁВ (сумрачно): Зря ты это. Ни к чему всё, зря. Я ведь на штуки эти не продаюсь.

ИВАНОВ: Да-к какая продажа, Пал Николаич... Я к тебе как человек к человеку, какая тут может быть... Я уж по-простому, ты меня пойми. Не беда, если посидим, поговорим. Может, присоветуешь мне что... не обессудь! (Глянул тревожно, почти

умоляюще, развёл руками.) Иначе пропаду ить... за так, как вошь какая-нибудь.

КРОХАЛЁВ (засопев, жене в кухоньку): Ты скоро там соберёшь, копуша, сколь я ждать-то буду?!

КАТЕРИНА (за сценой): Успеешь! Ты вон с человеком поговори, к тебе человек-то пришёл... Всамделе пропадает человек. Сам говорил — браконьер... а какой это, к шуту, браконьер, это мужик Аксюткин! Сроду этот твой Беленький что-нибудь удумает!

КРОХАЛЁВ: А ты молчи... молчи, не твоего ума это дело. Тоже мне влезла. Твоё дело кулеш вон варить — вот и вари. И лучку, яичек принеси, нечего встревать, тебя тут никто не просит.

КАТЕРИНА (за сценой): А я без спросу! (Неожиданно появляется в дверях — худая, загорелая, с сухим костяным лицом и злыми глазами. На ней грязный сатиновый фартук, в руках половник.) Ох уж и вора нашли вы с Беленьким этим, ох и герои... Людей постыдитесь! Чтой-то примака этого, Заводского, вы не ловите — когда он пудами с реки носит, полселу продаёт... А к мужику прицепились. Свиней Заводской — и тех рыбой кормит, сама хозяйка сказывала... у него полон погреб её, рыбы, всякой, — а вы на мужика!

КРОХАЛЁВ (собирает бумаги): Ну, я в погреб к нему не полезу. Его поди, поймай — чёрта с два! Он саму гэпэу обведёт, старый... сатане в шапку наложит. Отстань.

КАТЕРИНА: А вот человек к тебе пришёл, а ты пойми! И так бирюками живём, бог-знат где от людей хоронимся, а ты ещё их принижать... Чем ты их лутше? Чай, мы тоже среди людей живём!..

КРОХАЛЁВ: А то я без тебя не знаю... Отстань! (Катерина, непримиримо буркнув что-то, исчезает.) Вот бабы... С живого не слезут.

ИВАНОВ (несколько подобострастно): У меня своя такая. Это уж по штату им положено — наседать... Ну что там, Пал Николаич, в районе?..

Входит и выходит Катерина, собирает на стол, жалеюще посматривает на Иванова.

КРОХАЛЁВ: А ничего... В суд Беленький на тебя строчит, документы оформляет. Залез в свою гостиницу и строчит.

ИВАНОВ (подавленно): Так что ж... всё теперь?

КРОХАЛЁВ (засовывает бумаги в планшет): Откуда я знаю, всё или не всё... Конечно, не всё. Главное дело впереди.

ИВАНОВ: Ты уж мне, Пал Николаич, присоветуй, как и что... не поминай утрешнего. Знамо дело, горячка у нас вышла, каюсь... Ну, так что ж теперь, всю жизню это помнить, что ли? Мало ль бывает...

КРОХАЛЁВ: Ладно, поговорим... (Хозяйке.) А ты-то что... давай. (На правах хозяина наливает всем. Катерина снимает фартук, чинно, кивнув Иванову, выпивает до дна и, прихватив кусочек хлеба, уходит. Пьют, едят.) Вот что я тебе скажу: пиши заявлению на имя прокурора. Так, мол, и так: акт неправильный, ни в какую, мол, не согласен, а подписал просто, что ознакомился... Не думал, дескать, что всерьёз всё это, никогда таким не занимался, ну и...

ИВАНОВ (поспешно): Ну да, так — а как же ещё... Думал: поймут, уладят, то-сё...

КРОХАЛЁВ: Вот так и пиши. А ещё надо общественность на ноги поднять... (Хмыкает.) С карачек. Сельсовет, колхоз там. Пусть они тебе характеристику напишут. Медали какие, ордена имеешь?

ИВАНОВ: Да какие... Ну, ударник, грамоты там — да-к им цена известная. Ордена вон за так вешают, на шапку глядя, а уж эти...

КРОХАЛЁВ: Всё пусть пишут, тебе теперь всю жизнь в кулак собирать надо... Пусть Авдеенко от себя что-нибудь наваляет — ну, хоть товарищеский суд пообещает. Мы-то на товарищеский отдаём обычно, суд такую мелочь не берёт... помнишь, Ильичёва в прошлом году с сетьми застукали? У Нижнеозёрной? (Иванов кивнул. Крохалёв наливает, они пьют.) У тут взыграло у Беленького, почуял, что можно раскрутить... Не, самое милое дело — товарищеский, посчуняют, ну и гуляй... (Пытливо смотрит.) А теперь по чести скажи: как всё у тебя вышло, с рыбой-то?

ИВАНОВ (уже малость захмелевший): Как говорю, так и было, Пал Николаевич... Христом-богом! Хоть сейчас пошли ко мне... обгляди, облазь всё — чешуи не найдёшь, не то что снастей каких... Мне ль этим заниматься, коль я из борозды в борозду... Когда кормил, пыль тридцать лет глотал — хорош был, а как сам... как сазанишку несчастного... (Отвернулся, шарит по карманам.) На хрен мне осетрина эта... пусть подавются, кому её берегут! Пущай хлебом моим подавются!.. (Ожесточённо, ломая спички, прикуривает.)

КРОХАЛЁВ (что-то поняв): Ладно-ть, что-нибудь постараюсь. Мне оно тоже, при моей работе... Ладно. Пиши завтра, к прокурору езжай, а я, может, с Беленьким...

КАТЕРИНА (за сценой, гремя посудой): Я вот сама ему скажу, этому Беленькому... Что ж ты, скажу, на мужика такое валишь — обуй глаза!.. Ить чёрная кость, в земле весь век...

КРОХАЛЁВ (бросил бешеный взгляд туда, к двери, грохнул кулаком по столу): Не моги! Ни слова, слышь... укатаю тады как валенок! Моду взяла — лезть!.. Не моги. А то я те раз и

навсегда отучу, пилу поперешную, пенька бояться будешь!.. Катерина там заплакала, захлюпала носом, слышны только отдельные слова: «Семой год бирюками, господи... а рази так надо... А ему хоть бы што... толсторожий...» Крохалёв встаёт, смаху захлопывает дверь; некоторое время стоит, задумавшись тяжело, проводит ладонью по набрякшему лицу.

КРОХАЛЁВ: Ну, всё. Об этих наших посиделках никому... ни к чему это. Что смогу, то сделаю, а остальное как Бог даст... А эту (ткнул пальцем в сторону початой второй бутылки) убери, чужого мне не надо.

ИВАНОВ: Может, мы ещё...

КРОХАЛЁВ: Нет, забери.

Картина восьмая

Горница дома Ивановых — в отличие от крохалёвской ухоженная, приветливая: половики, дешёвенький телевизор на тумбочке. У окна стол под скатертью, тут же малость старомодные «венские» стулья, диван, в углу за занавеской большая, с пирамидой подушек и кружевными подзорниками, семейная кровать «с шишечками». Над большим зеркалом заретушированные до неузнаваемости портреты хозяина и хозяйки времён их молодости. За столом, уронив голову в сбившемся платке, спит Аксинья; на столе прикрыт полотенчиком приготовленный ужин. Во дворе брякает калитка, потом скрипит и стукает сенишная дверь, но Аксинья не слышит, спит с блаженной полуулыбкой на лице. Входит Иванов. Останавливается над Аксиньей, смотрит с каким-то тяжёлым, двойным чувством — жалости и недоверия. Потом трогает её за плечо, Аксинья просыпается, вскидывается, улыбка на её лице сразу же — как все у неё — сменяется на горестное.

АКСИНЬЯ: Слава-те, пришёл... Да что ж долго так, иль опять что случилось?

ИВАНОВ (пересиливает себя, успокаивающе): Да ничего, Ксюш... ничего, из району поздно вернулся он, подождать пришлось.

АКСИНЬЯ: Господи, а я тут все глаза проглядела, все жданки съела — вдруг, думаю, на дороге тебя встренут, уведут и не покажут... Что ж ты мне сердце-то рвёшь... с полдён ушёл и нету?! Мне-то ждать каково, каждый стук ловить?.. Ну, как он сам-то, как принял?

ИВАНОВ: Да как... Вроде б хорошо поговорили, советы он давал. Человек он тоже подневольный, что с него возьмёшь.

АКСИНЬЯ: Обнадёжил?

ИВАНОВ (не сразу): Есть маленько.

АКСИНЬЯ: Ты вот садись давай, ешь, рассказывай скорей... Всё уж простыло — подогреть?

ИВАНОВ (невесело усмехнувшись): Ни к чему... в гостях,

чай, был. Две бутылки, считай, усидели. Чаёк согрей, чтой-то знобит меня дюже...

АКСИНЬЯ (не выдерживает, судорожно, будто наплакавшийся ребёнок, вздыхает): А всё река! Она всё, проклятая... о, господи!.. (Справляется.) Счас на примус поставлю. (Выходит.)

Иванов тяжело садится, видно, что он не вполне здоров. В открытое во двор окно слышны цикады, скоро к ним примешивается шипенье примуса.

АКСИНЬЯ (за сценой): Ну, где ты там... ты расскажешь, аль нет?

Иванов встаёт, перед уходом выключает свет в горнице, притворяет дверь — остаётся тонкая полоса света, идущая из задней половины избы. Звуки цикад и примуса усиливаются, причудливо смешиваясь, за ними угадывается разговор Тимофея с Аксиньей в кухне. Вскоре полоса света гаснет. Общее непродолжительное затемнение, наполненное трелью одних цикад, сменяется ночным брезжущим светом у кровати. Звук цикад спадает, но не уходит совсем, подчёркивая глухую тишину спящего села. Аксинья лежит, привалившись к Тимофею, её рука спрятана у него под мышкой.

АКСИНЬЯ (вздохнув ему в плечо): Как будто-й год тебя не видала, заждалась... Вот-вот, думаю, участковый придёт, стукнет... Вдруг взаправду увезут, что я тогда без тебя делать буду?..

ИВАНОВ (не сразу, чужим голосом): А ничего. Гляди, замуж ещё выскочишь... Не стены же стеречь.

АКСИНЬЯ (от неожиданности даже на локте приподнялась): Т-тю!.. Сдурел. Совсем мужик сдурел! Люди добрые, вы поглядите... Ты эт когда удумать успел? (Тимофей лежит молча, недвижимо. Аксинья тормошит его.) Что, совсем что ли сдревил, муженёк?

ИВАНОВ (хрипловато): Тут задревишь... А ты не хочешь — четыре года?

АКСИНЬЯ (испуганно): Какие четыре, господь с тобой?!

ИВАНОВ: Такие... Авдеенко книжку листал, эту... ну, где законы. Они ж не за голову — они за книжки сразу хватаются... Статья сто шестьдесят третья, как сейчас помню... Что я сыну скажу?

АКСИНЬЯ (зло): Они что, дурные там все?! (Не верит.) Не-е, это уж каким-нибудь алыхарям, которые вон стреляют... Каких уж не исправить. Не, ты не думай... и не за такое вон отпускали, даже-ть не судили. Сам говоришь, что товарищеский, может, устроют... к секлетарю первому съезжу, а умолю. (Помолчав.) Ну, удумал — и не грех тебе? (Тимофей молчит.) Ить скажет напраслину — как хошь, так и отмывайся...

ИВАНОВ (не сразу, опять чужим голосом): Все мы такие... верить можно, пока рядом лежишь.

АКСИНЬЯ (обиженно): Да ты, никак, вправду... И как не совестно — такое говорить? Я что ж, по-твоему, совсем уж... (Спохватывается, жалость пересиливает в ней). Тимош, да ладно тебе... (Теребит его, обнимает, заглядывает в лицо). Совсем, гляжу, сварился у меня муженёк...

Тимофей молчит. Ксения привалывается к нему тесней, прижимается лицом к плечу его, рука её гладит, ласкает всё торопливей и не скрывает уже, что это значит. Тимофей не выдерживает, отстраняется — и вдруг скидывает ноги с кровати, садится.

АКСИНЬЯ (приподнявшись, удерживает его за плечо, тянет, лихорадочным голосом): Ну, ты чего?.. Ну, что ты, Тимош — иди-и...

ИВАНОВ (глухо): Ну-ка, обожди, Ксюш... обожди. Ну, не надо. Не могу я, неможется что-то... видно, простыл. Ну хочешь, я на диван тогда пойду?..

Аксинья медленно ложится, затихает, потом отворачивается к стенке. Цикады усиливаются, и сквозь них чудится иногда, что Аксинья плачет. Тимофей сидит, уронив руки. Затемнение.

Окна начинают медленно брезжить, светать. Спадают трели цикад, слышится где-то крики петухов, коровье мычанье — выгоняют на выпаса скотину. Иванов сидит на диване, где ночевал, как-то тяжело, с остановками, одевается; видно, что ему сильно нездоровится. Семейная смятая постель пуста, со двора доносится звяканье ведра. Иванов кое-как одевается, ищет, присев на корточки, в тумбочке таблетки. Входит Аксинья — не забывшая про ночное, с лицом раздражённым, припухшим со сна.

ИВАНОВ (не оборачиваясь): У нас где-то таблетки были...

АКСИНЬЯ (внимательно, даже недоверчиво смотрит, подходит; и, помедлив, прикладывает к его голове ладонь): Что — всамделе, что ль? А жар, жарто... Да ты где же схватил-то, милёнок?

ИВАНОВ: И сам не знаю, Ксюш...

АКСИНЬЯ (захлопотала): Так я тебе молочка сейчас, я скипячу... И глаза вон какие... (Приносит к таблеткам воды в кружке.) Ты не сказал, а мне и невдомёк, дуре, что захворал мужик... (Расстроенно.) Господи, вот дура-то... Ты что ж ничего не сказал-то?!

ИВАНОВ: Как не сказал... я говорил.

АКСИНЬЯ: Говорил он... А у самого жар не знаю какой. Надо говорить. (Торопливо уходит, громыхает посудой там, опять шумит примус; входит, наспех прибирает кровать.) Как же-ть ты поедешь-то теперь, такой-то? Может, ляжешь, а? (Заглядывает ему в лицо.) Ну их к шуту всех, успеется...

ИВАНОВ: Нет... Нельзя. (Шарит на телевизоре, находит

авторучку, школьную тетрадь.) Никак нельзя... поеду. Иначе прахом всё...

Садится, кладёт перед собой тетрадь, тяжело наваливается на стол. И начинает писать — клонясь головой, спотыкаясь непослушной, не привыкшей к перу рукой.

Картина девятая

Райцентр, кабинет секретаря нарсуда с распахнутыми на улицу окнами. На стене портрет Андропова. Тут же, за перегородкой у второго окна, стрекочет на машинке секретарша-«пишбарышня». Кабинет пуст. Напротив раскрытого окна сидят на бетонной оградке палисадника два мужика, разговаривают, в ногах у одного из них плотницкий ящик с инструментами.

ПЕРВЫЙ МУЖИК (покуривая, поцыкивая слюной в лопухи палисадника): ...а я ему так и сказал: нет, товарищ Вострякков, ты со мной так — ну, и я с тобою так... и манал я все ваши постановления, вместе с вами. Я КЗОТ от корки до корки изучил, и вы меня, говорю, не наколете — не старые вам времена, шалишь! А что у вас калым заваливается — мне наплевать с высокой колокольни. Хоть разок, говорю, сами ответите, своим карманом, а то привыкли на чужом горбу в рай... Эх, как он на мою особу глядел — ты б видал!.. А что он сделает, трудовая-то у меня уже на руках. А я ишшо взял да вынул её, повертел вот так, прям под носом у него. (Показывает рукой.) Он было рукою цап — а не тут-то было. Ну и заблажил: отдайте немедленно, или милицию вызываю!.. А я ему — кулак вот этот... (Показывает кулак — действительно, не маленький.) Вот те, говорю, без свидетелей... в получении распишитесь! И стройте, говорю, своё распрекрасное будущее без меня, мошенники... Ну и пошёл, засвистел.

ВТОРОЙ МУЖИК: Ловко ты его!..

ПЕРВЫЙ: А надоели. До смерти, хоть революцию начинай. Так и распрощались-расплевались. А я от него и прямо к вашему Красильникову: так и так, в столярах-плотниках нуждаетесь? Принимаете? Тот аж опупел от радости, у вас ить столяра — рамы не свяжут, ты не обижайси... Приказ, говорю, нынче будет? Не нынче, говорит, а прямо счас... Сам отвёл меня в отдел кадров, эта пигалица там мигом настучала что надо, он подмахнул, она в книгу приказов записала — и всё ладком!

ВТОРОЙ: Значит, спешил ты всё ж...

ПЕРВЫЙ: На всякий случай. Красильников, тот всё равно бы принял, а... нет, на всякий случай надо было. Знаю я этого Вострякова как облупленного — звонить бы стал, запереживать, чтоб не брали. Он мне грозил же: ты, мол, мне устроишься тут

на работу... выше говновоза не дам! Так прямо и сказал — они ж тут спетые все, спитые...

На улице появляется Иванов — побритый, в костюмишке, но с тяжёлым, будто похмельным лицом, с больными глазами. Смотрит на всякий случай на вывеску, шевелит губами и идёт к входу в здание. Мужики провожают его глазами…

ПЕРВЫЙ: Ну да-к вот... Дай, думаю, ишшо разочек душу отведу. Трудовую, уже заполненную, у девчушки отпросил на полдня, ну и после обеда пошёл. На хоздвор захожу, тары-бары с мужиками — прям под ево окном. Ну, случай тот, про Ефима, вспомнил — мужички впокат. Выходит. Привет, говорю, бывшим сослуживцам. Он сторожу: это что такое, почему здесь всякие посторонние ходют — ну, и всё такое...

ИВАНОВ (входит в кабинет; его разговор с секретаршей, прервавшись, слушают мужики на улице): Здравствуйте. (Машинистка не оборачивается и не отвечает — печатает.) Мне бы, это... прокурора.

СЕКРЕТАРША (не оборачивается, печатает): В отъезде.

ИВАНОВ: Что ты, дочка, сказала?

СЕКРЕТАРША: В отъезде он — что, не понятно? (Оборачивается, подозрительно смотрит.) Н-да, папаша...

ИВАНОВ: Ну, зачем вы так. Я ж не со зла...

СЕКРЕТАРША: А вы научитесь обращаться. (Отворачивается, печатает.)

ИВАНОВ: А вместо него кто? Мне тут заявлению одну...

СЕКРЕТАРША (печатает): Это — к секретарю. Щас будет. Всё?

Иванов кивает ей в спину и, помедлив, выходит; через полминуты присоединяется к мужикам.

ПЕРВЫЙ (продолжает): Сторож ему: да какие ж всякие... Тот: а вы знаете, что он уже уволен?! Сторож: нет, не знаю — откуда? Вы ж не сказали... Вострякову и крыть нечем. Ну так знайте, орёт, и выведите его отсюда... Да-к я, говорю, за своим личным инструментом зашёл. Не выдавать, блажит, никаких инструментов! Где бригадир? Ну, Степан, тот шестёрка известная — тут как тут. Тычет ему пальцем: его инструмент немедленно занесть в мой кабинет! Прям сейчас!.. Да-к, говорю, ящик со всем прочим (трогает ботинком ящик в ногах) я сразки взял, унёс, а вот отвес забыл. Нитка — ладно, шут с ней; а вот гайки, говорю, жалко... хорошая гайка была, на девятнадцать!.. (Второй мужик крутит головой, похохатывает.) Он ажник позеленел. А я ему, без передыху, трудовую под нос опять, раскрытую: это, мол, как?! Это, говорю, ваша запись (показывает пальцем на ладони), а это я уже устроился! Так что, говорю, не трудись звонить, сослуживец, а в говновозы сам иди... Там таких

как раз не хватает. Так и сказал, я ить в кулак шептать не буду.

ВТОРОЙ (всё похохатывает, подтверждает): Ты скажешь... Ну, и что?

ПЕРВЫЙ: А ничего. Мужики кто куда — при ём-то не больно посмеёшься... А я поглядел ишшо, как он молчком язык себе жуёт, ну и пошёл в ворота.

ВТОРОЙ (качает головой): Ох, гляди. Ему ж первый — лучший дружок...

ПЕРВЫЙ: Манал я их всех. Меня им нечем взять. Работаю — дай бог, не выгонишь, родни за границей нету...

ВТОРОЙ: А ежли за оскорбленье депутата? Он ить депутат — областной, я сам голосовал. А у нас депутаты любют за это народ сажать, уж скольких на моём веку...

ПЕРВЫЙ: Не-е... что он — дурак, что ли? Весь район узнает, что я ему в говновозы советовал... Не, он не дура-ак. Мошенник — да, это все знают, а чтоб дураком назвать... Вот так я к вам и попал.

ВТОРОЙ: Да-а, история... А вот я, когда в гэсэме ещё работал, на базе...

На улице появляется секретарь суда — молодой деловой человек в очках, с визиткой на ремешке.

СЕКРЕТАРЬ (мужикам): А-а, пришли... Ну так вот: дело предстоит тонкое. Будете ставить кондиционер. Тут. (Указывает на нижнее звено окна.) А то жара — работать невозможно. Вопросы будут?

ПЕРВЫЙ (подойдя к окну, щупает раму): Будут. Мала для него рама. Придётся тогда рушить — а не надо бы... (Стучит по раме пальцем.) Вещь навек сделана, дуб. Купец один, говорят, строил себе — расстарался, что скажешь...

СЕКРЕТАРЬ (с усмешкой): Ну, мы не купцы. Решение принято — рушить...

ПЕРВЫЙ: А надо ль? (Смотрит на верхние звенья.) А если в верхнее... вон туда? Там вроде поместится...

СЕКРЕТАРЬ: А нам на подоконник лезь, включай-выключай? Нет, батя, — надо. Ломай. И не то ломали.

ПЕРВЫЙ: Ну, мы люди подневольные... (Второму.) А купца, говорят, прям тут и кокнули. (Показывает вниз.)

ВТОРОЙ: Это где?

ПЕРВЫЙ: А в подвале. В своём.

СЕКРЕТАРЬ: И кто? Грабители?

ПЕРВЫЙ: Не, это уж в гражданскую. Сам Цвиллинг, сказывали... (С сожаленьем смотрит на раму.) Ломать — не строить, глядите...

СЕКРЕТАРЬ: Давай, батя, ломай... Кондиционер там, в коридоре. Всё ясно? И чем быстрей, тем лучше. (Идёт к входу, Иванов следует за ним.) А вы к кому — ко мне?

ИВАНОВ: Да вот, заявлению привёз...

Входят в кабинет, секретарь плюхается за свой стол, бросает на его стекло визитку.

СЕКРЕТАРЬ: Ф-фу, скотство... ну и жара. Свет, никто не был?

СЕКРЕТАРША: Вот папаша к вам...

СЕКРЕТАРЬ: Тэк-с. Ну-ка, что у вас? (Берёт, читает.) Ага. А-га... (Посунул очки на переносице, весело посмотрел.) А быстро вы, однако, работаете... Вот уже и Беленький оформил, принёс... (Кивает на папку, лежащую на столе.) Только что был. Всё честь по чести оформил, состав налицо, передадим следствию. Давно у нас сто шестьдесят третьей не было, давно... Значит, водится ещё рыбёшка?

ИВАНОВ: Да откуда я знаю, товарищ... Сами видите, как получилось...

СЕКРЕТАРЬ: Ничего пока не вижу. (Перечитывает.) Тэк-с... «Когда начал тянуть, на перетяге оказался осётр снулый, я его вынул, не бросать же данную рыбу в воду...» Н-да-с, перлы... «А я не ловил, он попал нечайно, я сам не знал. И пьяный не был, потому что как таковой непьющий и в пьянстве замечен не был...» (Хмыкнул.) Слышь, Свет: «тем более с утра...»

ИВАНОВ: Чего уж смеяться... Мне не до смеху.

СЕКРЕТАРЬ: Я не смеюсь, я читаю ваш документ. Тэк-с... «А я не сопротивлялся, просто обидно стало, что меня винят в государственном воровстве...» Та-ак, дальше... «мне сказали, что если не подпишу акта, то будет ещё хуже, то есть угрожали. Тогда я подписал акт, что ознакомился, в чём сейчас отказываюсь, так как не хотел подписывать акта...» Сплошной акт... «Прошу разобраться и помочь мне, иначе пострадаю как невиноватый. И арестовывать меня не надо, никуда я не убегу...» Та-ак, подпись... А дата?.. Дату поставьте. (Даёт Иванову ручку, тот пишет.) Что ж, следствие покажет.

ИВАНОВ: А может, не надо, это... следствовать-то? Авдеенко сказал, что, мол, и сами можем разобраться, на товарищеском. Тут и так всё ясно...

СЕКРЕТАРЬ: Ясно?! А я бы не сказал... А для него вот (кивает опять на папку) другое ясно. Со стороны посмотреть, та все вы правы. Следователь и разберёт. Тем более что вам тут инкриминируется и нападение в пьяном виде... впрочем, нет ещё, не инкриминируется, но будет. А вы говорите — ясно...

ИВАНОВ: Да не был я пьяным и не нападал, я тольки...

СЕКРЕТАРЬ: А этого я не знаю. (С улыбкой и долго смотрит на Иванова.) Значит, ждите. (Кладёт заявление в папку, всем своим видом давая знать, что разговор окончен.)

Иванов выходит. Оба мужика всё это время делали своё дело:

Первый замерял складным метром, Второй записывал, обговаривали дело, но негромко, чтоб не мешать разговору в кабинете. Выходит в коридор, захватив какие-то бумаги, и секретарь.

ПЕРВЫЙ (появившемуся на улице Иванову): Что, брат, туго? (Иванов не отвечает.) С ними так, только свяжись. У нас отвес, а у них, как в тёмной лавке, обвес...

ИВАНОВ (долго, как-то заторможенно ищет папиросы, закуривает наконец): Не в них дело... они — дело десятое.

ПЕРВЫЙ (удивляться не торопится): Десятое?

ИВАНОВ: Ну, не десятое, а... Не в них главное.

ПЕРВЫЙ: А в чём?

ИВАНОВ (помолчав, думая о чём-то своём): А в нас... В нас.

Поворачивается и уходит. Мужики несколько озадаченно смотрят ему вслед.

Картина десятая

Фойе районной гостиницы — полутёмное, полупустое: конторка с надписью «Приём документов» и табличкой «Мест нет», старый дерматиновый диван из тех, что зовутся «клоповниками», на нём куча связанного в узлы грязного постельного белья. Прямо дверь с надписью «Директор», направо — лестничный пролёт на второй этаж.

Входит Иванов, осматривается, но обратиться не к кому, в фойе пусто, только из-за двери слышен невнятный разговор, иногда смех. Поколебавшись, он подходит к ней, но дверь сама открывается, выглядывает Гришанькина — полногрудая, накрашенная, с белыми пышными волосами, в синем рабочем халатике. Она ещё улыбается, за ней виден в кабинете тоже улыбающийся, что-то рассказывающий ей Беленький.

ГРИШАНЬКИНА (с остывающей улыбкой): Вам что здесь?

ИВАНОВ (суетливо показывает, он явно рад, что так удачно застал на месте Беленького): Да вот... товарища.

Гришанькина вопросительно оглядывается на нахмурившегося Беленького, смотрит опять на Иванова — уже с неудовольствием, молча закрывает дверь. Иванов некоторое время стоит перед закрытой дверью, потом идёт к дивану, садится в его свободный угол. Откинувшись на спинку, прикрывает глаза, поминутно вытирая пот мокрым комочком платка, вид у него совсем больной. Опять возникает, то усиливаясь, то спадая — некими бредовыми волнами — звук цикад. Наконец дверь открывается, выходит Беленький.

ИВАНОВ (поспешно встаёт, делает шаг-другой к лестничной площадке, куда направляется Беленький): Здравствуйте. Я вас тут вот жду...

БЕЛЕНЬКИЙ (дёрнув губой, приостанавливается): А меня и не

надо ждать, зачем я вам. Всё, кажется, сказано... (Сощуренными глазами оглядывает его.) Я не хочу больше с вами разговаривать.

ИВАНОВ: Да что уж так-то... Я всю жизнь работал, хлеб растил...

БЕЛЕНЬКИЙ: Меня это, знаете, меньше всего касается. Я имею факт, что вы нарушили закон, который мне... выполнение которого я обязан наблюдать, вот так. Вы нарушили, я увидел и доложил — что тут сделаешь? Я обязан доложить, я за это, извиняюсь, зарплату получаю. Ну а суд решит. (Смотрит, губы его сложились презрительной скобкой.) А вы, очевидно, опять подшофе...

ИВАНОВ (не понял): Это как?

БЕЛЕНЬКИЙ: Ну, выпили — так?.. Нет?

ИВАНОВ: Что вы, зачем это я буду... Приболел, это верно... простуду схватил где-то.

БЕЛЕНЬКИЙ: Простуду, говорите? (Иванов доверчиво кивает.) Простуда, понимаете... Нет, мне нечего сказать вам. До свидания.

ИВАНОВ (просительно): Товарищ Беленький, я прошу... Истинный вам крест говорю, не моя снасть, знать о ней не знал. Как я сразу-то не зацепил, дивлюсь, — ить всё утро около рыбачил... А под конец, возьми ты, зацепилось. Ну, и... пожалел свою леску, шнур вытаскивать стал...

БЕЛЕНЬКИЙ: А может, не только леску? Может, уловом каким на перетяге поживиться хотел?

ИВАНОВ (не сразу, но решившись, искренне): Был грех... Как на духу сознаюсь — был... За то и кляну себя!

БЕЛЕНЬКИЙ (торжествующе): Ага... вот! А то — «хлеб растил», «трудился»... Так и скажите сразу, что рыбки урвать захотели! (Гришанькиной, глядящей из двери.) Вот вам, пожалуйста — как вам это нравится?! (Иванову.) А перетяг вы своим признали — там, на берегу. И нечего теперь говорить!

ИВАНОВ (опешивший): Да истинный крест...

БЕЛЕНЬКИЙ: Не надо мне никаких крестов, зачем? Вы взрослый человек, сами говорили, что много работали, — и такие слова! Какой крест? Кто нарушил закон, вы или я? А теперь вы мне говорите, просите, помятые с перепою и... Вы посмотрите на себя!

ИВАНОВ: Какое — с перепою... ить болею. К вам ехал...

БЕЛЕНЬКИЙ: Не надо было никуда ехать, я вам всё сказал. (Обходя его и поднимаясь по лестнице, несколько нервно.) А суд рассудит. И нечего просить, Москва слезам не верит.

ИВАНОВ: Так я же к вам как к человеку — а вы что?! Неужель понять нельзя?..

БЕЛЕНЬКИЙ (поднимаясь): Нельзя и не хочу. Это, извиняюсь, прерогатива суда, вот пусть он и понимает. До свидания.

ИВАНОВ (хрипло): Нечистый ты человек. (Сплюнул вслед, повернулся и пошёл к выходу.)

ГРИШАНЬКИНА (неожиданно выскакивает, вся в возмущении): А что это вы тут безобразничаете? Что ты расплевался здесь — дома, что ль?! Ты дома жене плюй, нелюдь... убирать ещё за тобой! Напьются, оскотинеют, приличным людям от вас покоя нет. Муж-чина... Проваливай давай!

ИВАНОВ (оборачивается, смотрит мутно и недоумённо): Да ты что, тётк... Ты подожди... чево ты кричишь?

ГРИШАНЬКИНА: Тово! Проваливай, говорю, дома себе плюй! А то милиция живо разберётся. (С ненавистью.) Нелюди! Шатаются по задворкам, бутылки друг за другом собирают... бутылошники! Плевки твои поганые буду подтирать... ещё чего не хватало!

БЕЛЕНЬКИЙ (с верхнего пролёта — он, оказывается, ещё не ушёл, слушает там): Ничего, ничего... пусть уходит. Бросьте, Антонина Фёдоровна, зачем это вам.

ГРИШАНЬКИНА: А я вот милицию сейчас, она рядом... чтоб знал! Проходу от них нет, дожили, на улицу хоть не выходи!..

Иванов, поначалу даже растерявшийся от этого напора ненависти, хочет уйти. Но что-то в этом крике задевает его, останавливает; он опять мутно, тяжело смотрит на неё, делает к ней шаг, другой.

ИВАНОВ: Ты вот что... (Гришанькина дрогнула.) Ты если счас не замолчишь, я... Пожалей себя. Ты дура, а кричишь. Нельзя так.

Выходит, грохнув дверью. Гришанькина молчит.

Картина одиннадцатая

Горница Ивановых. Всё както сдвинуто, смещено в её привычном быте, на всём — тень нависшей беды. Иванов лежит на диване, в изголовье на столе посуда, лекарство — всё, что сопровождает болезнь. Аксинья мечется по комнате, наспех приводя всё хоть в какой-то порядок.

ИВАНОВ (скрипучим больным голосом): Ну, что там Авдеенко?..

АКСИНЬЯ: Да подожди... сейчас всё расскажу. А то зайдёт Пётр Германович — стыду не оберёшься. Ить врач, а они чистоту любют... Вот доброхотный человек Пеннер, что тут скажешь... Обсказала ему всё, а он: что ж, мол, вчера-то не вызвали? Ругал дюже. Да, говорю, он уж вечером из райцентра вернулся-то; пока то, пока сё — и вовсе припозднились, что вас беспокоить было... А мне, грит, за это зарплату платют. (Расстилает половики.) А Авдеенко, он што ж... он хорошо отнёсси. Уж и с

Красавиным переговорил, тот как председатель колхоза характеристику пообещал хорошую... (Оглядывается на стук калитки за окном.) Батюшки, никак он?!

ИВАНОВ (раздражённо): Батюшки, матушки... что ты распрыгалась? Он так он, что тут такого...

АКСИНЬЯ (с некой боязнью): Да как же-ть, врач всё-таки.

Входит Пеннер — высокий сухой старик, из поволжских немцев.

ПЕННЕР: Здравствуйте этому дому. Значит, болеем? А что ж молчим? Молчаньем болезни не вылечишь... (Садится на стул у постели Иванова, кладёт на колени свой чемоданчик.)

ИВАНОВ: Здравствуйте, Пётр Германович. Да вот... Думали, само пройдёт, а оно не проходит...

ПЕННЕР (достаёт из чемоданчика стетоскоп): В вашем возрасте на «само пройдёт» особо рассчитывать, знаете, не приходится... Хуже стало? (Тимофей и Аксинья с удручённой готовностью кивают.) Что ж, послушаем. Ну-ка, снимайте ваши манишки-штанишки... (Иванов садится, стягивает майку. Пеннер начинает прослушивать.) Так... Дышите. Глубже дышите, но не торопитесь. Та-ак... Ещё. Температура большая ночью была?

ИВАНОВ (пытается шутить): Плюнь — зашипит...

ПЕННЕР: Ещё дышите. Н-да... Бред был?

ИВАНОВ (признаётся, но словно через силу): Было дело... Замучил, Пётр Германович...

АКСИНЬЯ (горестно): Ох, чего я только не наслыхалась за ночь!.. Совсем плох, Пётр Германович...

ПЕННЕР: Н-да... (Аксинье.) Вам бы большое а-та-та надо сделать, что не вызвали меня вчера... Тем более что есть по чему. (Аксинья заливается румянцем, опускает глаза. Пеннер выдёргивает трубочки стетоскопа из ушей, бросает его в чемоданчик.) Н-да... Это называется абсцидирующая пневмония. Будем вызывать «скорую» — и в район... (Иванов натягивает одеяльце, молча мотает головой.) Что, чем недовольны — болезнью? Болезнью никто никогда не бывает доволен.

ИВАНОВ (сумрачно): Не поеду. В район не поеду, нельзя. Пусть фельдшерица тут колет... скажите ей, пусть приходит.

ПЕННЕР: Ну, мне лучше знать, где и как лечиться, оставьте свои капризы.

ИВАНОВ: Не капризы это... нельзя мне! (Чуть не плача.) Что ж мне просить-то всех вас приходится?! Куда ни сунься, везде проси... Что я задолжал-то вам всем, не пойму?! Иль я что, не так живу, мало работаю? «Хозяином» зовёте... что ж я вас, обслугу, умаливаю хожу, упрашиваю, все пороги обил?.. Изоврались, слова без вранья не скажут... Не поеду я в эту казарму, зачем

мне. Мне тут надо быть, по делам всем... тута, нельзя уезжать, оставь меня здесь!

ПЕННЕР (смутившись): Ну, хорошо, хорошо... не будем. Хорошо, я ей скажу. За таблетками пусть она (кивает на Аксинью) придёт, хорошие таблетки есть у меня для вас. А прокурору я позвоню… я слышал всё ваше и, уверяю вас, не верю, что вы... Нет, не верю. А прокурор здравый мужчина и должен понять. Да кто мог поставить его, это... э-э... орудие? Это же варварство.

ИВАНОВ (отворачиваясь к стенке): Господи, да откуда мне знать...

ПЕННЕР (Аксинье): Ну, за рецептами-лекарствами можете идти сейчас со мной. Или чуть позже зайдёте в больницу, как освободитесь... А вам, Тимофей Василич, строгий постельный режим — никаких променажей, сквозняков, ничего холодного или слишком горячего... (Встаёт, захлопывает чемоданчик.) И, знаете, поменьше волнений... ничего, разберутся. Ничего, не старые времена — (со вздохом) хотя, знаете, и новостей не много... Волнение — союзник вашей болезни, вы меня хорошо поняли? Вот так. А я буду заходить. (Несколько чопорно кланяется.) Выздоравливайте. (Уходит.)

АКСИНЬЯ (проводив врача): Что уж ты так с ним, Тимош... Он-то при чём?

ИВАНОВ (тихо, в стенку): А кому я ещё скажу... кому могу?

Аксинья выходит ненадолго. Тимофей так и лежит лицом к стене. Слышны становятся цикады — монотонные, негромкие, на одном уровне, они сопровождают всё последующее. Аксинья возвращается, в руках у неё кружка горячего молока.

АКСИНЬЯ: Ну-ка, попей... Попей, я с медком его, а то ить ничего не ешь, рази так можно... Сил-то откуда возьмёшь на болесть?..

ИВАНОВ (с трудом поворачивается, пьёт через силу, то и дело останавливаясь): Ты расскажешь иль нет? Авдеенко... что он?..

АКСИНЬЯ: Господи, запурхалась и совсем забыла... Да-к вот, пишут они характеристику в колхозе хорошую, Авдеенко сказал: мы уж постараемся... Не, он там всех поднял! Уж и в район звонил кому-то, начальнику какому-т... не помню, какому. И бумагу прокурору составил, прям при мне. Дескать, так и так, человек проверенный, тридцать уж один год как работает у нас, промашек николи не делал, грамоты одни... Я-шш подсказала: ударник, мол, уборка ли, посевная — без премий не живём... Ну, и всё такое. А коллектив ручается и, значит, со всей душой готов взять на поруки, на всю ответность, значит. Мол, верим ему...

ИВАНОВ (не сразу понял, чуть ли не бросил кружку на стул): Подожди, как это... На какие поруки? (После паузы.)

Вот и помогли, спасибо... Зачем на поруки-то, я что ж — виноват?.. (Обессиленно.) А-а, да делайте что хотите, сажайте с глаз долой... Видно, не отвертишься — процентуйте...

АКСИНЬЯ (испуганно): Да-к рази не так надо было?

ИВАНОВ: А как хотите... Виноватых тока на поруки берут — ну, значит, виноват... Виноват, и без вас знаю. Другие вон за жизнь обеимя руками держутся, а... А я забыл, выпустил. На дармовщинку загляделся... а она и махнула. Так и надо, дураку... (Ожесточённо.) Так и надо-ть!..

АКСИНЬЯ (растерянно): Да Тимош... да что уж ты себя так...

ИВАНОВ (не слушая её, с собой): Свово не уберёг... другие, думаешь, его беречь будут? Как не так, жди... (Отворачивается к стене.) Не, не дождёшься. А жизнь своё... свой процент стребывает. Она стребует...

АКСИНЬЯ: Тимош, ты уж потерпи... я счас! Я за лекарствами счас, и к Авдеенке забегу, я скажу... Конешное дело, ить не виноват. Ить случай такой...

ИВАНОВ (бормоча): А-а, у нас всё случаи... (С тихим ожесточением опять.) Что ни возьми — всё на случай валим... а нет бы на себя оглянуться. Сами дурные. Своё не разумеем, вот и процент... (После паузы, сломленным голосом.) А сыну... что я сыну скажу?.. Стыд. Стыд...

АКСИНЬЯ: Пошла, Тимош, побежала я... Счас, ты потерпи! (Хватает сумку и торопливо, с боязливой растерянностью оглядываясь на мужа, уходит.)

Трели цикад, бессонные, нарастают, свет понемногу гаснет, оставляя слабо освещённым диван с неподвижно лежащим, отвернувшимся к стенке Ивановым. Цикады достигают пронзительной, уже надсадной ноты, Иванов — то ли в безысходности, то ли в бреду — мечется на постели. Свет гаснет совсем. В это время все декорации убираются. На другом конце сцены почти одними силуэтами возникают Авдеенко за своим столом и стоящая перед ним, что-то пытающаяся рассказать ему Аксинья. Пробивается, становится различимым голос Авдеенко.

АВДЕЕНКО: Ничего, ничего... Мы знаем, что делаем — учены. Это пусть с Крохалёвым он разбирается, кто виноват. А нам человека вызволить надо, вот наша задача, и здесь, понимаете ли, все средства хороши, да!.. Всё вам, понимаешь, как детям, объясни, расскажи... Наш человек, всё на нас падёт, если что; надо выручить — так поставлен вопрос...

АКСИНЬЯ (растерянно): Да-к ежли не виноват... Переживает дюже...

АВДЕЕНКО: А я говорю, нам виднее. Не покаешься — в рай не попадёшь... Да и вообще, что за ребячество: виноват, не виноват?!

Иди домой и жди, а его успокой, мы тут смотрим... Лишнего времени, понимаешь, ни минуты, людей на веточный корм собираем, бумаги тут всякие... но смотрим, сам смотрю! Так что иди, иди...

Свет уходит с фигур Авдеенко и Аксиньи на другой конец сцены, высвечивая лежащего уже не на диване, а на больничной койке Иванова под каким-то грубошерстным серым, на тюремное смахивающим одеялом. На табурете у изголовья сидит, нависая над ним тучной фигурой, следователь Логунов — с грубоватым властным лицом и неожиданно проворными при его тучности руками, в которых блокнот и ручка. Он быстро, не глядя на страницу, записывает показания, всё его внимание сосредоточено на подследственном.

ИВАНОВ (слабым, каким-то надтреснутым голосом): Да не насильственное... он вам сам скажет, что ничего там... Ну, погорячились, мало ль...

ЛОГУНОВ: А он уже сказал, заявление Крохалёва в деле. А моё дело, как следователя, опираться на документ. Вы сейчас как — в состоянии отвечать на мои вопросы, рассказать всё, как было?

ИВАНОВ: В состоянии... Да неуж подал?

ЛОГУНОВ: Подал, заявление приложено к материалам товарища Беленького и датировано... (Перелистывает бумаги под блокнотом, смотрит.) Датировано днём вашего, мягко говоря, происшествия. Приступим к вопросам?

ИВАНОВ: Да-к он вгорячах это...

На другом конце сцены высвечивается совсем слабым светом сидящий на своей скамье в глубокой задумчивости Старик.

ЛОГУНОВ: А это уж я не знаю, да, признаться, и знать не хочу... документ есть документ. Да, чуть не забыл... (Глядя в сторону.) Будет вам известно, что по этим двум статьям, вылову ценной рыбы и насильственному действию по отношению к должностному лицу, закон предусматривает... В общем, вам грозит срок до семи лет, по совокупности статей, разумеется... я имею в виду лишения свободы. Это, конечно, при том условии, если статьи будут использованы в полную свою силу. Дело, как видите, серьёзное.

ИВАНОВ (изумлённо, ещё не веря): Да вы что? Война четыре года шла... (Поняв, наконец, что с ним не шутят, дрожащими губами.) Вы что там все... с ума посошли?

ЛОГУНОВ: С ума сошли?! (Встаёт, делает несколько шагов вдоль койки, возвращается, останавливается над ним.) Да нет, не сошли мы с ума... Ну, ладно, об уме надо было раньше думать. Ладно. Не верю я особенно, чтобы вы... (Доверительным тоном.) Будьте откровенны, и я вам обещаю, что никаких семи лет, конечно же, не будет. Но всё это

к тому, что дело тем не менее оч-чень серьёзно, улики налицо — серьёзные улики. И потом: зачем вам ещё надо было дебош в гостинице устраивать, не пойму... (С подкупающей грубоватостью.) Зачем ты туда-то, извиняюсь, припёрся после всего этого?!

ИВАНОВ (отсутствующим голосом, он всё ещё опешен): Какой дебош?

ЛОГУНОВ: Как это — какой?! Такой. Беленький с директрисой гостиницы, Гришанькиной, вслед делу ещё настрочили... Что пьяный был, безобразничал; жалко, мол, милицию не успели вызвать... Зачем это-то ещё на себя вешать?

ИВАНОВ: Да товарищ Логунов... Да ведь врут они всё — бессовестно! Где ж я дебошил, какой пьяный, когда утром встал — ветром качает... Мине потом врач изругал всего...

ЛОГУНОВ: Ну ладно — разберёмся... дай срок. Давай рассказывай — и, знаешь, без этих... без всяких. Без версий — ты меня понял? (Глядит на часы.) Давай, а то меня машина ждёт...

Звук цикад усиливается, заглушая их разговор, свет, освещавший Иванова со следователем, гаснет; чуть высвечен лишь Старик, неподвижно согнувшийся на скамье. Появляются, всё тем же ночным светом сопровождаемые, Аксинья и Катерина, разговаривают на ходу. На середине сцены останавливаются.

КАТЕРИНА (продолжая): ...ить ничо ему не скажи, как цепной стал! Кидается прям. А всё начальник этот... Мой-то уж собрался было: всё, в район еду, заберу, мол, эту заявленью свою... А тут брёх на дворе, машина приехала. Беленький приехал этот. Ходит, нюхает. Я, грит, со следователем виделся... что это, мол, на попятный ты собрался? Как это — заявленью забрать? Она уж, мил друг, не твоя — государственная стала, по всем бумагам прошла. И ты мне дела не порти, свою должность выполняй давай, нечего перед сельскими хвостом вилять... И так эт насел на мово — спасу нет! А ить надоедный какой — и зудить, и зудить... как гнус на болоте. Павлушка ему уж и добром, и... не-ет, ни в какую!

АКСИНЬЯ: Да как ж-ть он узнал-то?

КАТЕРИНА: Да-к следователь продал, змей... Мой-то когда ещё у него попросил, заявлению-то... а тот: нету, мол, при себе, в район приезжай. А туды ж не каждый день ездишь. Я уж, Аксют, и посылала его, а тут как на грех в лесхоз надо было за сенами — дня, чай, два проколготились с сеном, а тут братнин сын его приехал, учёный дюже, — сто лет не видались... Ну, Беленький и запередил. Ить и приезжает-то — как домой: и то ему не так, и это не этак... Всё-то нюхает, ковыряет, что ни подай... а сам-то? Тока и добра, что вид держит, а от самого как от козла завсегда воняет, продыху нет...

АКСИНЬЯ (упавшим голосом): Так что ж нам — пропадай теперь?..

КАТЕРИНА (виновато): Уж не знаю, Аксют... На суде мой хочет отказаться — да-к позволют ли? Уж если здесь рот затыкают, то в суду и вовсе. Там правду нам искать — как блоху в овчине... Господи, и что за проклятая работа такая — как цепные... Живём — людей не видим, слова не слышим, сольцы не у кого перехватить; а рази так бы надо?! И зачем тока согласились, уехали со старого места?! Ить в Подстепках мы людьми были, у дела — а тут? Так, пришей-пристебай... Не-е, разлучу я его с этим козлом, лишёнкой средь людей не буду — пущай в лесхоз вон идёт, пока зовут... Вот ить одарил чёрт судьбой — ни себе, ни людям!..

Уходят. На том месте, где стояла койка Иванова, в пятне света возникает сидящий за канцелярским столом Секретарь, перед ним стоит Аксинья с кирзовой сумкой «колхозницей» в руках. По-прежнему в стороне виднеется Старик.

СЕКРЕТАРЬ: Свет, ты не знаешь, где дело этого... ну, Иванова? Совсем замотали меня, с-скотство, за Ваньку держат!.. (Шарит в столе, раздражённо стучит ящиками.) Свет?! (В ответ ему молчанье. Аксинье.) Ну это теперь у Логунова всё, а тайну следствия я, извиняюсь, разглашать не могу, придётся вам потерпеть до суда.

АКСИНЬЯ (умоляюще): Так уж и так натерпелись, товарищ, — ноги не держут... Уж вы пожалейте нас...

СЕКРЕТАРЬ: Жалость, конечно, дело хорошее — но что я могу? Есть ещё закон. У вас своя правда, у Беленького — своя. А есть ещё правда закона, большая, которая все наши правды объединяет в себе, вы понимаете меня? И мы сидим здесь для того, чтоб ваша маленькая правда не помешала большой, не вязала ей руки... иначе ведь анархия будет и больше ничего.

АКСИНЬЯ (неуверенно): Да-к я не знаю... правда — она и есть правда. Как же-ть она сама себе может мешать?

СЕКРЕТАРЬ (поучающе): Может, да ещё как!.. Виноват ли, не виноват — а рыба-то поймана? Государство понесло убыток? Понесло. А вы её, эту рыбу, конечно съели бы, не будь инспекторов... ведь съели бы? (Аксинья молчит.) Съели. Вот вам и ваша правда... Ну а суд будет, если не ошибаюсь, тринадцатого — ориентировочно, конечно.

АКСИНЬЯ (растерянно): А этот... а товарищеский если? Авдеенко ить говорил...

СЕКРЕТАРЬ: Ну, это уж проехало давно. Что он, Авдеенко? Ну позвонил разок, отношение с характеристикой прислал, у нас такие характеристики и на рецидивистов пишут, добренькие все стали... Хлопотать надо было. А теперь делу дан законный ход.

АКСИНЬЯ: Да мы уж как хлопотали...

СЕКРЕТАРЬ: Значит, мало... Нет, теперь всё суд решит — суд! Считанные дни остались, так что ждите. И совет мой вам: не путайтесь у него под ногами, не ходите по райкомам-исполкомам, всё равно толку не будет... (С неожиданным раздражением.) А то таскаются, клянчат сами не зная чего, законы ищут... а закон — в суде! В суде, вы понимаете?! Суд решит!..

При этих его словах, вздрогнув, испуганно обернувшись на секретаря, растерянно начинает подыматься со своей скамьи Старик; немощно встаёт, выпрямляет согбенную спину, чуть ли не по швам опускает свои большие изработанные руки. И Аксинья отступает на шаг-другой перед этим раздражённым, не терпящим возражений голосом. Общее затемнение, звук цикад усиливается, доходя до своего апогея. И сквозь него где-то вдалеке звучит нервически требовательным высокий голос: «Встать, суд идёт!..»

В темноте слышится через убывающие (но не стихающие) трели цикад дыхание и возня судебного зала. Слева высвечиваются неярко трибуна и стоящий в ней Беленький — почти задом к зрителям. Справа видны сидящие за длинным столом с бумагами судья и два заседателя, за ними угадываются на скамье подсудимых за барьерчиком Иванов и милиционер за его спиной. За трибуной далее сидит за столом с вещественными доказательствами — перетягом и пустой водочной бутылкой — адвокат Столповских. В самой глубине сцены угадывается внизу передний ряд сидящих в зале людей, при необходимости высвечиваемых софитами: Аксинья с Василием, Авдеенко, Крохалёв, Гришанькина. Всё это судопроизводственное действо проходит как какое-то наваждение, в котором то и дело выпирают такие видимые здравому уму со стороны казённая патетичность и столь же казённая мелочность в выяснении частных обстоятельств, напыщенная, напущенная на себя строгость служителей Фемиды, фальшивый культ закона — и, над всем этим, серая скука и монотонность работающего со скрипом и привычными перебоями примитивного механизма.

В этой сцене очень важны пантомимические способности актёров. Звуки цикад при необходимости то открывают, то заглушают речь действующих лиц.

БЕЛЕНЬКИЙ (выступает темпераментно, хотя речь его артикулирована с какой-то неправильностью, с множеством бюрократических штампов как смыслового, так и языкового характера; жестикулирует с охотой, с некой свободой «человека из области», речь его, наконец, становится слышна): ...Какая, товарищи, нужда, необходимость заставила его это сделать? Детишки голодные, отсутствие хлеба или

куска материи, чтобы которым прикрыть тело — хотя, замечу попутно, и раньше это никогда у нас не было смягчающим обстоятельством? (Поглядывает в бумажку, речь у него заготовлена.) Или, может, строжайшая диета, товарищи, когда ничего не дозволено, кроме как осетринку с икрой под водочку?! (В зале оживлённо хмыкают.) Чтобы похвалиться перед соседями своей удачей, излишествами... э-э... рациона? Так ведь и похвастаться, товарищи, нельзя — донесут! (Оживление в зале.) И уж, конечно, не по соображениям гурманства как навязчивой идеи — этот порок явно не для подсудимого... Тогда зачем? (Делает паузу.) Между тем факт браконьерства и неукротимой агрессивности по отношению к органам, включая и дебош в гостинице, здесь безусловен, знаете ли, и налицо, орудие (вытягивает, не глядя, руку в сторону стола с вещественными доказательствами) недозволенное и, более того, варварское, рыба ценнейшей породы (многозначительно поднял палец) — государственная, валютная рыба! — поймана и умерщвлена, хотя, как известно по извлечению из постановления пленума Верховного Суда нашего государства рабочих и крестьян, уголовная ответственность за производство рыбного промысла наступает независимо даже от того, была или не была поймана рыба — важно явное намерение... А, понимаете ли, недостатка ни в намерениях, ни в самих актах нарушения мы, товарищи, не испытываем: с мая месяца товарищем Крохалёвым обнаружено около полутора десятка хищнических всяких сетей и прочего... как вам это нравится?! И, таким образом, ваш район в нынешнем трудном году вышел по браконьерству на первое место в области, с чем вас (делает трагический полупоклон в сторону суда) и поздравляю!.. (Судья шевелится, крякает.) А где, спросите вы, хозяева этих сетей, перетягов, убийственных самоловов... да-да, убийственных, вы испробуйте искупаться, освежиться, так сказать, в месте постановки самолова — испробуйте запутаться в нём, вы же не вылезете никогда! А где хозяева?! Нет их. Настырен и хитёр пошёл браконьер, а тот же товарищ Крохалёв у нас один на тридцать вёрст, хоть и, безусловно, старается. Зачем же он тогда, опять спросите вы? Как это зачем, спрошу я как общественный обвинитель! Вот вам, товарищи, результат его работы: с большим, знаете ли, трудом, с ночами бдения, с борьбой выловлен браконьер (показывает рукой на Иванова, сам смотрит в бумажку), вот он сидит перед вами!.. Не какой-то там, понимаете, любитель красот природы, а самый настоящий, вооружённый неплохим-таки средством для антизаконного отлова и бутылкой для подогревания чувств, вооружённым тёмным умыслом человек, которого ночка кормит!.. А выловленный осётр при ближайшем рассмотрении оказался

маткой, то есть икрой... да-да, (поднимает палец) матерью! И главное тут даже не принадлежность орудия сидящему перед вами преступнику...

СУДЬЯ (он в сильных очках, придающих ему вид слепого, губы его скорбно поджаты; стучит ручкой по графику, Беленький недоумённо оглядывается на него): Минуточку... Я полностью разделяю ваш... э-э... пафос, но подсудимый пока что не преступник. Назвать обвиняемого преступником может только суд... в своём окончательном приговоре, разумеется.

БЕЛЕНЬКИЙ: Да, да... Но вы поймите и меня... поймите — нам трудно! Все ловят рыбу, а кто ловит — неизвестно... Так вот, совсем не важно, кому принадлежит искомый перетяг, хотя следствием этот вопрос решён положительно и, так сказать, безоговорочно — ему! (Показывает на Иванова.) Главное, что преступление совершено. Совершено при отягчающих его обстоятельствах, и наш долг — наказать преступление, ответить на него имеющимся у нас ясным законом, ибо неприменение этого закона тоже есть своего рода преступление!.. (Судья дробно кивает.)

Речь Беленького заглушается взнявшейся трелью цикад, но ещё с полминуты он ораторствует, жестикулирует, призывает. Общее затемнение меняет оратора на трибуне, теперь это адвокат Столповских — серый сухонький человек, перетаптывающийся в трибуне как студент-троечник. Его выступление в защиту обвиняемого сухо и скучно, все, кроме Аксиньи и Василия, соловеют, меняются их позы, многие пытаются хоть чем-то занять себя: судья вертит себе в ухе и рассматривает, что на пальце осталось, Авдеенко глубокомысленно разглядывает свою трость, а один из заседателей успешно борется с дремотой.

СТОЛПОВСКИХ (читает, не глядя в редкую публику, изредка лишь поворачивая лицо к судье): ...более того, я убеждён, что в любом судебном разбирательстве речь прежде всего должна идти о человеке, о людях, об охране их прав и справедливости между ними, и любому суду это надо постоянно держать в центре своего внимания. Ибо человек есть самое наше большое богатство, который, в свою очередь, производит и богатства материальные. В исследуемом нами событии мой подзащитный может не всегда выглядеть достойно, но мы должны, мы обязаны со всею тщательностью, к которой призывают нас наши советские законы, рассмотреть и понять мотивы, которые двигали этим человеком — для меня несомненно честном, тридцать один год проработавшем на ниве, так сказать, хлебопашества, достаточно заглянуть в его характеристику. Итак, что мы имеем? Мы имеем субъективно честного, я бы сказал — порядочного человека, который...

Звук цикад на некоторое время заглушает его, зрители, как и в случае с Беленьким, видят пантомиму его выступления. Аксинья слушает, лихорадочно блестя глазами, с надеждой переводя взгляд то на судью, то на мужа, то оборачиваясь к Авдеенко. Василий смотрит исподлобья, он серьёзен и хмур. Беленький оживлён, деятелен — что-то записывает, живо слушает всякого, то кивает, то качает головой, скорбно прикрывая глаза, играет бровями. Лицо Крохалёва непроницаемо, но с каким-то тяжёлым выражением. Иванов сидит сгорбившись, лишь иногда взглядывая мельком на адвоката, косясь на жену и сына, на лице его застыло, если так можно выразиться, переживание позора.

СТОЛПОВСКИХ (продолжает): ...а кто видел, когда и как мой подзащитный вытаскивал данный перетяг и когда сматывал удочки — я имею в виду прямой, а не переносный смысл этого выражения? Никто, и следственные данные здесь, извиняюсь, расплывчаты, я уже об этом говорил. И кто из нас, интересно, выбросил бы в воду случайно попавшегося вот так осётра, к тому же уже... м-м... уснувшего? (Деликатно кашлянул, сделал паузу.) Нет, товарищи, моего подзащитного можно и нужно понять. Потом эксцесс этот, он ведь тоже хорошо объясним: тут, знаете, и страх со стыдом, и обида Иванова, что его винят в умышленном именно браконьерстве, и явная, товарищи, несдержанность рыбинспектора Крохалёва — очень это всё понятно, когда начальство становится свидетелем недосмотра подчинённого во вверенном ему деле. В результате такая вот цепь случайностей и недоразумений, человеческих слабости и гордыни как привходящих факторов, которые все вместе, соединившись и переплетясь, привезли моего подзащитного в нынешнюю ситуацию... А достигшее меня известие, что товарищ Крохалёв хотел забрать своё заявление о насильственных действиях Иванова по отношению к нему — разве это не доказательство обыкновенной минутной горячности вступивших в конфликт сторон?

БЕЛЕНЬКИЙ (вскочив): Позвольте, но эта соседская, знаете ли, психология, этот предрассудок не может... Я протестую!..

Судья стучит по графину ручкой, что-то назидательно говорит Беленькому о процессуальном этикете; тот горячится, масляно блестя глазами; вмешивается Столповских — одним словом, возникает некая казенная-язычная свара, заглушаемая цикадами. Иванов и Аксинья беспомощно следят за ней. Наконец, Столповских продолжает, некоторое время одной пантомимой.

СТОЛПОВСКИХ (читает): ...особенно обращаю внимание суда на социально-нравственную целесообразность предложения общественности, высказываемого здесь товарищем Авдеенко, о

взятии моего подзащитного на поруки — с тем, чтобы...

Затемнение, цикады. На трибуне Авдеенко — сосредоточенно, старательно хмурит лобик, рассказывает, разводит руками.

АВДЕЕНКО: ...никак, понимаете, не ожидали. Да если б знали, мы бы, конечно, незамедлительно приняли соответствующие меры как в обстановке в целом, так и в отношении отдельных лиц, проживающих на территории нашего сельского совета. И нашу просьбу о передаче на поруки мы можем подкрепить тем, что о нашей работе по борьбе с пьянством, алкоголизмом и хулиганством неоднократно говорил в своих выступлениях — положительно оценивая, хочу подчеркнуть (поднимает палец) — сам товарищ первый секретарь Целищев...

Затемнение, цикады. У трибуны, положив на неё руку, с последней репликой Беленький, предупреждающий и скорбный.

БЕЛЕНЬКИЙ (твёрдо, даже вызывающе): ...хочу, чтобы высокочтимый, как раньше говорили, суд понял: рыбнадзор, весь наш борющийся коллектив, отстаивая государственные интересы, в случае необходимости не остановится на одной инстанции и немедленно обжалует всякие попытки отвести правосудие от тех, кто покушается на государственный рыбный фонд. Иначе я, извиняюсь, не вижу смысла существования рыбоохраны вот так вот, со связанными руками. Это настоятельно прошу учесть.

Садится на своё место. Встаёт председатель суда.

СУДЬЯ: В соответствии со статьёй двести девяносто седьмой уголовно-процессуального кодекса РСФСР подсудимому предоставляется последнее слово...

Встаёт Иванов — враз осунувшийся, беспомощный, губы его ведёт. Смотрит на судью, на заседателей, на Столповских — верить им или нет. И оглядывается на своих, встречает какой-то исступлённый взгляд Аксиньи и хмуро-вопрошающий — сына.

ИВАНОВ: Не знаю, что и говорить... я не виноватый. Поймите моё, я ведь не хотел. А если засудите, то грех на вас будет... (Беленький кривится, протестующе, со стуком, откладывает от себя ручку, обращая тем на себя общее внимание.) У меня... всё.

Общее затемнение. Средь усилившихся цикад слышится голос председателя суда: «Суд удаляется на совещание...» и стук откидных сидений, отодвигаемых стульев и т.д. И тут же звучит всё тот же голос: «Встать, суд идёт!..» Шумок и покашливания зала сливается с трелью цикад и отдаляется. Справо на пустой сцене высвечивается сидящий на железной без матраса «дачке» Иванов. Он в белой рубахе, вся поза его повторяет позу Старика — еле угадываемого слева, в глубине сцены. Неслышно появляется Василий, останавливается

над отцом. Тимофей не сразу выходит из тяжёлой задумчивости, подымает голову, видит сына.

ИВАНОВ (каким-то внутренним, истинным своим голосом): Сын... Ты здесь? Зачем ты здесь?

ВАСИЛИЙ (тихо): Я пришёл к тебе, папань.

ИВАНОВ: Тебе нельзя быть здесь... нельзя видеть это.

ВАСИЛИЙ: Но почему?

ИВАНОВ: Не знаю... но нельзя. Рабом станешь.

ВАСИЛИЙ (с новой, неизвестной отцам решимостью): Не буду я рабом!..

ИВАНОВ: Наглядишься, глазами притерпишься — будешь... А я не хочу этого. Я всё тащился за ней, за жизнью, угодить ей хотел... а не дело это. Не дело. Своевольничать, через коленку её ломать — нет, этого не надо, гордынью с ней не сладить. Но и так, волоком, тоже не след...

ВАСИЛИЙ: А что надо, отец?

ИВАНОВ: Не знаю. Думать разве... да что может человек надумать — ну что?! Не-е, умом всё не возьмёшь... не досмотришь, не хватит на жизнь ума. Её понимать надо — этим (прижимает ладонь к груди). Чтоб и не перечить ей, и на поводу не идти. А не хватает этого — как будто бы-ть вынули... (Стукнул в грудь, уронил руку; скорбно.) Не хватает, сынок, вот беда...

ВАСИЛИЙ: Чего?

ИВАНОВ (задумчиво): Души, сынок... Души. Пуста, как не жил. Я вот всё думаю: неуж после нас люди жить будут?

ВАСИЛИЙ (с некоторым удивлением): Да что ж не жить им?..

ИВАНОВ: Не знаю. Испаскудились мы дюже... Дожили — сами себя не узнаём. Нет, сынок, иди... Нельзя тебе.

ВАСИЛИЙ (с оттенком обиды): Что, прогоняешь?

ИВАНОВ: Да как же-ть прогонять я могу... я прошу. (С болью.) Прошу, сынок! (Неожиданно для Василия сползает тяжело с кровати, становится на колени.) Уходи, за-ради Бога! Припозорил отца — хватит... Иди, жизня большая.

ВАСИЛИЙ (жалобно): Папань!..

ИВАНОВ: Иди, прошу! Тебя б, сынок, не было — и позору бы не было... Иди!

Василий смотрит, колеблется — и поворачивается, тихо уходит. Тимофей глядит, глядит ему вслед; и тяжело опять подымается с колен, стоит, смотрит под ноги. Высвечивается сидящий в глубине сцены — но не старик, а чем-то очень похожий обликом на Тимофея Иванова мужик в обношенных сбитых лаптях, в белой тоже рубахе-косоворотке — русский мужик. Тимофей проводит ладонью по лицу, поднимает голову.

ИВАНОВ (мужику): А, ты здесь...

МУЖИК (всё тем же безжизненным голосом): Здесь.

ИВАНОВ (медленно идёт, останавливается перед ним, смотрит): Что, тяжела жизнь?

МУЖИК: Тяжко.

ИВАНОВ (повторяет, как-то опустошённо): Тяжко... (Поворачивается, чтобы уйти.)

МУЖИК (поднимает голову, смотрит на зрителей): Что ж не спрашиваешь? (Встаёт.)

ИВАНОВ (после паузы): А что спрашивать... я и так вижу.

Стоят, смотрят друг на друга. Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Через три года. Декорации начала первого действия.

Сельский двор Ивановых, справный некогда, с частью дома и сенцами, позади сарай с дверью; всё в запущенном состоянии, шифер на сарае местами поколот, зияет дырами, валяются или приставлены к стенам какие-то доски и жерди. Справа в глубине невысокий плетень, за ним угадывается подворье Егоровны. Во дворе кособокий самодельный стол со скамьёй и парой табуреток. На заднем плане, за сараем, коньки других крыш, раздёрганная кленовая поросль и верхушка старой краснокирпичной церкви с полуободранным куполом на фоне закатного сентябрьского неба.

Слышен гул подъезжающего грузовика, хлябанье бортов, затем визг тормозов; мотор его чихает и замолкает.

ШОФЁР (за сценой): Всё, шабаш — приехали! Греется мотор, м-мать его... (Выходит на авансцену с резиновым, сделанным из куска камеры, ведром.) Где тут вода-то? Накипи что ль до шута... ничо не пойму!

КОЛЫХАЛОВ (входит, чуть прихрамывая, молодой, но уже тучноватый, представительный): Что тут понимать — весь радиатор остьём забит... Сколько говорить, чтоб продул? (Прогулочным шагом, осматриваясь, уходит в другую сторону.)

ДМИТРИЙ (за сценой): Давай, бабушка, слезть помогу... Та-ак.

ШОФЁР (оглядываясь на них, легкомысленно): Что, порастряс вам жирок-то?!

ЕГОРОВНА (входит, держась за поясницу; за ней следом идут Иванов и Дмитрий): Вот и дожиганился, милок! Не токмо жир — душу чуть не вытряс... (Копается в узелке.) Сколько ж тебе?

ШОФЁР: Э-э, нет, бабка... заготскоту будешь должна; как хочешь теперь, так и отмаливай долги наши! И без паники — доехали ж!

ДМИТРИЙ (ему тридцать с небольшим, в руках дорожный портфель; с запоздалым сожалением, негромко): В кабине бы надо мать, а не в кузове...

ИВАНОВ (он ещё ссутулился, небрит, запущенность в

одежде почти люмпенская; говорит каким-то тусклым голосом, иногда с раздражением): Да. А то всем раззвонили — бар у нас нет... Звоним, а они на шее.

ШОФЁР: Эт-да. Так что ж я Сергея Климыча, на верхотуру, что ль, пошлю?! Да и с ногой у него что-то не того. Это ведь нам, работягам, ничего не деется... заложникам бюрократии!

ДМИТРИЙ (иронически): Ишь ты как...

ИВАНОВ: Ни черта б ему не сделалось. (Сплёвывает под ноги.) Забыл, небось, на чьём хлебе вырос.

КОЛЫХАЛОВ (за сценой): Ты мой хлеб не трогай! (Выходит.) Не ты его растил, не тебе и говорить...

ИВАНОВ (глухо, раздражённо): Не я? А кто ж тогда, если не я? Папа твой, что ли — какой всю войну пером проскрипел, директиву из района давал, как кур щупать? Захребетники.

КОЛЫХАНОВ (с угрозой): Ну поговори, поговори...

ИВАНОВ: Поговорю. Небось скотину за Уралом, у казахов, за рупь десять скупаешь — а сдаёшь за сколько? Государству?.. И ты мне тут не щурься, гражданин Колыхалов, не у себя в заготскоту. Не в кабинете.

Колыхалов что-то хочет сказать, но, бормотнув сквозь зубы, выходит.

ЕГОРОВНА (сердито, полушёпотом): Надо было тебе связываться с ним... Пошто вот человека обидел? Бог ему судья.

ШОФЁР (с неожиданным раздумьем): Плохой, бабка, из Бога судья.

ЕГОРОВНА: Да я ничо, сынки, не говорю... А только всё ж Богу виднее, как и что. Мы ить всё знаем, а грешим, вот он и карает. Тижала рука Господня...

ШОФЁР: Да уж, Бог не микишка, как навернёт — так шишка... Ну, где у вас тут колонка? Вы-то приехали, а нам ещё в контору пилить...

ЕГОРОВНА: Да-к вон она, прям за углом... (Показывает, шофёр уходит. Иванову.) Да, а я и не спросила... что в район-то вызывали? Неужель что ещё хотят?

ИВАНОВ: Да так... документы.

ЕГОРОВНА: Хоть бы уж в покое тебя оставили, Тимош. Уж так-то треплют, как будто-й человека прибил... Ты б уж не перечил им, а то, глядишь, возьмут да ишшо...

ИВАНОВ: Кто им перечит. Никто им не перечит, нужны они!..

ЕГОРОВНА: Да-к я и говорю. Уж ты-то знаешь теперь, как с ними связываться... Не, с начальством надо обходительну быть — от греха подальше. Бабу тебе добру бы, нечего хозяйство (кивает на двор) зря потрошить...

ИВАНОВ (зло): Ещё чего! Мне и энтой... по гроб жизни! Как-нибудь перемогусь, не лезь.

ЕГОРОВНА: Так ить как-то надо, милок, — жить-то...

ИВАНОВ: Ничего мне не надо.

Егоровна вздыхает, поворачивается, чтобы идти домой, но замечает нерешительно осматривающегося Дмитрия.

ЕГОРОВНА: Тебе-то куда теперь, касатик? Это ить мы в дому, а тебе-то чужа сторона... Где ночевать-то собираешься?

ДМИТРИЙ: Где придётся, бабушка... Где примут, там и ночую, работа такая.

ЕГОРОВНА (в раздумье): Либо уж к нам тогда иди... Потеснимся, чай, со стариком — крещёные никак. Избы хватит.

ИВАНОВ (он уже с неохотой направился было к своему дому, но услышал, оглянулся. Неожиданно): А то ко мне... (С деланной усмешкой.) Так придёшь — гостем будешь, а ежели с этим... с винцом, так и за хозяина. Переночуешь, что ж...

ЕГОРОВНА (горестно): Кому что, а шелудивому — баня... Опять он за своё. Ты хоть бы передохнул маленько, ить не просыхаешь!..

ИВАНОВ (раздражённо): Всё б ты меня нянькала, старая... Тебе-то что? Ну посидим, эка беда... Мы ж не пьём, тока лечимся...

ЕГОРОВНА: Дрыном тебя, такого, лечить... (Дмитрию.) Вот он, весь тута. Уж вон зашла надысь, а у него и кровати большой нету, пропил, и дивана тож... Соседи мы с ним, стародавние (кивает на своё подворье). Рази ж так делают, Тимош, чтоб нажитое спускать, глаза людям тешить?!

ИВАНОВ (с неожиданной энергией): Всё-всё, Егоровна! Ты лучше, это... помоги погорельцам, что лишнее-то болтать. Огурчики там, помидоры... (Дмитрию.) Чего тебе, парень, искать где-то там... пошли.

ДМИТРИЙ (чешет в затылке): Что ж, спасибо... Спасибо, бабушка, на добром слове. Я уж у него переночую, что вас беспокоить! А с устатку можно, что ж...

Егоровна, качнув головой, уходит. Иванов и Дмитрий идут с авансцены к сеням.

ДМИТРИЙ: А хорошее у тебя поместье, жить да жить...

ИВАНОВ: Да, припозднились мы... это... с попуткой. (Дмитрий спохватывается, достаёт и даёт ему деньги. Иванов с заметной поспешностью идёт на выход, на ходу бросает): Располагайся, чего там... (Уходит.)

За плетнём проходит Егоровна, Дмитрий замечает её, окликает.

ДМИТРИЙ: Егоровна! (Подходит к плетню.) Тут такое дело... Из музея краеведческого я, ну и приехал всякую старинку у вас в Кузьминовке посмотреть — одежду, утварь разную, то-сё. Говорят, станица ваша богата была этим?

ЕГОРОВНА: Да-к когда — «была»? То расказачивали, то

раскулачивали... Слава богу — живыми остались. А то да-к не то что справу — головы не уберечь... (Замолкает. И, решившись, оглядывается и переходит чуть ли не на шёпот.) Прямо вон выводили, наших-то, — и к Уралу-батюшке, в Бесин овраг... там и решали. До-сё могилки не велят устроить. А ты говоришь.

ДМИТРИЙ: Постой, бабушка, да это когда? В девятнадцатом?

ЕГОРОВНА: Не-е, милок... в тридцатом. В феврале. Так уж лютовали-то, что прям без разбору... ну, Бог их прости. Да-к чего тебе?

ДМИТРИЙ (не сразу, сбивчиво): Ну, разную разность там... Обстановку, горшки-самовары там, прялки, лапти... что осталось.

ЕГОРОВНА (гордо): Мы в лаптях не ходили — мы работали!

ДМИТРИЙ: А-а... ну да. Так вот, посмотреть бы — у вас, у знакомых ваших. А мы б закупили, что подойдёт, не обидели бы. Пусть люди в городе видят, как вы жили.

ЕГОРОВНА (неопределённо): Да-а, жили... Да-к подходи завтра, я дома буду... А вы уж помене там, с Тимошкой-то. Сам видишь, горе-то какое — разве можно?! Одно слово — разор. Жена Бог-знат где, сын в сибирску сторону подался... только и добра, что дом ещё по брёвнышку-т не раскатали. А ить как жили-то они! Бывалоча, как улей гудело Тимофея Василича подворье, старым нам на радость. И хозяйка его — приветна была, что тут скажешь, да вот приветила не того...

ДМИТРИЙ: А что произошло?

ЕГОРОВНА (замявшись): Да как оно скажешь, про чужое... Ты-то, чай, образованный — вот и смиряй, не давай ему больно-то... А то к другому кому перейди на постой. Он хоть и смирный, когда выпьет, а по мне так все они, пьянчужки, одинаки... ото всех беда.

ДМИТРИЙ: Да мы ничего... мы немного. Поговорим, то-сё.

Входит Иванов, пазуха у него оттопырена, в руках буханка хлеба.

ИВАНОВ: Думал — не успею... успе-ел. (Егоровне.) Ты это... подбрось нам живности-то. Гость как-никак. (Егоровна уходит.)

ДМИТРИЙ: А я тут с ней насчёт старинных вещей всяких толковал. В музее работаю, приехал вот поискать. Найду что — осенью с закупочной комиссией приеду.

ИВАНОВ: А-а... Что ж, тоже дело. (Нетерпеливо.) Ну, где она там?

Появляется Егоровна, несёт в чашке помидоры, солёные огурцы; нагибается, выдёргивает из грядки несколько хвостов лука, подаёт всё это через плетень.

ИВАНОВ (несколько заискивающе): Дед Алёшка-то как — всё лежит?

Егоровна, не отвечая, уходит.

ДМИТРИЙ (негромко): С характером бабка!..

ИВАНОВ: Да мы все не без этого... Ну, давай.

Собирают на стол. Иванов приносит из сенцев стаканы и чугунок с картошкой «в мундире». Он явно не может сдержать нетерпенья, зубами срывает пробку, наливает. Они садятся.

ИВАНОВ: Ну, за стречу. Как тебя звать-то, за делом не спросил?

ДМИТРИЙ: Крестили Дмитрием. (Поднимает стакан, в который раз осматривается.) Да, хорошее место... Осточертел город. Я ведь тоже из сельских, бывших. Так у тебя что — и огород есть?

ИВАНОВ (нехотя махнул рукой в сторону сарая): Да там, за баней... Ну, давай!

Пьют, проголодавшийся Дмитрий налегает на еду. Иванов нехотя хрустит огурцом — ждёт, судя по всему, «повтора». Пьёт он тяжело, как бы через силу, пьянеет же быстро.

ДМИТРИЙ: Полное, так сказать, хозяйство: сараи, баня, огород...

ИВАНОВ: Да уж... была у собаки хата. Что, и картошка за милую душу пошла?

ДМИТРИЙ: Пошла-поехала. Погоняй лошадей, а то и её по моей голодухе не хватит. (Иванов наливает.) Что-то ничего я не пойму... что случилось-то?

ИВАНОВ (уходя от вопроса): Где?

ДМИТРИЙ: Ну, у тебя-то?

ИВАНОВ: Вон ты о чём... (Повертел бутылку, отставил; с кривоватой усмешкой.) Да я сам ещё толком не понял. Разбираюсь вот...

ДМИТРИЙ: Нет, вправду?

Иванов молча выпивает, выцеживает водку, занюхивает хлебом. Тяжело встаёт, выносит из сенцев пачку папирос, бросает на стол. Садится, закуривает. К этому времени закат сменяется на ясные погожие сумерки. Где-то начинает свиристеть полевой сверчок-цикада.

ДМИТРИЙ: Вообще-то понимаю: у каждого своя болячка, каждый свою трёт... что в душу лезть. Жёнка и у меня была, знаю... Даже захочешь если — десятой доли не расскажешь, не сумеешь, такое это дело...

ИВАНОВ (сумрачно): Эт-да... (Помолчав.) Да что, Митрий, случилось... завалилось к чёрту всё, вот что. (Обводит взглядом двор.) Развалилось, сгнило всё — а жить надо...

ДМИТРИЙ: Так уж и всё?

ИВАНОВ: Всё... (Откровенно.) Руки, Митрий, не лежат — хоть отруби да брось... Ну что я и кому теперь делать буду... зачем?!

ДМИТРИЙ: Сын-то пишет?

ИВАНОВ (заметно припьянев): Васька-то? Да пишет,

обещался побывать скоро... Старуха, небось, сказала? (Дмитрий неопределённо поводит головой. Иванов замолкает, потом всё-таки решается на рассказ.) Его там год откладывали в военкомате, а вот к октябрьским в армию теперь. А здесь, видите ль, не хочет жить — тоска, мол, ему... Будто их на этом БАМе пряниками кормят. Все уж давно оттуда, накричались — а он туда... (Усмехается.) Знаю я это, сам, чей, на ударной комсомольской пахал... «Тоска»... Да и то сказать: что вот мы с ним жить-то будем, как? Пить в два горла, что ли?.. (Замолкает. Трели цикад, тоскующие, безысходные, усиливаются.) В жизни, знаешь, как в диком поле — дорог много... иди куда хошь. А мне так не надо, не смогу. Пропаду, нельзя. Мне уж если дорогу, так одну, свою... чтоб с охотой я по ней шёл, вроде того, с раденьем. А без этого нашему брату, русскому, хана: иль, глядишь, сопьётся, или сбесится тогда, один чёрт...

ДМИТРИЙ: Да ты погоди хоронить. Глядишь, ещё наладится всё...

ИВАНОВ: А что годить? Я уж всё... чай я выпил, сахар съел. Это вам, молодым да нынешним, легко говорить, а тут... Жизню жалко, Митрий, вот что... как не жил. (Притиснул кулак к груди.) Жизню...

ДМИТРИЙ (задумчиво): Её всегда жалко: одно не сумел, другое не успел, третье... Третье сам не хотел, а пришли — заставили. Трепыхается, бедная... (С несогласьем.) Ну, ушла... да мало ль их теперь уходит? Что ж всем — в петлю?!

ИВАНОВ: Не о петле речь... Понять охота. Вот я жил, вроде того, работал, вот это всё (кивает на дом) наживал. Ну, Василий — это само собой... дочь ещё была, умерла маленькой, — ну и что? Произвёл — а сам в яму? На могилки — так, что ли?

ДМИТРИЙ: Ну, это ты с конца что-то начал... А серёдку что — выкинуть? Ну, когда хорошо всё было?

ИВАНОВ: А оно и не было очень-то хорошо. Ну, тянули от съезда до съезда... до перестройки. А у нас ведь как: одну беду отгребёшь — другая подваливает. Что, сам не видишь, как всё поворачивается? Не верю я всем этим начальничкам... так перестроят, что взвоем, вот попомнишь мои слова.

ДМИТРИЙ: Да вижу... Понимаю, горит у тебя (тоже прикладывает ладонь к груди), но ведь... Да что случилось-то?

ИВАНОВ: Да так — за рыбу деньги, как у нас гутарят... (Упёршись взглядом в стол, тяжело.) Плохое случилось, Мить, что ж ещё... Плохое.

ДМИТРИЙ: Егоровна что-то говорила тебе такое... с властями, что ль, не поделил чего?

ИВАНОВ: И с властями было... Всё было. Одного не было — добра...

Так и сидят: Иванов — уставившись невидящими глазами в стол, Дмитрий — вопросительно глядящий на него. Цикады усиливаются, свет сходит на нет.

Картина вторая

Кабинет Авдеенко. На стене — портрет Горбачева, но в отличие от обычных с пятном, с метой кроваво-красной, бросающейся в глаза. Хозяин подшивает в папку какие-то бумаги; дырокол заедает, и потому Авдеенко, собрав и подложив бумаги, бьёт по нему кулаком. Входит Дмитрий, хозяин вопросительно смотрит на него.

ДМИТРИЙ (с подчёркнутой уверенностью): Афанасий Григорич? Приветствую, приветствую... (Подаёт руку, оглядывая кабинет.) Кузовлёв, Дмитрий Петрович, областной краеведческий. Командирован посмотреть.

АВДЕЕНКО (с озабоченностью — впрочем, приветливой): Так это вы? Слышал, знаю, садитесь. Ну, как вам наша местность, люди? (Не дожидаясь ответа, несколько укоризненно.) С ночлегом вы поторопились, однако — да-с... Ну так вы бы к нам обратились, мы бы... Не беспокоит?

ДМИТРИЙ: Да нет, знаете... Наоборот, интересно было глянуть. Да, интересно, знаете ли. Все мы люди, все человеки — какая разница.

АВДЕЕНКО: Разница? Ну как: вы всё-таки культурный человек, с области, вам приготовить надо, отдых обеспечить, то-сё... Мы обязаны содействовать, наша задача... э-э... выполнять нашу задачу. И потом: как вы, наверное, уже знаете, он вернулся недавно из этого... вы в курсе дела?

ДМИТРИЙ (со значением): Да в курсе.

АВДЕЕНКО: Ну так вот, всё это не может не накладывать. Он вам что, рассказывал? (Дмитрий уклончиво повёл головой. Авдеенко обеспокоено глянул.) Нет? Одним словом, вот так... А жалко, работник был. И поверьте, мы все меры приняли, чтобы отстоять его, так сказать, взять на поруки там... не дали. И его посадили, и нам, понимаете, оргвыводы — неофициальные, конечно, за это официальные не дают; но, сами понимаете... (Разводит руками; наклонившись к Дмитрию, с неожиданной доверительностью.) Трудный, знаете, всё-таки человек. И работать разучился, и пьёт... какой уж месяц пьёт. С женой у него ещё это — а мы отвечай. Он ведь опять наш теперь — приняли, так сказать, по эстафете. Говорили уже с ним, меры пытались принять — нет, не помогает... Ох, народ! Глаз да глаз нужен с этим народом.

ДМИТРИЙ: Ну, раз уж о нём речь зашла — помогите ему трактор получить. Неужели ж не хватает для него? Никогда не поверю.

АВДЕЕНКО: У нас-то? (Поморщившись.) Да есть они у нас, дело не в том... На днях вот ещё два «дэтэ» подошли — есть... Но ведь новый-то ему не дашь. Старый — и то дать опасно, вдруг по пьянке опять что-нибудь содеет? Конечно, с предколхоза можно поговорить, но... А он что, сам выразил такое желание?

ДМИТРИЙ: В том-то и дело, и к председателю уже ходил. Я с ним говорил, и он, между прочим, многое понимает. (Категорично.) Нет, не надо бы тянуть с этим!

АВДЕЕНКО: Да? А со мной, знаете, молчит... Да, молчит, слова не добьёшься. Упрямейший человек, знаете, и анархист вдобавок... уж не знаю, как вам. Так вы полагаете?

ДМИТРИЙ (подстраиваясь под учрежденческий жаргон): Я полагаю, да. Работать он может. И, я убеждён, должен работать!

АВДЕЕНКО: Да? Ну хорошо... Я вам прямо скажу, сам так думал. Хорошо. Решение принято. А там посмотрим... да, поглядим. Цацкаться не будем, в случае чего, это наш долг. У нас государство, а не какой-нибудь бардак. Я даже сейчас могу позвонить. (Набирает номер, отваливается на спинку кресла и, сосредоточенно глядя куда-то в пространство, ждёт.) Алё, Катя? Катя, где там Сергей Николаевич? У экономиста? Да нет, пригласи. Попроси, да. Дело, без дела мы не звоним... (Дмитрию.) Красавин, предколхоза, Сергей Николаевич. Советую познакомиться. Сейчас как раз качка мёда закончилась... Алё, Сергей Николаич? Да, я. По делу. Помнишь, об Иванове говорили... да, о «зэке» нашем. Так я полагаю, что надо уже дать ему технику, пусть хоть на зябке попашет, потренируется, так сказать. Старые два освободятся... Как, уже решили? Когда? Ага, ага... Конечно, что он — первый раз замужем... Так и сказать ему? Ладно, поговорю, настропалю... Лады. Да. Ладно, заходи или пошли кого. Давай! (Кладёт трубку, довольный.) Ну вот, дело сделано. У нас, как видите, оперативно. Так и передайте Иванову. Впрочем, нет: скажите, пусть зайдёт сюда, я с ним сам... Ох, народ... ещё тот контингент, знаете. Ну а вы? Может, вы ещё по какому делу? (Мнётся.) А то из области по разным делам... э-э... прибывают: то, знаете, по заготовительной линии, а то и... (Смотрит нерешительно.) Бывает всякое. Из органов бывают. Я помогу, если что потребуется.

ДМИТРИЙ (не торопясь отвечать): Нет. Спасибо. У меня к вам только один вопрос.

АВДЕЕНКО: Да, я вас внимательно слушаю.

ДМИТРИЙ: Может, вы мне посоветуете, как местная власть: к кому тут можно зайти старинные вещи посмотреть? Нас интересует история, казачий быт, его

принадлежности... Дело нужное, государственное.

АВДЕЕНКО: Да-да, я понимаю... Нет. (Разводит руками.) Человек я приезжий, даже... э-э... городской, служил в гарнизоне — нет. Но постойте, посидите, я сейчас. (Идёт к двери, открывает её; из соседнего кабинета слышен женский смех, мужской голос басит что-то, и женщина опять заливается: «Ой, не могу-у!..») Нюшка! (Смех мигом смолк, наступает выжидающая тишина.) Нюшка, ч-чёрт!.. (Женский голос, ещё истомный от смеха: «А её уж нет, прибралась и ушла. А вы что хотели?» Авдеенко не отвечает, возвращается за свой стол.) Ушла, а жалко. Она бы вам порассказала, большой мастер на это дело.

ДМИТРИЙ: Кто — «она»?

АВДЕЕНКО: Да уборщица... техничка то есть. Мастерица болтать. Вы подождите, я её призову. Она вам все местные басни порасскажет.

ДМИТРИЙ: Да нет, не надо, я уже виделся с людьми, говорил, смотрел... Не надо, ладно. Не буду вас больше отвлекать. (Встаёт, ещё раз со значением оглядывает всё, смотрит за окно. Авдеенко обеспокоенно следит за ним.) Ладно. Командировку вы сами отметите?

АВДЕЕНКО: Да-да, это не вопрос... (Подышав на печать, с удовольствием пришлёпывает ею поданную бумагу, подписывает.) Приятно было познакомиться с культурным человеком... не каждый, знаете ли, день... (Провожает гостя к двери.) Заходите ещё, гостям всегда, понимаете ли, рады. Посодействуем.

Дмитрий выходит, кивнув небрежно. Авдеенко закрывает дверь, некоторое время стоит, хмуря брови, пытаясь думать. Ни до чего не додумавшись, недоумённо пожимает плечами и идёт к своему столу.

Картина третья

Двор Ивановых. За столом с остатками ужина сидят Иванов и Дмитрий, порядком подвыпившие. Судя по всему, они пьют второй день, в них чувствуется уже некая усталость. Дело опять идёт к вечеру.

ДМИТРИЙ: Тимофей Василич — плюнь!.. Как-то жить всё равно надо, за нас никто не будет. Сама-то по себе она ничего, жизнь... прячется только вот, хоронится от нас. В прятки свои хреновые играет.

ИВАНОВ: Я понимаю. Вот о-очень всё понимаю!.. (Приложил кулак к сердцу, прижал — и не выдержал, стукнул им по столешнице, постекленел глазами.) Не знаю только — как... Вот убей Бог, Мить, — не знаю! Аксютка — она, с-сука, меня убила... (После паузы.) Ить двадцать четыре годочка с ней как один день... Дочку похоронили... пяти лет. Дом горел потом, ладно... А так всё как у людей. (Тяжело

осматривается.) Работали, вот это всё нажили, каждой досточке в хозяйстве рады были... вместе. А ходила как за мной она, перед судом-то... В ниточку вытягивалась, разрывалась — и дома, и в больницу, и к прокурору... усохла как щепка, одни глаза остались, думал — упадёт баба... И н-на тебе! (Угнувшись, после паузы.) Я как получил, вестку-то... зачем, думаю, жил-то? За каким? А как раз весна, лес тихий стоит, ясный, свечечки повыставил... Я ить, Мить, тово думал... под лесину, думаю, и чёрт с вами со всеми! Если б не весна-то... (Молчит, смотрит в желтоватый прозрачный свет заката; слышна небогатая по осени здешняя жизнь. Дмитрий наливает в стаканы.) А поначалу Егоровна мне написала со стариком своим... уж как они тюремный адрес мой нашли — не знаю, у братовьев двоюродных небось. А потом и она прислала. Думал, труба мне будет. И всего-то месяц не дождался я до «химии» — а то бы приехал, посмотрел, как оне тут милуются...

ДМИТРИЙ: Скоро на «химию»-то отпустили?

ИВАНОВ: «Скоро»... А через года полтора почти... лес-то нужен стране ай нет? Вот я и валил его — как в песне... Спасибо — сюда направили, на газзавод. Ну, я к начальству первым делом: так и так, отпустите. Пошли навстречу, отпустили дней на пяток. А их уж нет, уж увёз он её. Думал голову ему разбить, а там пусть опять сажают... я уж всё прошёл, этим не испугаешь теперь. (Усмехается криво.) Бог берёг, не застал. Я оттудова, а они туда, в леса. Да и толку-то... Он, говорят, уже у нас был в Кузьминовке, при мне ещё... в смысле, не у ней, а вообще. Оне, вятские, давно сюда наезжают, к весне так. Шабашут, дома рубют — плотняка они хорошие, что скажешь. По вдовушкам нашим расселяются, тем и живут... (Прикурил; продолжает, пытаясь рассказать с иронией.) Ну и, видать, встретились, слюбились, бойкий тот был... Такая, говорят, любовь у них открылась — друг без дружки дня не терпели. Под конец и у хозяев не ужинал, прямо сюда задами... торопился. Ну, и она... А народ — он всё видит. А муж объелся груш. Ты где-то там, а у них природа — с бабами так... Ну, и поехал назад... дослуживать. А ты говоришь — не пей. Ты-то вот что со мной сидишь, пьёшь?!

ДМИТРИЙ: Ну, моё дело тоже... Полоса такая у меня.

ИВАНОВ: Вон ты как заговорил — «полоса»... А у меня, добрый ты, Митя, человек, теперь без полос... всё насплошь пошло. Сучок вон отгнил, так и я. И никому дела нет. Был сучок, и сколь на нём висело всякого... что хотели, то вешали. А теперь не нужон стал — пропал Максим, ну и хрен с ним... А я ить живой, сучок-то... (Отвернулся, глянул куда-то исподлобья; хриплым голосом.) Страх как жалко... И виноватых нету, кругом сам виноват.

ДМИТРИЙ: Ты, Тимофей Василич, вот что... кончай! Ты потому так говоришь, что побить кулаком себя в грудь хочешь, ритуал наш занюханный исполнить. Сам он виноват... это уж ты слишком. А Беленький, а другие?! Нет, ты кончай!

ИВАНОВ: А что — Беленький? Мы, если хошь, сами больше себе вредим — сами... Нам помогать дюже не требуется. Не, Беленький не причина.

ДМИТРИЙ: А что, следствие?

ИВАНОВ: Следствие? (Подумал.) Да-к а что? Видит — дураки; а что бы ему не покомандовать, всамделе? Дураков учить надо — вот и учат. Кого-то научили, может, а больше таких, кого никакая наука не берёт... нас таких в Рассее — учить не переучить. Мы всё других норовим обвиноватить, на других свалить — ну, а сами-то каковы? Что уж, больно хороши мы, что ли?.. Нет, Митрий, народец мы тяжёлый — неподъёмный прямо иной раз народ. Нас раскачать — семь потов пролить... а раскачаешь — так не остановишь потом, тоже беда. Потому что большой народ, разный. Я вон немцев повидал, с ими куда легчей управляться — все одинаки, в мыслях порядок. А мы ить упрямые, без понятия. А своно нет понятия — иди к соседям. Насоветуют нам со стороны, нашепчут, мы и пошли чертоломить... А своё-то разуменье есть иль нет? Нету. Сами-то подумали? Нет, мол, забыли... Оглянешься вот так, оглядишься, а сам, оказывается, и виноват, не кто другой... И вот должен теперь всех понимать, не только себя.

ДМИТРИЙ (не понял): Как это?

ИВАНОВ (горько): А так. Не тягай я эту снасть — и Беленький мимо бы прошёл... не за что ему бы уцепиться было. Захотел бы, а не взял — не за что. Так бы и вся злоба его впусте прошла... А теперь что ж... Меня никто не понял, а я теперь понимай всех. Потому что виноват. Я ведь и Аксютку... стараюсь вот понять — а никак, сердце, вроде того, мешает. В другой раз убил бы, не пожалел; а потом раздумаешь — нет, что-то не так. Не то... Сам упустил, раньше. Всё самотёком, между делом, кое-как... на кое-как пронадеялся. А нельзя на кое-как такое. Ну и тот — всерьёз, видно, зацепил её. Нетерпеливая была, не то что я... с-сучка! (Поднял на Дмитрия злые, беспомощные глаза.) Что вот теперь делать?

Видно, что Дмитрий не знает ответа и пытается думать. Иванов, мотнув головой, тянется к стакану.

ИВАНОВ. А мы вот щасик ещё... Ты это правильно сказал — плюнь! Люди мы маленькие, проживём как-нибудь... а из нас, маленьких, какая-никакая, а Рассея состоить — большая, вот так!

ДМИТРИЙ: Не, Тимофей Василич... давай, это, подождём, охолонём. И так уж выпили, не на стенку ж лезть...

ИВАНОВ (не ставя, впрочем, стакан): Да-к можно... Всю не выпьешь, эт-точно, её на нас наделали... Ты не гляди, что я так... я, вроде того, за компанию. Я ить как не хотел, боялся её — а привык. Нужда, вроде того, заставила, братцы-«химики» подмогли. Оне настырные, любят на халяву — ну а мне всё легче, не одному. Меня там (ухмыляется, качает головой) знаешь кликали как? Безменом колхозным... додумаются же, суки! Оне такие. Посидим, бывало, душу отведём. Как я туда попал, к чему был — шут его знает... Я мужик, вроде того, а там собрались всякие такие... ни городские, ни сельские, а все какие-то червивые, с изъяном. Психовые все, изломанные — как, скажи, через молотилку их всех пропустили. Но — (тяжело встал, покачнулся и сам усмехнулся этому, иронично поднял палец) но утешать они — мастера-а... Никакой поп, скажу тебе, не утешит, как они. И послушают, и поймут... слезами с тобой рядом обольются — и ведь не врут, считай, вот ить какое дело! Ить не притворяются, всамделе плачут... чудеса! Есть с чего, видно. А по мне, так все они там подпорченные, мало-мало кто с толком, по нечайке... Послушаешь, пожалеешь, а потом себе на уме думаешь: правильно, так вашу мать, засадили сюда вас, дураков... не мешайтесь под ногами, не портите добра — его и так мало. А вдругораз раздумаешь опять: жалко, свои как-никак, в одной упряжке ходим. Не судите, да судимы не будете — так один армянин у нас там говорил... у-умный человек. А я и сам психоват стал, разве я не понимаю. (Смотрит на стакан в руке, колеблется, пьёт. И садится опять, занюхивая хлебом.) Мужики вон наши: как вернулся, так вроде б с опаской меня обходют, с уважением: чёрт, мол, знает его, чему он там научился, тюремщик... А чему я научился? Психоват, эт-точно. А так ничего, какой был.

Разговор как-то исчерпывает самоё себя. Дмитрий смотрит на соседское подворье, замечает горшок на колу плетня. Толкает локтём Иванова, показывает глазами.

ДМИТРИЙ: Всё время удивляюсь: такие времена прошли — костоломные, люди как мухи... да какое там — мухи, как вшей давили, а горшок какой-нибудь или книжка — целы... Этому вот — лет шестьдесят, это уж точно...

ИВАНОВ: А что — надо? Это мы... м-мигом! (Поднимается, идёт к плетню.) Пошли. Егоровна!.. (Слушает.) Это мы спровторим. Старух, где ты там?!. Она куда-т уходила нынче: ты Авдеенку искать, а она... (Появляется Егоровна.) Ага, вот она. Егоровна, мы тут вроде как с делом к тебе... ты как?

ЕГОРОВНА (сердито оглядывает их): А никак. Я думала — свежи, а они всё те же... Ишь спарились — и не стыдно?!

ИВАНОВ (с пьяниной): Ты не ругайся, старух, обожди... Горшок мы у тебя сторговать хотим. Человека спецом с области прислали, старинку вашу занюханную собирать... гордиться должны!

ДМИТРИЙ: Правда, Егоровна, — хоть свозить, показать...

ЕГОРОВНА (немного растерянно): Да-к я что... Отдать бы можно — только как же мне без него? Очень уж уваривается всё в нём, и пахнеть духовито, что ни сготовь. Без него нельзя.

ИВАНОВ: А мы те, старух, чугунок — хошь?!

ЕГОРОВНА: Да-к как же-ть...

ИВАНОВ (торжественно): Будет те чугунок — полведёрный! Эт мы щас... давай горшок. Как не уважить человека?! Хороший человек, Егоровна, ты мне верь. А чугунок я щас принесу, нужен он мне...

ДМИТРИЙ: Тимофей Василич...

ИВАНОВ: А ты мне не перечь... я знаю, что делаю. Она вон там наоставляла — к чёрту! Всё бы повыкинул, сжёг — да сил нету, жидковат стал... Была б сила — вы б узнали!..

ЕГОРОВНА (охает, крестится): Господи... Да што ты, Тимош, опомнись... что говоришь-то?!

ИВАНОВ: Да вот то... (Покривился, махнул рукой). Ладно. Ничего-то я не сделаю... А чугунок счас принесу, подожди. (Уходит.)

ЕГОРОВНА (всё ещё с каким-то испугом провожает глазами Иванова): Ох, господи... паси нас и помилуй!.. (Дмитрию.) Да-к мы тебя ждали, утром-то.

ДМИТРИЙ: Да вот, Авдеенку я искал, ждал... не дождался. Ну, то-сё потом. Я зайду, завтра.

ЕГОРОВНА: Ох, что уж вы так-то... И Манька его не остановит, видно.

ДМИТРИЙ: Да так... получилось так. Какая Манька?

ЕГОРОВНА: Да продавщица. Сходятся вроде, а... А не знаю, только уж горить всё в нём. Ох горить...

Уже стемнело. Из дома выходит Иванов, включает лампочку над дверью сенцев; несёт, спотыкаясь, чугунок и крышку к нему, подаёт Егоровне.

ЕГОРОВНА: И не думай, не возьму. Ишшо чего — помогать тебе буду именье зорить... Берите уж так.

ИВАНОВ: А я сказал — бери! Я сказал иль нет?! (Бросает чугунок и крышку к ней за плетень, на траву.) Вот так. (Дмитрию.) А горшок — твой... пущай им государство хвалится.

Егоровна с боязнью смотрит на него, поднимает чугунок с крышкой и уходит.

ДМИТРИЙ: Да неловко как-то...

ИВАНОВ: Бери! (Снимает горшок, идёт к столу; ставит, смотрит.) Эт-ты верно... лучшие в мире калоши! Это в анекдоте,

мне сказывали: с десятого человек слетел, ну и вдребезги... а калоши — целы!.. (Кладёт руку на плечо Дмитрию, усаживает). Ты, это... ты ить из сельских, так?

ДМИТРИЙ: Да считай так...

ИВАНОВ (он опьянел; кивает, трясёт серыми от седины волосами): И я тоже. Мы, это... да, сельские, безмены колхозные. А нам что сельским, что городским — цена никакая... калоши целы, и ладно. У нас там, на «химии», комендатура — знаешь? — комендатура эта, двадцать штук ментов и Ступак при них, этот... начальник, так? Там, знаешь, всяко было... по морде, и будь здоров! И гуляй... Да-к вот: шах-мат-но (подымает палец, многозначительно жмурится) шашечный объявил Ступак... этот... турнир! На весь жилгородок, на семьсот морд! А награду... (трясёт Дмитрия за плечо) награду знаешь какую — за первую месту? Не знаешь... Свободу! Как, а?! Свободу... А как обидно, Мить! Я колочусь, ночьми ворочусь с боку на бок, а они... Ты разберись со мной, виноват я иль нет, ты пойми меня... кака разница, умею я в эти шашки иль нет... ить человек я! А им — им плевать...

ДМИТРИЙ (не очень верит): Что, неужто было так? Свободу?

ИВАНОВ: Так! Христом-богом!.. (Пытается креститься, у него не получается, машет рукой, сплёвывает.) На все, мол, четыре стороны... И ты знаешь: не стали ребяты... это... играть. Не стали. Што мы, скоты какие?! А как обидно...

ДМИТРИЙ: Всё, Тимофей Василич, спать давай...

ИВАНОВ: Счас, Мить... погоди. Дай сказать. Вот я жил тут, растил всё, колотился... для чего? Тут о-очень надо подумать. А ежли, подумать, по-другому бы... а? Без обману? Понимаю — где закон, там и обида... а всё ж? Вот Заводской — сучок, конечно, но тут дюже надо подумать. А я ить... эх! А Богомаз мне — за иконы сидел, п..ор, старух наманывал, — плюнь, говорит... А я... Мне, Мить, выйтить надо.

Дмитрий помогает ему подняться, провожает до двери сарая. Иванов, держась за косяки, скрывается там. Откуда-то, тихие и умиротворённые, наплывают трели цикад. Дмитрий стоит, глубоко вздыхает, вдыхает воздух, смотрит на совсем померкший закат, на силуэт порушенной церкви. И спешит к выходящему из сарая Иванову, подхватывает под руку.

ИВАНОВ (вздыхает, трясёт головой): Мить, ты погодь... Молод ты, а я... Ты молодец, вроде того, понимаешь... а молод. А я уже всё. Мне уж за мою жизню стоко перед носом грозили, наманывали... всё. Надорвался, да. Ты обожди... Ты куда меня?

ДМИТРИЙ (ведёт его к дверям дома): Давай-давай... спать. Пошли, Тимофей Василич. Всё, спать надо.

ИВАНОВ: Спать? Ну, давай спать... Хрен с ними со всеми. А я

всё, хана... А мы вот завтра... мы рыбачить пойдём — а што?! Сходим, плевать, чем мы хуже...

Идут к сеням.

Картина четвёртая

Горница в избе Егоровны. Обстановка самая скромная, но всё прибрано, чисто, аккуратно. За откинутой занавеской кровать, на ней, свесив больные ноги, сидит дед Алёшка — сухонький, подвижный несмотря на болезнь. Дмитрий сидит за столом, накрытым скатертью. Егоровна согнулась над большим, старой выделки сундуком, роется там. В углу стоит снопряха, на стене тикают ходики.

ДЕД АЛЁШКА: Ты ему стан покажи, ткацкий... небось, и в глаза такого не видел? На кой он ляд теперь, тока место в анбаре занимает. А ить, бывало, ткали: ночь-полночь — стучит сидит моя молодка...

ЕГОРОВНА: Покажу ишшо, успеется... (Глядит на Дмитрия.) Глаза-то у тебя... так и не завтракали?

ДМИТРИЙ (с неудобством): Да чайку попил. Хозяина нет, с утра ушёл...

ЕГОРОВНА (качает головой): Ох, ребяты... да рази мыслимо, как вы-то?!

ДЕД АЛЁШКА: Ладно-ладно... завела. Они сами большенькие, пусть их думают. Нехорошо это, конечно. Тольки и Тимошке несладко, что тут... Ты лутше покорми человека. Покорми. И занавеску как следует отодвинь — што я, доходяга какой?! (Дмитрий отодвигает занавеску. Егоровна приносит жареной картошки на сковороде, хлеб, кружку молока, Дмитрий благодарит, ест.) Загужевали, значитца? (Подмигивает Дмитрию, довольно-таки одобрительно хекает.) Ничего, пьяный проспится, а вот дурак никогда. Хорошая кровь себя всегда окажет; а Тимошка — человек недурных кровей, отца-мать, дедов его знал... не казачья хоть кровь, а добрая, что скажешь. Это он ослаб.

ЕГОРОВНА: Да какоё ж «ослаб», когда не просыхаеть?!

ДЕД АЛЁШКА: Ничо, девка... это он с перепугу, сразки. Оно так бывает. Ну а ежели б мы пили тока да не закусывали — мы бы и живы не были. А мы-ще живём, слава богу... Посравнить, как до войны да после войны — не-е... Как там ни шло, а хорошую мы жизню завоевали. Другое дело, что нас самих на неё не хватило — ну это ладно... Вот и Тимошка: может, последний он такой горюн, кто-ё знает... Люди другие щас пошли, полегше; у них и горя-то, небось, полегчали, на другой манер пошли. А винцо — дело такое: дурака валит, умному силу даёть. Ты вон спомни, как жили... мы што её, шутейно пили?

ЕГОРОВНА (бормочет): Да ты-то уж попи-ил...

ДЕД АЛЁШКА: Нет, не шутейно. Всерьёз. А ить ничево, живы.

ЕГОРОВНА: Тольки и живы...

ДЕД АЛЁШКА (сердится): Да што ты за бестолочь такая! «Тольки и живы»... што ты понимаешь в этом?! Ты меня много домой мокрого притаскивала? Всегда сам на ногах приходил и ума николи не терял, слава богу. А теперь и вовсе отрезало, всему свой срок. Дёшево бы стоили, ежели по-твоему... А мы не дешёвки, нет, Русь себя ишшо покажеть! Дураков соскребёть и покажеть... (Вздохнул.) Тольки развелось их — бери не обери. Друг на дружке сидять, медалями себя увешали... ходють, как быки-медалисты, и всё им мало. Да и наш брат тоже... (Опять вздохнул.) Ладно-ть. (Егоровне.) Ты его как-нибудь зазови, Тимошку, я с им поговорю... он всегда разумел. А ума нет, так ничево не поможеть. Ты лучше, старая, скажи, куда мы колодки для валенок сунули? (Дмитрию, хмуро.) Какой из меня теперь вальщик... Бывало, всей станице валял, в ноги приходили кланяться... теперь всё. Анадысь приносили мне фабричные показать — жесть, а не валенки, и сляпаны кое-как... А моя колодка известная была. Бери да-к...

ЕГОРОВНА: Так их Фёдор просил, у нё своих не хватает. Грит, заплачу — хороши колодки, старинны...

ДЕД АЛЁШКА: А-а... ну, тады не обессудь; пусть люди попользуются.

ДМИТРИЙ: А вот справа казачья какая-нибудь... мундир там, фуражка?

ДЕД АЛЁШКА: Мундир есть, как не быть. Отцов. И фуражка, само собой. (Неожиданно жёстко.) Тольки к этому я власти и дотронуться не дам. Наизмывались до смерти, а теперя... Не, и разговор не заводи. Срок придёт — сам в ём и лягу. (С неожиданной опять-таки лукавостью.) Ты вон лучше у старухи снопряху выпроси...

ЕГОРОВНА (чуть не плача): Ты чё ж, окаянный, человека морочить... куды ж я без снопряжи?! (Дмитрию, умоляюще.) Не слухай его, ради Бога!

ДМИТРИЙ: Да он шутит же...

ЕГОРОВНА: Всю жизню он шутит, проходу нету...

ДЕД АЛЁШКА (посмеиваясь): Ага, испугалась... А то за мундиром она в сундук полезла — какая доброхотная...

ЕГОРОВНА (всё переживая): Я не за им... Я показать, што к престольной надевали...

ДМИТРИЙ (несколько смущён): Да не беспокойтесь, пожалуйста. Я просто глянуть... то, что вам самим за ненадобностью...

ДЕД АЛЁШКА: Да-к тут уж ничего не надобно, окромя смертного... Скушная житуха мне пошла, добрый человек, — как на чепь посадили... Ребяты наши Бог знат где, один свет в окошке, что старуха: придёт, расскажет, где и как, вот и вся информация.

Да радиво. (Задумчиво.) Бо-ольшой свет божий, чего тольки не услышишь. Раньше вроде б как не знал: ну, живёт там кто — ну и пусть живёт, у меня своя жизня, со своей бы управиться. Мне и дела не было, как они там. А счас вот как проглянул, вроде б как наружу высунулся — много всего... Ох много. И до чего ж все друг дружку не любють: ругаются, обзывают как хотят, дерутся, грозят — как им земля мала... Как бы, думаю, худа не вышло. Худо — оно ить всегда под рукой, искать не надо: взял да промеж глаз... Што у вас-то говорят про это, в области? Насчёт перестройки-то?

ДМИТРИЙ: Да боятся, дядь Лёш. Сам ведь слышишь: не на лад как-то дело пошло. Зовут, а сами не знают куда... Всякая сволота повылезла, поналезла в Кремль — та самая, которая в подпевалах рьяных была, самые троцкисты... помнишь, небось? Только теперь всё наоборот готовы переделать, всё наше переделить — ну, общее... Помнишь, как в двадцатых?

ДЕД АЛЁШКА (ложится, кряхтя; со вздохом): Как не помнить... Всю-то жизню нам переломали, нехристи, народ проредили — а за каким, спросить? Мы што, хлеба меньше давали иль, сказать, людей под ружьё? Э-э, да што говорить... (Вспомнил.) Да, а корчага-то наша, как же-ть мы забыли!.. Уральского литья, трёхведёрная — на подлавке лежить. Дно проломано малость, а так всё честь по чести: и листья по ней, и птицы... (Старухе.) Нука своди, пусть слазиет наверх...

ДМИТРИЙ (встаёт из-за стола): Спасибо за хлеб-соль.

ДЕД АЛЁШКА: Не за что. Слазий, глянь — ей уж сто лет никак. Да приходи, погутарим. Люблю погутарить, да вот ноги языку не помогають. Бастують, стервы...

Картина пятая

Двор Ивановых. За столом сидят Заводской, Рыжий и Иванов. На столе бутылка, стакан, хлеб и несколько сушёных рыбёшек.

РЫЖИЙ (продолжая): ...а то я его не знаю, красавчика. Ему-то что, у него корова всю зиму на сене лежит. Нам обещал, прямо в грудь бил: выручайте, не обижу! А как отскирдовались — забыл...

Появляется Дмитрий.

ИВАНОВ: А вот и квартирант мой. Садись давай, Митрий... не побрезгуй, опохмелись. (Мужикам.) Музей они там затевают, старинку вот ищет. (Дмитрию.) Как, нашлось что у Егоровны?

ДМИТРИЙ: Да мы с ней дворов пять обошли, есть кое-что. Приедем закупать.

РЫЖИЙ (с неожиданным интересом): А чем же вы, например, интересуетесь? Какой-нито одёжей или как?

ДМИТРИЙ (по-свойски, с усмешкой): Да вот всем, что

постарше тебя. Прялки, инструмент, зыбки ребячьи... Кровать вон резную показали, дубовую, хоть сейчас ложись и спи, крепкая. Старое нам всё годится.

ЗАВОДСКОЙ (серьёзно): Тогда забирай мою старуху. Надоела, всю шею переела... Забирай!

Не торопясь смеются. Заводской хозяйски наливает стакан, Иванов подаёт его Дмитрию.

ИВАНОВ: Давай.

ДМИТРИЙ: Ну, будем знакомы.

ЗАВОДСКОЙ: Знаком ни на ком. Давай. (Дмитрий пьёт.)

ИВАНОВ (Рыжему): Ну так и что ж?

РЫЖИЙ: Да ничего. Потолковали мы с Красавиным — он ни в какую... Не могу, мол, и всё — начальство сверху не велит. Вот свезём, дескать, сенцо на базы, взвесим, посчитаем — тогда, может, что и выделю на проценты...

ЗАВОДСКОЙ: Дураки вы дураки... цыган лошадь «завтрой» кормил, она и подохла. (Вынул из кармана, кинул на стол ещё несколько рыбёшек.) Я б из глотки у него вырвал, эти проценты... А ведь сами вы допустили, распустили ихнюю братию. Нет, легко им с вами, дураками, жить.

ИВАНОВ (пытаясь сдержаться): Ну не всем же такими умными быть, как ты... (Поднимает на Заводского глаза — уже злые, тоскливые.) Что ты ума-то всем тут даёшь — своего, што ль, излишек?!

ЗАВОДСКОЙ: А что с вами лук чистить, коль вы своё взять не можете? А они видят такое дело, сели на вас да погоняют, посвистывают. Глядеть тошно.

ИВАНОВ: Куда как ты умён... умё-ён, со стороны-то. Ну а если я вот встану, возьму да твой ум немного об стенку постукаю — это как?!

ЗАВОДСКОЙ: Ты... ты что, Тимошк, сбесился, что ль? С чего ты?

ИВАНОВ: С тово! Знаю я вас, захребетников... перевидал, гадов! Наш хлеб жрут да ещё поучают!..

ЗАВОДСКОЙ: Ты это брось, какой я тебе... Я, парень, на заводе работал, целину, это, брал... ты брось!

ИВАНОВ: Знаем твою целину, ты нам не рассказывай — рядом она (кивает в сторону)... Деньгу вы туда рвать, землю уродовать... ни зерна, ни травы! Всё знаем! (Не сдерживается.) А я... я за твой перетяг, если хочешь, два с полтиной года отмотал — за твоё паскудство! Ты и это знаешь, ты не прячь глаза! Ты, паскуда старая, рыбку ел, а я парился!..

ЗАВОДСКОЙ (ощерился): А ты б не тянул... ты что тянул-то? (Насел голосом.) А что ты клепаешь тут, какой он мой?! Ты откуда это...

ИВАНОВ: Оттуда! Не знал бы — не говорил... комедию мне

не ломай! Мне потом парнишка рассказал один, как ты с лодки ставил, с-сучок!

ЗАВОДСКОЙ: А ты что ж, чужое тянул?! Виноватых он ищет... Честный какой нашёлся, работяга — на чужой счёт лакать... (Толкнул пустой стакан, тот покатился.) Что тянул-то, милок?

Иванов угрожающе поднялся, сделал шаг к Заводскому. Тот не по-стариковски поспешно вскочил, отступил за лавку. Рыжий изумлённо смотрит, переводя взгляд с одного на другого.

РЫЖИЙ: Дай ему, Тимох... сучку!

ИВАНОВ: Я-то внечайку, видит бог... я-то искупил, а вот т-ты! (Резко и в то же время обессилено как-то отпихивается от рук Дмитрия, вставшего между ними.)

ДМИТРИЙ: Кончай, Тимофей Василич... ну, не надо, брось. Толку теперь... Брось!

Появляется Мария, никем не замечаемая, останавливается, смотрит.

ИВАНОВ (глядя с ненавистью на Заводского): Старость твою... а то б ты поплясал у меня! Коз-зёл! Ты жить потому умеешь... мы потому что не умеем. Давай вали отсюда, заметайся, не трону! Сам скоро околеешь.

ЗАВОДСКОЙ (мгновенье стоит, смотрит, глаз его почти не видно в прищурке. То ли с сожаленьем, то ли презрительно косится на стол и поворачивается, идёт. На ходу оглядывается): Ты, Тимошк, не больно гордись, я ещё тебя переживу... (Уходит.)

МАРИЯ (глядит с укором): Что ж уж вы так-то, мужики?.. Шли б лучше по домам, чем шуметь зря...

ИВАНОВ (с некоторой неловкостью уже): Да ничего, Мань, ничего... выясняли тут. Один тут было уму-разуму начал учить — пош-шёл он вон!

МАРИЯ: Кто, Заводской-то?.. (Глядит Иванову в избегающие глаза, жалеюще.) Не надо бы, Тимофей Василич... Он, видно, сроду такой, что с него возьмёшь. Что теперь...

ИВАНОВ (покорно): И то... Мы счас, Мань, ты обожди. Ты зайди.

Мария, качнув головой, поворачивается, идёт к выходу. Тимофей хочет что-то сказать ей, удержать, но Рыжий дёргает Иванова за полу, кивает на стол — садитесь, мол. Все садятся.

РЫЖИЙ: Так вон оно что, значит, — Заводского перетяг... (Наливает.) А где ж раньше-т он был, мальчонка этот?!

ИВАНОВ (устало, оглядываясь в ту сторону, куда ушла Мария): Отец-мать не велели. Нечего, мол, другого впутывать, грех брать на душу.

РЫЖИЙ: Ну а ты что ж?

ИВАНОВ: А што — я? Их тоже, вроде того, понять надо...

РЫЖИЙ: Вон оно што... А он ить вправду переживёт — а, Тимох? Такие до ста лет живут.

ИВАНОВ: Смерть всё равно не обманет... это не рыбнадзор тебе. Налил? Ну, давай. (Рыжий пьёт.) Такая вот жизня... (Дмитрию.) А мы вот что... мы баню давай истопим — а, Митрий? Сто лет уж, кажись, не парился... душа усохла.

РЫЖИЙ: Может, ещё на одну наскребём?

ДМИТРИЙ (твёрдо): Нет, хватит.

ИВАНОВ (с некоторым смущеньем почесал затылок, усмехнулся сам себе): Да это он так... по инерции, вроде того. Ни к чему, эт-ты верно. Другое дело, когда нужна она.

ДМИТРИЙ: Это когда ж?

ИВАНОВ: Ну, как сказать... бывает, что нужна. Всё, закругляемся!

РЫЖИЙ (с сожаленьем): Н-ну, Манька!.. Ладно, бывайте. (Уходит.)

Иванов и Дмитрий молча, будто задумавшись, сидят.

ИВАНОВ: Баня так баня — давай... (Встаёт, берёт топор, начинает перебирать у сарая всякие обрезки и щепьё, отбирая на дрова что похуже.) Таскай, мы её мигом протопим, дровами-то.

Дмитрий набирает дрова на руку, уносит в дверь сарая. Возвращается, ждёт, пока наберётся ещё. День склоняется к вечеру.

ИВАНОВ (приостанавливается, оглядывает двор, с тяжестью на душе): Всё подкосилось, падает... всё. Дровец вот на зиму надо, брикету... всё надо искать, доставать. Подваливает заботушка, м-мать её за ногу... (Втыкает топор в колоду, после паузы.) Времечко идёт, воды одной в Урале сколько утекло теперь... одни мы на месте. Никак мы не меняемся, Мить. На што уж нас ломали, гнули через коленку и по-всякому — нет, мы как были, всё те же. Я вот подумал: а что, если не переделаемся? Это ведь так и будет всё идти тады, по-старому, — все эти драчки наши, беды с горями пополам... За каким, вроде того, мучились тогда, работали, себя клали, не жалели? Неужель, думаю, всё нипочём пойдёт, несмарку? Что ни говори, а жалко...

ДМИТРИЙ (не ожидавший такого, присев на чурбак, помедлив): Насмарку, говоришь?

ИВАНОВ: Да вроде того.

ДМИТРИЙ: Да не должно, чтоб насмарку... Мы хоть и второгодники всегдашние, а научились кой-чему. Дурь повыветрилась эта, идейная... хоть своими глазами на белый свет глядеть стали, своим умом думать — не все, конечно, но ведь стали. Нам бы чего теперь... (Трёт лоб; видно, что и для него это, как говорят, вопрос вопросов.) Нам бы всё это в один ум сгрести теперь, в общий... все бабки наши подбить, понять, что дальше делать — всем. С собой что делать, с руками вот этими — твоими, моими.

ИВАНОВ (внимательно глядит, мысль эта ему, по всей видимости, не чужда): Эт-то да... Тока

вот кому согребать её, в место какое. Ить некому. Не этому же Мише пятнистому... ить балабол же.

ДМИТРИЙ: Самим, кому ещё... Да и как сказать тебе... Есть люди. Мало, а есть. Не в чести они, конечно, сам понимаешь. Горлопаны всякие, горлохваты — эти всегда на виду... ну, нам не привыкать. А в таких людях, чтоб честных да умных, у нас всегда нехватка, во все времена... порознь они у нас чаще ходят, честность и ум. (Начинает набирать на руку дрова.)

ИВАНОВ (соглашается): Верно говоришь. Чуть, глядишь, поумней — уже прохвост... Как вон Беленький.

ДМИТРИЙ: Да какой он умный.. обыкновенный фискал, во всех смыслах. (Встаёт.) Нам ещё, если по-учёному говорить, эту фискальную при государстве сущность их, беленьких, осмыслить предстоит, разобраться, что там к чему. Умный... Это они потому умные, как ты сам сказал, что мы своей головой не думаем... мало думаем. Да вдобавок и не дают. Под большой задницей сидим — ни вздохнуть, ни пёрнуть...

Уносит дрова. Иванов раздумчиво перебирает деревяшки; вздохнув, опять оглядывает всё, встаёт. Возвращается Дмитрий.

ИВАНОВ: А что это за люди... ну, про каких ты говорил-то?

ДМИТРИЙ: Да это долгий разговор... Есть. После баньки и поговорим.

ИВАНОВ (поколебавшись, почесав затылок): Да, насчёт этого... Давай уж ещё одну — последнюю. Баня ж. Да и тебе завтра ехать.

ДМИТРИЙ: Кончились мои, Тимофей Василич, командировочные...

ИВАНОВ: Ну это беда малая, я ж получил. И трактор дали, кстати... Не ты там об этом с Авдеенкой калякал? (Дмитрий неопределённо пожимает плечами.) А зря. (Угрюмо.) Умирать буду — воды не попрошу у него... Не за себя — что я... Ну ладно. Да, а на дорогу-то есть у тебя?

ДМИТРИЙ: Завалялся трояк.

ИВАНОВ: Трояка мало, я дам. А то ни перекусить, ни... (Достаёт деньги.) Только вот что: сходи сам, а?

ДМИТРИЙ: Я воды хотел в баню натаскать... А что?

ИВАНОВ (мнётся): Да понимаешь, от Мани неловко... от продавщицы. Баба, вроде того, хорошая... скажет: глот какой стал, по два уже раза на дню бегает... Ну, неловко. А я затоплю схожу.

Отдаёт деньги и, захватив вёдра, уходит в дверь сарая. Дмитрий выносит из дому лёгкую полотняную сумку. Скорым, расстроенным каким-то шагом возвращается Тимофей.

ИВАНОВ (чуть не плача): Всю каменку порушили, сволочьё...

ДМИТРИЙ: Да кто это?

ИВАНОВ: Да молодяка, кто ж ещё... Кобелились, видно, в

холода хоронились туда — ну, ладно... каменку-то зачем трогать?! (Шевыряется рукой в каких-то железках и прутьях, сложенных у сеней.) Рейтузы чьи-то там, пакеты... Запроцентовала жизнь!

ДМИТРИЙ: А что, наладить нельзя?

ИВАНОВ: Да налажу, не о том речь... Обидно, Мить! Если б знал ты, как обидно...

ДМИТРИЙ (сочувственно): Помочь?

ИВАНОВ: Да зачем, сам я... В этом деле не поможешь, только самому... Ладно, иди.

Дмитрий идёт авансценой на выход и чуть не сталкивается с входящим Пеннером. Старик, не теряя достоинства даже и в таких мелких неожиданностях, раскланивается с ним, видит Тимофея. Дмитрий, сам поздоровавшись и выждав, пока они поздороваются, уходит.

ПЕННЕР (порадованный встречей): О-о, Ивано-ов?! (Приподнимает шляпу, кланяется ему. Иванов, несколько смущённый, с неловкой улыбкой подымается, идёт навстречу.) Вернулись, значит? А я вас вспоминал, вспоминал...

ИВАНОВ (осторожно пожимает ему руку): Здравствуйте, Пётр Германович. Да уж с весны тут...

ПЕННЕР: Ну, рад — рад, Иванов! (Ткнул его легонько пальцем в грудь.) Как машинки-то — не подводят? Быстро я тогда вас отремонтировал, пневмонию выбил — сразу и со всех позиций! А нагрузка, я полагаю, там и сейчас не маленькая... бывал-с, знаю. Как экзамен организму, не меньше.

ИВАНОВ: Грех жаловаться, Пётр Германович, — спасибо!

ПЕННЕР (всё оглядывает его, довольный): Так-так... Где были?

ИВАНОВ (тонко усмехается): Свердловские мы.

ПЕННЕР: Скажите пожалуйста!.. Ну а мы, в таком случае, челябинской прописки, спецпереселенец образца тысяча девятьсот сорок второго — сорок пятого годов, трудармия номер... Ну это ещё секрет. Без секретов нам пока нельзя, а то, извиняюсь, свихнёмся... Так как, изменилось что там?

ИВАНОВ: Да что я вам скажу... Старого, слава Богу, не видал, а новому тоже не радовался... Перетерпел.

ПЕННЕР (с горечью): Да человек всё, знаете, перетерпит... У нас лошадей берегли — и те дохли, а человек... (Поднял палец, с тою же горькой иронией.) Нет, не зря человек — венец природы... да-да, даже и в физиологическом смысле, по выживаемости. А про семейное ваше слышал, слышал... что ж, нет бога, кроме Аллаха, — и тому женщины непокорны, да. Не отчаивайтесь особо. В конце концов вы живы, здоровы, вам

ещё повезло. И потом, хозяйство на вас осталось, а это (опять поднял палец) большое, очень большое дело! Главное, не надо увлекаться собой, а смотреть... э-э... шире. Разменивать жизнь на спиртное — как это, знаете, неумно, глупо, попросту неправильно! Вы это должны понять. Я хотел бы слышать о вас только самые хорошие... э-э... референции, вот так. Желаю здоровья.

ИВАНОВ (несколько смущённо): И вы здоровы будьте, Пётр Германович.

Пеннер раскланивается, на выходе опять почти сталкивается с Дмитрием, кланяется и ему. Дмитрий тоже кланяется, говорит «до свиданья» и смотрит ему вслед. Наплывает знакомая трель цикад.

ДМИТРИЙ: Хороший какой старик...

ИВАНОВ: Да побольше бы таких. Вот знает человек свою линию... аж завидно. (На немой вопрос Дмитрия.) Врач это наш, я тебе рассказывал. Вот по своей воле живёт человек. А нас взять... (Махнул рукой.) Крохалёв вон... тоже ить бедолага. Вроде мужик как мужик, а не по своей воле жил. Хоть и сам такой, а не люблю. Если не по своей воле, то добра никогда не выйдет, никому — ни себе, ни людям. И государству тоже... невольник, знаешь, не богомольник.

ДМИТРИЙ: Почему — «жил»?

ИВАНОВ (неохотно): Да, говорят, уехали они, снялись. Сказано ж — за рыбу деньги... Ну, будем мы баню топить или нет?! (Берёт из кучи несколько железных полос, прикидывает — пойдут ли. Примирительно.) Щас сделаем... Что, гость, в первый пар пойдёшь?

ДМИТРИЙ: Нет, погожу. Отвык в городе.

ИВАНОВ: Как знаешь. Да вы там, гляди, скоро уж и по-русски разучитесь говорить, в городу.

ДМИТРИЙ: Почему ж... другие парятся. Есть такие, что любому сельскому нас утрут.

ИВАНОВ (с сомнением): Не знаю, не знаю... Ну пошли, что ли.

Идут, свет постепенно гаснет, трели цикад усиливаются. Через некоторое время сцена опять освещается. Всё на ней без изменений, только наступило уже время сумерек. Дмитрий копается в своём походном портфеле: вынимает свежую рубашку, полотенчик перекидывает через плечо — готовится к бане. Из дверей сарая появляется Иванов — распаренный, расхристанный, в полузастёгнутой белой рубахе, с сырым полотенцем на шее. Как-то обессиленно садится на крыльцо, откидывается на косяк. Глаза его будто помертвелые, пустые.

ИВАНОВ (каким-то невыразительным, безразличным голосом): Ох, дури накопилось во мне...

ДМИТРИЙ: Всю выгнал?..

Иванов не отвечает, сидит, прикрыв глаза, руки его безвольно

брошены на колени. Свет начинает гаснуть, звук цикад нарастает. Затемнение. Через какое-то время, слабо высвеченный, он возникает на пустой тёмной сцене. Стоит, голова его в тяжелом раздумье опущена. В длинной белой, какой-то нездешней одежде появляется неслышно его дочь, подходит к нему сзади, ждёт. Иванов еле заметно вздрагивает, оборачивается.

ИВАНОВ (с болью и радостью, тихо): Ты, доча?..

АЛЁНА: Я, папань...

ИВАНОВ: Давно как не видел тебя я...

АЛЁНА: И я соскучилась... скучаю дюже по вас. А от вас ничего...

ИВАНОВ (с истинного своего голоса немного сбивается на обыденный, фальшивит): Да-к жизнь такая, доча... Заколготились, это, себя не помним... зажились. Ты ить не знаешь, какая она — жизнь...

АЛЁНА (покорно): Не знаю... А братик где?

ИВАНОВ: Далеко. Но приедет скоро, я уж сам жду не дождусь... скоро! Он уж большой, как вот ты...

АЛЁНА (совсем по-детски): Он добрый?

ИВАНОВ: Добрый, доченька... он хороший.

АЛЁНА: А мамани что нет?

ИВАНОВ (растерянно): Мамани? И маманя придёт... будет. Ты не бойся, она придёт.

АЛЁНА: Все будут, да? Здесь?

ИВАНОВ: Здесь, доча... Все будут, ты не бойся. (Кладёт руку на сердце, с болью.) Здеся, все здеся...

Дочь так же неслышно исчезает, лишь белое платье её едва сквозит в глубине сцены. Будто очнувшись, Тимофей подымает голову, медленно осматривается; замечает слева в глубине пустую скамью. Подходит, стоит над ней. И садится — в той же позе, в какой сидел на ней Старик. Свет медленно уходит с него, гаснет совсем.

Картина шестая

Горница в доме Егоровны. Занавеска отодвинута, постель деда Алёшки пуста и прибрана, на ней высится горка из подушек. У стены стоят приготовленные для окон вторые рамы. Егоровна, в валенках и душегрейке, копается в шкапчике. Слышен стук калитки, потом скрипит дверь в задней половине дома.

ГОЛОС ДМИТРИЯ: Хозяева дома? (Егоровна семенит к двери, в которой появляется Дмитрий — в демисезонном пальто, шляпе, с походным своим портфелем.) Здравствуй, Егоровна!

ЕГОРОВНА (не узнаёт): Спасибо на добром слове... (Всматривается.) Чтой-то не признаю никак... Господи, а я ить и думать забыла... (Радостно.) Митрей ли?! Он, и правда — он! А мы-то и

ждать уж перестали: ну, думаем, зажилси в своём городу, забыл нас, грешных... Ну-к проходи, милай, проходи... я счас! Да-к ты б разделся, а я чаёк счас.

ДМИТРИЙ (снимает пальто, оглядывается на постель; с неуверенностью, боясь услышать худшее): А хозяин... что он? Дед Алёшка-то?

ЕГОРОВНА: А в больнице он, милай, — в больнице. Пётр Германыч уговорил. Сколько, грит, можно: всю жизню торопыгами прожили... всё гнались за чем-то, душу чёрту тешили (крестится) — хуть в лазарете, мол, передохнёте. Уговорил. Да-к и веселей ему там, на людях, вон лежат сколь... А чаёк уж вон заварен — степной наш, с семи лощин. Чобору там, шалфею, душицы — не пробовал?

ДМИТРИЙ: На задах он рос у нас, этот чай...

ЕГОРОВНА: Тем боле. Погода-т задула какая, хоть согреешься...

Уходит в кухоньку. Дмитрий ещё раз осматривается, подходит к окну, трогает белёные стены, ему и грустно, и хорошо здесь. С чайником в руках входит Егоровна, достаёт чашки, сахар и всё прочее.

ЕГОРОВНА: Да-к приехал, значит... Один?

ДМИТРИЙ: Нет, вся закупочная комиссия со мной. Трое нас, в гостинице остановились. За станом вашим приехали, ткацким, за корчагой — отдаёте? Мы и деньги захватили.

ЕГОРОВНА: Да-к как сказано... Вон он разобран стоит, берите. (Хлопочет за столом, всё с тою же радостью.) Попей, согрейся... дал всё-таки Господь свидеться! Ты как, всё не женился?

ДМИТРИЙ (отшучиваясь): Э-э, Егоровна, жениться не напасть — с женой бы не пропасть... Они нынче стеклянные все, в городе. Как игрушки на ёлке, лучше не трогать: как повешена, так пусть и висит... людям на погляд. Не, лучше не трогать.

ЕГОРОВНА: А ты б нашу какую. Да и наши-то пошли — соломы на вилы набрать не умеют... (Раздумчиво.) Вот гляжу я: сколь баб впусте ходют... как им завязали, чрева-то. Оттово и злые. Оттово и счастья нету им. Небось, пяток детишек ежели — не до зла было б... умягчают детишки душу. А им што, с одним-то. Руки-то две: в одну ребятёнка, узел в другу — и пошла, завилась от мужа...

ДМИТРИЙ: Да, как Тимофей-то? Зашёл — замок висит новенький...

ЕГОРОВНА (оживляясь): Да-к на работе небось... Иль, может, у Маньки. А как тебе уехать, он как взялси пить! А пил, а пил-то, а што творил... недели, чей, три! Ну, думаем, всё: скособочилси мужик, пропал. У нё и трактор было отбирали, и стыдили, и што ни делали — нет, совсем с кругу сошёл, кажись. Хлеб начал продавать, зерно, вот где горей-то!..

ДМИТРИЙ: Да, это уж последнее дело...

ЕГОРОВНА: Ну. А потом, глядим, окорачиваться стал, это когда сыну приехать было. Окорачиваться, окорачиваться... на трактор, это, опять его посадили, сына честь честью в армию проводил: выпил, конечно, без этого нельзя — но уж не так, не до болятки. А то ведь до чего дошёл: набуздаетца, ну и ходит по селу весь сопливый, ишшет... чего искать-то? Уж что потерял, того не найдёшь. Переста-ал... Манька его скоряет, говорят. Баба она смирная, настрастилась в одиночку жить... смиреньем берёт. А что уж у них, как — не скажу, не знаю. Надысь спросила — молчит. Вроде как и перебралась она к нему, а... Не знаю, врать не буду. На два дома пока живуть. А он и тебя споминал — умный, грит, парень, даром што молодой. Умный-то умный, говорю, — а что ж вы пили-то?! Рукой махает: что вы, мол, понимаете... Понимаем, век прожили. Ты его, Митрей, расспроси, как он дальше-то думаеть. По двору, гляжу, возится, подлаживат, да скотины-то нету...

А так что ж... выпьет иной раз, не без этого. Но уж помалу, что на мужика грешить. Кабанчика ему колхоз отписал — хлеб-то старый остался, источённый, надо-ть куда-то девать. А надысь брикету у шоферишек башкирских купил, а перед тем на мельницу ездил. Это Васёк ему на хозяйство денег дал — он, добрый удалси парень. Не-е, Тимошка теперь перезимует, не страшно... Да, а ить чуть не забыла я: Аксютка письмо прислала! Прислала, как же-ть... помнит старых нас. (Засуетилась, тяжело встала, оглядывая внутренние наличники окон, божницу. Шарит рукой за наличником, потом за рамой зеркала, достаёт пачку писем.) Здеся должно, тока вот не разберу — какое... глянь-кось нука... (Дмитрий разбирает письма.) Я Тимошке уж и не показываю, не велела. Ещё пишет, чтоб... Ну вот-ка оно, либо, с красным котороё... прочитай ну-тко.

ДМИТРИЙ (находит письмо, разворачивает): Так что, можно? (Егоровна кивает, поддакивает.) «Здравствуйте, дорогие соседи, дядя Лёша с Егоровной, пишу вам, потому как вы за всю родню мне... Живы-здоровы там вы или как, дядя Лёша как, дай Бог ему подняться за его добро. Я, слава Богу, хорошо живу, тово и вам желаю. Жалко, конечно, что так получилось, что уехала с родных мест, наведаться охота, ну, видно, пока ладно. Здесь темно у нас, места угрюмые маленько, сплошь леса, а так ничего и жить можно. Николай у меня дюже приветливый, за таким не пропадёшь, свекровка...»

ЕГОРОВНА (вставляет): Ишь ты, хвалитца... Не, я ничо не говорю: ухватистай он у ей, верткай, глаза ясны таки. Таким бы и можно похвалитца, а... Не-е,

грех. Она и сама, чай, знает, что грех. Ну-ну, дальше...

ДМИТРИЙ: «...свекровка тоже старуха тихая, сноровкая. Сестрице я писала, как и что, пусть она не забывает и шлёт, что я велела...» Та-ак... ну, тут она о родных своих, о соседях... «Василий, сынок, прям с перводня написал из армии, у него всё хорошо. Заслужу отпуск, пишет, и прям к тебе приеду, навещу, как ты там. Он, конечно, обижается за отца, привык дюже к нему, но молчит, а я всё равно чую, сердце материнское всё чует, его ведь не обманешь ведь. Болею за него и за Тимошку тоже, как у нас всё получилось. Ну пусть, он человек тяжёлый на раздумье, вот пусть и подумает, что меня виноватить одну, сам не остерёгся, набедил, всю нашу жизню в прах пустил, вот пусть и думает. Я тоже, чай, живой человек, мне рази сладко было, я ль не старалась для него, для дому, все ночки прокричала, он того не видел. Я, может, виновата, а он тоже куда глядел, когда творил, а теперь вот мне пишут, что пить взялси безбожно, рази хорошо это. Жалко его, рази не жалко жизню нашу, что расклеилась, да что ж поделаешь, мы ведь не нарошно ведь»...

ЕГОРОВНА (вставляет): Да где ж — «нарошно»... Понарошку и кошка не родит — а тут такое... Всё всурьёз. Тижала рука Господня.

ДМИТРИЙ: «А письмо моё не показывайте, говорить не надо, пусть сам думает что хочет. Развод вот соберусь, оформлю, а нет, ну да-к и не надо, так проживём. А вы пишите, дядь Лёш и Егоровна, как вы там и как здоровье, как хозяйство. Небось дома сидите, грязь началась, а у нас тут тоже грязь, но мене, земля тут бедная, песок один белый, чтоб он провалился...» (Качает головой.) «...чтоб он провалился. Но зато дров много, как хорошо ими одними топить. Как бани затопют, так дух такой по селу плывёт, ажник перехватит, как в церкве. Вспомню про всех вас, слезами обольюсь, как мы жили, ну ничего, видно, не поделаешь. Не хворайте, пишите про новости, рада буду я весточку получить. А письмо не давайте. С приветом к вам Ксения, не забывайте уж про меня...»

ЕГОРОВНА (промакивает глаза передником): Да рази забудешь... Ты уж зайди ещё к Тимошке... жалко их, дураков. Не жизнь, а одно тока расстройство...

ДМИТРИЙ (помолчав): Н-да... В жизни, как в диком поле, — дорог много, иди куда хошь...

ЕГОРОВНА: Что ты гутаришь?

ДМИТРИЙ (задумчиво): Да так, вспомнил... (Достаёт из портфеля палку колбасы, отрезает половину.) Это вам, Егоровна. Старик, чай, поест в охотку.

ЕГОРОВНА (машет руками): Что ишшо придумал — отделять!.. Сам-то что тут есть будешь?

ДМИТРИЙ: Найдём, не в чужой стороне!

ЕГОРОВНА (идёт к зеркалу, засовывает за него письма): А хочешь, да-к сходи в больницу, к моему-то... Он обрадуетца, он споминал. (Видит что-то в окне, стучит.) Да-к вон он, Тимошка-то! (Стучит в окно, машет рукой.) Зайди! Зайди, гутарю!.. (Дмитрию.) С мастерских, видать. Тольки ты про письмо-то уж не надо...

ДМИТРИЙ: Нет-нет... Да я, может, к нему сразу?

ЕГОРОВНА: Успеется. А вы и у меня посидите... что ж мы, чужие, что ль? И так уж начужались, друг дружку не признаём — хуть в городу, хуть где... (Берёт чайник, с намерением поставить на огонь.) Одичели, передрались — срамота одна перед другими... (Входит Иванов — в замазученной, с короткими для рук его рукавами телогрейке. Он такой же хмурый, медленноватый, лишь морщины в уголках рта затвердели и спокойнее, суше стали глаза.) Стрелись дружки!.. (Иванову.) Не узнаёшь, поди?..

ИВАНОВ (с чуть заметной усмешкой): Отчего ж... Ну, здоров был!

ДМИТРИЙ (здоровается за руку): Здравствуй, Тимофей Василич!

Стоят, смотрят друг на друга.

ИВАНОВ (с тою же усмешкой в голосе): Как голова-то — не болит?..

ДМИТРИЙ (невесело смеётся): Болит, Тимофей Василич... То голова, то душа. А то разом, вместе... Ну, наши болячки скоро не подлечишь, сам знаешь.

ИВАНОВ: Знаю...

ЕГОРОВНА: Ну, садитесь, погутарьте пока, а я свежачку щас.

Уходит с чайником. Иванов и Дмитрий садятся, опять глядят друг на друга. В окна сыплет, барабанит то ли дождь, то ли снежная крупа, мерно тикают ходики. Откуда-то наплывают, еле слышимые, трели цикад.

ДМИТРИЙ (с надеждой): Ну как ты тут?

ИВАНОВ (слегка горбясь, смотрит в окно, слушает дождь; не сразу): Я-то? А что — я... (Оборачивается, смотрит прямо — то ли в лицо Дмитрию, то ли в зал, на зрителей.) Живу.

Занавес

Владимир ШАДРИН

«ГДЕ ДУХ ЛЮБВИ НЕПРЕХОДЯЩ...»

Владимир Александрович Шадрин родился в 1959 году в Орске, в посёлке Елшанка. Окончил среднюю школу, служил в армии, затем работал на различных предприятиях, сменив множество профессий – каменщика, штукатура, кровельщика, монтёра. Печатался в областной периодике, в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Москва», в нескольких коллективных сборниках. Автор трёх поэтических книг: «Поздний гость» (2005) , «Костёр» (2008) и «Тема жизни» (2017). Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2009). Живёт в Орске.

* * *

Наш быт то смирен, то свиреп.
На нём построен наш союз
Из вдохновений и потреб,
Из упований и обуз,
Из сокращений и длиннот;
То невзначай, то нарочит.
О, дайте, дайте чистых нот!
Пусть этот мир звучит, звучит!
Мы, кто в исканьях, кто в тщете,
Его озвучим: кто о чём;
Наносим воду в решете,
А после в ступе потолчём.
Потом, отбросив сор и вздор,
В глаза друг другу поглядим.
И я скажу, что этот взор
В душе моей неизгладим!
За наши ноты невпопад
Пусть нас нелепыми сочтут,
Пусть перед нами листопад
Слагает листья там и тут.
Сурьмой грачиной перевит,
Роняя лёгкое перо,
Пусть нас захватит этот вид
И вдохновенно, и остро.

Течёт река наискосок,
И знак горы далёк и гол,
И тополь ярок и высок,
Как восклицательный глагол.
Восславим краски поскорей!
Долой еду, долой кровать!
О, дайте, дайте акварель!
Я стану чувства рисовать!
Чтобы картиной становясь,
Хранил пейзаж осенних чащ
С душой моей взаимосвязь,
Где дух любви непреходящ.

ЖИЛ ДА БЫЛ

Много помню я в жизни, но,
кажется, больше забыл.
Чтобы жизнь описать, нужно
многое вспомнить, быть может,
Или просто начать, ну хотя бы
вот так: «Жил да был...»
Нужно просто начать, а
дальнейшему память поможет.
И припомню пустырь, и в былое
потянется нить —
К затерявшимся в детстве
весёлым весенним истокам.
Чтобы жизнь описать, нужно
просто исток оживить,
Ну а повесть за ним побежит,
как река, самотёком.

Здесь и речка была, да в ручей
превратилась она,
И, утратив пустырь, незаметно
сошла на задворки.
Всё, как в жизни, — сгодится и
мель, коль ушла глубина,
Где звучали и жили весёлые
скороговорки.

И потянется дальше рассказ:
«Это было давно,
В пору старости чьей-то, что
нашу напутствует юность...»
В этой жизни минувшее с
будущим сопряжено,
Словно выдох и вдох — их
разрозненность и совокупность.
Был когда-то пустырь у реки,
а теперь его нет.
Вместо речки ручей с бытовыми
отходами бьётся.
В настоящем былого почти не
осталось примет,
Разве, этот ручей неуступчивый
и остаётся...
Здесь непрочная нить превращается
просто в пунктир —
Это птицы летят, направляя
крылатые взмахи
На намеченный где-то за
крышами ориентир.
Может, в юность?.. И тесным
становится ворот рубахи.

Наша молодость нам до
скончания века дана.
И доколе мы помним о ней,
никуда нам не деться
От её голосов и шагов...
Это снова она!
И до боли от юного чувства
колотится сердце!
Может, это любовь? Эко,
память, тебя понесло!
Ты запнулась о смутное чувство
и зыбкое слово.
Написал: «Жил да был...» — и
столкнулось моё ремесло
С непосильной задачей, к
которой совсем не готово.

Будто в каждое слово вселились
подвох и подлог,
И строки написать не хватило
безделицы дара.
Ну а если не жизнь, так хотя б
эпизод, уголок,
Тот, что память хранит
наподобие резервуара.
Быль забытых уже и ещё не
написанных глав,
Где заветы былого и будущего
отголоски;
Там, где бытность моя устремлялась
в дорогу стремглав,
А теперь ковыляет едва ли не
по-стариковски.
«Жил да был» — это вовсе не
значит, что жил не тужил,
Ведь погибли пустырь и река.
Это было когда-то.
А теперь здесь асфальт и дома,
и старик-старожил
На нездешние нивы прищурился
подслеповато.
Или, может, увидел и понял
минувшего суть,
А она под конец распахнулась
внезапно и ново...
Чтобы жизнь описать, нужно
прошлого силу вернуть,
Где пустырь и река — начинания
первооснова.
И припомнить забытое тоже
хватило бы сил!
Словно жизнь описать, не
бывает сложнее задачи.
Или просто начать, ну хотя бы
вот так: «Жил да был...» —
Всё, как в жизни, — задумал
одно, а сложилось иначе.

* * *

Я не считал тяжёлым груз,
Когда мы строили Союз.
Я точно знаю, это было.
Висел плакат, на нём — Ильич,
Как раз под ним я клал кирпич.
Я молод был и полон пыла.
И, презирая пессимизм,
Мы созидали коммунизм.
Но откровенье прозвучало,
Что власть Советов — это зло,
Нам крупно с ней не повезло,
А с нею — новая страна.
Нет КГБ и нет ГУЛАГа.
Нам перемены суждены,
Где все равны, и все должны...
Начать с нуля, — и это благо!
Ну что же, был бы брошен клич.
И я опять кладу кирпич,
И в будней серой веренице
Бреду до блага своего.
Пока не нажил ничего,
Лишь боль в спине и в пояснице.
А жизнь стремительно течёт,
Но благ пока — наперечёт.
Кто при деньгах, тот и у власти.
А кто не ловок и хитёр,
Не горлохват и горлодёр,
Тому — советы от напасти.
Мол, заработайте трудом
«Лендровер», трёхэтажный дом,
И назовите: «Эльдорадо»,
Где люстры в золоте висят.
А мне уже за пятьдесят...
Ну что же, надо, значит, надо.

* * *

Ну вот полдня уже почти,
Как мы в вагоне взаперти.
Нам жизнь нескучная такая
Дана осёдлости взамен,

Нас каруселью перемен
Вознаграждать предполагая.
Все впечатления новы,
А мы всё дальше от Москвы,
Говоруны и непоседы.
В дороге можно без затей
Бросать поленья новостей
В неугасимый жар беседы.
О, эти дальние края,
Где новизна — ворожея
И жизнерадостная спешка!
Где города и городки,
И новые особняки,
И запустенье — вперемешку...
Но вот почти что день в пути.
От повторений не уйти,
Хоть новизна ещё не тяжка.
Почти, как прежде, хороша
И впечатлениям душа
Открыта, но не нараспашку.
И всё докучней кругозор,
И потускневший разговор
Идёт уже не столь ретиво.
Подзатянулся наш транзит,
И холодком уже сквозит
Растянутая перспектива.

Там и пейзажи - сплошняком,
Но каждый будто бы знаком
И повторяется, как эхо.
Чем отдалённей от Москвы,
Тем основательней — увы! —
Во впечатлениях прореха.

А путь, не унывали чтоб,
Вращает свой калейдоскоп
Не от души, а как подачку.
И нас вагон, без куража,
Уже как будто не спеша
Везёт вразвалку, иль враскачку.
Давно остыл беседы пыл
И быт дорожный притупил,
И впечатленья, и хотенья.
Мир за окном навек знаком,
Как в песне: степь да степь
кругом;
И захолустье, запустенье.
Глубинка, твой печальный вид
В себе былинное хранит,
А с ним — исконное, холопье.
И быт селенья под горой
Воспринимается порой,
Как взгляд усталый исподлобья.

Оно ещё живёт пока,
И там ещё наверняка
Есть избирательная урна.
Свой депутат народный есть
(С таким народу бед не счесть),
И улыбается гламурно.
Но новизна совсем не та,
И ощущений полнота
Не вызывает интереса.
Лишь только степь да глушь
вокруг,
Да монотонный перестук
В ночь уходящего экспресса.

ОСЕННЯЯ СТРАНА

А мимо мутной роздыми
Вагонного окна
Качается берёзами
Осенняя страна.
Качается да тянется,
Всё ускоряя бег,
Спешит Россия-странница
Через двадцатый век.
Она брела с потерями
Под шашки и стволы,
Туда, где образ Ленина
Ей виделся из мглы.

Шла красная и белая
Без веры и вины,
«Авророю» простреляна
Аж через три войны.
Путём утрат немереных —
Скорей, скорей, скорей.
Путём надежд потерянных,
Стихов и лагерей,
Морозовых, Матросовых,
Мороза и зерна,
И светлых рощ берёзовых.
И это всё — она.

ИЗМОРОЗЬ

Эй, рыболов, иди вперёд,
Не будь уныл и хмур!
Настанет миг и в первый лёд
Войдёт звенящий бур!
Ну а пока терпи, иди,
Конец пути вот-вот.
Нас ждёт награда впереди —
Серебряный восход,
Здоровье, бодрость, аппетит
В движеньях и в речах.
Гляди, уж изморозь летит
На солнечных лучах.
Поверь, мы мучились не зря.
Снимай рюкзак, пришли!
А мир цветёт, скрипит, горя
В серебряной пыли!

ЛИЦА

Он вспомнил знакомые лица
Тех близких, умерших своих.
Он вспомнил, как чёрные птицы
Текли над могилами их,
Как женщина в траурном пела,
К его прислонившись плечу,
Он вспомнил. Потом неумело
Зажёг и поставил свечу,
Молиться совсем не умея,
Зажёг, чтобы долго без сна
Безмолвно стоять перед нею,
Пока не исчезнет она.
Стоять тяжело и устало
И ждать, отступая во тьму,
Что в бликах огня и металла
Откроется что-то ему...
Совсем не умея молиться,
Увидел вдруг явственно он,
Как смотрят знакомые лица
С покрытых металлом икон.

* * *

Хмель шумел: «Хмельна свобода
в чашах,
Что полны искристого вина.
Если нет свободы в душах ваших,
Ту, что в чашах, выпейте до дна!
Милый друг, возьми свободу в
руки,
Да напрасно душу не тревожь.
Пей вино, и скоро правды муки
Перейдут в спасительную ложь.
И печаль, и боли станут глуше,
Будут мысли лёгкими, как сны!
Добрый хмель врачует ложью
души,
Что жестокой правдою больны...»
И когда не будет правде входа,
А для лжи открыта настежь дверь,
Хмель, смеясь, шепнёт: «Близка
свобода.
Но теперь в спасение не верь!»

* * *

Сказал садовник, руки потирая:
«Ты на исходе лета приезжай.

Вон яблоня цветёт, как в
кущах рая,
Должно быть, славный будет
урожай!»
И в тех краях я оказался кстати,
И мне кивнул садовник:
«Посмотри...
Та яблоня упала на закате
С пустым стволом, прогнившим
изнутри».
Чудит судьба, в житейской ахинее
Определяя сущему места...
Бывает, что цветение пышнее
Там, где под ним таится пустота.

* * *

Есть на земле легенда злая,
Скупой сюжет её таков:
Один титан, добра желая,
Огонь похитил у богов.
Он людям дал его, в итоге
Благой желая им судьбы.
И, обнаружив это, боги
Схватились в ужасе за лбы.
Уже картины их прозрений
Прошли одна другой страшней —
Из выгорающих селений
И инквизиторских огней...
И вот спешит, близка к развязке,
Огня жестокая игра
Сквозь сокрушительные пляски
Гремучих дьяволов ядра...
Ещё гуляет между нами
Легенда о добре и зле,
А Прометей, укравший пламя,
Висит, прикованный к скале.
Ему века в цепях томиться.
Страдать, не ведая того,
За что безжалостная птица
Терзает печень у него.

ДВЕ МОЛИТВЫ

Глумился хам, ограбив старика:
«Ты душу, старый, злобою не
мучай,
А я отправлюсь в Божий храм пока,
Чтоб замолить свой грех, на
всякий случай».
Старик вздохнул: «Я злобы не таю.
Хочу и я в своей молитве тоже
Просить за душу грешную твою:
«Прости её, Всемилостивый
Боже!»
Был ясным мир, открытый всем
ветрам,
И каждый в нём избрал свою
дорогу...
Через грехи нас путь приводит в
храм,
Через прощенье — приближает к
Богу.

ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ

Во все свои времена русская литература, начиная с летописей ещё, старалась предельно трезво понять и уяснить читателю, определиться, в каком времени и месте мы живём, какие бытийные и нравственные обязанности накладывает на нас та или иная историческая ситуация. В этом, пожалуй, и заключается сила русского реализма, его требовательность, обращённая к каждому из нас: оставаться человеком, несмотря ни на какие обстоятельства, сохранить в себе «душу живу», жить полной душой, а не скатываться в пресловутое животное выживание, когда «всё дозволено»…

В чём убеждаешься, читая рассказы и повести Владимира Петрова, так это в его незаёмном и доподлинном знании народной жизни, самых её, как некоторые ныне пренебрежительно называют, «низов», простых наших людей с их бытовыми и бытийными проблемами существования в нынешнем российском мире «большого хапка». И видишь, если уж на то пошло, что при всех тяготах и неладах своего социального быта эти «низы» в нравственном отношении несравненно выше наших так называемых «верхов», всячески погрязших в неуёмной корысти, цинизме и лжи.

Именно человеческие характеры в первую очередь художественно исследует Владимир Петров — подчас непростые, а то и покоробленные испытаниями «роковых девяностых», ввергнутые во всякоразную нужду, грешки и грехи, а то и в пьянство как своего рода уход от крайне неприглядной действительности, смастряченной на многострадальной нашей земле бесчестными и безответственными «верхами». Но главная нужда его героев не в деньгах, не в потребиловке всесветной — она в области сердца, духа, в поисках правды и, значит, справедливости, веры в возможность человеческих, а не звериных отношений между людьми. Именно на человечность испытываются они в самых разных житейских ситуациях, проблемах выбора, как у былинного камня на распутье: налево пойдёшь — душу потеряешь…

Наверное, лёгким чтением эти рассказы не сочтёшь. Сложные жизненные передряги, в которые попадают порой их персонажи, требуют немалого и авторского, и читательского труда, чтобы разобраться в них, понять и умом, и сердцем всю неоднозначность человеческой натуры, все её помыслы, волеизъявления и сомнения в поисках верного решения в том или ином повороте судьбы. И автор не боится этих сложностей, он понимает, что без них не обойтись и, более того, невозможно раскрыть всю глубину переживаний своих героев, а значит, и выстраданность принятых ими решений, выводов, действий. А потому веришь ему, его неподдельному сочувствию, а порой и боли даже в отношении далеко не лучших своих, по общепринятому в критике определению — «отрицательных» персонажей. Всяк человек достоин лучшей участи, и это беда, если он по своеволию, без оглядки на совесть и честь выбирает себе худшую, — беда не только его, но и всех нас.

Писатель Владимир Петров выбрал главную дорогу в нашей художественной словесности: быть верным правде жизни. А правда, какая бы горькая подчас ни была, в отличие от лжи не подведёт, поможет нам разобраться с самими собой и с нынешним неладным временем, выведет из всех его мороков и соблазнов на торное, желаемое.

Пётр КРАСНОВ

Владимир ПЕТРОВ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Рассказы

Владимир Иванович Петров родился в 1947 г. в с. Староякшикине Грачёвского района Оренбургской области. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта.
Служил в армии. Работал на различных инженерных и руководящих должностях в системе МПС. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, лауреат областной Аксаковской премии, премии альманаха «Гостиный Двор» им. Валериана Правдухина, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (2017).

ПОЛИНКИНО СЕРДЦЕ

На ноябрьские праздники Полинка отпросилась домой. После врачебного обхода и недолгих процедур она, с учётом ветреной и сырой погоды, тепло оделась в загодя принесённую мужем одежду, неприметно через приёмный покой вышла на улицу. Постояла, раздумывая, прямиком ли идти по станционным путям или вкруговую автобусом ехать. Второе выбрала. Не рискнула пешком. Прижмёт ещё сердчишко, в последнее время сильно сдавшее, где-нибудь на месте безлюдном…

Давно предупреждали её врачи о сердечной недостаточности, «дальше откладывать нельзя!» — говорили. Она и сама сознавала, что без операции не обойтись, но тянула всё, откладывала по разным причинам. Главным образом, из-за Люськи, дочки единственной,

подрасти ей давала, себя не жалеючи. Решилась на операцию, когда невмоготу уже стало.

Прежде чем на предоперационное обследование лечь, в конце лета с последними силёнками на родину свою малую собралась. Здравствующего отца в дальней степной деревне навестить, с роднёй многочисленной пообщаться, с подругами свидеться. Нестерпимо захотелось по памятным с детства местам походить, дочурке восьмилетней показать. Подумала, неизвестно ещё, как сложится операция, хотя в Свердловском, лучшем отечественном кардиологическом центре будут её делать. Вдруг другой возможности съездить на родину не представится после.

Исполнила Полинка задуманное. Две недели, прощально словно, впитывала в себя деревенское, родное, за немалые разлучные годы в сибирском краю не забытое. Люську повсюду с собой водила, вдоль Ильмень-речки больше, по лугам её заливным и ветловой рощице. Радужными воспоминаниями дочурку веселила, сама веселилась.

На кладбище лишь Люську не взяла. Одной хотелось там побыть. На могилке матери долго сидела, про жизнь свою не совсем складную рассказывала. Упрекнула даже было, родимую, что напрасно, для страданий больше, в сорок три года девятой её родила. Но спохватилась тотчас, материнский крест металлический обняла, слёзно прощения просила за мысли свои неразумные, до жестокости неблагодарные. Её ли не любила мать, не о ней ли, меньшенькой, единственной из деток семейно не определившейся, тревожилась перед кончиной своей?

Всплакнула Полинка и на могилке Влада, двадцатилетним угоревшего в бане. Случайной и нелепой для всех была его смерть. Не смог он, знала она, разделиться между нею и матерью, ради беспрекословной власти над сыном готовой даже проклясть его в случае обручения с любимой девушкой, Полиной то есть, ревностно неугодной ей.

— Не ровня она тебе. Учёная слишком, с медалью школу закончила, в институте учится. Всю жизнь под каблучком её будешь, — внушала она сыну изо дня в день, присмотрев для него другую невесту, заземлённую заметно, еле-еле со школой справившуюся, но покорную.

— Спохватишься однажды, да поздно будет! — пугала не прислушивающегося к её материнским доводам сына. — Впрочем, не маленький. Поступай, как знаешь. Беги к ней в город, расписывайся. Только дорогу обратную домой забудь. Я или она! Одно из двух!

С отчаяния, в минуту душевной слабости Влад выбрал третье, смертельной порции банного угарного газа нахватался.

Тогда-то впервые остро кольнуло в груди Полинкино сердце.

С тех пор и стало частенько напоминать о себе.

— Возможно, встретимся скоро, — прошептала она теперь, через много лет после того страшного дня. — Расскажешь всё, как было, правоту мою подтвердишь.

Обессиленная вернулась она с кладбища, таблеток наглоталась, отлежалась еле. По этой причине вынужденно в обратную дорогу поспешила, отказавшись от поездки к тётке в соседнюю, не очень дальнюю деревушку, как намечала.

Не задержалась Полинка и в областном центре у брата с сестрой, несколько дней лишь погостила, Люську поводила по городу, знакомому ей со времени учёбы в здешнем пединституте. Несколько раз забывалась, правда, на междугородный автовокзал всё сворачивала, билет купить порывалась до районного посёлка Александровка, где свою педагогическую деятельность начинала, где ещё одна трагическая смерть полоснула по её сердцу.

В том районном посёлке колхозного механика, подрабатывающего в школе, потеряла она навсегда. Задавило его на школьном поле, молодого, весёлого и видного, только-только после пробной городской жизни окончательно к земле притянувшегося. Не одна красавица по нему сохла, а он полюбил учительницу, недавно приехавшую, тихую и грустную. Сумел он растопить в её глазах устоявшуюся печалинку, улыбку её прежнюю вернуть.

Вскорости и предложение сделал, с родителями познакомил, благословения попросил. Не откладывая на поздний срок, свадьбу сразу же после завершения осенне-полевых работ сыграть решили, готовиться к ней стали. Да не сыгралась свадьба...

...За неделю до назначенной свадьбы горе случилось. Продружив до петухов, не стал Сергей кратким сном себя мучить. Переодевшись в рабочее, на школьный двор спозаранку отправился, старенькой дэтэшкой занялся, лемеха и предплужники плуга просмотрел, на зябку по своему методу отрегулировал, чтобы с приходом старшеклассников тотчас к делу приступить. Дождался подопечных, показал им взаимодействие трактора с плугом. Чтобы не держать всех, очерёдность установил, домой отправил. С первым учеником два круга проехал, на третий самостоятельно пустил. Сам же в ожидании его прилёг в затишок копёшки сена и незаметно уснул, да так крепко, что не услышал рокота трактора, смертельно зацепившего его крайним лемехом при развороте на очередной круг.

Боль утраты наречённого усиливалась в Полинке нежным, схожим с виноватостью, вниманием к ней матери Сергея, что переносилось куда тяжелее, чем холодный, молчаливо-укоряющий взгляд матери Влада.

Не выдержала Полинка. Отработав положенные два года, уехала с подругой-сокурсницей в её сибирский городок, где и осталась прозаично с братом подруги, намного старше себя, сошлась в естественном бабьем желании ребёнка родить и в семейных заботах забыться потихоньку...

Не так и много годочков с тех пор минуло, но по нагрузке на сердце каждый из них можно было засчитать за два, а то и за три, если сейчас вот, в тридцать пять лет всего, на праздники отпросившись из больницы, не могла она без передыха короткое расстояние до автобусной остановки одолеть. Хорошо, с автобусом повезло, тотчас вывернул на площадь, словно поджидал больную за густым ельником парка.

Полинка уселась на одноместное сиденье ближе к выходу, жадно стала смотреть через мутное от начавшегося дождя стекло на принаряженный к празднику город. Казалось, он пылал жаром флажков и транспарантов, но на первой же нецентральной улице красноцветье быстро угасло, и разом навалилась тоскливая серость осеннего дня, ещё острее почувствовалось холодное дыхание подступающей зимы. По одной из таких безликих улиц Полинка прошла к рубленому крепкому дому, так и не ставшему ей родным. Прежде чем подняться на высокое крыльцо, отдышавшись, постояла под тополем, успевшим за время её нахождения в больнице растерять до последнего листочка свою былую пышно-золотую одежду.

Её встретила свекровь, старуха восьмидесяти лет, грузная, с больными, отказывающимися ходить ногами, отчего сиднем просиживающая у окошка свои однообразные дни.

— Пришла? — как бы между прочим поинтересовалась она. Взвесила что-то на своих старческих весах, тяжело поднялась, шагнула к невестке, словно кряжистая старая осина к тонюсенькой молодой осинке. — Какие новости?

— Обследуют. Вы-то как здесь без меня управляетесь? Холодно что-то. — Полинка зябко подёрнула плечиками то ли от прохлады нетопленого помещения, то ли от холодности свекрови к ней. — Не топили или выветрилось уже?

— Не топили. Вася утром дров не занёс. Сижу вот, поджидаю — кто первым придёт.

Полинка в несколько заходов натаскала кучу берёзовых, мелко под короткую плиту колотых поленцев.

— Чего надрываешься? — пожалела её свекровь. — Куда столько? И половины хватило бы.

— Постирать хочу. Много, гляжу, грязного накопилось.

— Пожалела бы себя, повременила бы.

— Туговато со временем, на праздники только отпросилась.

После и вовсе не до стирки будет, в Свердловск ехать придётся.

— Без Васи не начинала бы, — отговаривала свекровь, вроде бы жалела невестку, а сама уже стала даже кухонные грязные тряпки собирать для стирки.

— Не скоро он будет. Видела, на тракторе за сеном поехал. Кому-то, наверное, срочно его помощь понадобилась: на праздник не посмотрели, — ответила Полинка. — Ну и ладно. Ничего со мной не случится. Простирну потихоньку. Ещё ведь и убраться в доме надо. Праздники как-никак!

Полинка растопила плиту, принесла воды из собственного неглубокого колодца в палисаднике, поставила греть. Пока печка аппетитно хрумкала дровами, через силу отобедала, самую малость на диване полежала.

В самый разгар стирки прибежала Люська, обрадовалась матери, зацеловала её, затараторила:

— А у нас концерт сегодня. Я тоже пою. Мам, пойдём?

— С удовольствием, доченька, сходила бы, да видишь, некогда. Ты беги уже. Вечером перед нами выступишь, ладно?

— Ладно. — Люська наскоро съела булочку с молоком, переоделась в нарядное праздничное, и лёгкая, прозрачная вся, с матерью схожая, упорхнула, точно бабочка.

Трудно было Полинке отказать дочурке и не пойти с ней, побросав все домашние дела. Тянуло её в школу, ставшую для неё роднее мужниного дома. Помимо уроков и хлопотных обязанностей завуча, она внеклассные занятия проводила, всяческие кружки вела. По существу, все дни там и находилась, даже выходное по всем статьям воскресенье прихватывала. Во всём этом искала необходимую для себя отдушину от поднадоевшего быта, серого вне школы, всё плотнее и плотнее обступавшего её, на больное сердце давившего тяжко. В школе лишь ощущала она радость от задуманного ею и свершённого её воспитанниками, Люською в том числе, ни на шаг от неё не отходящей, дополнительные силы ей придающей. Не столько премиям и призам, завоёванным школой при её участии на разных выставках и соревнованиях, она радовалась, сколько увлечённости ребят творчеством, их прикосновению к духовному и красивому.

Ценили педагоги Полинку, уважали родители школьников. Про детей и говорить нечего. Они просто липли к ней. Эх, если бы ещё и муж понимал её и больше тянулся к ней, помогал в её стремлениях, чем к собутыльникам стремился своим.

К приходу дочурки Полинка успела управиться со стиркой, развесила бельё в тесноватом дворе и просторной веранде, за приборку дома взялась. Для пользы дела и свекровь с Люською

подключила, хотя от них, старой и больной да малой, толку мало, зато веселее. Казалось, вот-вот обессиленно свалится она посреди слишком просторного для них, четверых, дома. Нет же! Не свалилась. До конца начатое дело довела, словно после больничной палаты стены домашнего очага помогали. От всего этого спокойно становилось на душе, и сердце, кажется, не так чувствовалось, как прежде. Нашла даже силы Люську искупать, свекрови помочь помыться и самой ополоснуться вдоволь нагретой водой, в тёплой от жарко натопленной плиты кухне.

В хорошем настроении встретила Полинка мужа, к ужину подоспевшего с шабашки, на удивление трезвого, с бутылкой водки, непочатой даже, в кармане.

— Держится. Не пьёт. Переживает всё же, — она благодарно посмотрела на сильно сдавшего от выпивок мужа, как-то разом потеплела к нему.

— Молодчина ты у нас! — она поцеловала его в небритую щёку, усадила за стол. — Теперь можно и рюмочку в честь праздника. Заслужил!

Потчуя мужа, Полинка, естественно, даже не притронулась к спиртному, к чему, к слову, никогда и не имела влечения. Василий тоже держался, после третьей рюмки на чай перешёл.

Отужинав, бельё с улицы занесли, на кухне досушивать развесили. По-семейному в зале у телевизора посидели, Люськины песни послушали, в картишки перебросились.

Перед сном Полинка мужу волосы аккуратно подкоротила ножницами, мыться заставила, легла следом за ним в свежезастеленную постель. По привычке, включив торшер, свежие газеты просмотрела. Приподнялась, неудобно как-то потянулась выключить свет и вдруг охнула и, обмякшая разом, упала на подушку.

— Что с тобой? — испуганно вскочил Василий.

— Таблетки подай... Там, в сумочке, — еле выговорила Полинка, настолько сильно сдавило в груди, что не было сил говорить.

Лекарство не помогло. Давило внутри, затруднялось дыхание.

Пришлось вызывать «скорую».

Ожидание было томительным.

— Скорее бы приехали! Боль скорее сняли, — беззвучно шевелила Полинка ссохшимися губами, стараясь не потерять сознание. — Скорее бы!

Врач, наконец-то подъехавшая в «скорой помощи», не торопилась. Молоденькая совсем, не по возрасту спокойная и медлительная, она долго расспрашивала задыхающуюся Полинку, искала всё её пульс.

Первые два укола не ускорили ритм Полинкиного сердца,

что сильно удивило врача, но не вывело её из довольно флегматичного равновесия.

— Ничего страшного, — сказала она обеспокоенному Василию, достала более ёмкий шприц. — Сейчас добавим дозу, и всё будет в порядке.

От третьего укола Полинка слабо вскрикнула, дёрнулась всем телом. Словно все боли, которые пришлось ей испытать за свои прожитые годы, одновременно явились к ней в это мгновение. Она дёрнулась ещё раз, уже молча, и затихла. Её сердце остановилось. От огромной порции инъекции оторвался сердечный клапан, препятствующий обратному движению крови, и... оборвалась Полинкина многострадальная жизнь.

— Ничего не понимаю, — недавно лишь начавшая самостоятельно работать врач «скорой помощи» в недоумении пыталась всё нащупать в холодеющей руке пульс. — Придётся везти в больницу, — опустив Полинкину руку, спокойно проговорила она.

Василий укрыл жену простынью, укутал в одеяло и торопливо понёс её, невесомую почти, на выход.

Старая мать его молчаливо и, кажется, безучастно глядела им вслед. Люська, намотавшаяся за день, спала.

Настенные часы ритмично отсчитывали первый час нового, уже праздничного дня.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Напрасно торопились они к утреннему автобусу.

— Не придёт. Сломался, — огорчил их наряженный, на взводе уже мужичонка. — Моих только что сосед на легковушке из города привёз. Случайно у него получилось. На вокзал заехал за куревом, увидел... Вот иду родню звать. Соберёмся, на кладбище пойдём. А вы на горку идите, на поворот асфальтовый. Быстрее уедете. До района попутные оттуда часто ходят. Может, и вахтовый с Пронькинской буровой завернёт. Ещё лучше. До места доставит, если до города вы...

Грачёв не нуждался в подсказке. Знает. Раз-другой в месяц приезжает он в деревню, к тёще. Накладно, конечно, ему такое и по времени, и по деньгам. Жила бы тёща и дальше с ними в уютной городской квартире, куда после сильного инсульта её забрали. Нет же, не захотела. Еле оправившись от болезни, домой, в саманную избу свою запросилась. Потянули возвратные корни родной земли, никакими убеждениями и уговорами не удалось удержать её в бетонных стенах. Пришлось Грачёву срочно за газовое отопление избы взяться, из-за болезни хозяйки не газифицированной вовремя, вместе со всеми. Хватило хлопот ему, зато теперь с дровами возиться не надо. И в уличный водопровод он врезался, «зимник» в тёщином дворе поставил,

чтобы без воды она не сидела. Не под силу ей до неблизкой колонки дохрамывать, просить приходилось каждодневно ведёрко водицы принести. Болезнь даёт о себе знать. Хорошо ещё, за собой ухаживает, потихоньку по дому справляется. Даже им подмогнуть стремится, беспокойная душа: в огороде возится, курочек завела и поросёнка выкармливает. Пытался он, её жалеючи, отговорить от домашних дел. Бесполезно! Догадался: «Этим она и живёт». Помогать ей стал.

Пока дошли до асфальта, взмок Грачёв с двумя увесистыми сумками. Семенной картошкой для своего дачного участка нагрузился. Не ожидал, что с автобусом неувязка выйдет.

Майское солнце висело над ветловой рощей, но как-то обманчиво светило, не пригревая утреннюю прохладу. По ковыльному косогору гулял ветерок, безобидный, вроде, но со временем начинающий пробирать насквозь.

Больше часа отстояли. Редкие попутки были при пассажирах или проскакивали, не останавливаясь. Водитель долгожданного вахтового автобуса показал в другую сторону:

— К своим заеду на родительские. В город — вечером только, как рабочих с буровой заберу.

Жена Грачёва не выдержала:

— Давай вернёмся, на кладбище сходим. Видишь, не отпускают нас твои родители и папка мой.

— Помянули ведь?!

— Не по-людски как-то... Выпить выпили, а до могилок не дошли, не проведали. Давай вернёмся. Всё равно опоздаем теперь.

— Не опоздаем. Успеем на ташкентский, — заупрямился Грачёв. — Потерпи малость. Сейчас уедем.

Увидев приближающуюся на большой скорости грузовую машину, он решительно выскочил на дорогу, чуть было под колесо не попал. Железно скрежетнул тормозивший ЗИЛ, юзом пошёл.

— Жить надоело? — выскочил из машины водитель, готовый с кулаками наброситься на Грачёва. — Не тебя, чумного, жалко. Меня засудят!

— Прости, пожалуйста. Будь другом, подбрось до главной трассы. Позарез нужно. Опаздываем! — обезоружил его просительным взглядом Грачёв.

— Некуда... Не видишь разве?

— В кузове доедем. Выручи!

— Не могу. Гаишники по всем дорогам катаются. Декадник у них. По безопасности движения называется. Соревнуются, кто больше сдерёт с нашего брата.

— Присядем мы. В случае чего и с ними рассчитаюсь. Понимаешь, на поезд опаздываем, а следующий только ночью, бесполезный...

— Ладно. Женщина в кабину пусть сядет, как-нибудь уместимся. — Он подал вскочившему в кузов Грачёву тяжеленные сумки:

— Ого! Кирпичи везёшь?

— Картошку прихватили, будь она неладна!

Тронулись. Как не жался Грачёв к настилу кузова, как ни прятался за кабиной, ветер доставал его. Хорошо, что семь километров всего ехали, не то задубел бы совсем.

— Спасибо, выручил, — поблагодарил Грачёв водителя, протянул деньги. — Возьми...

— Спрячь! — отмахнулся тот. — Не ради них взял. В другой раз осторожнее голосуй. Не то под машину угодишь или шофёр вгорячах покалечит.

Давно отъехал ЗИЛ, а они всё стояли. Набежали тучи, пролились. Оказалось, в спешке зонт не положили. Промокли как следует. Озябли.

— Из-за твоего ослиного упрямства всё! Говорила, вернёмся. Не послушался! — заругалась жена, как спичкой по коробку чиркнула.

— Надо тебе! Нечего было деньги жалеть. Купили «Запорожца» хотя бы захудалого, не мокли бы теперь. Сидела на деньгах со своей маменькой, высиживала, пока полыхнут они синим пламенем.

— Опять же по твоей вине. Не захотел их в ход пустить. На правах единственного зятя мог бы!

Грачёв собрался было кольнуть ответно, но тут остановилась попутка, в райцентр их подбросила, до опустевшей площади автовокзала: укатили в город маршрутные автобусы, и такси не видно.

— Невезуха сплошная! — в сердцах выругался Грачёв, не обращая внимания на справедливые упрёки жены. — А ведь всё так складно начиналось...

...На родительскую субботу, ещё не узаконенную как праздник, все отпрашивались на кладбище. Умно рассудило заводское начальство, выходной объявило в этот день: всё равно толку не будет, лучше в ближайшую субботу за этот день отработать.

О принятом решении Грачёв сообщил жене.

— Очень кстати, — обрадовалась она. — Нас тоже отпускают. К матери поедем. Когда ещё вместе вырвемся. Хватит нам выходных или в счёт отпуска денька два попросим?

— Четырёх дней достаточно, — сказал Грачёв. — Самое необходимое сделаем и, главное, на кладбище сходим.

До деревни удачно доехали. С ходу за посадку картошки взялись. Жаль, огород был вспахан безобразно. Чёрные борозды чередовались с пестреющими навозом полосками земли, лишь очерченными лемехом плуга. Торец пашни неровными зубьями впивался в начинающую уже зеленеть травкой приречную половину. Видимо, подвыпивший тракторист не контролировал подъём плуга, к тому же не отрегулированного на огородную вспашку.

— С похмелья пахал, — подтвердила тёща. — Спозаранку

после ноябрьских заехал на бутылку заработать.

— В оплате отказать бы ему за такое неуважение к земле.

— Попробуй, откажи. В другой раз никого не допросишься. Молодо-зелено, а в этом деле солидарность проявляют.

— Кто пахал-то?

— Гришка Японцев. Неопытный к тому же. Он и отцов огород испохабил следом. Материл тот сына. Сам по весне перепахивал. Хотел и наш поправить, да сыровато было. Может, обождём денёк-другой? Обещался, подъедет вдруг?

— Посевная в самом разгаре, вряд ли вывернется. Не будем откладывать, так посадим.

Но лишь начали граблями огород выравнивать, как лёгок на помине — старший Японцев на тракторе подъехал и вспахал, и проборонил лучшим образом, в удовольствие стало копаться. До вечера с картошкой справились. Назавтра, закончив с луком и свёклой и наскоро перекусив, возились в отгороженном огуречнике. Редиску и морковь посадили, вскопали землю под огурцы, помидоры и капусту. На пробу натыкали полгрядки огуречных семечек, высадили немного помидорной рассады, чтобы хозяйке под силу было укрывать их от частых в эту пору заморозков. Ужинали поздно, при электрическом свете. Хозяйка достала из загнетки печи припасённую на особый случай поллитровку «Столичной».

— Не надо бы на ночь глядя, — упрекнула её дочь. — Нечего зятя спаивать. И так в последнее время почти не просыхает...

— С устатку немного можно. Заслужил. Сколько земли перелопатил! Вот сараюшку бы ещё для поросёнка подправить и водичку в огуречник провести...

— Всё сделаем, мать. Два дня впереди, — успокоил её Грачёв, аккуратно опорожнил рюмку, заел привезённой из города селёдкой, приправленной зелёным лучком с тёщиного огорода.

— День всего! — поправила его тёща. — Как хотите, а на родительскую не позволю работать. Нехристи, что ли?

Грачёв не стал возражать, хотя неотложную работу по дому не считал грехом на любой церковный праздник. Он выпил ещё рюмку, вдосталь поел и отправился на боковую.

На следующий день, спланировав его толково, он сделал всё необходимое. Но выложился так, что в жарко натопленной бане не выбрал и половины пара. Не хватило сил похлестаться берёзовым веничком, как обычно.

После бани и хозяйку, тоже умаявшуюся за день и рискнувшую на глоток водки, быстро сморило. Чтобы не мешать ей своими разговорами, Грачёв с женой, в накинутых фуфайках, вышли во двор, долго сидели под развесистым клёном, наслаждались целебным воздухом.

— Коли на работу запрет, не уехать ли нам утренним рейсом?

— предложил Грачёв. — Сходим спозаранку на кладбище и поедем. Обещался к товарищу из НИИ на круглую дату.

— Лучше к тётке после кладбища сходим. Давненько не проведывали.

— К родне всегда успеем. В отпуск скоро приедем, всех — и близких, и дальних обойдём. А в этот раз на юбилее интересных людей послушаем. Давай уложимся сейчас, чтобы утром не суетиться.

— Не хочется что-то. Утром соберёмся. Не проспим, думаю. Мамке скажу, разбудит.

Не вышло по задуманному. Проспали. Как ни собирались спешно, на кладбище не осталось времени.

— Всё равно утренним уедем. Родителей же так помянем, — твёрдо сказал Грачёв, раскупорил оставленную для кладбища поллитровку, налил всем водки, наклонил чуть свою, капнул спиртное на стол:

— Царствия вам небесного, родные...

...Оторвался Грачёв от воспоминаний, опять выругался:

— Невезуха сплошная! Добрать бы вчерашний пар сейчас...

На дневные поезда они опоздали. В ожидании ночного долго сидели в неотапливаемом помещении вокзала. Помалкивали больше. Выговаривались. Как назло, ночной поезд задержался в пути, так и не наверстал допущенное отставание до их станции, отчего Грачёв, ко всему прочему, не успел на важную утреннюю планёрку. Неприятно, пришлось объясняться с начальством. К тому же, простудно обметало губы. Побриться не мог, даже слабое касание лезвия отзывалось болью.

— Будешь знать, как родителей не почитать и меня не слушаться, — сказала было жена и невольно засмеялась над вспухшими, перекошенными в одну сторону губами мужа, но тут же осеклась: у самой неспокойно на душе, тоже ведь на кладбище не сходила.

Два дня крепился Грачёв, на третий не выдержал, отпросился с работы. Дома глянул в зеркало на своё обезображенное лицо и ужаснулся — так разнесло!

— Если на утро не полегчает, за помощью обращусь, — решил он, ещё толком не зная куда идти: до сих пор не нуждался в больничном листе.

Время было обеденное, но есть ему не хотелось. Он достал фотоальбом, выбрал последние снимки родителей и тестя, положил перед собой.

— Может, впрямь на меня такое, что перед вами провинился? — спрашивал он, словно мог получить ответ.

Глаза тестя на морщинистом с расплывчатой улыбкой лице ничего не выражали.

— Ясно, под газом снимался, — определил Грачёв.

В последние годы тесть редко бывал трезвым, словно навёрстывал упущенное за первую

половину жизни, когда до тридцати лет капельки спиртного в рот не взял. Пить начал, как на трактор сел. С техникой тогда туго было. Частенько его просили подмогнуть после работы. Не мог отказать. Как и от поднесённого стаканчика отказаться, чтобы не обидеть хозяев. Иные выпивохи даже без надобности зазывали. Скажем, одну и ту же навозную кучу с бульдозера с места на место перетолкнуть, чтобы бутылку у жены выудить... Так и пристрастился помаленьку. Затянула, доконала его «зеленоглазая», до пенсии не дотянул. Как ещё умудрялся не прогуливать, сложные задания тракторного бригадира выполнять? Работящий был мужик, нескандальный. Ладили они...

Отец на своё восьмидесятилетие фотографировался, за три года до кончины. Живой, с лукавинкой взгляд. Лицо почище, чем у тестя, несмотря на двадцатилетнюю разницу между ними. В отличие от своего свата, отец всё же знал меру в питие и, главное, пыльную тракторную работу вовремя оставил, в учётчиках до пенсии ходил. Натянулось, до предела осложнилось отношение сына к отцу после смерти матери, когда, едва справив сорокадневные помины по жене, привёл отец другую, не посчитавшись с мнением младшего своего — хотя бы до года потерпеть. Долго не показывался сын в родительском доме, без матери ставшим чужим. Только не ожесточился он после того, как отженихался отец, один на старости лет остался, до последнего его дня поддерживал и заботился по-сыновьи. Нет, отец тоже не обидится на него...

А вот перед матерью он кругом виноват. Приезжая на каникулы, скорее убегал к невесте. Невесте же с заработанных в стройотряде денег дорогие безделушки дарил, не подумал матери туфли и плюшевую жакетку привезти, о чём, знал, давно она мечтала. В последние годы матери не приезжал вовсе домой, у невесты пропадал, после школы в город подавшейся. Даже на похороны матери опоздал. С кладбища уже шли, когда он явился. Нет ему оправдания, хотя умирающая мать запретила тревожить его: «Пускай учится спокойно. Сорвётся, отстанет ещё... Всё равно ведь не поможет мне». Как же в отцовском письме, как выяснилось потом, написанном под диктовку матери, не уловил он плохо скрытую тревогу? Больше о женитьбе своей думал и за неделю какую-то до закатного часа матери друзей на свадьбу собрал. Родственников не пригласил, намереваясь вскорости в деревне по-настоящему отгулять. Хорошо, догадался свадебные снимки прислать. Успела мать увидеть, благословить: «Вот и славно! Пора! Давно друг дружку любят...» До последнего вздоха она беспокоилась о нём. А он?

— Прости, мамка... Прости, родимая! — шептал он.

Не вытирая катящихся по щекам слёз, долго смотрел в материнские глаза, даже на фотографии полные беспокойства.

ТЁПЛОЕ МЕСТО

Сваленную на подталый мартовский снег завидно белую, крепкую капусту, к тому же недорогую по цене, брали нарасхват, и скоро на месте хрусткой горки кочанов остались одни лишь капустные листья.

В этой куче, быстро прихватываемой окрепшим к вечеру морозом, неспешно, словно вокзальный бомж, рылся вполне благовидный старик. Сложив отобранное в матерчатую сумку, чуть прихрамывая, он отправился к перекидному мосту. С двумя передыхами одолел лестницу, остановился на мосту подымить дешёвой сигаретой.

С моста, высоко и длинно нависшего над железнодорожными путями, хорошо просматривалась на обе стороны крупная станция с действующим и строящимся вокзалами, с различными служебными и техническими сооружениями.

Сход с моста выводил к локомотивному депо, где начинал он работать после окончания железнодорожного училища, о котором ему напоминает сохранившийся ремень из кожзаменителя с выдавленными на литой бляшке буквами Ж и У.

Из высокой трубы деповской котельной необычным деревом пророс дым, сейчас при закатном солнце разноцветный: в основании тёмно-фиолетовый, к середине — сиреневый, дальше — розовато-жёлтый почти до самого верха с чуть скошенной ветром расплывчатой кроной, белёсо сливающейся с небом. Подобных дымов-деревьев проросло множество, поскольку пристанционный район и по названию, и по сути — промышленный, и этаким дружным колком они поднимаются над ним. Больше всего дымов, естественно, над ремонтным заводом, куда из родного депо вынужденно перевёлся он перед самой пенсией...

...В аварию угодил. Несколько часов без сознания на морозе пролежал, выброшенный из кабины тепловоза при ночном столкновении с другим, таким же, в глухоманной казахской степи. Министерская комиссия не усмотрела его вины, но по состоянию здоровья врачи категорически запретили ему садиться за тепловозный контроллер в кабине машиниста. Помороженные пальцы цепкость потеряли, частенько не слушались. Спасибо заводскому начальнику по кадрам, под свою ответственность направил его на железнодорожный участок, где и тянул он машинистом маневрового тепловоза до увольнения, не считая недолгой работы напоследок сторожем в одном из административных зданий...

Любуясь дымами, старик бережливо докурил сигарету. Похромал дальше по бетонному настилу моста.

— Капустки взяли, Егор Кузьмич? — спугнул стариковские вязкие думы тёплый женский голос. — Дайте понесу. Тяжело ведь.

— Не тяжело, Катерина, — узнал он заводскую кассиршу. — Листочки одни. У магазина подобрал. А вот спуститься подмогни, дочка. Ступени сильно скользкие, а пальцы одеревенели словно. За перила не удержаться.

Молодая кассирша легко подхватила его под руку, свела по скользким ступеням вниз, поинтересовалась содержанием сумки:

— Кроликам?

— Самим с бабкой на щи отобрал. Свежие листочки, чистые. Пойдут для нас. С деньгами худо. Пенсионные недавно вот получили, сразу же дочке послали, на лекарство внуку. С кровью у пацана неладно.

— Серьёзная болезнь, — посочувствовала она.

— Нехорошая, сказывают. К тому же с зятем нам не повезло. Мало, что дочку далеко увёз, к водке быстро пристрастился. Не выдержала дочка, развелась. Одна теперь с больным сынишкой. Еле-еле концы с концами сводит, — разоткровенничался старик. — Переживаем за неё шибко. Потому сильнее всё гипертония бабку давит.

— А что же вы, Егор Кузьмич, сторожить бросили? Приработок как раз бы кстати был. И место было тёплое, не то что в литейном цехе, где сквозняки гуляют и дышать нечем. Знаю, дядька мой немного поработал там. Рассказывал.

— Так и я знаю. Перед уходом с завода предлагали туда. Отказался. Не по моему здоровью. А с места, как ты говоришь, тёплого-то меня сократили. С Нового года ещё. Начальник вызывал, что Ивана Васильевича сменил. Усатый такой, с лысинкой. Как его? Фамилия такая огородная, неблагозвучная...

— Паслёнов, — подсказала кассирша, — Эдуард Палыч.

— Во-во. Извинялся за сокращение. Мол, не может за мной это место сохранить... Мол, упраздняется оно...

— А сам сходу оформился на это место, — не сдержала свои эмоции, перебила его кассирша. — Ну Эдичка! Ну даёт!

— Не может быть, — усомнился старик. — Путаешь ты что-то, Катерина.

— Нисколечко! — обиделась даже кассирша. — Сама же сторожевые ему выдаю. Дошли бы до него, Егор Кузьмич, ситуацию свою обрисовали.

— Попробую, — пообещал ей на прощание Егор Кузьмич, не очень-то поверивший услышанному: разве позволит большой начальник до сторожа опуститься и его, заслуженного ветерана, обидеть?

Посомневался он, но всё же собрался к Паслёнову: попытка

— не пытка! Выбрился, приоделся. С трудом добирался. При морозе. К тому же с ветерком.

Долго дожидал Паслёнова, следом за ним протиснулся в дверь.

— Погоди, дед, — остановил его хозяин кабинета, с мороза занявшийся выщипыванием сосулечек из отвислых усов. — Срочные дела решу и позову.

Егор Кузьмич дисциплинированно стал ожидать приглашения. К Паслёнову входили и выходили посетители. А его всё не звали. Пришлось ему напомнить о себе.

— Эдуард Павлович, не забыли обо мне?

— Сказал же, позову, как освобожусь! — недовольно глянул на него Паслёнов, точно ржавыми буравчиками просверлил. Барственно развалившись в кресле, он сидел за столом с распушёнными уже усами, с прилизанной волос к волосу жидкой причёской. Похоже, смилостивился к старику. — Так что у вас? Только быстро, давайте!

Не успел Егор Кузьмич высказать суть прихода, как без стука вошла расфуфыренная дамочка:

— Не опоздала я, Эдичка?

— В самый раз! — услужливо закружился возле неё Паслёнов, кивком головы указал старику на выход.

— Надолго, видно, у них, — огорчился Егор Кузьмич, нетерпеливо заходил по коридору.

— Кузьмич, ты ли? — окликнули его из угловой комнаты, где не так давно, будучи сторожем, и он по ночам бодрствовал. — Каким ветром занесло?

— С Паслёновым никак не могу переговорить, — заглянул он в знакомую комнату, не скрыл своего удивления от появившихся там телевизора, холодильника и дивана. — Ого! Со всеми удобствами!

— Эдуард Палыч не может иначе, — пояснила уборщица. — Он, дочка сказывала, и в цехе такую же комнатку рядом с кабинетом своим имел.

— Разве не из пришлых он?

— Не знаю, как и сказать. И уходил он с завода не раз, и возвращался. В последнее время начальником электроцеха был. Дочка там у меня табельщицей...

Егор Кузьмич вспомнил табельщицу электроцеха, которая не пускала его к начальнику, и самого Паслёнова вспомнил, безусого тогда, отказавшегося принять его сторожем. Ещё паслёновскую, пересыпанную матом истерику при нём, считай, постороннем, предназначенную кому-то на другом конце телефонного провода, вспомнил. Как сейчас услышал его тогдашнее: «Взорвать бы этот завод с его революционными традициями!»

— Вот он каков, оказывается! Вчера готов был бомбу подложить под старейшее предприятие города, а сегодня о его благе высокие слова с трибуны льёт как один из руководителей завода, — покачал седой головой Егор Кузьмич. — Быстро

же переделался, словно вывеску сменил. Даже внешне изменился, как бы маску новую надел...

Подивившись неожиданному для себя открытию, спросил:

— Не обижает Паслёнов?

— Не жалуюсь пока. Разве ключи вот от этой комнаты не доверяет. На время лишь даёт. Он и в цехе, как сейчас мне, никому, кроме дочки моей, не позволял убираться. Да я и не обижаюсь. Хорошо ещё на работе меня, пенсионерку, держит.

— Из-за дочки, похоже, Матвеевна держится, — вдруг подумал Егор Кузьмич. — Пойду я, — сказал он задумчиво. — Всего доброго тебе...

Паслёнов всё ещё любезничал с дамочкой.

— Да он же смеётся надо мной, на измор берёт, — занервничал Егор Кузьмич. — Видимо, понял, зачем я пришёл. Может, и кассирша обо мне ему сказала... А я-то губы раскатал. Куда там! При увольнении он лишь хорошо говорил, чтобы по-тихому со мной расстаться. Боялся, видно, что шум подниму, пусть и бесполезный, но неприятный для него. Теперь закорневел. И ничего с ним не сделаешь. Не те времена! Такие за справедливый и добрый характер и свалили Ивана Васильевича. Э-эх!

Сильно растревожил себя Егор Кузьмич. Не приходил бы лучше! Тяжело дохромал он до своей, первой на станции, деповской двухэтажки. Прежде чем зайти в тесную квартиру, откуда, верный памяти родителей — потомственных железнодорожников, не захотел он съезжать в новый дом, передохнуть решил. Две сигареты выкурил, успокаиваясь и обдумывая, что больной жене сказать.

— Ну, как? — спросила она. — Договорился?

— Знаешь, мать, передумал я в завод идти, — через силу весело солгал он. — Нет смысла за мизерную зарплату на завод колдыбать. Корейца знакомого встретил. Столковался с ним на лето лук и арбузы стеречь. Хорошие деньги заработаю. Не пропадём!

Поздравляем
Владимира Ивановича Петрова
с 70-летием и желаем здоровья,
крепости духа и творческого
вдохновения!

СТИХИ ПО КРУГУ

Сергей БУРДЫГИН

МАРШРУТ

Тётя Виолетта —
Жизнь помчало вспять —
Продаёт билеты
На маршруте пять.
Голубое небо,
Серые глаза.
Старенький троллейбус
Едет на вокзал.
И у самой бровки
На маршруте пять,
Там, на остановке,
Ждут её опять
Взгляды, разговоры,
Слухов череда.
Ждут чужие ссоры,
Счастье и беда.
— Тётя Виолетта,
Сильно не кори...
— Едешь без билета,
Так поговори...
Всё свершится в меру
Этим зимним днём...
Муж был инженером,
И она при нём.
Всё исчезло где-то,
Берег жизни крут.
Тётя Виолетта,
Вот и весь маршрут...

УМИРАЮТ ПАРКИ

Прохожу
Под знакомой аркой —
Здесь другого уже не будет.
Словно рядом с проспектом
шумным
Раньше не было ничего.
В городах умирают парки,
Только медленнее, чем люди,
И хоронят себя на месте
Проживания своего.
Вот за этим столом железным
Старики в домино играли
И податливые костяшки
Забивали, как кирпичи.
А в той будке был рай проката,
Мы всегда его
Обожали.
Там родители покупали
Нам педальные «Москвичи».
В городах умирают парки,
Это стало печальной нормой,
А вот там духовой оркестр
Нам искал когда-то мечту.
И в углу стояли пивные,
Где в железнодорожной форме
Машинисты, вернувшись с рейса,
Подносили кружки ко рту.
А вот там стояла эстрада,
Жаль, «кина» там уже
Не будет.
Здесь, наверно, построят маркет
Или что-то вроде того.
В городах умирают парки.
Только медленнее, чем люди.
И хоронят себя на месте
Проживания
Своего.

* * *

На душе беспокойно как-то,
Ведь к зиме не привыкнешь сразу.
На окне задремавший кактус
Тихим кажется дикобразом.
Мы как будто теряем что-то,
Словно с чем-то идём прощаться.
Но мгновения старых фото
Принесут нам немного счастья.
Там друзья в доброте и в силе,
Там сдаваться, конечно, рано.
И страну ещё не убили
Беловежским трезубцем пьяным.
И тепло от вестей в конверте,
Всё, что хочешь, случиться может.
И печали пока без смерти,
Да и радости помоложе.
Там в друзьях у нас Украина,
И «горилка» всего полезней.
И декабрь — это мандарины,
А не холод и не болезни.
Там, по-моему, все добрее,
И немного терпимей были.
Но Канаду мы по хоккею
Убедительно разгромили.
Это стало народным фактом.
В этом вряд ли кто сомневался.
И заснувший беспечно кактус
Только ёжиком нам казался.

НАСТРОЕНИЕ

И вот уже стою я на меже.
И день мой одинок и безрассуден.
Но по ночам ко мне приходят люди,
Которых здесь со мною нет уже.
Конечно, это всё-таки во сне.
И там свои условности иные,
Но здесь мои любимые, родные
Как будто чем-то помогают мне.
Мы там живём, мы пьём на кухне чай,
Веранду к даче нашей снова строим.
Смеёмся или ссоримся порою,
Обидевшись на что-то невзначай.
Там свой такой же жизненный уклад,
Мы там готовим курицу на гриле,
И все мои собаки — те, что были,
Чуть рядом в ожидании сидят…

Диана КАН

СКАЗ О ВОЛГЕ

Вячеславу Лютому

Плывущая вдаль по раздольям, как пава,
И речь заводящая издалека,
Собой не тончава, зато величава
Кормилица русская — Волга-река.

По чуду рождения ты — тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздалем ты, угличанка,
Помолвлена злат-заповедным кольцом.

Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи —
Они и шумят, и коптят, и дымят...
Нет-нет да порой замутится от сажи
Твой, матушка, неба взыскующий взгляд.

Устанешь под вечер... Позволила б только
Водицы испить с дорогого лица.
Красавица-Волга. Заботница-Волга.
Работница-Волга, сказительница...

Покуда студёной водицы вкушаю,
Мне шепчут о чём-то своём камыши.
Лениво закат за рекой догорает,
И перья хребтовые кажут ерши.

О матушка-Волга, не будь так сурова!
Устав от речей балаболки-ручья,
Опять срифмовать не сумела ни слова —
К тебе на поклон заявилася я.

Мила твоя речь о былинных верховьях,
О том, как роднишься с Москвою-рекой.
И как в астраханских твоих понизовьях
Цветёт дивный лотос, омытый зарёй.

Прости, не взыщи, не могу по-иному
Я речь издаля заводить-затевать...
Усну близ тебя, ну а ты мне сквозь дрёму
Все лучшие песни нашепчешь опять.

* * *

Судьбы драгоценный подарок —
Усталая Волга... За ней
Мерцает ночная Самара
Как горсть драгоценных камней.
Восторги купальщиков поздних
Доносятся аж до крыльца.
И сочные спелые звёзды,
Как вишни, висят у лица.
Под всхлип одичалой калитки,
Смиряя душевшую дрожь,
Беспечным младенцем с улыбкой
Печальной дремоты вдохнёшь.
Тот путь, что тобою был пройден,
Стал звёздным путём, говорят...
А взгляд черноглазых смородин
Не есть ли твой истинный взгляд?

* * *

Постой. Повремени немного.
Не выходи из-за стола.
Льняная вьюга, как дорога,
Меж нами вьюжно пролегла.
Тысячелетнею тоскою
Подёрнулось твоё лицо.
Когда недрогнувшей рукою
Ты положил на стол кольцо.
И, убаюканная вьюгой,
Я улыбнулась, как во сне, —
Твоя усталая подруга,
Мечтавшая об этом дне...
...Постой! Повремени немного!
Не остужай тоской лицо.
Льняную вьюгу, как дорогу,
Я протяну через кольцо.

КИНО

Пригласите в кино. Я приду
Целоваться в последнем ряду
Под шипенье седой билетёрши.
На экране — большая любовь,
Звон бокалов, дуэльная кровь...
Только в жизни скучнее и проще.

Будет вечер. Пойдём в ресторан.
Будет наш скоротечный роман
Словно приступ внезапный чахотки.
На прощание брошу: «Звони!..»
Но подумаю: «Бог сохрани!
Что-то я захмелела от водки!..»

Пригласите в кино. Я приду
Лузгать семечки в первом ряду
И молчать равнодушно и хмуро.
И, косынку рванув на груди,
На прощание брошу: «Не жди!
И чего я нашла в тебе, дура!»

На экране — большая любовь.
Звон бокалов, дуэльная кровь.
Только нет мне до этого дела.
Приглашайте в кино... Я скажу:
«Извините, в кино не хожу!
Мне такое кино надоело!»

Наталья КОЖЕВНИКОВА

* * *

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Кто любил меня беспечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?
Из чего стихи сложились
В миг, когда вспорхнули птицы?
Из пунцовых горьких ягод,
Слёз, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,
Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?
Но отныне знаю я:
Кто ответит — станет мною,
А не мною, так сестрою —
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли...

* * *

Вот она, горечь разлуки
С красной опавшей листвой!
Тянет ко мне ветви-руки
Клён, что посажен тобой.
Весь в ожиданье ухода,
В оледенелом плену.
В озере синь небосвода
Медленно тонет ко дну.
Свиток свой в сумрачных звёздах
Жизнь размотала уже.
Господи, где же взять роздых
Грешной безмолвной душе?
Ветер во тьме, как награда,
Вдаль улетает, забрав
Всё сумасшествие сада,
Всё одиночество трав...

* * *

Останься для меня живым —
Плывущим облаком, рекой,
Знакомым клёном молодым
И песней с тихою тоской.
Останься для меня живым,
Пока жива, пока одна
Над звёздным берегом крутым
Восходит в сумраке луна.
Останься для меня живым,
Пока во тьме белым-бело,
Пока вытягивает дым
Из дома сонное тепло.
И маятник в звенящий час,

В потёмках над лицом твоим
Ударит вдруг в последний раз —
Останься для меня живым...

* * *

Обильный край,
благословенный!
Хранилище земных богатств!
Не вечно будешь ты,
забвенный,
Служить для пастырей
и паств!
«Послание в деревню»,
С.Т. Аксаков, 1830 г.

Да, всё сбылось, поэт печальный
Был прав. И где она, любовь
К родному? С песнею
прощальной
Летит ковылистая новь.
Глядит в отравленные воды
И негодует лик небес.
Так называемой свободы
Плоды взросли. И продан лес.
Степные сырты и увалы
Пусты. Такие времена!
Зверей испуганных изгнали
Чужие словно племена.
Крадётся всё без проволочек,
Точат иконы реки слёз.
И где тот аленький цветочек
Из дивных сказок, детских грёз?
Не дай, Господь, возненавидеть
Толпы безудержную власть,
Отчизны чёрный год увидеть,
В провалы времени упасть!
Всю жизнь среди томов и
строчек,
Во тьме полуночных полей
Искать мне аленький цветочек,
Скорбеть над родиной своей...

Виталий МОЛЧАНОВ

МАКСИМ*

1

Вязкий мрак ползёт по кругу
неустанно день и ночь,
Пеленает в темень туго, лучик
света гонит прочь.
Звякнет чашечка о блюдце,
постучит метель в окно,
Дети зрячие смеются...
Зажужжит веретено,
Шерсть и зиму превращая в
нить пухового платка.
Говорят, на небе тают кучевые
облака.

Только слово — Божье слово —
обретает ясный цвет,
Ярче солнца золотого, и в
писаньях древних лет
Столько мудрости таится,
столько доброго тепла...
Богоматерь-голубица в церковь
отрока свела
Помолиться пред иконой,
окунуться в благодать.
Мрак споткнулся у амвона —
в тьму не смог запеленать.

---

* Оренбургский мученик, праведник, целитель и провидец.

В мире Божьем люди-свечи
свет внутри себя несут.
Будь ты слеп, убог, увечен —
заалеет верой трут,
Огоньком коснётся воска,
поджигая в сердце нить,
И тогда всё станет просто —
для других, горя, светить.
У Господнего алькова и с
молитвой на устах
Понял: «Не ищу иного.
Я Максим теперь, монах».

2

Бузулук в трёх вёрстах, рядом...
Но живым не добредёшь.
Без вины наказан адом. Давят
злобно, словно вошь.
Переполненные блюдца — глаз
незрячих родники.
Сам начальник в форме куцей
молвит: «Отче, помоги!
Третий день в огне супруга,
хворь свалила, выручай!»
Ты в ответ: «Исчезнет мука,
выпьет пусть тюремный чай».

На дощатых нарах жёстких
время движется назад.
Дым дешёвой папироски,
конвоира лютый взгляд,
Псов охранных лай до хрипа,
человеческая боль,
Пол в плевках, рыданья, всхлипы
— зэков общая юдоль.
Убивали — не убили, дело шили
— распорол.
Грозовые тучи плыли, задевая
частокол.

Добрый схимник веком проклят,
Богом щедро награждён.
Свечка тает, сердце глохнет,
боль смывается дождём.
Врачеватель паствы смирной,
упреждающий беду...
Пахло ладаном и миро тело в
камерном чаду.
— Знать, Святой летит на небо!
Знать, слепой увидит высь!
Распрощавшись с чёрным крепом,
к солнцу ангелы взвились.

ЗОСИМА*

1

В котомке ветхой светится
Псалтырь,
Под посохом смиряется дорога.
Святых пещер хранитель —
монастырь,
Построен паствой к вящей славе
Бога.
Ласкают степь ладони сентября,
Парит орёл вдали крестом
небесным,
И паутинки понесла заря
В скитанья по пределам
бестелесным.
А странников толкнула в путь
беда —
В крови — обида, жить
невыносимо.
Гонимых и болящих — всех
сюда
Призвал великий праведник
Зосима
Молитвами спасать себя и мир,
К добру прийти, сокрытом в
Божьей Вере.

---

* Праведник земли оренбургской.

Любой паломник, будь богат
иль сир,
Заботой наделён был в равной
мере.

2

Смерть не стучалась — смело в
дом вошла,
Свеча погасла пред святой
иконой.
Детишек пятерых, отца свела
На кладбище в земли сырое лоно.
Хоть в петлю лезь, хоть волком
ночью вой.
Казни себя, кори, теряя силы...
Захарий с поседевшей головой
Покинул дом и близкие могилы.
Былинный встрепенулся
богатырь,
До срока спящий на сырту в
кургане:
— Свято-Никольский будет
монастырь
Построен! Заложу я первый
камень!
Благословил Кронштадский
Иоанн,
Перекрестил во сне святой
Иона...
Теперь — Зосима я, наказ мне дан
Для Господа сложить подножье
трона!

3

По капле наполняется сосуд,
По прутику гнездо большое
вьётся.
Купцы дары на доброе несут,
Колокола в бока целует солнце.
Отстроили и церковь с алтарём,
И братский корпус, пчельник с
добрым садом,
Колодезь, рукотворный водоём.
Монашьим душам — райская
услада.
Молитвы полноводные текли
За край степной во благо всей
России...
... из преисподней аспиды земли
В семнадцатом свои подняли выи
И в хищных лапах стиснули
страну,
За веру во Христа людей карая.
Монахов добрых бросили в
тюрьму,
Почил Зосима, зла хлебнув
сверх края.

4

Повергли в прах обитель... Гнить
на дне
Иль оттолкнуться к воздуху и
свету?
Протянет длань Господь тебе
и мне:
— Спаситесь и спасайте всю
планету!
Как в неустройстве жить без
Бога нам?!
Мы веруем и будем верить в Бога!
Пойдём к Святым пещерам
строить храм —
Котомки есть, и посохов премного.
Спит в каждом русском чудо-
богатырь,
Таящийся в душе — степном
кургане.
Буди его — восстанет монастырь
На берегу Самары в белом камне.
И разнесётся колокольный звон
Во все концы на крыльях
серафима.
Так завещал, ступая на амвон,
Святой народный праведник
Зосима!

КАНДИД*

По степи рысцой не шаткой —
От людской беды к несчастью —
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти.
Впереди бугры увалов
И колки земли целинной,
Мимо важного Урала,
Замаравшись влажной глиной,
Сквозь сугробы, грязь, пылищу,
По жаре, дождю вдогонку...
Ксендз Кандид сухарик ищет,
Запустив ладонь в котомку.
Вот ржаной да с крупной солью
Дразнит карий глаз кобылий.
Так, мечту присыпав болью,
Заменяешь грёзы былью.

Разодрал сутану веткой —
Ткань висит ошмётком бурым,
Чуть прикрыта шляпой ветхой
Загорелая тонзура.
Милосердия взыскует
Обездоленным и нищим —
Ссыльный пан живёт не всуе,
Строит храм на пепелище.
Чёрствый хлеб голодным слаще
Мягких пряников медовых.
Пан Кандид гостинцы тащит —
Короб снеди и обновы,
Пузырьки с микстурой горькой,
Ассигнаций мятых стопку...
К сухарю ржаному с солькой
Тянет лошадь губы робко.

От села и до деревни,
От печалей к бедам лютым —
Укрепясь псалмом напевным,
Ксендз спешит на помощь людям.
Скачет добрая лошадка
Оренбургской рыжей масти,
Нищелюбец — не загадка,
Жить для ближних — это счастье.
Не удержишь цепью сердце —
Разомкнут замок тревоги,
Для Кандида иноверцев
Не бывает средь убогих.
«Ешь сухарик, и поедем», —
Ободрит кобылу словом.
Сам, как мышь в костёле, беден
Всадник воинства Христова.

* Имя ксендза Кандида Зеленко окутано сакральным ореолом мученичества за Христа и бескорыстного служения бедному люду Оренбуржья.

Павел РЫКОВ

* * *

Во поле цикорий
Набирает цвет...
Ни беды, ни горя,
Да и смерти нет.

Только травы клонят
Сладкие ветра,
Только топчут кони
В поле клевера.

Да талы трепещут,
Чуя дальний гром,
Да стрекозы блещут
В мареве степном.

Да шмели рокочут,
Да кипит родник...
В ожиданье ночи
Всё протяжней дни.

Ты просил смиренья
У судьбы своей.
Вот оно, мгновенье, —
Вечности длинней.

Здесь, ни с кем не споря,
Не крича в ответ,
Во поле цикорий
Набирает цвет.

* * *

Сон не страшит. На то и сон,
чтоб сниться.
И тени не страшны, что обитают
в нём,
Страшнее — день. Он прилетит,
как птица,
Прокаркавши: «Пора бы
пробудиться
И жизнь нести, как цепи, —
день за днём.

* * *

Нам с тобою много и не надо:
Хлеб на соль, да два ковша
воды.
Во степи есть тихая левада.
И родник. И никакой беды.

Никакой сумятицы
никчёмной —
Здесь и листья у осин тихи.
Только слышно, как ликуют
пчёлы
И гудут пчелиные стихи.

Лёг в траву, уставши, жаркий
ветер —
Дальний гость с бухарской
стороны...
Есть ли что дороже в целом
свете
Той благословенной тишины?

* * *

Вячеславу Панину

Свой век мы отшагали.
Протопали, прошли.
Свой век отгоревали.
До дыр его прожгли.

Всё было: холя, порка,
Хула, хвала, пинки...
Кадили мы махоркой,
Молились на пеньки.

Но содранною кожей
Мы чуяли с тобой,
Как век наш проморожен
И как он жгуч, порой.

И не переиначить.
Не перетолковать
Всё, что прошло. И значит,
Другому не бывать.

Судьбой неумолимой
Был век отмерян мне
В единственной, любимой,
Заклятой стороне.

Алексей ХАЛЬЗУНОВ

ПРОВИНЦИЯ

Я — провинция,
да жаль — не провидица.
От столицы отдалюсь —
не обидится.
Ей плевать на моё рыло
кондовое,
всё, что было между нами, —
не новое.

Я — провинция —
всему очевидица.
Остограммлюсь,
и во сне мне привидится,
как по телу моему
катят танками,
как стою в очередях
за буханкою.

А вокруг —
лишь господа и патриции!
Им ли дело до меня —
до провинции?
Но когда придёт беда
чёрным облаком,
не столица — я тогда
гряну в Колокол!

Я — провинция,
оборванная, в рубище.
Я — повинная
и в прошлом, и в будущем
за Россию,
что летит в вечность птицею,
за судьбу свою лихую
слыть провинцией.

* * *

А твоих волос нерасчёсанных
спит копна.
Хочешь — косы сплети,
а быть может, стрижку
сделай — «каре».
До безумия просто —
сбежать с моего двора,
до безумия сложно —
судьбу разделить на две.

Сколько тысяч вёрст между
нами?
Неужто всего — полторы?
До печёнок достал этот точный —
бухгалтерский счёт.
Мы, как дети,
сбежавшие с поля лихой игры, —
не забили мяч,
но победу включили в зачёт.

Между телом и делом —
лишь пропасть да бабий крик,
и молитвы мои,
что до Бога дойдут едва...
Я к таким расстояньям, поверь,
ещё не привык.
А волос золотых
на подушке грустит копна...

* * *

Сергею и Светлане Красновым,
с любовью...

Беззастенчивость мыслей многих
сводила с ума,
шепотком дрожала и ревела
дубинушкой «Ухнем!»

А мои стихи без спроса
врывались в дома,
занимая места за столами
дружеских кухонь.

Им там наливали водки,
а реже — чай,
разрешали курить — мол, тебя
всё равно не исправить.
И входила в квартиру неслышно
моя печаль,
обличённая в строчки «на вечную
добрую память».

Я сбегу от себя — от друзей
убежать не смогу,
через тысячи вёрст наше
прошлое как на ладони.
Наяву я не видел. А во сне —
на другом берегу —
к водопою прошли оренбургские
рыжие кони.

БАЛЛАДА О НАЧИТАННЫХ МАЛЬЧИКАХ

Памяти студентов и школьников, павших в рядах московского ополчения в декабре 1941 года

В окнах — солнечные зайчики.
Вижу, словно наяву,
как начитанные мальчики
уходили на войну...

Ни веков, ни дней течения
не прочувствуют собой,
и в московском ополчении
на рассвете примут бой.

Плачут ивы в исступлении,
только, как ни голоси, —
все победы с отступления
начинались на Руси!

В окнах солнечные зайчики
кувыркаются опять.
Но начитанные мальчики
повернули танки вспять.

Детвора играет в мячики.
Их весёлый слышен стук,
где начитанные мальчики
стали каменными вдруг.

Тамара ШАБАРЕНИНА

РЕКВИЕМ

Разбилась песнь, которая
знобит,
Которая мирит дворцы и
горенки.
Разбилась акватория любви —
На Чёрном море не было
соломинки.

Шла с телебашен в хлёст
информволна,
Не спал бел-свет от полночи до
полночи.
Над страшным тралом
горбилась страна,
А интернет окучивали сволочи.

Их не казнить молвою. И не мне
(ещё чего!) строкою тут
одаривать.
Куда ж без них: они и в той
войне
Мигали с чердаков врагу
фонариком.

…Искали части горя корабли:
Вот фюзеляж, вот борт с
иллюминатором.
Не стало акватории любви —
Сошли с ума портовые
локаторы.

С закатных граней, из морских
глубин
Душа в просторы неба взмыла
горлинкой.
А завтра грянет хор — один в
один…
На Чёрном море не было
соломинки.

ЕВРОЦЕННОСТЬ

К баранам подселили
волчье стадо:
«Волков поить, кормить
и холить надо!»

А через год — переворот:
Волков невиданный приплод!

Вожак — мутант — на ухе бант.
Тату на брюхе: «толерант».

В отаре две живучие овечки
Гутарят лишь на волчием наречье.

Мораль? Морали нет печальней…
Овчарня сделалась волчарней.

ДЕЛЁЖ

«Георгиевская лента — символ уничтожения наших народов». «Сознательные граждане должны докладывать в полицию о человеке или машине с таким знаком».
В.Половинко «Новая газета»

Запорошило весь киноэкран:
Гоняют голливудскую рутину.
Глаз положил на степь Заокеан
Как на свою «подружку» Украину.

Клон интернета изуверский сленг:
Потомок выйдет, помолившись
блогу,
Чтоб скомкать свет
георгиевских лент
Как огненную дедову дорогу.

И фарс, и бред: соседей не любить.
Сэм попотел: мы сами не могли бы.
Нас и победой метят разделить.
Но как поделим братские
могилы?

РИТМЫ

Нет солнца в солнце:
упало в море.
Планеты бьются:
простор в просторе.

…Я послушная
рифмам, ритмам —
Южным, яростным,
риоритным.
И тем, подвздошным,
И тем, глубинным:
Неповторимым!
Неподаримым!

Николай ВОЛЖЕНЦЕВ

НУМЫЛ! КОСО?!*

Старинная русско-мордовская быль

Николай Александрович Волженцов родился в 1947 году в селе Черноречье Оренбургской области. Окончил Оренбургский государственный медицинский институт, работал врачом, заведующим участковой больницы, заместителем главного врача Переволоцкого района, фтизиатром. Отличник здравоохранения СССР. Почётный гражданин села Черноречье и Переволоцкого района. Поэт, прозаик. Автор нескольких книг прозы и лирических сборников. Член Союза писателей России, лауреат губернаторской премии «Оренбургская лира» (2007), премии альманаха «Гостиный Двор» имени Валериана Правдухина (2009), региональной премии им. П.И. Рычкова (2014), VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016). Живёт в р.ц. Переволоцкий.

Да вы, наверное, не только слышали, а может, и знаете эти сёла хорошо, Мамалаевку-то и Алексеевку, а многим и не раз, и не два, а и почаще по случаю какому иль по делу доводилось в них бывать. В сторонку от главной дороги они уходят. Алексеевка с горы прямо в овраг скатывается, да так долом по бережку речки домами и идёт, изгибается. Когда по горушке-то к ней спускаешься, то издали дома навроде как врассыпную по ней, словно в разны стороны, каждый сам по себе, разбегаются. А въезжаешь в село, всё чин-чинарём становится, как и положено в примерном селе: по-аккуратному, правильно жильё стоит, ровненькими улочками, переулочками себе течёт, по тому распорядку, что ещё в старину деды-прадеды установили. Да хоть в какую пору: будь то

* В рассказе сохранён говор уральских станиц

зима иль весна, лето иль осень, всегда-всегда это местечко привольно и уютно высматривается.

Особенно красиво оно в конце весны, перед самым началом лета. Идут от долины, взбираются по обе стороны на взгорья, расходятся далеко и широко свежей яркой зеленью, словно отмытые первыми, жданными дождями, всходы хлебов. Ещё не густая, ещё не окрепшая сень лесопосадок, рощиц, больших и малых дубравок — средь полей, возле дорог и в отрогах холмов — ждёт светлою зелёною молодой листвой, ещё не прохваченной сквозным, тяжёлым, хлёстким и колючим дыханьем степных суховеев, не покрытой ещё унылой тусклой пеленою дорожной пыли — ждёт-пождёт пригожих, полных очарования и тепла, щебета и ликованья птиц — своих будущих летних дней.

Блескучие сетки марева пляшут, мерцают над напитанной далеко впрок вешними водами, вдосталь прогретой знойным, почти летним солнцем, над начинающей покрываться еле видной пеленой всходов жирной чернозёмной землёй. Из-за лесопосадок, из-за холмов, из-за кромки горизонта по белёсому высокому небу весело, словно играючи друг с другом, пролетают лёгкие облака, отправляя на землю свои почти призрачные, еле взглядом уловимые маленькие стремительные тени. Внизу, на дне своей родимой долины, возле речки дремлет Алексеевка. Под негустой ещё кроной наших привычных, вездесущих степных деревьев: клёна, вяза, осокоря — по-летнему затаились домишки и дворы. От знойного солнца поникли ветви дерев. А солнышко не унимается, будто только готовится перейти на летний припёк. Нега, покой растекаются над селом. Как всегда, на своём извечном вольном выпасе-самопасе — вездесущие куры роются прямо на улице, возле заборов, на лужайке. Дремлет телёнок, пристроившись в тени возле сарая, утомлённый зноем, отдыхает. Исправно, точно по своему времени разгоняя полдневную тишину, прокукарекивают петухи. И кажется, нет сейчас места прелестнее на земле, чем здесь. Со взгорушки, сверху, перед тем, как спуститься к селу, оглядишься вокруг — от раздолья аж дух захватывает.

Но не забыл я и про Мамалаевку. Ах, ведь тоже замечательное село: плотное, людное. Столько улочек, переулочек в Мамалаевке! Коль приключится тебе туда новичком попасть, то не мудрено и заплутать; ну уж не затеряешься совсем, а напетляешься с достатком.

Рощица, лесочек от речки и от околицы тополями, вётлами на главную улицу забежать норовят. Выйдешь с улочки из села на простор — и вот она, реченька Самарушка, размахом приветливым тебе навстречу

выкатывается, поворотом-излукою к селу прибивается, бережка покатые промывает, травушку, с бережка свесившуюся, водными струями трогает, перебирает, весело на перекатах играется, сверкает.

Тесной гурьбой от пыльной дороги спустились к реке ивы. С извечной задумчивостью и грустью, с покорностью всему стоят они на берегу, склонив свои кудрявые, густые кроны к воде, пустив поникшие длинные ветви на стремительный разбег реки, полощут их в белёсом бурлящем течении.

За селом обступил со всех сторон дорогу, толпится тополями, осокорями, вётлами тенистый лесочек. Уютное, приветливое место, особенно в летнее время. Найти здесь могут всегда приют от зноя и жары и человек, и животное любое. В обеденное время сюда на водопой пригоняет пастух коровье стадо. Неподалёку от берега под ивами и вётлами пережидают жару и солнцепёк, нежатся прохладой кормилицы-бурёнки. Петляет речушка: то покатым бережком к степи выскользнет, то опять в прибрежном лесочке скроется.

Если доводилось мне и непраздным, может, обычаем, а, как зачастую это бывало, по своим заботам каким-то посетить эти сёла — каждую поездку я принимал, а потом и вспоминал, как выпавший в череде будней счастливый случай, выбранный мне судьбою на радость.

Хочется остановиться, постоять почти у каждого, таящего уклад не одного поколения людей старинного, ещё пятистенком построенного домика; прильнуть к палисадной ограде под тень тополька или клёна, посидеть на скамейке возле ворот и словно взглянуть назад, в седую даль годов, представить, увидеть это старинное, сейчас состарившееся жителями, село молодым, оживлённым, полным гомона, писка и визга детишек на улицах, шума, веселья, крика и смеха парней и девчат на весенних, радостных уличных вечёрках, на взбитых танцами лужайках — «пятачках».

Допрежде, в старину-то, в далёкое от нас время, деды и прадеды коренных жителей этих сёл обычая казачьего держались, казаками считались, к военному сословию относились. А сёла велись, расширялись, росли, числясь, прозываясь станицами. Станица Мамалаевская, станица Алексеевская. И там, значит, и тут — казаки. Только в Мамалаевке население мордовское, а в Алексеевке — русское. Там — мордва, здесь — русские, а служба одна — государственная. И получается ведь, что доля-то казака разворачивается в сельском обитании не совсем так, как у обыкновенного хлебопашца-крестьянина. Эх, казаку намного труднее приходилось, чем крестьянину! Двойное ремесло тянул казак одновременно.

Находясь в военном сословии, ратную службу он нёс. На защите Отечества, при ружье на плече, с шашкой на боку — постоянно был начеку, в каждую секунду готовый собраться к походам далёким, испытаньям военным, для защиты и обороны стороны своей родной. Помимо каждодневной воинской повинности таким же важным, главным делом он нёс и крестьянскую долю. Обихаживал свой кровный уголок, содержал хозяйственный сельский уклад: косил сено, выращивал скотину, сеял и убирал хлеб, кормил и себя, и свою семью, и государство.

А рассказ свой я веду к тому случаю, что когда-то давным-давно произошёл-приключился между этими сёлами.

Эти станицы почти в одну пору заложены и застроены. Земельные угодья в обеих станицах были одинаковы. Земля распределялась, как велось у казаков, на каждого жителя поровну. А потом оказалось, что у мамалаевских сельчан посевных наделов на каждого человека намного больше, чем у алексеевских станичников.

По этому поводу байка в нашем районе гуляет. Старики правда, утверждают, что это не выдуманная история, а истинная правда. Они сами слышали этот рассказ от своих дедов и прадедов. В рассказе этом, может, что-то и прибавлено, как и полагается, для задористости и забористости, для густоты и ядрёности, для убедительности его, а может, что-то и убавлено — это теперь, видно, одному Богу ведомо, а мы никогда не узнаем. Да и не надо, может, нам этого знать.

Дружно жили две станицы. Ни распрей, ни ссор, ни споров, ни раздоров ни из-за земли, ни из-за чего другого.

Но пора ли такая подошла, нужда ли заставила, срок ли для перемерки земли подошёл — неведомо нам, но решили власти межевой раздел полей между станицами сделать. Все замеры-обмеры было принято проводить по весне, перед посевной.

Как и полагается, собрали землемерную комиссию — по два человека от каждого села. Руководить назначили казака опытного, бывалого. Назовём его бригадиром. Обошла, оглядела комиссия поля, прикинула, как сподручнее вести раздел и правильней установить границу. Потянули межу. Два человека с одной стороны — от Алексеевки тянут, два человека с другой — от Мамалаевки идут.

Бригадир — командует, обзор ведёт, советует: «Так-то и так-то, мол, ребятушки, делайте, а тут вот так-то». Без начальников нигде и никак нельзя. То с мамалаевской бригадой идёт: как отмерять — показывает, то алексеевским ребятам ума даёт. А где и сам за саженьку берётся, землю отмахивает-отмеряет.

А время идёт. Притомились мамалаевские казаки, подустали. Решили отвлечься, передохнуть. Остановили сажень. Оставили заметинку, ветку в том месте, где остановились, воткнули её в землю, отошли в тень к кусточку.

Мамалаевский землемер примостился в тенёчке, прислонился к кусту цветущего орешника, да в тени — от тепла и покоя, от сладкого весеннего пьянящего дурмана цветения — сомлел, склонил головушку да и задремал.

Товарищ его о сажень облокотился, опёрся об угол её, подложил руки под подбородок, призадумался. Смотрит, смотрит, как будто в первый раз всё вокруг видит. Боже, хорошо-то как, красота-то какая повсюду! Птицы щебечут, солнышко, поднимаясь, переливается, лучами играет. Так светло, так чисто, так спокойно на душе. Благодать какая в мире стоит! Очарованный сияньем ясного тёплого дня никак землемер не может оторвать свой взгляд от полей, от холмов, от цветущего, переливающегося весенними красками мира. Так радушно на душе! Так дивно вокруг, Господи!

А межа алексеевских землемеров упиралась в маленькую лощину, рассекая здесь реденько ютившиеся заросли чилижника. Прошумели кустами, делая обмер, алексеевские казаки, да и вспугнули затаившегося здесь зайца. Порскнул обомлевший заяц отсюда, выскочил из кустов, да по заячьему своему обычаю и ну стегать по полю вскачь, стрелой пустился, так и стелет, так и стелет прискоками-припусками; выше ушей своих задние ноги закидывает. Мчит, от страха и ужаса ничего перед собой не видит, летит прямиком на мамалаевских землемеров. Их за кустами не видно. Один под кусточком лежит, заснул уже.

А второй-то всё так и смотрит — не насмотрится, видом весенним любуется, никак оторваться от чудесной картины не может.

И вдруг перед собой видит: прямо на него впритуск заяц летит, вот-вот в руки к нему влепится. Обомлел землемер от неожиданности и удивления, никак в себя не придёт. Хочет товарищу крикнуть, подивить его: мол, заяц! заяц! На мордовском языке заяц — «нумыл». Хочет выговорить, крикнуть: «Нумыл! Нумыл!» Да ничего вымолвить не может. Словно речь казак потерял, позабыл, как слова произносятся. Стоит, только руками яростно машет — туда-сюда, вверх-вниз, воздух хватает, ладонями пустоту перебирает, губами шлёпает — словно пузыри пускает, мычит и пыхтит, а слов-то нету!

Уже перед самым кустом и заяц увидел землемера, останавливаясь с разгона своего, аж землю пропахал лапами, чуть не уткнулся, не влетел в мамалаевского

казака. Да что же это такое?! И тут люди! В стойку от ужаса и удивления встал. Потом вымахнул в сторону прыжком, и прочь, прочь от этого места! Ещё пуще, чем ранее от алексеевских, вспугнувших его землемеров, прыжками-скачками припустился он по полю, прижав к спине от нового страха уши.

— Нумыл! Нумыл! Заяц! Заяц! — пришёл в себя от оторопи землемер, выдавил наконец, выкашлянул слова, заполошенно зашёлся криком. — Нумыл! Нумыл!

Словно взлетел, будто вихрем его встряхнуло, ветром приподняло, вскочил дремавший под кустом напарник. Ещё и дрёму с лица не отряхнул, веки как следует не разомкнул, глаза не протёр, света белого от сна толком ещё не видит и не поймёт никак, что к чему, слышит только крик своего товарища: «Нумыл! Нумыл!» И уже сам, вопрошая, вслед товарищу истошно вопит:

— Косо нумыл? Косо нумыл? («косо» с мордовского на наш язык означает: где?) Где, заяц, где? — кричит на всю ивановскую.

А заяц уже маленьким серым комочком мечется вдали у холма.

Алексеевские землемеры и бригадир слышат крики. Да никак не различат, не поймут, что кричат идущие им навстречу соседи, чего они хотят? Крики громче. Донесло эхом, прикатило раскатисто ветерком — яснее крики. Уловили алексеевские казаки слова: косо! косо!

— Никак, указывают нам, — спохватился бригадир, — что неправильно мы вроде обмеряем — криво. Давайте-ка, ребята, выпрямим межу — сдвинем в стороночку чуток сажень, подадим сюда, к лесочку ближе. Сделали так, как указал бригадир.

— Косо! Косо! — с противоположной стороны поля слышится опять истошный крик.

— Вишь, опять неправильно идём, не в толк межу ведём, переправим-ка, ребята, межу, — командует бригадир, — ещё сюда, поближе к лесочку. Давно не замеряли местность эту, позапамятовали, где раздельная борозда лежала. Соседи-то, вишь, помнят всё до кусточка.

Сдвинули сажень всего на шаг, а направление-то межи изменилось, пошло уже другим путём. Клин земли, получается, отхватывается от прежнего алексеевского надела. Не замечают этого алексеевские землемеры и тянут межу далее, навстречу соседям, ведут прямо в руки им свою кровную землицу.

Зайца, как говорят, уж и след простыл; через секунды, не то что простым глазом, а и охотничьим зорким взглядом не рассмотришь, в бинокль и то, наверное, не разглядишь. Куда там! Вон он вдали, покуда еле-еле заметным малюсеньким пятнышком катится по склону

холма. Пятнышко ещё больше уменьшилось, перешло в почти неразличимую точку, которая слилась с мерцающей над землёй под солнечными лучами дымкой марева, — прощально всплеснулась, блеснула движущейся искринкой и исчезла насовсем в яркой зелёной пелене берёзового лесочка.

Алексеевские казаки тем временем продолжают тянуть межу. Не слышно криков с того края поля.

— Ну, значит, правильно теперь идём. Угомонились наши соседи. Тихо.

Отмеряют мамалаевские казаки саженью землю, навстречу своим алексеевским шабрам межу тянут. И не приметили ошибку, не заметили неладное, что соседи-то изменили направление, не навстречу им межу ведут. И алексеевским землемерам невдомёк, что они у себя целый угол отхватили, от себя свою родную землицу мамалаевским станичникам отмахивают.

Подтянулись друг к другу землемеры, встретились. Закончен обмер земли. Талинки, веточки по меже поставили, раздел подтвердили-утвердили. Приметы — заметы местности, где граница идёт между мамалаевской и алексеевской землёй — в акт вписали, подробно опись сделали и в документе расписались. Хоть завтра можно посевную открывать, в поле выходить, землю пахать.

Так и ушло алексеевское полюшко-чернозёмушко, урожайное, плодовитое, ровнёхонькое, без холмов и запупырин — к мамалаевским казакам.

После только спохватились алексеевские жители, что обмишулились землемеры, потеряла родная станица вековечное своё поле. Стали требовать возвращенья своего угодья, настаивать на создании новой комиссии по обмеру земли, чтоб по справедливости, по-прежнему, так, как раньше она шла, установить разделительную межу.

А мамалаевские казаки в долгий ящик дела посевные оставлять не стали, время зря не теряют. Рады судьбе и такому подарку. Какое полюшко-раздольюшко выпало, прибилось к ихним угодьям. Прибытную, как с неба свалившуюся, к мамалаевским наделам землю, сразки и приблагополучили, своей засчитали — будто сроду была в собственности у них. Не раздумывая, на следующий же день обмер наделов сделали и разделили приполученное поле между собой. Вот счастье привалило! Крепко, обеими руками вцепились мамалаевцы в новую свою землю, да и в оборот её тут же запустили, в эту же посевную запахали и засеяли.

Алексеевцы и на словах — вслух, и на бумаге — пером на несправедливый раздел земли в прошениях-заявлениях в главное войсковое управление

указывают, жалобы-обиды свои изливают, во всех казачьих и иных канцеляриях пороги обивают, во все инстанции, куда можно пожаловаться, — стучатся, пробиваются.

У мамалаевцев взошли посевы на новом полюшке. Дружно всходы растут, поднимаются. Зреет, зреет хлебом поле. Наливным, крупным зерном колосья напичканы, навтыканы. Нива-то, нива-то, густая, да высокая — под ветром вразмах, туда-сюда, как в море волнами, так и ходит, колышется. Под тяжестью колосья головки свои клонят, в твои ладони зерном просятся.

А у алексеевских казаков дело не клеится, никак на желанный лад не идёт. Не берут всерьёз на пристальное рассмотрение спор о земле никакие канцелярии: ни казачьи войсковые, ни судебные. Отписочки делают, ссылаясь на решение той самой землемерной комиссии: оно де справедливо, разметка между мамалаевскими и алексеевскими наделами проведена как положено, как требуемо. Установленный комиссией раздел земель между станицами считать действительным и правильным.

Пока суд да тяжбы, а время летит. Уборочная пора подстёгивает, подступает. У мамалаевских жителей на новой прибытной земле отменный вышел урожай, казаки к уборке готовятся.

Не унимаются, не сдаются, перечат судьбе алексеевские жители. Не смиряются с обидой, потерей своей земли, в высшие инстанции обращаются, к правде своей стараются пробиться.

Дошло дело до наказного атамана всего казачьего войска. Прочитал он жалобу, повертел, потряс бумажкой туда-сюда: «Надо решать! А как решать? Комиссии новые посылать? Иль дел других поважней нету в казачьей канцелярии? Сами землю отдали, а теперь кулаками в грудь стучат, правду ищут, справедливости требуют!»

Погорячился, походил по кабинету, поворчал, да и в досаде тоже не стал пересматривать спорное дело — отмахнулся. Мнение своё в указ вывести приказал, подписью, большой гербовой печатью его закрепил. Вестовой самолично прямо в руки алексеевского станичного атамана его сдал.

Делать нечего. Собрал тот казаков, сделал огласку присланного указа. «...Решение земельной комиссии по обмеру угодий станиц Алексеевской и Мамалаевской и установлению межевой границы средь указанных угодий, — от сего года, такого-то числа, месяца, подписанное оных станиц атаманами, признать правильным и справедливым. Впредь передел границ земель между оными станицами не учинять, разделительную межу, согласно решения этой

комиссии, оставить такой, какою она сейчас есть».

Заполошились, зашлись гневом от такого полученного известия алексеевские казаки, кричат, галдят, негодуют, волнуются. А ничего уже нельзя поделать. Решение ясное, ответ короткий. Артачиться, протестовать теперь бесполезно. Плетью обуха не перешибёшь. Выше войскового управления обращаться уже некуда. К царю-батюшке с жалобами идти, правду искать — далеко. Через препоны, заслоны всяческие чиновничьи пробиться в столице трудней, чем здесь — дома. Да и с крутым накладом выйдет. Не по средствам нашим казакам такая затея. Да и заботы у царя-батюшки поважнее, посложнее — не чета этой заботушке, что с государственной той, столичной высоты комариной вознёй на болотной кочке, небось, кажется.

А в эту пору соседи их, мамалаевские казаки, с новой своей землицы к уборке урожая приступили. Косят, жнут, молотят — закрома наливным отборным зерном засыпают.

Алексеевские же казаки поканючились, погорюнились (теперь уже потихонечку, друг дружке), пожаловались на сотворившийся с ними казус с землей, посочувствовали себе и каждому — да верные казачьей своей привычке — к застолью повернули!

Эх, да за разговором за бражным другие мысли потянулись — повеселее и просторнее на душе стало. И грусть сразу куда-то закинулась, исчезла. Улыбаются, сидят казаки за столом, рады поводу дружбой и словами, как бывалочи, стакнуться. Эх, вдоволь хоть за разговором отдохнуть сейчас. Да что о плохом всё речь-то вести?! Хватит! Забыли!

Во хмелю да в веселье вечер пролетел, за полноченьку перемахнули гуляньем. Обиду свою за утерянную землю никто сейчас не помнит. До зари до утренней душу казаки отводили. А утречко наступило — будни за собой ведёт. Сельский обиход держать надо. Скотинка мычит, корм требует, хозяев поднимает, к заботам зовёт.

А атаман опять на сход сельчан требует:

— Что, мол, дальше-то, станичники, делать будем? Ну, ушла земля, смирились с этим — и ладно. Ничего не поделаешь, через указ не прыгнешь. Взамен ушедшей землицы какой и где прибыток искать будем, удачу свою вычакмаривать? У кого, можа, за ночь мысли, соображения высверкнули, нужные к этому разу?

Кто-то из дальнего края толпы с помятым от ночного хмельного бденья лицом может, просто с досады, первое, что на ум ему пришло, взял да и брякнул:

— Да что искать новую-то, другую землю, — своей хватает! Что об утерянном горевать, когда

осталось своего с избытком. Поглядите, вскиньте головы! Она у нас готовая, земля-то. Вспомните покосный угол на самом стыке меж соседними уральскими станичными полями и нашей стороной. Отдыхает который год, с неё и возьмём, и покроем убыток, да ещё с прибылью останемся!

Как тут всколыхнулась, закачалась толпа. Подхватили, зашлись опять, одобрительно загудели, зашумели казаки.

— Самое место — целинная, бережёная, залежная земля. Хороший там урожай выйдет! Вдоволь отдачей обернётся! Вот и отквитаемся за потерянное, и возместим убыток, — дружным согласным хором поддержала толпа негаданно появившуюся, вызревшую ещё вчера во время гулянки, выскочившую наконец на белый свет утряску-развязку земельного вопроса.

И выгадали! Земля целинная дюжей оказалась, богатой, ответной на человеческую заботу и радение. На следующий год круто прибылью обернулась — да ещё какою!

Приободрились алексеевские станичники — в прежний удовольственный вид пришли, подняли голову. Ну, как и водится, и бывает у казаков и прочих всех жителей, при благополучии и достатке, заважничали, в себя то есть окончательно пришли.

И подружились опять, и зажили в дружбе, согласии и товариществе, как и прежде, — одною своею привычной судьбой, родным укладом, — и с мамалаевскими жителями, и со всеми своими другими соседями казачьего и не казачьего сословия.

Поздравляем Николая
Александровича с 70-летием!
Желаем здоровья,
вдохновения, верности
своему призванию!

Виктор РЕНЁВ

СВИСТОК

Рассказы

Виктор Васильевич Ренёв родился в Магнитогорске в 1948 году. Окончил школу рабочей молодёжи, служил в рядах Советской Армии. Окончил Челябинский государственный институт культуры. Работал балетмейстером в учреждениях культуры области, занимался режиссурой массовых мероприятий. С 1998 по 2013 годы – начальник управления культуры, министр культуры Оренбургской области. Заслуженный работник культуры РФ. Дважды лауреат премии «Оренбургская лира». Ныне – советник губернатора Оренбургской области по вопросам культуры и искусства. Живёт в Оренбурге.

ВЕЛИК, ИЛИ СЧАСТЛИВОЕ УТРО

Матери моей, Антонине Фёдоровне, посвящаю

Сквозь вязкий и сладкий утренний ребячий сон почти в самое ухо ворвался тонкий петушиный крик. Радостно и досадливо Витёк подумал — Свисток разорался. Досадливо от того, что прервался необыкновенный сон, и радостно, что сегодня должно было произойти что-то хорошее, и предвкушение этого нового — рядом, только открой глаза, а вот этого-то и не хотелось.

Сон снился Витьку, что именно сегодня ему купят «Подросток», так назывался двухколёсный с блестящим, облитым никелем рулём, надувными шинами и не девчачьей рамой почти взрослый велосипед.

Это была давняя мечта Витька, недаром он целый год старался учиться на пятёрки, и вот, он — отличник и, возможно, именно сегодня они с отцом пойдут покупать велик. Витёк свернулся калачиком, подсунул ладошку под щёку и крепко зажмурил глаза: уж очень хотелось досмотреть, как он, защемив бельевой прищепкой штанину (не закатав, как все пацаны, а именно защемив по-взрослому), помчится по кривым, поросшим травой переулкам, по родной Грибоедовой (хотя отродясь на ней не росли грибы), как за заборами разом залают собаки, и пацаны ватагой побегут за ним, а он как наддаст скорости, как наддаст, и без руля...

Над ухом резко, без передыха, дважды проорал Свисток. Ну вот, всё сорвалось! От досады Витёк резко сел на топчане и судорожно стал шарить глазами в полутьме — чем бы грохнуть в тонкую стенку летнего чулана. Ненавистный этим утром, а вообще-то гордость отца, Свисток сидел на выставленных на лето рамах, прислонённых к чулану, и намеревался заорать в третий раз. Ничего не найдя подходящего, Витёк быстро остыл, и вернулось ожидание праздника.

Он сунул ноги в огромные, разжмяканные в блин шлёпанцы, потащился во двор — позвал сладкий чай с маминими ватрушками, выпитый в большом количестве на ночь. Доширкав шлёпанцами до соседского забора, Витёк воровато оглянулся и, прицелившись между редкими досками, пустил струю в огород глухого, как пень, деда Охотникова. Сам дед уже вошкался в своей кузне и разжигал горн, в воздухе чувствовался угарный дымок. Стучать с раннего утра деду не позволяла его жена — жутко сварливая бабка Охотничиха — в поселковом обиходе. Непомерно толстая, неряшливая и ленивая, вечно болевшая «сердешными болестями», она кляла всех и вся, а когда никого под рукой не оказывалось, смертно грызла своего прокопчённого и высохшего в щепку деда, «чёрт глухой» и «чёрт горбатый» — было на её языке самое ласковое. Витёк блаженно поднял уже порядком подпалённый нос навстречу всходившему солнцу и сквозь прищуренные веки ощутил разводы солнечной радуги. Он щедро полил уже всходившую вдоль забора картошку, свято веруя, что «мочевина», по словам отца, вечно озабоченного поисками перегноя и суперфосфата (клёклая земля большого огорода требовала неустанной заботы) — лучшее удобрение и он, как октябрёнок, — помогает деду Охотникову вырастить богатый урожай картошки.

К слову сказать, страсть отца к земле, к домашней живности помогла выжить большой семье в самое трудное время. Дети, правда, поймут и оценят талант отца только через многие годы...

— Витя, Витя! Ты, что ли? — мать уже полола на огороде грядки с ранней зеленью.

— Я, мам!

— Чего вскочил в такую рань?

— Да Свисток разбудил, разорался как чумовой!

— Он у нас такой, голосистый… — мать подошла, вытирая руки о запон (так она называла фартук), потрепала Витька по вихрастой соломенной от солнца голове, прижала лицом к мягкому животу.

Ох, и любил Витёк вот так прижаться к матери, всегда вкусно пахнущей стряпнёй, очень тёплой и уютной, мечтал стать снова совсем маленьким и забраться ей на руки… Витёк от материнской ласки разомлел, но, спохватившись, опасливо оглянулся — увидят пацаны его в мамкином подоле — задразнят «мамсиком» — прозвищем, не отмываемом на улице.

— Мам! А велик сегодня пойдём покупать? Папка обеща-ал...

— Купим, купим. Ты бы поспал ещё, рано ведь, солнышко только-только всходит, да и магазин ещё закрыт — спят все. Беги, позорюй, а я сейчас закончу грядку, оладышков напеку. Беги-беги, сосни чуток, я скоро, да тихонько там, кабы Сергунька не проснулся.

Сергунька — толстый белобрысый четырёхлетний пацан, младший брат Витька — «последыш» или «заскрёбыш» — был восьмым ребёнком в семье. Был он, этот вечно улыбающийся Сергунька, непомерно тяжёлым, и, когда приходилось на закорках тащить его вслед непоседливой ватаге уличных пацанов, Витёк не всегда ограничивался ласковыми словами, хотя брата любил, как любили и тискали его все, и нацеловывали в веснушчатую, облупленную от солнца голубоглазую смешливую мордаху, за что Витёк его иногда ревновал. Стараясь не шуметь, со шлёпанцами в руках, на цыпочках Витёк пробрался в чулан, юркнул под одеяло, свернулся калачиком и... закружились перед глазами — велик с облитым никелем рулём, улыбающийся Сергуня, заросший дикой бородой дед Охотников, мама, оладушки — и он провалился в сладкий утренний сон.

Проснулся он, когда солнце уже вовсю палило в маленькое окошко чулана. Но проснулся не от солнца, и не от вкусного запаха маминых оладушек, сразу наполнивших вечно голодный рот слюной, а от орлиного клёкота Свистка и истошного, бабьего крика соседского петуха по прозвищу Тряпка.

— Опять Свисток его волтузит, — подумал Витёк и улыбнулся. Свисток — маленький разноцветный петушок, был на удивление мал ростом, страшно драчлив и любвеобилен. Шум во дворе перерос в дикий гвалт, потом затих, лишь изредка прерываемый всхлипами перепуганных куриц и, наконец, троекратный победный крик Свистка возвестил об окончании очередной баталии.

— Витя! Ви-иктор!..

Иногда мама в особых случаях употребляла это имя. Чуткое ухо человека, немало набедокурившего в свои чуть ли не девять лет, не уловило строгости в голосе матери, наоборот, он уловил сдерживаемую улыбку и что-то ещё, мамин голос звучал певуче и торжественно. Сердце Витька дрогнуло.

— Неужели?

Уже догадываясь (отец с матерью вечером таинственно шептались и переглядывались), он опрометью, босиком вылетел во двор. Мать, сунув руки под запон, стояла посреди двора, а Сергуня, заливаясь смехом, крутил педаль облитого солнцем и никелем… велика! Он стоял, прислонённый к стенке сарая. Как зачарованный, Витёк пошёл по неубранному ещё двору, щедро загаженному курами, не замечая ничего вокруг, как блаженный, шепча:

— Велик, велик, величка… мой… мой… мой насовсем!

— Куда ты, босой, не метено ещё!

Голос матери дрогнул, и Витёк, резко развернувшись, бросился к ней, обнял, готовый расплакаться от чувств, вдруг нахлынувших на него, совсем не боясь, что увидят пацаны. Мать прижала его к себе, и вдруг что-то горячее капнуло ему на голову, тут и у Витька резко засвербило в носу и слёзы сами полились из глаз.

— Дурашка! Чего плачешь, ведь заслужил — пятёрошник! Ну, иди, иди к своему велику! — и, слегка подтолкнув Витька, запоном стала вытирать глаза.

— Спасибо, мам, — ещё не справившись с волнением, то ли сказал, то ли выдохнул Витёк.

Он, как и все в их большущей семье, рано узнал цену вещам. Отец работал один — мать сидела с детьми, хотя «сиденьем» это назвать было нельзя — с утра до вечера она готовила, стирала, вязала семье и на продажу при свете самодельной настольной лампы десятками пар варежки, носки, шарфы, шапочки, неустанно строчила на ножной швейной машинке, не забывала стегануть полотенцем слишком разошедшуюся разнокалиберную ребятню и их вечно голодных друзей, а порой сунуть им по плюшке, не разбирая, где свои, а где чужие. Она успевала переделать тысячу дел, а денег всё равно не хватало, и покупка велосипеда была серьёзным подрывом «семейного бюджета» (любимое словечко отца).

Ах, мама, мама... Через много лет, совсем ослепшая, ты по голосу будешь пытаться различать детей, внуков, правнуков, часто путать имена и события, а руки заученным навек движением, без спиц, будут вязать и вязать бесконечный чулок. И какой же любовью и болью наполнялось сердце, когда, взяв мою руку своими изработанными, с синими жилками под истончившейся

до пергамента кожей руками, прижимала к щеке и заводила:

— Витюша... Приехал... Не забыл... — и надолго, как будто вслушиваясь в прошлое, уходила куда-то далеко, потом вздыхала:

— Устала я. Зажилась... — и опять надолго замолкала.

А сейчас, высокая и статная, с большой мягкой грудью, легко, на согнутой руке держа пудового Сергуню, в завязанном по-модному, «тюрбаном» платке, гордясь покупкой и сыном, она любовалась Витьком, думая, кто вырастет из этого шкодливого белобрысого пацана — книгочея, выдумщика и фантазёра?

Витёк, затаив дыхание, всё ещё сглатывая невольные слёзы радости, мелкими шажками подошёл к велику и любовно огладил блестящий прохладный руль, жёсткое седло, раму...

— Величка мой! Велюня! — осторожно, словно боясь расплескать переполнявшее его счастье, повёл велик к воротам, распахнул настежь, и его ослепило сумасшедшее солнце этого необыкновенного счастливого утра.

И... уже звала дорога, и будет она длинной и непростой.

СВИСТОК

Появление этого жителя нашего двора — густонаселённого курами, утками, голубями, кроликами и поросятами — было неожиданным. Отец любил всё крупное и плодовитое. Сам крепко сбитый или «подбористый», как любил он выражаться, среднего роста, с ясными серо-голубыми смешливыми глазами и необычайно сильными руками — был человеком знающим, зачем он живёт на земле и не делающим ничего пустяшного, чего нельзя было бы употребить впрок или приспособить к делу, на пользу своего многочисленного семейства.

Это было не от врождённого рационализма или скупости. Уж слишком много пришлось пережить бате голодных годов. Это революция и разруха, голод 1921 года, когда он потерял отца, а нашего деда Степана, и в 11 лет остался за старшего с матерью и двумя сёстрами, голод 1931—33 гг., когда хлеб из лебеды с отрубями казался сладким пряником, а дети от этой сладости маялись животами, пухли и умирали. Потом Отечественная война и хлебные карточки, собственная семья из восьми детей да престарелая мать — всё это не очень-то располагало к разного рода отвлечениям от главной задачи — накормить семью.

А тут вроде как подменили отца. Задержавшись почти на час с работы (что считалось большой редкостью), он, таинственно улыбаясь, достал из-под полы пиджака коробку от диковинного по тем временам электрического утюга. Осторожно, как драгоценность, вынул из неё облезлого, всего в «костышах» будущих перьев на грудке и крыльях,

крохотного и хилого, неопределённого цвета, но с крупным не по росту гребнем, петушка. Для нас, выросших среди сотен подобных петушков и молодок (каждую весну мама из деревни от своей сестры «Клавдеи», работающей заведующей птицефермой, в больших коробках привозила сотню-полторы маленьких пищащих комочков, потом выраставших в белое беспокойное стадо), подобный экспонат был не в диковинку, и мы сразу потеряли к нему интерес. Отец бережно опустил «заморыша» на пол кухни, налил в блюдце воды и насыпал немного хлебных крошек. Петушок понуро стоял посреди кухни, никак не реагируя на происходящее.

— Сдохнет, наверное? — вслух предположил я.

— Типун тебе на язык! — нервно ответил на мою неудачную реплику отец.

Петушишка, как будто поняв наш разговор, вдруг вскинул гордо свою маленькую фасонистую головку, весь подобрался и, вмиг преобразившись, стал похож на этакого залихватского паренька в заломленном набок малиновом картузе. Ожил и, как-то по-особому вышагивая, деловито подошёл к блюдцу, смешно запрокидывая голову, попил воды и вдруг, захлопав крыльями, просвистел «ку-ка-ре-ку!». Именно просвистел, как маневровый паровоз, на что отец мгновенно отреагировал:

— Свисток! — и засмеялся.

Это первое «ку-ка-ре-ку!» вызвало на заднем дворе целую бурю неумелых сиплых откликов молодняка. Эх, и вскинулся петушишка! Опустив свои ещё не до конца отросшие крылья, забегал кругами, смешно подпрыгивая и по-жеребячьи вскидывая голову. Все засмеялись, а отец горделиво произнёс, глядя на меня:

— А ты — сдохнет, сдохнет — он ещё покажет всем, где раки зимуют! — и легонько щёлкнул меня по носу.

— Пап, а он вырастет?

— Вырастет, вырастет, только немного — порода это такая, карликовая, а петь тонко, наверное, будет всегда, одним словом — Свисток.

Нам очень понравилось имя нового курёнка, а отец на удивление спокойно взял всё ещё беснующегося Свистка в руки и отнёс в специально сделанный накануне маленький вольер. С особой заботой отец холил и лелеял Свистка, и всё пронзительней и нахальней свистел он по утрам, вызывая недоумение соседей и всего птичьего населения. Незаметно Свисток отъелся на обильных батиных харчах, сдобренных рыбьим жиром и ещё какими-то снадобьями, перелинял и засверкал всеми цветами радуги. Гребень стал ещё пунцовей и свалился на сторону, сине-красно-зелёные перья в хвосте, алая выпяченная грудь и синеватой стали «зеркальца» на круто изогнутых крыльях, всегда готовых

взлететь или ударить, сделали его необычайно нарядным. Свистка ещё не допускали до курятника, отец что-то готовил. В один из батиных выходных от общей стаи отделили подросших и беспрестанно дерущихся молодых петушков. Часть неугомонной холостяцкой компании уже нашла свой конец во вкусной маминой лапше, другим осталось ждать недолго. Отец не оставлял на племя инкубаторских петухов, объясняя это тем, что они, якобы, утрачивают своё главное качество — пестовать и защищать куриное стадо и регулярно топтать несушек. Как многодетный отец, он, видимо, знал в этом толк.

И вот настал час, и отец, многозначительно подмигнув мне, как главному оппоненту, шепнул:

— Сейчас Свистка в курятник пускать будем.

— А старого петуха куда?

— Посмотрим… — неопределённо сказал отец.

Мы пошли в вольер, отец присел на корточки и долго смотрел на Свистка, а тот, чувствуя торжественность момента и тоже волнуясь, заходил кругами, распушив хвост и слегка приволакивая крылья. Эх, и красив же он был в этот момент! Видимо, разрешив все сомнения, отец открыл дверцу вольера, взял спокойно давшегося ему в руки Свистка (и всю жизнь только отцу он будет позволять брать себя в руки, для остальных это будет сопряжено с риском быть исклёванным или избитым жёсткими крыльями) и, легонько прижав его к себе, приговаривал:

— Ну? Пойдём, Свистуля, знакомиться с хозяйством. Ты уж, брат, не осрами меня перед обществом. Держи хвост пистолетом!

— Па-а-ап! А старого петуха ты не убрал — он же побьёт Свистка?

— Посмотрим-посмотрим…

Так прежний наш петух неожиданно получил кличку Старый. Sic transit gloria mundi — так проходит мирская слава. Я не знал ещё этой истины древних, но Старого мне было жаль до слёз, и я замолчал в ожидании.

Старый петух, много лет управлявший куриным сообществом, был очень крупной белой птицей, трудно выговариваемой породы «леггорн» или что-то в этом роде. Был он, как и крупные мужики, незлобив, домовит, защищал цыплят и клушек (так называли у нас кур) от соседских котов и исправно делал своё петушиное дело. Но время шло. Вот и не верь, что всё живое имеет душу и разум. С появлением Свистка, даже не видя его, только слушая всё возрастающее по высоте и пронзительности пение, он как-то сник, перестал следить за своим некогда белоснежным оперением, ходил с загаженным помётом хвостом, позволял соседскому, вечно голодному петуху Чернышу нагло

жрать дармовой комбикорм, а иногда и покушаться на святое — топтать холёных белых несушек прямо посреди двора — за что ранее, даже за попытку, был бы бит нещадно и с позором изгнан. Он потускнел, полюбил сидеть на поленнице, прикрыв оранжевой плёнкой глаза. Всё реже и реже раздавался его победный крик, означавший, что ещё одна несушка завтра снесёт яйцо.

Неизбежное настало. Отец выпустил Свистка в большой вольер. Боже мой! Какой же он был маленький, даже по сравнению с дебелыми курами, вдруг прыснувшими в разные стороны, заполошно перекудахтываясь. Свисток опешил от шума, производимого несметным количеством обитателей двора. Всё кудахтало, хрюкало, крякало — с удивлением разглядывая это попугайное чудо, застывшее посреди двора подобно маленькой статуэтке.

Вдруг, подняв тучу перьев и пыли, что-то обрушилось сверху, разогнав потянувшихся было к Свистку любопытных несушек. Это Старый сверзился с поленницы. Встав во весь свой огромный рост, грязновато-серым айсбергом навис над ставшим ещё меньше и ещё ярче Свистком. Отец весь напрягся, готовый ринуться на спасение своего любимца, от волнения пальцы его рук сжимались в огромные кулачищи. Свисток, дрогнувший от шумного появления противника, видя перед собой только необъятную грудь Старого, толстые, покрытые лишаистой чешуёй ноги с огромными шпорами — производил жалкое впечатление. Двор замер в ожидании трагической развязки: молодые петушки в предчувствии хорошей драчки заволновались, вытянув покрытые пеньками перьев длинные шеи, любопытно таращили глаза. По-бабьи, подбившись в отдельную стайку, скорбно застыли старые несушки — женскому их естеству противны жестокие буйства мужчин. Перестали ворковать голуби, только свинья в своей загородке продолжала тихонько хрюкать в вечном страдании от обжорства. Монументом стоял старый петух. Одним ударом своего толстенного загнутого клюва он мог зашибить собаку, шпорой распороть полосатую шкуру наглому коту, а этому мизерному франту-самозванцу хватит и оплеухи.

Свисток, предчувствуя неотвратимость развязки, вдруг стал неуловимо расти. Он вытягивался вверх, поднимаясь на вытянутых в струнку ногах, шея как-то по-особому горделиво изогнулась, придав ему отчаянно воинственный вид. Гребень раскалённым углем запылал над побелевшими от бешенства глазами. Вдруг он низко пригнулся и, встопорщив перья, стал похож на разноцветную еловую шишку, на ламповый ёршик, на истребитель, готовый пойти на таран. Стало понятно, что без боя он

не сдастся. Старый тоже напыжился, принял боевую стойку и стал ещё громаднее. Напряжение нарастало, казалось, ещё миг — и всё завертится в смертельной пляске.

Старый сверху презрительно рассматривал нарядного Свистка и думал: «Плюздик, стиляга тонконогий, попугай. Я тебя враз расшибу. Я матёрых котов как мышат разбрасывал. Ща-ас как дам! Ща-ас получишь!»

Клокоча злобой, расшвыривая ногами сухой помёт и золу, Старый как танк ринулся на дерзкого самозванца.

— Ах!.. Ой!.. — в едином порыве простонал двор. Свисток яркой бабочкой мгновенно взмыл в воздух, а Старый в туче пыли с размаху ударился головой в отцовские сапоги.

— Ну, Старый, потише. Так ведь и убьёшь его ненароком, — улыбнулся отец и добавил: — Если попадёшь, конечно.

Старый, в боевом запале, слегка оглушённый ударом, не слышал отца, он, казалось, бормотал про себя: «Ща-ас дам! Ща-ас зашибу...» И снова, роняя перья, ринулся в бой. Всё повторилось, как и в первый раз. Пролетев тараном под свечой взмывшем вверх Свистком, Старый врезался в кучу несушек, разметав их по двору. Свисток уже стоял позади него, готовый продолжать схватку. Обескураженный такой «неправильной» битвой, Старый отряхнулся от пыли. Жёстко встал в боевую стойку, но, осознав комизм происходящего, солидный возраст, прежнее положение — вдруг «сдулся», опал пером. Суетливо стал рассматривать что-то на земле, пару раз клюнул невидимое зёрнышко, поскучнел взглядом. Тихо, не оглядываясь, постарев и устало сгорбившись, пошёл к поленнице, тяжело взлетел — вскарабкался наверх. Нависла липкая тишина. Двор молчал.

Стоя на поленнице, Старый вдруг взмыл во весь свой исполинский рост, гордо оглядел своё бывшее «государство», всех этих несушек и «молодок», боготворивших его, принимавших его ухаживания, как знак особого внимания. Этих лопоухих недорослей-петушишек, чёртового выскочку — «попугая». Эх! Он шваркнул огромными когтями так, что полетели щепки, вскинул было крылья для прощального клича, но раздумал, снова потух, потоптался, как клуша на гнезде, грузно сел и закрыл глаза. Это был конец Старого.

Свисток, всё также в стойке «истребителя», ещё не веря в бескровную победу, проводил взглядом Старого, и, словно понимая весь трагизм финала и уважая самолюбие противника, не стал кричать победное «ку-ка-ре-ку!». Он вдруг поднял голову и по-человечьи чихнул. Это было так смешно, что мы прыснули. Свисток оправился, тряхнув головой, лихо бросил на левый глаз пунцовый гребень и особой, будто на кончиках паль-

цев, «вздрюченной» походкой зашагал вдоль выстроившихся шпалерами куриц, по-хозяйски, будто жил тут всегда.

Так необычно началась судьба петушка со смешным прозвищем Свисток. Любили его все за весёлый нрав, яркий наряд, развесёлый свист. Обнаглевший последнее время Тряпка навсегда забыл дорогу в наш двор. Яркой молнией летал Свисток по двору, поспевая всюду. Бесконечное количество раз за день звучал его развесёлый свист, означавший очередную любовную победу, за что его несказанно любили несушки.

Однажды отец, собрав в плетёное лукошко дневной урожай яиц, озабоченно пересчитывал что-то в уме.

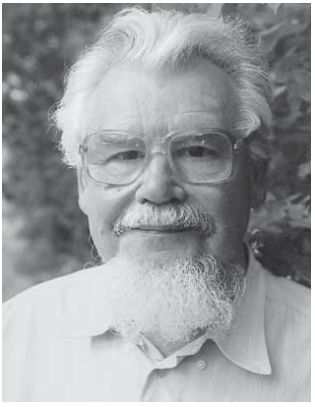
— Мать! Поди, глянь. Что за чудо! Куры по два раза в день, что ли, нестись стали. Да и яйца, по-моему, крупнее, с двумя желтками, кажется.

— Выдумаешь тоже! Насмешничаешь! Всё со своим Свистком не насвистишься! Как мальчишка носишься с ним! Покажи, что за невидаль такая? Тесто у меня подошло, отлучиться не могу, — ответила мама из кухни.

Держа в руке почти прозрачное, необычайно продолговатое и крупное куриное яйцо, отец смотрел сквозь него на солнце и оно светилось розовато-жемчужным светом. Задумчиво почёсывая затылок, хмыкнул.

— Откуда что берётся! Фитюлька, а смотри, что вытворяет? Видно правду говорят — мал золотник... — и не докончил фразу. Ещё раз любовно осмотрел нарядную, «подбористую» фигурку загарцевавшего под его взглядом Свистка, чему-то хитро улыбнулся и пошёл в дом.

Старый незаметно исчез со двора, избегнув обычной судьбы отслуживших свой срок солдат. Он прожил достойную жизнь труженика, и, скорее всего, отец как-то устроил ему почётную старость. Он ценил тружеников. А Свисток долгие годы украшал жизнь нашего подворья, удивляя своей любвеобильностью и оглашая окрестности залихватским пением — свистом.



Владислав БАХРЕВСКИЙ

ПЕРОВСКИЕ

Роман

Владислав Анатольевич Бахревский родился в Воронеже в 1936 году. Окончил Орехово-Зуевский педагогический институт, работал литсотрудником в сакмарской районной газете «Путь к коммунизму». Известный прозаик, член Союза писателей России, соредактор журнала славянских народов «Брега Тавриды» в Симферополе (Крым), лауреат премии Госкомиздата РСФСР за лучшую книгу года, региональной литературной премии им. П.И. Рычкова, всероссийских Пушкинской «Капитанская дочка» и им. Александра Невского «России верные сыны», премии им. А. Грина, Международной литературной премии им. В. Крапивина, премии Международного кинофорума «Золотой витязь» (2012). Живёт в Подмосковье.

Майор — профессор[1]

Утром плавучим мостом Главная Квартира перебралась на другой берег реки, где громоздились укрепления, готовые и недостроенные.

Государственного секретаря поместили в господском доме в двух верстах от резиденции Александра. Добравшись до постели, Шишков слёг, с ужасом думая о предстоящей скорой битве, в которой столь резво бегущая армия будет сломлена и снова примется убегать.

Тело немощно, в голове шумы, но куда денешься от самого себя! А что такое — сам — для русского человека? Россией себя разве царь один почитает, но ежели всё-таки почитает, то — возносится, даже при высшем своём титуле — противу совести, противу истины, гордыни ради.

[1] Продолжение. Начало в «Гостином Дворе» № 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55

Россия — Богова. А царь ли с царицею, крестьянин ли с крестьянкою, учёный муж семи пядей во лбу или младенец — все сыновья, все дочери, и едино — ответчики за Матушку свою.

Вот и ворочал мозгами Александр Семёнович, не давая голове покоя и всякою жилкой страдая за творящееся за стеною покуда ещё надёжного, хотя и чужого дома.

Не шли из головы Фуль с Ожаровским — весельчаки! Как не похохотать: Россия над бездной.

Мысли кидались к государю, к Барклаю, искали среди генералов Пожарского с Мининым, и сходилось к одному — безначалие губительно. Александр предводителем войск считает Барклая. На всё свершающееся смотрит как свидетель. Но роль-то свою его величество то и дело забывает. Назначил Паулуччи, отставив Лаврова, дня два тому назад спрашивал совета, кого поставить в генерал-квартирмейстеры. Мухин, стало быть, потерял доверие. О полковнике Толе спрашивал. Балашов не сдержался:

— Маркиз Паулуччи, может быть, и на своём месте, но дежурный генерал армии Кикин в таких отношениях с ним, что совершенно отстранился от дел. А Ставраков, его заместитель — презираем всеми прочими генералами, кроме одного Барклая. Что же до полковника Толя? Дарования оному от Бога превосходных степеней. Его ум быстрый, решительный, но вот беда — раб собственного мнения. Никаких здравых соображений Толь не примет, даже понимая, что его решение хуже некуда. Справедливости ради и того нельзя не сказать: трудолюбив, изобретателен, расторопен.

— Всё-то вы мне задачи задаёте! — вспылил на сию тираду Александр.

Никого не тронул пока. А ведь поправлять худые дела, меняя командиров — ничего не достигнешь, кроме конечного развала войск.

Выпроваживать надобно императора! Как можно скорее! Выпроваживать! В Москву, в Петербург… Балашов сие понимает.

Спас Александра Семёновича от беспросветных дум нежданный посетитель.

Пришлось подняться, облачиться в мундир, вот только нездоровья нельзя было скрыть.

Визитом почтил начальник походной типографии майор Андрей Кайсаров, профессор русской словесности Дерптского Университета, доктор, защитивший диссертацию в Геттингене.

— Я читал вашу книгу «Мифология славянская и российская»! — встретил учёного-майора адмирал, Государственный секретарь, пиит, член Российской академии. — Ваша книга, Кайсаров, тот же Дантов Виргилий, ибо защита богатств русского и славянского языков, стремление представить во всём великолепии народную фантазию и народные древнейшие верования — обществу,

почитающему за просвещение греческую и римскую мифологию — есть адов труд. Но будьте уверены — труд благодарный и даже бессмертный, покуда ходит под Богом наш русский народ по своей русской земле. Напомните ваше отчество.

— Андрей Сергеевич! — поклонился Кайсаров. — Если моя книга сколько-нибудь полезна, то что говорить о ваших сочинениях. «Те, которых слабый слух, приучась к иностранным языкам, не смеет возвышаться до согласного громозвучания старославянского языка...» Как сказано! Я и далее помню: «Мне кажется, буквы ч, ш, щ возвели славянскую азбуку и язык до такой силы и звучности, до которых все новейшие языки, не имеющие сих букв, тщетно покушаются вознестись». Само ваше слово, Александр Семёнович, — громокипящее, но я потревожил вас ради служебных дел.

— Мне доложили: вы директор типографии…

— Директор и редактор. Вместе с профессором Рамбахом мы прибыли из Риги с двумя типографскими станами. Рамбах — редактор немецких «Вестей», я — русских. С нами четверо наборщиков, четверо печатников. Разрешите представить вам листовку, адресованную итальянским солдатам. Мне важно ваше мнение, ваши замечания. — И виновато улыбнулся. — Александр Семёнович, я вижу, что пришёл не в лучший день и час…

— Прочитайте! Прочитайте!.. Слава Богу, не битва подняла меня... Отлежусь, ежели враг позволит... Листовка, говорите, к итальянским солдатам? Направление весьма перспективное: у Наполеона нет единой армии, а посему беды его впереди, и беды неминуемые.

— Текст написан мною. По-русски. У нас два переводчика, один знает немецкий, другой — итальянский и польский. Я прочитаю быстро.

— О нет! Читайте так, чтоб можно было объять фразу и подумать.

Кайсаров выглядел весьма юным господином. Бровки — как нарисованные. Очень маленький рот и большие глаза. Кроткие, печальные — уж никак не майорские.

— «Итальянские солдаты! — Кайсаров начал странную, замедленную декламацию. — Вас заставляют сражаться с нами. Вас заставляют думать, что русские не отдают должной справедливости вашему мужеству».

— Хорошо!

— «Нет, товарищи! Они ценят его, и вы в час битвы убедитесь в этом».

— Очень хорошо! Уважительно и в то же время совершенно просто. При великолепной величавости обещано сражение жестокое, достойное истории.

— «Вспомните, что вы находитесь за четыреста миль от своих подкреплений. Не обманывайте себя относительно первых

движений. Вы слишком хорошо знаете русских, чтобы предположить, что они бегут от вас!»

— Остановитесь, Кайсаров! Тут надо подумать. — Шишков разволновался, разрумянился. — Вы сумели предостеречь итальянских солдат и внушить мне, Государственному секретарю, что не всё так безнадёжно при сей полной безнадёжности. Вот что замечательно. Продолжайте! Продолжайте! Я буду молчать.

— «Они, — я говорю это о русских, Александр Семёнович, — они примут сражение, и ваше отступление будет затруднительно. Как добрые товарищи советуем вам возвратиться к себе. Не верьте уверениям тех, которые говорят вам, что вы сражаетесь во имя мира. Нет, вы сражаетесь во имя ненасытного честолюбия государя, не желающего мира».

— Это правильно, что вы не называете имя сего государя. Простите, не сдержался.

— «Иначе он давно заключил бы его. Он играет кровью своих храбрых солдат. Возвращайтесь к себе или, если предпочитаете это, найдите на время убежище в ваших южных провинциях».

— Вы закончили? — Адмирал сидел, склоня голову, словно ожидал-таки продолжения. — Солдаты, разумеется, не имеют выбора: бежать из России через Европу в Сицилию — далековато. И всё равно ход вашей мысли точный. Когда завоевателям станет тошно, всеми чувствами своими они пожелают быть у себя, подальше от русских. У вас пойдёт дело.

Прощаясь, смотрел на молодое лицо замечательного профессора до того огорчённо, что носом хлюпнул.

— Нам с вами бы о мифологии, о славянстве… Господи! Пошли перетерпеть войну, Наполеона, безумство человеческое.

— Благодарю вас! Благодарю за доброе слово ваше! — Профессор в эполетах поклонился не по-военному, прижимая руки к груди.

— Без доброго слова, Андрей Сергеевич, без доброго слова нынче русскому человеку невозможно, как солдату без ружья. — Шишков отвёл со лба седой вихор, отирая пот, и вдруг сощурил глаза: — Господин Жуковский ваш друг?

— Самый близкий. Жуковский, Мерзляков, Воейков, Андрей и Александр Тургеневы… Это — моя поэтическая юность.

Шишков кивнул. Седой, огромный, он стал похож на льва.

— Кайсаров, вы познали мифологию своего народа!.. — И улыбнулся: — Я не в обиде — за насмешки, за бунт молодости… Но попомните моё слово: путь, предлагаемый отечественной литературе Карамзиным, Жуковским, князем Шаликовым — одёжка с чужого плеча… Разве не урок всем падким на французское, причём без разбора, без малейшего самоуважения — нынешняя кровавая эпопея? А крови будет пролито много, русской

крови прежде всего. Ну, с Богом! С Богом! Не отвечайте, это не к чему. Однако ж запомните.

Кайсаров летел на крыльях от дремучего, но ведь замечательного старца. Сдал экзамен!

Дрисский лагерь

В эти утренние часы июня 26-го дня, никем не означенный, шёл ещё один экзамен. Нужно было найти ответ на единственный вопрос: быть ли живу России.

Дрисский лагерь, где поместились пока что кирасирская дивизия лейб-гвардии, Гаупт-Квартира командующего 1-ой Западной армии и ставка царя, объезжали шестеро всадников: император Александр, Начальник штаба маркиз Паулуччи, принц Пётр Ольденбургский, генерал-адъютант граф Ожаровский и два адъютанта: его величества — Волконский, его высочества — Воронин.

Люнеты, редуты, окопы окружали лагерь причудливо и, пожалуй что, чрезмерно причудливо — связи не проглядывалось. Но Александр сиял: враг погрязнет, взламывая этакую оборону, погубит дивизии, целые корпуса! Тут ведь столько ловушек!

Государь поглядывал на Паулуччи, и тот, зная о глухоте императора, прокричал, не сдерживая голоса и не выбирая слов:

— Ваше величество! Вы сами теперь видите бестолковость всех этих редутов, ям, валов, воздвигнутых полковником Вольцогеном на погибель армии. Смею сказать вашему величеству, Вольцоген или пошлый дурак, или откровенный изменник. В том и в другом случае вы не должны доверять сему горе-инженеру.

Александр сглотнул, горло у него дёрнулось, а принц Пётр, выждав удобной минуты, поскакал к Барклаю де Толли сообщить о ненавистном для командующего хулителе Фуля и Вольцогена.

Барклай выслушал принца и тотчас написал государю краткое письмо. Сам он стоял в двух верстах от Главной квартиры.

Письмо было отнюдь не в защиту строителей Дрисской твердыни.

«Я не понимаю, что мы будем делать с целой нашей армией в Дрисском укреплённом лагере, — написал царю командующий и военный министр. — После столь торопливого отступления мы потеряли неприятеля совершенно из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем принуждены ожидать его со всех сторон».

Александр прочитал письмо Барклая в хорошем расположении духа. Пришли подкрепления: двадцать эскадронов кавалерии и девятнадцать батальонов пехоты.

Неприятное письмо положил к бумагам важным, но оставляемым без ответа.

Выходка Паулуччи была оскорбительна и для генерала Фуля, и для полковника Вольцогена, но нетерпящие друг друга маркиз и Барклай — заодно.

Странным образом повёл себя и генерал-квартирмейстер Мухин. Прочитавши записку Мишо, объявил государю:

— Я не понимаю, кто у нас командует армиями. По всей видимости, Фуль и Вольцоген, коли мы взялись ожидать своей погибели в сей западне. Граф Мишо прав: ради скорейшего соединения с армией Багратиона надобно левым берегом Десны отойти к Полоцку. Ваше величество, я готов тотчас с моими колонновожатыми вести войска от неминуемого позора, но мне никто не приказывает.

Александр на горячность Мухина ответил вежливым молчанием: гнев генерала был обращён не столько на устроителей дрисских укреплений, сколько против командования. А привёл сюда армию не Барклай, не сменённый с поста Начальника Штаба Лавров и не Паулуччи…

Александр отправился осматривать прибывшие эскадроны и батальоны, но попросил своего генерал-адъютанта Комаровского объехать укрепления с полковником Толем, по возможности полно выспросив о сильных и слабых сторонах Дрисских укреплений.

Толь взял с собой квартирьеров, юных прапорщиков Муравьёва 2-го и Муравьёва 5-го.

Укрепления над Двиной, а здесь она была и широка, и полноводна, занимали площадь протяжённостью в четыре километра и до трёх в глубину.

— Корпус можно поставить, но восемь корпусов?! — Толь повернулся к Николаю Муравьёву. — Какие здесь населённые пункты?

— Слева, где лес, — село Бредзново, справа — слобода Путри.

— Ты — в Бредзново, — приказал Толь Николаю и Михаилу, — ты — к Путри. Обследуйте береговые спуски.

Пока братья исполняли приказ, Толь медленно-медленно ехал поперёк лагеря.

— Видите, это — овраг, — указывал он Комаровскому. — Это — будущий овраг, но ложбина сплошь заросла шиповником, не продерёшься. Как можно тут взаимодействовать дивизиям, полкам, батальонам?

Выехали к реке.

— Посмотрите, генерал.

— Высоко! Я полагаю, удобно для отражения атак.

— Но посмотрите, какая замечательная, какая широкая отмель под сим утёсом. Не только Наполеон, но любой из его маршалов пошлёт на отмель дивизию, а то и целый корпус, дабы отсечь нам ретираду из сего добровольного капкана. Мостов собирались поставить целых семь. Они все начаты, и ни единый из них не завершён. Теперь мы имеем три моста, понтонных. Разрушить такие мосты можно и артиллерией, а можно их просто взять у нас, отбить, прикрываясь от дрисских батарей утёсом.

Прискакал Муравьёв 5-й. Прапорщик-мальчик.

— Господин генерал! Господин полковник! Сходы против слободы Путри весьма крутые.

— Своз к мосту для орудий имеется?

— Никак нет! На руках придётся спускать.

— Подождём другого моего квартирьера, — сказал Толь Комаровскому.

Стояли, смотрели, как скачет, ныряя в овраги, лошадь Муравьёва 2-го.

— Что у Бредзнова? — спросил Толь прапорщика.

— Спуски до двадцати метров, но плохо другое.

— Что же? — Толь поглядел на генерал-адъютанта: доложите-де мнение прапорщика его величеству.

— Лес вплотную подходит к лагерю. Лес очень густой.

— Вот отменно. А скажите нам, прапорщик, чем нехороша позиция сего лагеря прежде всего…

Николай побледнел от волнения, повёл глазами по фронту.

— Да вон.

— Что под сим надобно понимать? — улыбнулся Толь вполне одобрительно.

— Вон высота. Вон другая.

— Мы будем перед неприятелем как раскрытая ладонь! — решительно сказал Муравьёв 5-й.

— Пушки поставят — и картечью, — добавил Николай. — Тут ведь по прямой — близко.

— Наше счастье, что Наполеон не знает, где мы его ждём. — Толь отдал честь генералу.

— Объяснения ваши, господа квартирьеры, убедительнейшие! — Комаровский смотрел на прапорщиков благодарно и ласково.

Вернулись в Главную квартиру, а возле крыльца счастливый Муравьёв 1-й: привёл в Дрисский лагерь опостылевший ему вагенбург и, слава Богу, получил новое назначение.

— Адъютант его высочества Константина Павловича! — объявил он братьям.

— Значит, будем рядом! — возликовал Миша.

Письмо отчаянья

Шишкову совсем было худо. Ночные петухи кричали, а в голове ворочалось тяжёлое, беспросветное, и такое, что и мыслями не назовёшь.

Вконец измучившись, Александр Семёнович встал, зажёг свечи, сел писать.

И вспомнил обронённое Балашовым: государь кому-то сказал, что почтёт предателем всякого, кто вознамерится разъединить государя и его армию.

Перекрестился на икону Спаса.

— Господи! Ты ведаешь: усердие моё к государеву делу чистое и необходимое.

Писал быстро. Слова вызрели в сердце, как вызревают зёрна в колосе.

«Государь и отечество есть глава и тело. Едино без другого не может быть ни здраво,

ни цело, ни благополучно. А по сему сколько во всякое время, а наипаче военное, нужен отечеству царь, столько же царю нужно отечество».

Сердце торопило приступить к главному, но зануда-ум требовал обоснований. Александр Семёнович обливался потом от нетерпения и всё-таки смирялся, писал пространно. Однако ж и пространное было горячо, горячее, чем принято в делах государственных.

«При всей уверенности и надежде на храбрость войск наших, на воспрепятствование неприятелю простирать далее стремление своё, нужно и должно подумать о том, что может и противное тому последовать. Счастье у судьбы в руках. Нынешние обстоятельства таковы, что неприятель стремится быстро внутрь царства и мнит потрясением оного как бы отделить войска наши от связи со внутренностью империи. Самое опаснейшее для нас намерение!»

Наконец и ключевой вопрос явился на бумаге. «Всего важнее зрелое исследование, — написал Александр Семёнович и поглядел на огонь свечи — не сожгут ли, как протопопа Аввакума, за сию правду, — где наиболее нужно присутствие государя, при войсках ли или внутри России?»

Далее необходимо было рассмотреть ситуации.

«1-е, — начертал Александр Семёнович на новом чистом листе. — Государь император, находясь при войсках, не предводительствует ими, но предоставляет начальство над оными военному министру, который, хотя и называется главнокомандующим, но в присутствии его величества не берёт на себя в полной силе быть таковым с полною ответственностью».

Всё равно, что в ледяную воду кинулся. Теперь нужно выгрести к берегу.

«2-е. Присутствие императора при войсках хотя и служит к некоторому ободрению оных, но оне защищают веру, свободу, честь, государя, отечество, семейства и домы свои: довольно для них причин к ободрению; при том же имя его всегда с ними».

— Вот и поезжай с Богом! — сердито крикнул адмирал. И снова рука побежала по бумаге, будто гончая за зайцем.

«3-е. Примеры государей, предводительствовавших войсками своими, не могут служить образцами для царствующего ныне государя императора: ибо не те были побудительные причины. Пётр Великий, Фридрих Второй и нынешний наш неприятель Наполеон должны были делать то: первый — потому что заводил регулярные войска; второй — потому что всё королевство его было, так сказать, обращено в воинские силы; третий — потому что не рождением, но случаем и счастием взошёл на престол. Все сии причины не существуют для Александра Первого».

В четвёртом пункте адмирал принялся рассуждать о храбрости.

Многими словесами прикрыл важную и очень нужную для такого послания мысль. Поставив храбрость в похвалу простому воину, назвав предосудительной для полководца, написал: «Храбрость в царе тем предосудительнее может быть, чем целое царство больше войск; ибо ежели он будет убит или взят в плен, то государство, сделавшись в смутное время без главы, дорого заплатит за привязанность его к личной славе».

Перечитал, переписал набело, лёг спать и выспался.

Утром к Шишкову явился полковник Чернышов, знаменитый разведчик, приведший в ярость самого Наполеона.

— Государь приказал спросить у вас, не найдёте ли чего поправить, — и положил перед Государственным секретарём уже напечатанный рескрипт.

Александр Семёнович так и ахнул, хотя и без звука. Писано было чёрным по белому, но сам он теперь красный: лицо горит, шея в огне.

Царь извещал армию о скором сражении, ободрял, и более всего тем, что он, монарх, будет с солдатами и не отлучится от них, как бы ни повернулось дело.

Шишков яростно вымарал абзац. Глянул на изумлённого Чернышова:

— Донесите государю, господин полковник, что сие зависеть будет от обстоятельств и что его величество не может сего обещать, не подвергаясь опасности не сдержать слово, данное солдатам и всей армии.

Болезнь ещё не оставила адмирала, но на хворобу Бог времени не дал.

Оделся, поехал к Балашову. Министр полиции занимал богатейший дом бежавшего к Наполеону поляка.

— Александр Дмитриевич, — прочитай и скажи, что думаешь. Скажи правду. Пусть она будет для меня самой горькой.

Шишков положил перед министром своё письмо, сел возле окна, посмотрел на пруд. Правильный овал, зелёная подстриженная трава. Красиво и неестественно. По-европейски.

Балашов письмо читал долго. Александру Семёновичу стало не по себе, но тут он услышал:

— Мы обо всём этом говорили, сомнение в одном: будет ли прок от письма?

— Александр Дмитриевич! — резво вскочил на подгибающиеся от слабости ноги Государственный секретарь. — Богом тебя прошу! Съезди к Аракчееву, выведай его мнение о сём предмете. Он ведь без наименования, но военный министр.

— А военный министр с именованием — всего лишь зритель происходящего. Тотчас и поеду.

— Бог наградит вас! — У Шишкова слёзы дрожали в голосе. — Александр Дмитриевич, коли уж вы там будете, привезите печатный листок приказа войскам. Мне его поутру представил флигель-адъютант Чернышов.

— Мой слуга напоит вас чаем. Ожидайте меня здесь.

Балашов уехал. Пришлось пить чай. Чай лечит болезнь ожидания. Александр Дмитриевич обернулся необыкновенно скоро. К четвёртой чашке поспел.

— Докладываю! — у порога вытянулся не хуже служаки унтера. — Граф мнения вашего, господин Государственный секретарь, не отвергает.

— Господи! — перекрестился Шишков, тоже стоя и тоже чуть ли не навытяжку.

— Однако ж… — Балашов подошёл к столу, сел, Александр Семёнович тоже сел. — Однако ж граф не знает, каким средством достигнуть предлагаемого.

— Приказ по войскам привезли? — быстро спросил Шишков.

Взял листок, глянул в него и блаженно откинулся на спинку стула: вычеркнутых слов в приказе не было.

— Я кое-что всё-таки значу! — придвинулся через стол к Балашову. — Письмо надобно подписать тремя подписями. Обоснованием тому: просьба государя собираться нам троим и обсуждать важнейшие дела.

Чашки были отодвинуты. Александр Семёнович принялся за очередной вариант послания.

«Его императорскому величеству угодно было изъявить волю свою, чтоб мы трое (нижеподписавшиеся) имели между собою сношение и рассуждали обо всём, что может быть к пользе государя и отечества.

Во исполнение сего высочайшего нам поручения, входя обстоятельно во все подробности настоящего времени и состояния дел, мы по долгу присяги и по чувствам горячего усердия и любви к государю и отечеству, рассуждаем следующее…» Далее следовал прежний текст.

Закончив переписывать письмо, Шишков на последней странице сделал большой отступ, для подписей Аракчеева и Балашова, и подмахнул весьма опасную сию бумагу.

— Александр Дмитриевич, дело не терпит отсрочек и промедлений. Отвезите письмо Аракчееву. Подпишет — оставьте, не подпишет — привезите: я его отправлю с припискою: «В собственные его величества руки».

— Еду, — только и сказал министр-курьер.

Шишков снова принялся пить чай, хотя давно уж пришла пора обеду. Балашова не было час, другой… Воротился и, увидевши адмирала, даже руками всплеснул:

— Александр Семёнович! Я из ставки послал на вашу квартиру человека уведомить вас в положительном решении нашего дела. Граф письмо подписал, взялся отдать оное в собственные руки, но не тотчас, а когда будет пристойно и с благополучными видами.

— Пойду доболею. — Шишков улыбался, рубашка на нём была мокрая от пота: то ли чаю много выпил, то ли болезнь выходила порами.

Падение Дрисского лагеря

В Гаупт-квартиру прибыл генерал-лейтенант Остерман-Толстой. После сообщения об участии столь славного волонтёра в сражении под Вилькомиром император Александр разрешил строптивцу вернуться в действительную службу. А на другой уже день, выслушав мнение Аракчеева, издал указ: граф Александр Иванович Остерман назначался командиром 4-го пехотного корпуса.

Новоиспечённый начальник сразу после представления государю попал в комиссию, решавшую судьбу Дрисского лагеря.

Укрепления в который раз объезжали: сам Александр, его учитель генерал-майор фон Фуль, генералы Паулуччи, Армфельд, Беннигсен. В свите были Толь, Мишо, Нессельроде, Анстед, Багговут. Из русских — Аракчеев, граф Остерман, Тучков 1-й, Дохтуров, Ермолов.

На голову Фуля сыпался град насмешек, вспыхивал гнев. Кто-то резонно говорил: для такого лагеря войск надобно вдвое, втрое больше; слышались столь же резонные возражения — здесь корпусу тесно.

— Сия городьба, стоившая многих тысяч серебром, есть полное забвение оборонительного искусства! Сия городьба — не что иное, как насмешка над военной наукой! — Маркиз Паулуччи был красноречив. Его изречения так ему нравились, что он пустился давать оценку всему происшедшему. — Прискорбно, господа! Стотысячная наша армия позволила французам переправиться через Неман, не удостоив не только столкновениями хотя бы арьергардного порядка, но ни единым выстрелом! Войска Багратиона, назначенные громить тылы неприятеля, действуют на удивление робко. Багратион мог бы уничтожить передовые отряды маршала Даву под Минском, и соединение двух наших армий было бы состоявшимся фактом. Но Багратион пошёл из Несвижа к Бобруйску, бросился прочь от нас и увлёк за собою два корпуса, Понятовского и вестфальцев. Где они теперь, надежды на соединение? Так нельзя воевать, господа! В современной войне предосудительно быть неграмотным. А коли мы неграмотны, придётся отступать и отступать. Не знаю, как вам, а мне, господа, стыдновато за мой мундир генерала.

— Мой мундир! Для вас и Россия — мундир. Вы его надели, вы его снимите. Для меня Россия — моя кожа.

Все повернулись на голос — Остерман-Толстой.

Разговоры тотчас иссякли. До Гаупт-квартиры ехали молча. Перед началом совета Александр увлёк за собою Вольцогена:

— Вы предложите отход, и немедленный! Причина — огромное численное превосходство противника.

Обсуждение Дрисского лагеря, однако, состоялось. Было

сказано о недостаточной связи между укреплениями, об удобных для неприятеля подходах к люнетам и редутам, о слабости профилей укреплений, о чрезмерной тесноте трёх мостовых бастионов.

Заодно досталось немцу Гекелю, строившему крепость в Динабурге. За два года работ сей военный зодчий положил в гробы пять тысяч мужиков, израсходовал огромные суммы, а построенного — каменный пороховой погреб, каменная караульня да один мост. Что же до крепостной линии, она даже не обозначена.

Стали говорить о крепостях в Риге, в Киеве, в Бобруйске. И всё более о воровстве… Тут и поднялся строитель Дрисских укреплений, правая рука Фуля, полковник Вольцоген:

— Господа генералы! Господа обер-офицеры! Ввиду нависающей опасности над 1-й армией — численное превосходство вторгшихся войск подавляюще велико — предлагаю покинуть Дрисский лагерь, и немедленно.

Тотчас встал вопрос: куда отходить. Государь молчал. И наконец-то Барклай де Толли вспомнил, что командующий здесь — он. Назвал Витебск. Витебск — самое удобное место для соединения армий.

Решивши снова бежать, послали командира арьергарда барона Корфа сделать рекогносцировку и, главное, найти неприятеля.

Увы! Поиск французской армии результатов не дал.

Юные квартирмейстеры ужасно веселились. Выходило: армия так удачно спряталась от Наполеона, что всю войну, до её окончания, может просидеть в Дрисском лагере, никем не потревоженная.

— Господи! Вот она у нас, Россия, какая! — У Миши Муравьёва от чувств слёзы на глазах посверкивали. — Две армии потерялись, хотя в прятки не играли! Полумиллионная и стотысячная!

От Дрисского лагеря прямая дорога вела к Полоцку. Отправились обозы, артиллерия.

Государь оставался на месте. Надо было здесь, в этом охаянном лагере покончить со всеми немецкими просчётами, со всею русской бестолочью. И посему 1-го июля были сделаны назначения, перемещения.

Александр отправил маршала Паулуччи — комендантом Риги, а начальником штаба назначил генерал-майора Ермолова. Аракчеев предлагал Титова 1-го, но согласился: лишить корпус умного, блистательного командира — не ко времени.

Ермолов пришёл в ужас от своего возвышения. Он командовал гвардейской дивизией и почитал сию должность свою за счастье. Кинулся к Аракчееву, просил заступиться. Аракчеев отправил генерала к государю.

Жарко говорил Алексей Петрович его величеству о многотрудности новой для себя должности, о неподготовленности к ней, о том, что начальником штаба должен быть человек

проницательный и уж, по крайней мере, более известный армии.

— Известность наживается быстро, — сказал Александр, не отступая от своего решения.

— Ваше величество! — взмолился напоследок Ермолов. — Коли, испытав меня, обнаружат несчастную непригодность мою к должности, прошу вернуть на прежнее место — командира дивизии, ибо ничего более лестного для себя желать не могу.

Государь был милостив:

— Вы будете числиться в откомандировании.

Отставили от должности Мухина, генерал-квартирьером был назначен Толь.

Имел беседу Александр и со своим генерал-адъютантом Комаровским. Пока не отпускал от себя, но попросил подумать о наиболее безболезненном рекрутировании мужиков и лошадей для армии. В юго-западные губернии Комаровский отправится для сей миссии уже из Петербурга.

2-го июля Главная Квартира поднялась с места. Государь умчался в Полоцк не хуже курьера — армия сей путь совершила в три дня.

Александра Семёновича Шишкова дороги не растрясли — от своего дела не отступал. Уже в Полоцке взял в оборот Балашова: выведай, отдал ли Аракчеев письмо его величеству. Ответ не утешил: удобного случая не было. Но государев наперсник впервой дал твёрдое обещание: письмо ляжет на стол императора завтра.

Маленькие беды прапорщика

Русская армия отступала.

Перед Полоцком корпус лейб-гвардии, ведомый великим князем Константином, остановился в придорожной деревеньке. В домах поместились великий князь, генералы, обер-офицеры.

Прапорщики Муравьёвы ночевали возле костра. За три недели походной жизни, когда все ночи спали под открытым небом, даже в дождь, стало быть, не снимая одежды, в сапогах — оборвались. Разумеется, обходились без бани, постоянно впроголодь. Не прибавила такая жизнь квартирьерам ни здоровья, ни воинственности. Спать тоже ведь не давали. Нужно было скакать среди ночи с приказом, не зная дороги, не видя огней.

В тот вечер, перед Полоцком, братьям повезло. Слуга Муравьёва 1-го лентяй Владимир добыл мослы и рёбра то ли козы, то ли барана.

Сварили бульон, заправили солдатскими сухарями… Хлебали хуже оголодавших мужиков, соскребали зубами остатки мяса с костей, грызли луковицы — горько, а всё ж еда. Заодно лекарство. Миша кашлял, у Николая, у 2-го, завелась цинга, но не на дёснах, слава Богу, — на ногах. И это было не слава Богу. Ноги зудели, расчёсанные во сне, покрылись язвами. Язвы мокли, нарывали. Один Александр держался молодцом.

Пир прапорщиков увидел проходивший мимо великий князь.

— Тептеря! Истинные тептеря! — хохотал он, глядя на оборванцев.

Лето, а в шинелях, — впрочем, то и дело дождь накрапывает, — сапоги потёртые, на сгибах дыры. Физиономии чумазы от дыма, от головёшек.

— Я узнал, что такое тептеря! — сказал братьям Миша. — Это какое-то племя, из беглых финнов и чувашей.

— Темнеет, ребята. Все угомонились, — сказал Александр.

Стянули мундиры, рубахи, стряхивали в огонь вшей.

— Обильно! — морщился Николай.

— Из грязи, что ли, рождается вся сия пропасть? — Миша, брезгливо отстраняясь, держал ворот мундира над огнём. — Потрескивают!

— Сожжёшь! — Александр сердито выдернул у него мундир.

От великого князя вышел адъютант. Приказал старшим братьям:

— Езжайте немедля в Полоцк, в Гаупт-Квартиру. Доложите государю, его высочество будет к нему завтра в девять часов поутру.

Братья уехали. Миша остался один у костра. Вкатил в огонь берёзовый пень, он заменял им стол. И вовремя. Потянуло сырым сквозняком с реки, резко похолодало, а из неказистого серого облака посыпался как горох крупный дождь.

Миша поглядел на шалаш своего командира Куруты. Для Куруты солдаты соорудили скорое, но здоровое жилище. Курута, должно быть, ужинал с великим князем, шалаш пустовал, но укрыться от непогоды в чужом жилище, хоть это всего шалаш, — казалось неприличным.

Муравьев 5-й побродил по двору, собрал палки, щепки, нашёл пару досок — костёр подношению обрадовался, но дождь не унимался, головёшки стали шипеть, дымить и гаснуть. Шинель отяжелела, и Мишу вдруг прошибло жестоким ознобом.

Трясущийся, перепуганный, он забрался в шалаш, лёг с краю. Сжался, скрючился и заснул.

Его разбудил чуть ли не пинок.

— Кто здесь?! Почему?!

Прапорщик вскочил, ничего не понимая.

— Муравьёв?! Да ты забылся, дружок! Как посмел занять жилище своего командира? Ты забылся!

Прапорщик молчал. Очутившись на дожде, на ветру, снова дрожал. Курута вошёл в свой шалаш и успокоился:

— Вы дурно сделали, Муравьёв, занявши моё место, а я сделал ещё более худшее, ибо прогнал вас вон.

Стянул сапоги, лёг и заснул, не пригласив прапорщика укрыться от непогоды.

Миша остался мокнуть. Обошёл дом, где стоял великий князь, лёг на землю спиной к бревну.

Не размок за ночь.

Историческое деяние адмирала Шишкова

Император Александр сидел за письмом Председателю Комитета министров фельдмаршалу Салтыкову: «Решиться на генеральное сражение столь же щекотливо, как и от оного отказаться. — Приходилось признать свою нерешительность. — В том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но, потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании…»

Письмо было не кончено, когда приехал брат Константин.

Спросил с порога:

— До каких пределов намечено наше отступление? Кто у тебя в советчиках?

Видя раздражение его высочества, Александр огородил себя от резкостей самою ласковой, самой понимающей улыбкой.

— Советуют наперебой, а хранит Господь.

— Уж так хранит, что все цивилизованные губернии утрачены без боя. Ежели Наполеон будет желанен не только полякам и литовцам, но и твоим мужикам, мы потеряем Россию и собственные головы.

— Что так расстроило тебя?! — В лице государя не убыло ни ласковости, ни желания понять. — Мы же ничего не проиграли. Отступаем, но побед за Наполеоном пока что нет.

— Пока их нет, надобно заключить мир, и без промедления, не доводя дела до битвы, до краха — армии, государства, династии.

— Тебе матушка написала? — спросил Александр.

— Наша мать — воплощение государственной мудрости. Не видя, как мы воюем, она спрашивает, где надёжнее укрыться, в Архангельске, в Вологде, или же сразу ехать за Урал.

Александр поблёк, осунулся, сгорбился. Поднявши глаза на брата, собрал на чистом лбу своём нежданные морщины.

— Я — человек мягкий. До поры. Но это мною сказано: буду отступать до камчатских вулканов, а мира Наполеону — не дам!

Константин Павлович хлестнул перчатками по сияющему голенищу сапога и вышел вон от царствующего упрямца.

Александр Семёнович Шишков ждал обеда, как «Андрея Первозванного». К обеду Балашов обещал привезти известия от Аракчеева. Задержался. Отобедал с графом. Шишков-то есть не мог. До еды ли!

Увы! Балашов не обрадовал.

Аракчеев не посмел подать письма в собственные его величества руки, ибо после утренней беседы с великим князем государь был грустен и рассеян.

— А завтра государь чрезмерно развеселится! — вспыхнул Шишков.

— Не горячитесь, Александр Семёнович! — успокоил адмирала министр полиции. — Граф решил дождаться вечера. Когда государь пойдёт спать, Алексей Андреевич положит наше письмо на столик, дабы его величество

прочитал оное поутру, со свежей головой.

Всякая минута следующего дня была пыткой, ибо длилась шестьдесят секунд. Балашов, щадя старика, поехал к Аракчееву. Вернулся заскучавший. Сказал:

— Бумага положена вчера на столик. Граф был поутру у государя, и его величество изволил сказать: «Я читал ваше послание».

— Но отразилась ли что в лице у государя?

— А что у нашего монарха может быть в лице? Благожелание.

Призадумались.

— Александр Дмитриевич! — осенило адмирала. — Найдите причину попроситься к государю с докладом. Что-то ведь должен сказать.

Министра полиции Александр принял, доклад выслушал, но о письме ни слова, будто его не было.

— Пусть я болен, но дело-то безотлагательное! — Александр Семёнович, взявши самые важные бумаги, отправился в Главную квартиру.

Доложили о Государственном секретаре. Александр тотчас позвал, доклад выслушал. А на лице — покой, величавость, государственная печаль.

Отпуская, спросил:

— Александр Семёнович! Как чувствуешь себя?

— Гораздо лучше, ваше величество. С постели поднялся.

— В пище имей воздержание. Самое верное из лекарств! Я свои немочи — голодом лечу.

В голосе доброе участие, стало быть, не гневается, но молчит. Молчит о письме.

Выходит — не согласен с троицей ближнего круга. Впрочем, другого столь скрытного человека в словах, в проявлении чувств — Шишков за свою жизнь не знал.

Бесконечный день наконец-то закончился. Ночь показалась короткой, как мигунья-зарница. Наступило 6 июля.

Поднявшись ни свет ни заря, Александр Семёнович помолился преподобному Сисою Великому. Сей отшельник, подвязавшийся в Египетской пустыни, думал не о подвигах, но о смирении, о покаянии. На смертном одре, увидевши Ангелов, явившихся принять душу, просил Их дать ему краткое время опять-таки для покаяния. Ученики были в изумлении: «Авва, тебе ли думать о покаянии, когда вся жизнь твоя — смирение смиреннейшего?» Отвечал им преподобный Сисой: «Братия! Поистине не ведаю, сотворил ли я хотя бы начало покаяния». И увидел Господа Бога.

Молитва настроила Шишкова на терпеливое принятие всего, что должно быть.

Приехал к государю, а тот уже на коне: к Барклаю де Толли отправился.

«Неужто о сражении будут говорить!» — похолодел адмирал, но обер-гофмаршал граф Пётр Александрович Толстой отвёл его в сторону и шепнул:

— Велено приготовить коляски к ночи. Идём в Москву.

Возликовала душа Государственного секретаря. Крестился, плакал:

— Благодарю тебя, великий во смирении авва Сисой! Воскресил меня, грешного, нетерпеливого, для трудов во благо царю и Отечеству.

Александр Павлович вернулся от Барклая весьма скоро, тотчас пригласил в кабинет Государственного секретаря.

— Приготовь воззвание к Москве.

«Бегу без ума от восхищения, — напишет в мемуарах об этом повелении государя, — беру перо, излагаю сию бумагу. Государь отъезжает, на пути подписывает её и посылает в Москву с генерал-адъютантом Трубецким».

В поезде его величества, состоявшем из доброй сотни экипажей, в древнюю столицу отбыли: Аракчеев, Балашов, Шишков.

Весёлая служба

Дожди иссякли, грянула жара. Клубящиеся вихри пыли ползли по дорогам, словно разбегался от рожающей гадюки выводок змеёнышей. Таяла, уступаемая врагу, русская земля.

2-я армия Багратиона, на треть меньшая 1-й, отступала с боями… Великий стратег Фуль, а император Александр следовал его науке, самой лучшей, немецкой, полагал войну игрой маневров. Убегавшая от противника 1-я армия по плану немецкого синклита Александра должна была увлечь главные силы Наполеона за собою и дать в Дрисском лагере генеральное сражение. 2-й армии отводилась роль засадной. Ей предписывалось бить французов с тыла. И — конец игре. Самый лучший исход для попавших в окружение — положить оружие и сдаться.

Покуда Александр воевал русскими войсками по-немецки — на деле это обернулось бессмысленным пятидневным проеданием скудных запасов продовольствия в Дрисском лагере, вдали от противника — Наполеон воевал по-наполеоновски. Без мудростей.

Александр сам расчленил свою армию — половина забот долой, остаётся уничтожить сначала меньшую числом, а потом, опять-таки расчленяя, основную силу.

Багратиона преследовал брат Наполеона Жером.

Приказы от царя Багратион получал истинно немецкие: действовать в тылу правого фланга противника, но отходить к Борисову. Как говорится — хоть разорвись.

Повезло 2-й армии. Жером Бонапарт, король Вестфалии, был Бонапартом, а всё — не Наполеоном.

Александр бессмысленно пять дней простоял в Дрисском лагере, Жером с вестфальцами пять дней — в Гродно.

2-я армия вывернулась из смыкавшихся клещей, ушла к Новогрудкам — приказ Александра и Барклая де Толли.

Наполеон дал брату нагоняй и подчинил маршалу Даву. Жером, оскорблённый, сложил с себя командование и отбыл в собственное королевство.

Но Багратион и Даву обманул — лучшего маршала Наполеона.

2-я армия была на марше от Бобруйска к Могилёву. От Могилёва до Витебска, где стояла 1-я армия, прямая дорога.

Даву занял Могилёв и приготовился к встрече русских. Русские двигались с юга. Для сражения Даву выбрал деревню Салтановку. Отгорожена от наступающих ручьём, ручей впадает в Днепр. Не сбежишь. Вокруг Салтановки болота, дороги и тропы по плотинам. Плотины французы разрушили, мосты взяли под прицел мощных батарей.

А у русских разведка подкачала. Казаки Платова доложили Багратиону: в Могилёве гарнизонишка. Громада обозов с продовольствием, со снарядами, с ранеными, резво пошла в приготовленную ловушку.

Слава Богу, через день казаки покаялись в оплошности: Могилёв занят Даву.

Армии сблизились, кинуться к переправам через Днепр — на мостах перемолотят.

Остаётся одно: переправляться и бить. Бить так, чтоб опытные генералы Наполеона поверили — наступает армия.

7-й пехотный корпус Раевского атаковал французов как раз под Салтановкой. Даву в расчётах не ошибся.

Но нужно было придать наступлению масштабности. Ахтырский гусарский полк и подоспевшая за конницей пехотная дивизия генерала Паскевича ударили во фланг корпуса вестфальцев.

Первый натиск был для русских победным. Ворвались в самый центр укреплений, обратили в бегство пехоту. Но вскоре пришлось отступить: Даву прислал подкрепления.

Французы могли через час-другой разгадать: удар отвлекающий. И для полноты впечатлений вокруг Могилёва по всем дорогам мчались казачьи разъезды. Схватывались со сторожевыми отрядами, маячили на высоких холмах.

— Слава Богу! Слава Богу! — кричал в восторге Парпара, показывая Василию Перовскому на столб пыли, поднятый полусотней.

— Чему радуешься?! — Харлампий стряхивал пыль с груди, с рукавов. — Задохнёмся.

— Прочихаешься! А радуюсь, медведь ты наш длинношёрстый, другу ветру. Клубищи-то не хуже облаков. Французы в штаны, небось, напустили, чают на головы свои дивизии несметные.

Тут-то и ахнула пушка. За ней другая, третья. Французы хоть и не видели, какая сила на них прёт, но бежать не собирались.

Казакам приказано было не воевать — пылить. Стали откатываться.

Перовский вдруг воспротивился:

— Пусть кто-то постреляет отсюда, а мы по балочке да за спину к ним.

Прапорщик зелен в боевых делах, но предлагал дело.

Балка поросла кустарником, скрыла движение. Наскочили, артиллеристов посекли. Пушки хотели взорвать, но Перовский и тут воспротивился:

— Лошади-то ихние! Увезём.

Пушки взяли, но ящики с зарядами оставили. Отъехали, пальнули. Рвануло замечательно!

— Ваше благородие! Заработал орденок! Магарыч с тебя! — хвалили Перовского 2-го казаки.

Весёлая служба выпала казакам генерала Карпова.

А вот Перовскому 1-му было не до веселия. Следил за переправой через плавучий мост в Новом Быхове.

Переправа — дело мучительно долгое, а посему — нервное. Держать порядок, пресекая суету, тесноту — служба тяжкая, а вместо награды — ярость спешащих на берег жизни, недовольство начальников, проклятия оставленных ждать очереди беженцев.

Вот чем пришлось заниматься два дня и две ночи прапорщику Перовскому 1-му.

Сражение у деревни Салтановки произошло 11 июля, а ещё через одиннадцать дней — 22-го — армия, ведомая Багратионом, вошла в Смоленск.

Армии соединились, и тотчас встал вопрос, кому командовать. Багратион и Барклай де Толли — получили звания генералов от инфантерии в одно время. Но Багратион в указе поставлен первым. Стало быть, старшинство за ним.

И — горестная весть: Пётр Иванович добровольно уступил место главнокомандующего «Болтаю да и только». (У русского солдата язык — второй штык.) Верх — опять за немцами.

Генералы негодовали открыто: Ермолов, Раевский, Дохтуров, Коновницын, атаман Платов.

Братья Тучковы, Васильчиков, Кутайсов были приглашены великим князем Константином Павловичем обсудить несчастье русского войска.

Речи были горячие. Ермолов, как начальник штаба, имел право писать к государю. Отправился составить доклад его величеству о состоянии армии, высказать свои и общие опасения.

Великий князь кипел-кипел и вскипел.

— Курута! — закричал он своему помощнику. — Езжай за мной!

Поскакал с адъютантами в ставку Барклая де Толли. Александр Муравьёв, получивший чин подпоручика, был в тот день дежурным офицером при Константине.

Вошли к главнокомандующему без доклада, втроём: Константин, Курута, Муравьёв. Великий князь шляпу не снял, хотя у Барклая голова была обнажена.

Закричал на министра, на первое лицо армии, как на слугу:

— Немец! Шмерц! Изменник! Ты продаёшь Россию! Я не хочу состоять у тебя в команде. Курута! Напиши от меня рапорт к

Багратиону. Я с корпусом перехожу в его армию.

А далее грянул мат-перемат, солдатам на зависть.

Ставка Барклая помещалась в сарае. Великий князь орал, а Барклай, весь в себе, ходил взад-вперёд.

Услышав брань, остановился, посмотрел на красное, кривящееся лицо его высочества и пошёл себе, туда-сюда, туда-сюда.

— Каково я этого немца отделал! — хохотал Константин на обратной дороге.

Минул час, минул другой... И — вот он ответ.

Явился адъютант главнокомандующего с приказом:

— Корпус сдать генералу Лаврову. Немедленно выехать из армии.

Константин тотчас сел в коляску. Заорал на кучера:

— В Петербург! Курьерски!

Помещик

Тарантас покойный, земля ласковая, вместо возницы управляющий имением.

Михаил Илларионович, пустившийся спозаранок обозреть свои владения, блаженно вздрёмывал от самых ворот — потревожить господина было бы управляющему начётисто. Остановил тарантас в тени огромной, знаменитой на всю округу липы. Ветерки с лугов травяные. Благодать.

Как только лошади стали, Михаил Илларионович пробудился, но не тревожил управляющего. Славно, когда о твоём покое доброе попечение.

В лесу скрипело дерево, но казалось, это гуляет на липовой ноге мудрый медведь. Себя Михаил Илларионович тоже ощущал медведем: охотники выгоняют несчастных из берлог, здесь наоборот — водворили в берлогу. Обиду в сердце не пускал; обижайся, кипи, а отпуск предстоял бессрочный. Вместо великого служения царю и Отечеству поглядывай, хороша ли трава в пойме, быть ли по осени с хлебом.

— Пан Спиридон! — окликнул Михаил Илларионович управляющего. — А не завести ли пасеку в сей роще?

— Отчего же не завести? Липовый мёд отменнейший, да цветенье-то короткое.

— Так надобно гречей пустошь засеять.

— Земля бедная, подзол.

— Нам не зерно дорого — мёд. Клевером засей пустошь.

— Разве что клевером, — согласился управляющий, трогая лошадей.

Михаил Илларионович молчал. Долго молчал. Пан Спиридон даже оглянулся.

— Я на болотце гляжу, — сказал ему Михаил Илларионович. — Лягушек разводим... Пруд здесь нужно устроить. Найми в монастыре умельцев, монастырям рыбные пруды великую прибыль дают. Денег на мастеров не жалей. Кое-как сделаешь, кое-что получишь.

Тоской окатило: у командира полка хозяйственных забот куда больше, чем у помещика средней руки.

Обедал Михаил Илларионович в одиночестве, но осеняемый предками. На стенах портреты и парсуны: отца Иллариона Матвеевича, генерал-майора инженерных войск, строителя Екатерининского канала в Петербурге, фельдмаршала Ивана Логиновича, директора морского корпуса, президента адмиралтейств-коллегии. (У Ивана Логиновича жил с младенческих лет, у него в доме и жену нашёл.) На парсунах Гаврила Фёдорович Кутуз, новгородский посадник Василий Ананьевич, прозванный Голенищевым, Дмитрий Михайлович Пожарский, Евфросинья Фёдоровна Беклемишева — родительница спасителя России. Как так вышло: нет ни единого портрета матушки. И Михаил Илларионович смотрел на парсуну Евфросиньи, ища драгоценные черты. Никогда им не виданные: матушка дала ему жизнь и отошла к Богу. Матушка — Беклемишева[2]. Вот и он, пусть не Пожарский, а всё же генерал от инфантерии, победитель турок!

Михаил Илларионович поднял бокал.

— Поздравьте графом. Всё, чего достиг. — Улыбнулся Ивану Логиновичу. — В фельдмаршалы не вышел, так что ты у нас, дядюшка, флагман. — Отпил глоток вина и снова поднял бокал. — Благословите, отцы и матеря, новоявленного помещика. Авось, прокормлюсь.

Поспать после обеда дело святое. А вот куда девать долгий вечер? И до чего же свободна голова! Не надобно думать, какую паутину навешивает на турецкого султана... Как же его?.. Михаил Илларионович даже брови поднял — имя французского посла забыл, какое там забыл, будто не знал!

Господи! Вот оно, отдохновенье бедной головушке. Пусть Барклай думает, как отзовётся на России союз Австрии и Наполеона. Сколь боеспособна армия поляков, готовая служить Франции, что ждать от солдат Пруссии? Будут ли сражаться против русских с тем же упорством, с каким противостояли маршалам Наполеона? И, в конце концов, чего ждать от Швеции? Рискнёт ли Бернадот выставить армию против своего благодетеля, своих товарищей по оружию.

Михаил Илларионович, сидя в креслах на террасе, смотрел, как опускается солнце. Уходит день, прожитый не ради славы, а ради... чего же ради-то?..

— Всё ещё дитя! — сказал сам о себе генерал от инфантерии и не улыбнулся.

Экипаж! К имению! Кого Бог послал?!

И уже через несколько минут, обливаясь слезами, Михаил Илларионович целовал солнышко

[2] Это преудивительно, но до сих пор неизвестно даже имя матери полководца Кутузова

Катеньку, внучку, и прекрасную, как денница, дочь Екатерину.

Грустное сумерничанье большого дома сменилось праздником. Гостиная сияла огнями, сияло серебро на столе, светился помолодевший Михаил Илларионович.

— Драгоценные мои Екатерины! Вы есмь первая награда новой моей мирной жизни. Такая нежданная и такая скорая!

Маленькая Катенька, отпивая шоколад маленькими глоточками, щурила глазки на дедушку, голосок у неё был мурлыкающий:

— А ты теперь вправду граф? — спросила она вдруг.

— Разве я не похож на графа?! — удивился Михаил Илларионович.

Девочка пощурила глазки, пощурила и покачала головой:

— Не похож.

— А на генерала?

— На генерала похож, на графа — нисколечки. Ты похож на герцога.

— На герцога?!

— Мой папа князь. А ты ведь вон какой…

— Да какой же?

— Папа подполковник, а ты главнокомандующий!

— Княжна Кудашева! Твой батюшка Николай Данилович такой храбрец, такой умница, что ему со временем должно быть фельдмаршалом, генерал-губернатором, членом Государственного Совета.

— Граф-дедушка, — мурлыкнула Катенька, — ты назвал меня и маму в честь великой императрицы Екатерины? Самой-самой Екатерины?!

— Матушке императрице я всем счастьем своим, всею службою обязан. Великая государыня приметила меня в мои девятнадцать лет. Приезжала в Ревель, а я был при генерал-губернаторе и генерал-фельдмаршале принце Голштейн-Бекском. Подойдя ко мне, когда мы ей представлялись в очередь, спросила: желаю ли я отличиться на поле чести? От нечаянности я смешался, ответил неловко, но искренне: «С большим удовольствием, Великая Государыня!» В ту пору я был капитаном и управлял всею канцелярией Ревельского губернаторства. Теперь и подумать страшно, как это в девятнадцать лет брал я на себя столько дел, от которых зависела жизнь целого края!

Что до императрицы? Будучи всем подданным своим матерью, государыня, должно быть, пожалела меня и позвала на поле брани. А уж заботлива она, свет наш, была истинно по-матерински. Под Полтавою мне довелось показывать битву русских со шведами. Государыня, приметив, что лошадь подо мною чрезмерно норовиста, приказала поменять.

— Я каждый день поминаю рабу Божию Екатерину — царственную благодетельницу нашего семейства! — призналась Екатерина Михайловна.

— Граф Голенищев-Кутузов! — Катенька состроила умную рожицу. — Открой нам с мамой: наш православный государь победит безбожного Наполеона, если тот пойдёт войной на русскую землю?

Или... произойдёт ужасное…

— Ты у нас истинная Кутузова! — серьёзно сказал дедушка. — Если с нами Бог, то и победа будет за нами.

— Генерал Голенищев-Кутузов, а ты пойдёшь воевать с Наполеоном? — не сдавалась Катенька.

— Война — удел молодых… Меня государь на покойную жизнь благословил. Но все ходим под Богом. Коли позовёт — ноги в сапоги, и солдат готов.

— Я тебя люблю, дедушка! — Катенька положила головку на ручку и заснула.

— В дороге умаялась, — сказала Екатерина Михайловна. — Такая щебетунья растёт!

— В головке-то вон какие заботы — Кутузова. Кутузова!

Катеньку слуги отнесли в спальню, а граф и дочь-княгиня вышли на террасу.

Соловьи свистали. День угас, но облака розовели.

— Как пионы! — порадовалась княгиня и спросила: — Отчего царь не любит тебя?

— Русского барина во мне видит. Он у нас немец! До кончиков ногтей немец.

— Я слышала неприятное, — осторожно сказала княгиня, — будто бы Александр… порицает тебя за лукавство.

Михаил Илларионович встрепенулся:

— Так и есть! С лукавыми лукавый. Я этих самых лукавых, что толпою вокруг царя, перелукавлю и перевылукавлю. Ибо пред чистыми чист! Перед солдатами, поручиками, майорами... Бог меня будет судить, а суд ищущих царских милостей — прах и пыль. Впрочем, всё позади. Я теперь никому не надобен, со всем моим лукавством и со всею правдой.

— Батюшка, а ты на войне когда-нибудь рисковал?

— И про это в свете говорят? А две пули в голове? Да ведь и в дипломатах одна история с султанским садом чего стоит.

— Я про сад ничего не знаю.

— Когда я был послом в Стамбуле, приметил заносчивость в турках. И однажды на коне въехал в султанский сад. А в сей сад запрещено было заходить под страхом смерти. Султанские чауши изумились моему явлению: «Кто таков?» А я их словом, как саблей по башкам: «Я есть имя той монархини, пред которою ничего не вянет, а всё цветёт — имя Екатерины Великой, императрицы Всероссийской, которая ныне милует вас миром!»

Переполох был ужасный, но смирились. Посол ведь действительно представляет монарха.

— А зачем ты так? — У Екатерины Михайловны дрогнул голос.

— Ради славы и могущества России! — Вздохнул. — Был твой отец кем-то, чем-то и вот до помещика дослужился.

Святая вода на дорогу

На другой день ездили к игуменье Мастридии. Дивная матушка привадила доброе и лютое зверьё.

Высокие гости смогли наблюдать, как из одного корыта насыщались грозный кабан и волчица с тремя молодыми волчатами. Дикие козы брали хлеб из рук инокини и не испугались маленькой Катеньки.

— У них губы, как бархат! — изумлялась княжна. — Немножко, правда, шершавый бархат.

Матушка Мастридия сама водила гостей на поляну, сплошь заросшую синими барвинками. Там из расколовшегося надвое камня бежала вода.

— Святая! — Игуменья подала ковш Михаилу Илларионовичу. — Выпейте перед дальней дорогой.

— Это у них дорога! — показал генерал на дочь и внучку. — Я отныне человек местный.

Матушка Мастридия улыбнулась, но в глазах у неё стояли слёзы. Поклонилась Екатерине Михайловне:

— Простите, княгиня! Наши слёзки близкие. Со слезами молимся. Без слезы молитва сухая.

За обедом матушка угостила паломников пирогом, постным, но удивительным. Тесто пахло малиной, можжевеловыми ягодами, черёмухой. Чем-то ещё, многим, многим…

— Черникою! — узнавала Катенька. — Изюмом! Черевишней!

Матушка игуменья, соглашаясь, радостно кивала головою.

Вклад гости сделали совсем небольшой, но граф обещал прислать воз хлеба и пару свиней на прокорм лесным хищникам.

Из обители поехали смотреть, как мужики гонят дёготь.

— И вправду дорогой пахнет! — вспомнила Екатерина Михайловна слова матушки игуменьи.

Михаил Илларионович плечами пожал:

— Без дёгтя не езда, один скрип!

Возвращались в имение колеёю, идущей по краю поля.

— Какая красота! — изумилась Катенька васильковым.

— Сколько сорняков! — сдвинул брови дедушка-помещик. — За такие семена приказчика пороть надобно.

Однако остановились. Катенька собрала цветы на венок, Екатерина Михайловна венок сплела.

— Похожа я на русалку? — спросила внучка дедушку. — Ну правда, похожа? Ну хоть столечко!

Она изобразила пальчиками щепоть.

— Русалка с хвостом, в воде! — не согласилась с дочерью Екатерина Михайловна.

— Граф! Граф! — искала поддержки Катенька. — Личиком-то! Личиком — похожа?

— Дружочек мой! Ты вылитая мавка! — определил Михаил Илларионович.

— А кто это?

— Лесная фея. По-здешнему — мавка.

— Я — мавка! Я — мавка! — весь вечер звенел по дому голосок Катеньки.

Утром они отбыли из Горошек, а через час после их отъезда в имение прикатил исправник.

— Война! Бонапарт прёт на Русь.

Первое, что сделал Михаил Илларионович: отправил игуменье Мастридии обещанное.

— Водичку-то и впрямь попил на дорогу.

Никто его не звал: ни в армию, ни в Петербург… Но генерал-то он действующий…

Исправник мало что мог сообщить. Наполеон перешёл Неман ночью 12 июня. 1-я Западная армия Барклая де Толли оставила Вильну. 2-я армия князя Багратиона отходит другой дорогой. Император Александр, слава Богу, при войсках.

Нашествию две недели, а государство живёт в неведеньи!

Уже в коляске Михаил Илларионович развернул карту. Путь к Дрисскому лагерю через Свенцияны. Александр, коли он при войсках, поведёт армию в сей капкан. Ответный удар можно было нанести и под Свенцианами, но сумеет ли Багратион подоспеть? Одной армией Наполеона не одолеешь.

И знал: двумя тоже не одолеешь. Победить гения войны в открытом бою возможно — надобен резерв, вдвое превосходящий армию победоносных маршалов. Доигрался Александр в великодушие, в показное миротворчество. Коли на переправе через Неман не побили Бонапартовых зверей, отступать придётся аж до Смоленска. До Смоленска ли?..

Не позволил себе развивать мысль. На другое направил. Петербург может сделаться лёгкой добычей. Защищай одними молитвами.

Испугался:

— Господи! Нынче же праздник Тихвинской иконы Богоматери. В суете проводов не помолился.

Странный хозяин Петербурга

Сквозь сон показалось, лошади постукивают копытами по каменной мостовой, постукивают радостно, ибо дороге конец, но звонкость подков гасят бережной осторожностью, храня покой ездока.

Михаил Илларионович улыбнулся, поднял веки — Нева. Французская набережная.

— Вернулся воин с войны.

Сон отлетел, утренней свежестью повеяло. И так ясно стало в мире, в голове, в сердце. Само собою спросилось:

— Или как раз пожаловал на войну?

Дом, пропуская хозяина в двери, даже и не подумал пробудиться.

— Графиня Екатерина Ильинична почивают! — доложил старец камердинер, произнося слово «графиня» с такою настойчивой важностью, будто ему могли возразить.

В графинях Екатерина Ильинична ходила девятый месяц.

— Коли спится, слава Богу. Подай, добрая душа, графу кофию с дороги, — распорядился Михаил Илларионович, валясь на диван, в благодать своего детства. Диван хранил запахи отцовского дома и самого отца, был единственно своим в этом доме.

Михаил Илларионович для петербургского житья не сгодился ещё в 1802 году, когда получил отставку с поста военного губернатора Санкт-Петербурга. Жизнь в Горошках, война с Наполеоном в Австрии, служба в Молдавской армии, губернаторства в Киеве, в Вильне, снова Молдавская армия, жизнь в Бухаресте… Старый диван один во всём доме и признавал генерала за хозяина.

Ласкал, покоил измученное дорожной тряской тело, навевал сон, освобождая голову от пустомыслия, от жестокой тревоги, навеянной неизвестностью. Беспрестанно думать о войне, не имея иных сведений, кроме слухов, всё равно, что самого себя поджаривать на вертеле.

Кофе принесла горничная Ариадна, любимица Екатерины Ильиничны, величавая, роскошная телом, но взятая в услужение за имя. Ариадна с греческого языка переводится как «строго сохраняющая супружескую верность». Поднос с закусками графу подал Аника-воин, старый солдат, заставший своего хозяина в румяной юности капитаном.

— Мы ведь с Риги вместе?

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Покушайте индейки. Грецкими орехами кормлена.

— Гречанка, — согласился Михаил Илларионович. — Что праздновали?

— Со страху приготовлена. Госпожа говорит, как бы бережёное французу не досталось. Мы уж и сундуки приготовили.

— В какие края собираетесь?

— Покуда не решено. Императрица Мария Фёдоровна тоже на сундуках.

— Сплетни! Аника, ты — солдат, а веришь сплетням. Побойся Бога!

— Ваше высокопревосходительство! Моё дело исполнять, что приказано. Сами увидите: пусто на улицах. Нынче по Невскому один страх гуляет.

Михаил Илларионович большим глотком опустошил чашечку.

— Друг мой бесценный, скажи там моим, пусть мундир несут.

Через полчаса генерал от инфантерии, вчерашний главнокомандующий Молдавской армией, был при полном параде. Екатерина Ильинична всё ещё почивала.

Поехал к Вязмитинову. Государь, отправляясь к армии, назначил Сергея Кузьмича главнокомандующим Петербургом.

В чинах они одинаковых, а летами главнокомандующий моложе года на четыре, на пять. Воевал в Крыму, в уральских степях усмирял киргиз-кайсаков, был губернатором Оренбурга, служил комендантом Петропавловской крепости.

Кутузову Вязмитинов обрадовался:

— Слава Богу, что ты в столице! Вести из армии худые. Отступаем, а Петербург — я это обязан тебе сказать — совершенно беззащитен. Несколько батальонов, несколько эскадронов. Двор собирается в бега, вот только императрица Мария

Фёдоровна никак не выберет места, куда ей отправиться.

— Хотел бы просмотреть донесения из армий.

— Изволь!

Кутузов тяжко втиснулся в кресло. Листы донесений брал медленно, держал далеко от здорового глаза.

— Через Неман французы по трём мостам перешли? У Понемуня? Где же был Барклай? Какова численность нашей 1-й Западной?

— 127 тысяч при 558 орудиях. Армия во время нападения была чрезмерно растянута. От Россиен до Лиды.

— У Багратиона тысяч пятьдесят?

Вязмитинов, прежде чем ответить, покряхтывал.

— 39 500 человек и 180 пушек. У Тормасова 44 тысячи, пушек 168.

— А у Наполеона тысяча тысяч?

— С полмиллиона.

— Итак, оставили Ковно, корпус Дохтурова попал в окружение. Пробился к Багратиону. Вильна пала через четыре дня?! — И обрадовался. — Это уже кое-что: маршалы Наполеона умудрились потерять 1-ю армию! Барклаю низкий поклон. А зачем стояли в Дриссе? Семь мостов и ни одного, чтоб достроен?! Государь покинул армию? В Москве? Кульнев-то каков! Побил самого Себастьяна... В плен взят генерал Сен-Дени, три офицера, 139 солдат…

— В Петербурге нынче все знают Якова Петровича Кульнева. Командир гродненских гусар, генерал-майор. Других героев пока что не слышно.

— Воевать надобно мозгами. — Кутузов вернул Вязмитинову листы донесений. — Вижу, французы не чаяли от русских этакой прыти. По-заячьи скачем. Им ещё много чего придётся изведать от нашего брата.

Вязмитинов глядел на гостя и не мог понять: смеётся или одобряет заячью прыть двух армий.

Вечером чета Кутузовых появилась в театре. Давали «Дмитрия Донского». Екатерина Ильинична втайне рассчитывала показаться Петербургу с графом. Одолел турок, добыл столь нужный мир, и ведь перед нашествием!

Графине пришлось сидеть рядом с дочерью Прасковьей, с родственником, с тайным советником Александром Александровичем Бибиковым. Михаил Илларионович укрылся в глубине ложи. Без приветственных кликов обошлось…

Славно подремать в театре. О, Господи! Театр — пир глазам, смерть ушам. Кого только не увидишь, каких крылатых слов не услышишь! Каждая завитушка балконов и лож празднична, от иных актёрских реплик — грудь надвое, вот оно, моё сердце! Впрочем, обходится без крови, разве что слезами изойдут нежные души.

Бескровный храм славы Михаил Илларионович видел сквозь полумрак. Глаза его Катеньки сияют, будто драгоценные чёрные алмазы. Бюстом всё ещё хороша,

стан, как у девы на выданье. Не то что он, разъехавшийся, увенчанный подбородками.

Понимал желание Катеньки — пусть помрут от зависти все эти Волконские, Демидовы, Салтыковы со Строгановыми. Потерпи, потерпи, графинюшка, и дай сроку. Теперешняя овация Кутузову, да публичная, да в то самое время, когда царь, покинув бегущую от Наполеона армию, помчался в Москву — Россия, спасай Романовых! — будет воспринята как вызов, как неодобрение начальствующим над войсками.

Дмитрия Донского играл Яковлев. Всякое слово князя публика, прекрасно знавшая пьесу Озерова, ждала и принимала с восторгом.

— «Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный!» — говорил князь Дмитрий послу Мамая, и зал тотчас вскакивал на ноги, неистово приветствуя актёра, но скорее всего — нынешнее воинство, противостоящее Наполеону — исчадью ада, демону войны.

Зал трепетал, выслушав молитву князя Дмитрия, произнесённую Яковлевым в немотной тишине, голосом покойным и так просто, что слёзы блистали в глазах мужчин и женщин:

— Но первый сердца долг к
Тебе, Царю Царей!
Все царства держатся
десницею Твоей:
Прославь и утверди, и
возвеличь Россию.

Когда же Семёнова — Ксения — узнавши, что князь Дмитрий не убит, произнесла своё драгоценное: «Оживаю — и слёзы радости я первы проливаю», фрейлины, княгини и княжны, не говоря уже о подлой публике балконов, плакали, не сдерживая слёз.

Старейшего актёра Сахарова чуть было со сцены не сняли, готовые носить на руках за рассказ о победе над татарами:

— «Им степь широкая, как
узкая дорога, —
И русский в поле стал, хваля
и славя Бога!»

Михаил Илларионович с удовольствием смотрел из своего укрытия на публику. И вдруг произошёл скандал. В перерыве между актами вышедший на авансцену актёр объявил анонс завтрашнего спектакля. Французского.

Зал загудел, гуд тотчас стал грозным, и бедный актёр бежал за кулису. Негодование однако ж не унималось.

Михаил Илларионович под сей шум сбежал из театра. Был узнан в фойе кем-то из молодёжи. Крикнули: «Кутузов!» Крикнули: «Слава!» Но он уже катил по Петербургу, опустевшему, примолкшему. Уж на Невском-то проспекте, летом — всегда гулянье! Не гулялось стольному граду. Верно сказал Аника: страх в столице хозяйничает.

(Продолжение следует)

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

«Я ОБРАЩАЮСЬ К БОГУ...»

Виктор Васильевич Брюховецкий родился в 1945 году в г. Алейске Алтайского края. Около 50 лет проработал на опытном заводе государственного института прикладной химии, служил в рядах Советской Армии. Заочно окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по профессии инженер-электромеханик. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор 14 поэтических книг, более 100 публикаций в отечественных журналах. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. Прокофьева, им. А. Невского, Пушкинской (Нью-Йорк), журналов «Москва», «Наш современник», «Нева» и др. Живёт в пос. Кузьмоловский Всеволожского района Ленинградской области.

ДЕКАБРЬ

Забинтованы белым берёзы,
Забинтованы белым луга,
И мороз, как стальная заноза,
Проколол голубые снега.

Лёгкий скрип — кто-то ходит в подворье,
Гул в трубе — это кто-то не спит,
И село, как большое надгробье,
Почернев от мороза, стоит.

А луна вся в кругах, золотая.
Свет густой, хоть в ладони клади.
А зима-то ещё молодая,
Вся зима-то ещё впереди!

* * *

Тихим светом наполнились окна,
Сумрак кошкой ползёт от двери,
Старый тополь, притихший и мокрый,
Греет листья в ладонях зари.

Первый луч пробежал по
деревьям,
Глянул в окна и брызнул —
в поля!
И ослабла на шее деревни
Горизонта тугая петля.

Рукомойник гремит. Пахнет
мылом.
Слышен скрип дергача на
лугу…
Вспоминаю — когда ж это
было? —
И припомнить никак не могу.

ГРОЗА

Она меня настигла за рекой.
Тревожно в темноте заржали
кони.
В разрядах луг лежал, как на
ладони,
С мольбой в глазах и тайною
тоской.

Косые струи зрелого дождя
Согнули придорожные деревья,
И молнии, кромсавшие
деревню,
Взорвали ночь, почти с ума
сводя.

Как всё вокруг ничтожно и мало
Перед таким величием природы!
И этот луг, и кони, и село,
И я, стоящий около подводы,

Оцепенели… Ну, куда спешу!
Зачем толкаюсь, ближнего не
слышу,
Не замечаю нищего, не вижу
Лица того, кому в лицо дышу!

Смотри, душа, молясь и
трепеща.
Ведь нам с тобой нужна такая
малость…
А молнии хлестали в край
плаща
И под ногами бездна
открывалась.

УЛЫБНУСЬ ЛИ ИЛИ ЗАГРУЩУ…

1

Постоял, подумал, подышал,
Тронул ветку яблони и вроде
Растворился музыкой в
природе.
Тела нет.
Осталась лишь душа.

Вся раскрыта.
Вся обнажена…
Бредит космос тайными мирами.
Облака кочуют над горами,
А над ними влажная луна.

Сад набух росой. Деревня спит.
Дремлет за околицей дорога.
Тишина…
Ещё чуть-чуть, немного, —
Каплю!
И душа заговорит.

Улыбнусь я или загрущу —
Чувство будет искренне и ново…
Первое бы мне услышать слово,
Остальные я не пропущу!

2

Настрадаюсь до поры,
Но когда себя открою
И услышу, как миры
Шелестят над головою, —
Отложу перо-копьё
И увижу на распутье:
«Мир огромен! Не забудьте.
Только каждому своё…»
Подниму перо я снова
С крепкой верою в одно —
Чем в строке спокойней слово,
Тем прекраснее оно.

3

Высоко в горах туман.
Облака клубятся — выше…
Я впервые в жизни вижу
Как бушует Океан.

Вот он, свой смиряя бег,
Бьёт в гранит тугой волною
И дымится под скалою.
И вот так — который век!

Верность берегу хранит.
То спокоен,
То бунтует…
И настойчиво шлифует
Неподатливый гранит.

Я СТОЛЬКО РАЗБРОСАЛ КАМНЕЙ...

Рассеивая мрак и отрясая лист,
Морозцем первым выстелив дорогу,
Приходит срок.
Я обращаюсь к Богу
И говорю, что я душою чист.
Смотри, Господь, дела мои не громки,
Я понимаю, как непрочна нить,
И я прошу Тебя повременить, —
Дай мне дойти до той конечной кромки,
Где, ощущая время за плечами,
Прозрел бы я и начал собирать,
И, собирая, столько взял печали,
Чтобы не страшно было умирать.

БЕРКУТ

1

Не в том беда, что счастьем обнесли,
А в том, что мне всё чудится и мнится
Покрытый ковылями край земли
И над землёй кружащаяся птица.

Не тот ли это беркут, что давно
На камни чёрствые просевшего дувала
В рассветный час, когда ещё темно,
Когда ещё рассвета покрывало

Чуть поднято, упал с небес.
Горбат!
Он был суров, а я был очень молод,
Я был дитя, я был не виноват,
Что по степи ходил в то время голод...

Меня отец от птицы защитил.
А беркут мне на жизнь мою
оставил
Своё перо, чтоб я писал и
правил,
И к солнцу поднимался, и
кружил...

2

Уронил мне беркут перо
Маховое, самое то.
Я принял его как добро,
Чем ещё не владел никто.

Не чинил никто, и к губе,
Ритмы чуя, не прижимал...
В колдовстве моём, в ворожбе
Сей подарок совсем не мал.

Я омою перо слезой,
Очиню его, задохнусь
Небом, солнцем, степной грозой,
Словом ясным и чистым — Русь.

Станет грусть моя так светла!
И проявится в грусти той
Мах стремительного крыла,
Боль, сравнимая с высотой.

УТРО

Ранний свет. Откину полог —
Брызнет золотом восток.
Шмель — мохнатый спелеолог —
Лезет в тыквенный цветок.

Зреют дынь тугие слитки.
Слышен перепела бой.
Конь пасётся у калитки,
Мокрой шлёпает губой.

Запевает гулко улей.
Мёд и яд. Одно окно.
Золотой жужжащей пулей
Очарован я давно.

Жизнь мудра. Разгадка рядом.
До чего же прост ответ.
Соты с мёдом...
Пчёлы с ядом...
А без яду мёда нет.

* * *

Восходит солнце, на бугре
садится,
Откидывает жаркую полу,
И золотым лучом, как тонкой
спицей,
Проводит по оконному стеклу.

И в тот же миг окно течёт
росою,
И мне уже не спится. Не до сна!
Я половицу щупаю босою
Ногой, и половица холодна.

Крыльцо дымится утреннею
влагой,
Озноб, входя неслышно под
ребро,
И дрожью, и весёлою отвагой
Переполняет детское нутро.

А дом уже живёт, шумит и
дышит.
Коня в оглобли пятят, ехать
чтоб,

И, встряхивая шаль, на
влажной крыше
Урчит сизарь и раздувает зоб.

Летит солома, взрытая щенками,
Отец седёлку на коня кладёт,
И кто-то осторожными руками
Меня берёт и через жизнь ведёт.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Он зашумел сначала по верхам,
Потом деревьям вымочил
коленки,
И первые серебряные деньги
Рассыпал по зелёным лопухам.
Загоготала птица невпопад.
Петух забрякал шпорами и
смылся,
Из-за ограды в небо ветер
взвился
Пучком травы и рухнул в
палисад.
И началось!
Разорванный, кривой,
Он закружил, вскипая тёмной
силой,
И все дома в селе перекосило;
Журавль деревянной головой
Задёргался, и цепь загрохотала.
Ударил гром — и всё
нездешним стало!
И от удара встало на дыбы,
И даже телеграфные столбы —
Прямые — на мгновенье
покривели…

И захлебнулся небом водосток!
Минуту… пять…
И посветлел восток,
Петух поёт, и ласточки запели!
И вышли мы смотреть, как
за селом
Летала туча с белым помелом.

* * *

Поэзия! Высочество…
Величество…
Не переходит в качество
количество.
Мне эта мысль — что в подполе
сверчок.
Не переходит…
Ноет мозжечок.
Как будто кто, от радости
дрожа,
Мне череп вскрыл и запустил
ежа.
Вот… мучаюсь…
Да ладно б только это.
Не переходит… Ну — такой
закон!
А есть беда иная у поэта,
Когда он вдруг поймёт, что
лишний он.
Что трудно быть на сером фоне
белым,
Да что там — белым, просто
трудно быть.
Поэтов убивают между делом.
Поэт?
А почему бы не убить…
И, шаркая паркетными полами,
Предчувствуют красивую игру,
И пули досылают шомполами,
И порох проверяют на искру.
В партере шёпот.
Письма в бельэтаже…
Ржут кони. Даль завешена
грозой!

…Потом — гвоздики, мол,
скорбят, а как же,
И плачут покаянною слезой.

ЧЕРДАК

Бич, хомут, седло, ошейник,
Штык немецкий, медный грош,
И Бердана ствол ружейный,
Ржавый, но ещё хорош...

Среди той чердачной были
От зари и до зари
На постое жили-были
Витязи-богатыри.

Я им по два раза на день
Сказки русские читал,
И точил то меч, то складень,
То доспехи им латал.

Мы на матицу садились,
Запивали хлеб водой,
И всё время бились, бились
То с Кощеем, то с ордой...

А теперь не та картина.
Вроде, та же, но не та!
Ленты пыли, паутина,
Ни ствола, ни хомута.

Ни седла и ни седёлки,
Ни копья и ни гроша,
Только я на сером волке,
Да при мне моя душа.

* * *

Памяти Павла Васильева

Чудес качая решето,
Крупицы выбираю.
Я знаю — Пушкина за что,
И Лермонтова — знаю.
И — Павла...
Павел! Боже мой...
Досады сколько, боли.
В Москве хана Москве самой,
А чужаку тем боле.

Твоя беда, твои слова
Со мной опять и снова...
Ах, Павел, Павел...
Степь мертва,
Ей не хватает слова.

Я эту грусть не залечу,
Пытаюсь вот, батрачу...
Всё вижу, знаю и молчу.
Петь начинаю — плачу.

* * *

Человека... Человеку...
Я сижу, ищу строку.
Что же надобно от веку
Человеку на веку?

Что он ищет, чем он занят,
Почему который век
Возле древних стен Казани
Проступает кровь сквозь снег?

Почему всё так сурово?
Почему в лесах мордвы
От стрельбы и лая злого
Перья дыбом у совы?

Почему живу в досаде?
Не хмельной, не с бодуна,
То в атаке, то в засаде...
Где ошибка, чья вина?

Неприкаянный, как птица,
Между небом и землёй...
Почему всё чаще снится
Тракт с глубокой колеёй?

И бредут-идут по тракту
Через реки и года
Кто по воле, кто по акту,
Кто оттуда, кто туда.

Знаю, если с почвы сдвинут
И вобьют меня в хомут,
Непременно душу вынут,
Заодно и стыд возьмут,

Чтобы жил до жилок выжат,
Чтобы мучился, скорбя,
И метался — как же выжить
И не потерять себя?

* * *

Босиком, в одной рубахе
Вышел из дверей...
Мне — что ямб, что амфибрахий —
Всё одно — хорей.

Я шныряю в огороде,
Огурцы жую.
Между грядок дева бродит.
В сторону мою

Не глядит. Не замечает.
С дудочкой в руке —
То подсолнух покачает,
То шмеля в цветке.

Плети трогает руками.
Полет повитель...
Что за дива? Кто такая?
Для чего свирель?..

Николай АЛЕШКОВ

О РОДИНЕ, О МАМЕ, О ЛЮБВИ...

Николай Петрович Алешков родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР в 1945 году. Работал монтёром связи, электриком, кровельщиком, но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время – редактор литературного журнала «Аргамак-Татарстан». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей СССР, автор десяти книг стихов. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина, Всероссийской литературной премии «Ладога» имени А. Прокофьева, Международной Цветаевской премии. Почётный гражданин г. Набережные Челны.

* * *

Юрию Дулесову

Я тоже в демона играл,
был молодым и одиноким,
в себе старательно стирал
грань между низким и высоким.

Я умереть хотел во сне,
когда луна в окошко светит.
Мир не нуждается во мне.
Уйду — никто и не заметит.

Мир был действительно жесток.
Ревел бульдозер меж развалин.
Сверчок, забывший свой шесток,
я этим рёвом был раздавлен.

Но наступала тишина.
Окно вечернее темнело.
И демон плакал у окна
Неартистично, неумело.

Но даже тех светлейших слёз
мир не увидеть умудрился.
А лунный свет в листве берёз
переливаясь, серебрился...

* * *

О родине, о маме,
о жизни, о любви
стихи приходят сами —
зови иль не зови...

Жгут сердце строки эти,
они не могут тлеть,
и ты живёшь на свете,
чтоб их запечатлеть.

* * *

Торт разрезан. Извольте откушать!
Кто-то кофе по чашкам разлил.
Человек, не умеющий слушать,
говорил, говорил, говорил.

О сверхнациях, супердержавах,
о великих народных вождях.
На идеях, затасканных, ржавых.
поднимался он, как на дрожжах.

И возвысился — солнце в зените,
мавр в трагедии — прямо, беда!..
Встал я с кресла, сказал: извините,
и ушёл от него. Навсегда.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Идём одной колонной. И у каждого
в руках портрет — реликвия своя.
Не господа — товарищи и граждане —
единая российская семья.

Знамёна и хоругви здесь не лишние.
Отцы и деды с нами! Мы — народ.
Они — в Небесном войске у Всевышнего,
мы на Земле свершаем Крестный ход.

Враги, вы зря протестами полощите, —
идут богатыри, а с ними Бог!
Вся ваша мелюзга с Болотной площади
осядет пылью пройденных дорог...

Со мною внучка, сын, жена любимая,
и вся моя Орловка, вся родня.
Идёт по свету рать неодолимая!
Отец родной, ты слышишь ли меня?

Ты плачешь ТАМ слезами чистой радости,
ты не забыт, и пахарь, и солдат!
Не надо фейерверков — из-под радуги
На нас, живых, бессмертные глядят!

Державный шаг с молитвами великими —
единства очищающий момент!
Вглядись в людей — их лица стали ликами,
и впереди колонны — президент.

А лучше — вождь, вернувший Крым Отечеству,
и у него в руках — родной портрет.
Бессмертный полк — спаситель человечества.
Другой опоры не было и нет!

* * *

Виктору Суворову

Вот и мы постарели, мой друг,
но не будем о грустном.
Для самих-то себя мы давно
ничего не хотим,
лишь бы вновь увидать —
журавли пролетели над Русью.
Только где она, Русь? Мы в
сердцах её молча храним.

Нам с тобою, наверно,
счастливое детство досталось.
После самой свирепой и самой
великой войны
из окопов промёрзших сквозь
боль и тоску, и усталость
возвратились отцы, чтобы мы
появились, сыны...

И когда мы вдвоём держим путь
к православному храму —
помолиться за них и поставить к
распятью свечу
за ушедших любимых и —
каждый — конечно, за маму,
вдруг заплачет душа: «Я от них
уходить не хочу!..»

Не спеша за столом
поминальные чарки наполним —
впереди и у нас
предназначенный Господом срок.
А рождественский снег всё летит
на житейское поле.
Мы идём по нему. Горизонт —
как небесный порог...
Мы с тобой не поблажек, а
милости Божьей просили —
дескать, дети и внуки под
нашим присмотром растут...

И опять журавли высоко
пролетят над Россией,
А сады, что посажены нами,
весной расцветут.

* * *

Декабрьский дождь и майский
снегопад
ворвутся в жизнь и всё
переиначат.
Вон в конуре безмолвствует
Пират,
а внучка — ей три года —
чуть не плачет...

Черту смиренья не переступи,
живи в ладу с надеждою
незримой!
«Всё будет хорошо. Ты потерпи, —
скажи спокойно женщине
любимой.
Земля прекрасна, наша жизнь
на ней
устроена — счастливей не
бывает...»

Неясная тревога всё сильней,
всё явственней тебя одолевает.

В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

Диагноз — трепетание предсердий...
Поэзия! Нужны ли тут врачи?
В палате смех. И кто-то из соседей
Сказал, шутя: «Не хочешь —
не лечи!
Люби и будь любим, покуда
ноги
несут — и о пощаде не моли!»

И Женщина возникла на пороге.
Трепещут вновь предсердия мои...

* * *

Между тьмой и светом — чую —
будет маяться душа.
Я любил жену чужую
и не каялся, греша.

Целовал блудницу эту
то с крестом, то без креста.
Как душе пробиться к свету
через узкие врата?

Хватит! В бездну не полезу.
Ободрал уже бока.
Вдоль реки, потом по лесу
вьётся тропка, как строка.

Поздно, брат, беречь здоровье!
Виден финиш впереди.
Страсть, не ставшая любовью,
сгинь из сердца, пропади!

Так чего же я тоскую
и с крестом и без креста?
Я любил жену чужую.
Были узкими врата...

* * *

Бес в ребро! Это финиш,
наверно.
Плотский грех даже стыд не
берёт.
И поэт, что любимой отвергнут,
втихаря к проститутке идёт.
Вот такая житейская драма.
Только славу в поэте любя,
даже Блока Прекрасная дама
к падшим сёстрам гнала от себя.

Маяковский, униженный Лилей,
Наш Есенин, ушедший в запой...
Сколько пролито слёз на могиле!
А могли ведь спасти, Боже мой!..

На любовном, на чувственном
фронте
лицедействуй — заплатишь
судьбой...
Ночь. Фонарь. Из любой
подворотни
кто-то в чёрном следит за тобой.

* * *

Не дорожи моей любовью,
не стой подолгу на ветру!
Скажи вослед: «Господь с тобою!»,
когда умру.

Умру. И Лета, словно Кама,
позволит вечность полюбить.
Жена покойная да мама
меня там встретят, может быть...

* * *

Памяти Светланы

Как остро тебя не хватает!
Особенно летом.
В каких ты мирах обитаешь?
И мне бы туда...
Роман не дописан, остался
романс недопетым,
и ты в моё лето уже не придёшь
никогда.
А озеро, где мы купались
(наверное, помнишь?),
тоскует по бёдрам атласным не
меньше, чем я.

По травам пройдя луговым на
елабужской пойме,
ты в воду вступала под раннюю
трель соловья.

И солнце ласкало (а я ревновал
тебя к солнцу)
высокую грудь, завитушки над
лоном твоим.
И память, и нежность от наших
счастливых бессонниц
храню, пока жив я. И образ твой
мною храним.

Пусть Кама и Вятка, и прочие
быстрые реки
тебя догоняют, минуя в тумане
холмы!
Ведь ты, уходя, молодой
остаёшься навеки,
а я, постаревший, всё жду, когда
встретимся мы...

* * *

Перемен! Мы ждём перемен!
Виктор Цой

И жизнь прошла, как теплоход
по Каме.
Что я скажу вам, сидя у реки?
Не ждите перемен, меняйтесь сами,
лишь — не теченью жизни вопреки...

* * *

Поэт не врач, а боль. Струна и
нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
не сомневайтесь в том, что
одурачен
народ, ведомый властью к поп-
звезде
и к зрелищам, и далее везде,
где Пушкин на Киркорова
растрачен...

ВЛАСТИТЕЛЮ

За песню соловья не упрекай!
По воле неба он не знает страха.
Есенин — Божья дудка, а Тукай —
Курай Аллаха.

ПОЭТУ

И Слово было Бог...
От Иоанна

О чём ты говоришь, Господь с
тобою?
Игра в слова — опасная игра,
когда она становится судьбою
на грани адской бездны и добра.

Бумага, карандаш, остывший
кофе,
сквозняк в жилище, тесном и
пустом...
А ты вслед за Учителем к Голгофе
идёшь, гонимый, с жертвенным
крестом.

Неважно где — в Рязани иль в
Казани —
настигнет срок, когда платить
пора.
И Божий дар, и Божье
наказанье —
игра в слова, опасная игра.

* * *

Жил да был один поэт.
Не из праведников, нет.

Куролесил, баб любил,
водку пил да морды бил.

А потом сквозь стыд и срам
приходил он в Божий храм...

Бог прощал ему грехи
за хорошие стихи.

* * *

Кама предосенняя волнуется,
ветерком подёрнута слегка.
Как мужчина с женщиной,
целуются
в небе надо мною облака.

Вот и август, словно друг
единственный,
дорог мне, и светел, и пригож.
В лес войду. И хвойный он, и
лиственный,
на картины Шишкина похож.

Понадеюсь — лето не последнее
по реке плывёт за горизонт.
Я одет пока ещё по-летнему,
но в руке, на всякий случай, зонт.
А перо, дай Боже, не затупится.
И желанья нет считать грехи.
Осень, чаровница и заступница,
надиктует новые стихи.

* * *

Николаю Рачкову

Вот и старость... Но поверьте
слову:
летом я силёнок наберусь,
к Шукшину, Есенину, Рубцову
всё-таки нагряну — вспомнить
Русь...

А чего? А кто нам помешает?
Душу, как гармошку, разверну.
Пусть она, просторы оглашая,
загорланит аж на всю страну!

Смотрит на Катунь с холма
Василий.
На Оку любуется Сергей.
Николай: «Храни себя, Россия!»
Соберёмся вместе: эге-гей!

Посмеёмся. Может, и поплачем...
Денежек вот только накоплю
И поеду. Не могу иначе,
потому что Родину люблю.

Александр ОРЛОВ

ПАРАБЕЛЛУМ

Рассказ[*]

Александр Владимирович Орлов родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище №1, Литературный институт им. А.М. Горького, Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания и права в школе. Автор 4-х стихотворных книг, сборника малой прозы «Кравотынь». Публиковался в журналах «Наш современник», «День и Ночь», «Дружба народов», «Юность», «Дети Ра», «Литературная учёба», «Сибирские огни» и многих других. Лауреат Всероссийских конкурсов им. А.П. Платонова, им. Ф.Н. Глинки, им. С.С. Бехтеева, обладатель золотого диплома VII Международного Славянского литературного форума «Золотой витязь» (2016) и др. Живёт в Москве.

— А как ты встретил своего первого немца?

Дед ответил:

— Он пришёл сам, воровал у нас яйца в курятнике. Здоровенный такой, рыжий, коротко стриженный, весь в веснушках. Рукава серого кителя закатаны по локоть, широкие форменные брюки, вычищенные сапоги. В левой руке — стальная каска с яйцами, а в правой — парабеллум, направленный на меня.

— А потом, что потом?

— А потом я и ещё несколько моих сверстников проследили, как двое немцев ушли за околицу.

Ему было тогда пятнадцать.

— У вас было оружие? Откуда?

— Оружие мы находили повсюду, без оружия никого не брали в партизанский отряд. Мы, подростки, заигрывались в войну, сражались в окопах

---

* Сборник «Кравотынь», Москва, 2015

среди убитых красноармейцев. Обращаться с оружием не умели, точнее — только учились; случалось, и себя, и друг друга в этой боевой забаве калечили.

Немцы носили коричневые ремни из свиной и телячьей кожи, ранцы, сумки, как и вся немецкая амуниция, были удобные, но мы их не брали. Брезговали.

— А зачем? Зачем она была вам нужна?

— После взятия Смоленска немцами пришла пора уходить из деревни, оружия хватало, а с одеждой были проблемы. Форму снимали с убитых красноармейцев. Хорошо, если командир попадётся или политрук. Галифе, сапоги, ремень, портупею можно было позаимствовать. Тогда мне хотелось найти ремень со звездой на пряжке, но попадались одни солдаты, а желанный ремень носили командиры. На грязную одежду внимания никто не обращал, главное, чтобы одежда была не изорвана. Я тогда долго не мог подобрать сапоги. Нашёл подходящие. Стащили с убитого эсэсовца. Этот офицер был тяжело ранен. Потом, уже убитого, мы заволокли его в подлесок и раздели. Обувь германская мне впору пришлась, размер тридцать девятый — мой.

Дед улыбнулся и продолжил:

— Мы жили в старинном селе Дуброво, которое люди нарекли Епифанью в честь моего деда Епифана Тимофеевича, унаследовавшего от графини Орёл всё недвижимое имение, крепостных крестьян и дворовых людей. Графиня преставилась в день пленения имама Шамиля. Так на протяжении десятков лет проживало наше семейство, даже после революции и Гражданской войны помещичий быт не изменился, всё вокруг принадлежало нам: лес, река, мельница, яблочный сад, вишнёвый сад и дом. Обстановка в доме не изменилась со смертью графини. Старинная мебель и десятки икон, привезённых графиней-паломницей из Иерусалима и Константинополя, с Афона и Синая, и портрет моего прадеда, ополченца, получившего «Егория Храброго» за штурм Утицкого кургана во время Бородинского сражения, сопровождали моё детство. В тридцатые отца расстреляли. Нас осталось восемь человек детей и мать. Я — младший. Старший брат погиб на фронте. Детей «врагов народа» забирали в Красную Армию и отправляли на передовую. В июле сорок первого пришли фашисты. Партизанское движение зародилось на Смоленщине ещё со времён польского нашествия, в наших лесах укрывались народные мстители — «громлённые крестьяне», или «шиши». В сорок первом смоляне уходили в леса поодиночке и

многочисленными отрядами с оружием в руках. В партизанский отряд я попал в конце сентября. У меня был тот самый парабеллум конопатого фрица, сапоги танкиста и винтовка. Помню, таскал свой первый трофей за голенищем, подсмотрел, как носили пистолеты стрелянные вояки вермахта, только я всё время боялся его потерять. В сентябре сорок третьего Смоленск был освобождён, и партизанские соединения вливались в ряды регулярной армии. После проверок меня откомандировали в армию генерала Черняховского, который впоследствии командовал Третьим Белорусским фронтом, освобождал Белоруссию, Прибалтику и погиб в Восточной Пруссии.

В сорок четвёртом году меня вызвали в особый отдел. Дальнейшую службу в звании гвардии старшего сержанта я проходил на территории Белоруссии — в Бобруйске и Барановичах.

Чуть позже я стал преподавать в школе сержантов, а парабеллум всегда был при мне, я не мог с ним расстаться.

После окончания войны я приехал на побывку к родным. Жить негде, есть нечего, карточки ещё не отменили, только водка дешевела. Школу я не закончил, хотя мы, фронтовики, имели право на бесплатное обучение. Я решил остаться на сверхсрочную службу, подумал, что так будет легче для всех. В послевоенное время в армии, да и не только в ней, убивали по привычке из-за пьяных споров и никчёмных обид. Народ, ослеплённый войной, сжился с жестокостью. Оружия было столько, что никто не знал, что с ним делать. Люди озверели за четыре дьявольских года, а я всё хранил парабеллум. Как-то на летней танцевальной площадке клуба офицеров майор-фронтовик убил новоиспечённого лейтенанта из-за девушки выстрелом в упор из трофейного вальтера. Пришли, проверили табельное оружие майора, освобождавшего Прагу, а запаха пороха нет. Только позднее кто-то донёс о трофейном пистолете. Майора-орденоносца осудили. А после разоблачения культа личности и амнистии что творилось?.. У нас в Подмосковье в бараке проживал матёрый ширмач-голубятник. Как-то на Первомай фабричный комсорг пробрался в его голубятню и топором порубал головы птицам, а топор оставил. Кошелёшник вернулся домой, зашёл в голубятню, взял топор, нашёл голубиного палача и отрубил голову победителю Квантунской армии.

Горькое откровение деда не умещалось в сознании. Фронтовики были для меня людьми истины. Как они могли? Офицеры — друг друга, фронтовик — голубей топором, зачем?

Позорная дикость. Как? Как они жили?

— Дедуль, а как ты служил после войны? — осторожно поинтересовался я.

Он опустил голову. Весна была в разгаре. День стоял солнечный, и запах черёмухи распространялся по городу. Во дворе располагалась ТЭЦ, на которой ранее работал дед, сначала он был секретарём комсомольской, а потом партийной организаций.

— Меня будили часа в два, или три, или ближе к утру. Приезжали три или четыре офицера МГБ, и мы ехали на задание. Так случалось часто. И я уже привык к ночным поручениям.

Я с нескрываемым интересом и уважением посмотрел на нагрудный знак «Отличный разведчик». Он продолжил:

— Старший группы был не ниже майора, все вооружены автоматами. Всё время в дороге, я молчал. Ехали в неизвестном направлении. После войны на территории Белоруссии, Украины, Литвы оставалось множество военизированных группировок. Их уничтожали до середины пятидесятых. Если поступала оперативная информация о том, что некто из бандеровцев, власовцев, бывших полицейских или дезертиров тайно посещает какой-либо населённый объект, то информация своевременно проверялась. Во время таких проверок я входил первый в жилище, находящееся под подозрением. Как правило, я заходил без оружия, в руке у меня был только фонарь, а за спиной — младший группы, чином не ниже лейтенанта, с автоматом. И никто не подозревал, что в кармане галифе у меня была тайная защита. Я всегда отдавал себе отчёт, что и в этом случае шансов мало, поэтому подходил вплотную во время обыска к месту, где, возможно, притаился враг, и резко включал фонарик. Яркий свет мог спровоцировать выстрел в упор.

— А ваша группа? Они же были лучше вооружены? Почему они были сзади?! — рассыпал я свои вопросы.

Я поймал суровый взгляд деда. Его тёплые голубые глаза показались мне серыми, омертвелыми, я впервые увидел нечеловеческий оскал. Дед выдавил из себя:

— Так было надо.

Эти вопросы осели у меня в голове, спрятались в моём сердце. Больше я никогда не спрашивал его о том времени.

Прошли годы. Он болел, я ухаживал за ним. Перед смертью, в больнице, он сжал мою руку и пробормотал: «Что они с нами делали, Саша! Когда они приезжали, я бежал босиком по снегу в сарай и прятался там, спустя время за мной приходила Дуся, я помню, как синели

мои руки и леденело тело, как от холода я не чувствовал слёз».

Я прощался с ним так, как прощался с трёхлетнего возраста: крепко сжимая могучую руку и нашёптывая симоновские строки: «Ничто нас в жизни не сможет вышибить из седла...»

Через год я оказался на Смоленской земле. Моих родственников тянуло на землю пращуров, как и меня. Ехали на двух машинах. Везли ограду для могилы мужа Евдокии Орловой, старшей сестры моего деда. В сорок втором Василий Серков, муж Евдокии, ночью пришёл за продуктами в село Новоспасское, его выдали немецкие прихвостни. На следующий день гитлеровцы прилюдно повесили партизана. Евдокия была характера упёртого, так мне рассказывал дед. Как только фашисты ушли, она собрала солдатских и партизанских жён и устроила кровавое судилище не только над немецкими приспешниками, но и над их домочадцами. Изгоревавшиеся русские женщины, истощённые сталинским раскулачиванием, затравленные гитлеровской оккупацией, забивали до смерти фашистских холуёв, некоторые из которых ранее состояли в комбедах, сельсоветах, промышляли самогоноварением, стряпали доносы. К закату солнца растрёпанная и окровавленная Евдокия вернула в дом своих быка и корову с телятами, которых отобрали в возрасте молодняка.

Ехали мы быстро, помню, как величественно под Дорогобужем мои дядья привели меня на земляную насыпь и торжественно показали Днепр. Не забыть мне Ельню, усадьбу Глинки и Болдинский монастырь, красующийся в лилейном отчуждении от всего человечества.

Мы приехали в Епифань. На второй день я ушёл из нашего палаточного лагеря. Меня сильно влекло в хмурый Епифановский лес. Казалось, он хранит столетние тайны в неприкосновенных чащобах. Эта вековая непроходимая ширь помнит незваных пришельцев: ордынцев и литовцев, поляков и французов, немцев. Эта вечнозелёная и колючая безлюдность укрывала кривичей, половчан и моего деда. Здесь нашли пристанище и рыжий пехотинец, и танкист-эсэсовец. Гуляя по опушке, я думал, что этой еловой дремучести нет измерения. И нет никакой возможности овладеть заветной глушью.

Грёзы мои рассеялись, я долго плутал и, к счастью, вернулся в наш стан. Закончилась водка, а полбатона хлеба едва хватило на ужин. Утром мы отправились в ближайшее село. Проехали через вымершие деревни, которые были однофамильцами моих родственников. Остались позади Лапино и Серково.

На обратной дороге остановились около одинокого перекошенного дома. Вышел хозяин. Мы стали расспрашивать его о прежних жителях. Старик неизвестного возраста в истрёпанном военном пиджаке образца восьмидесятых, кирзовых сапогах, в рваной меховой шапке с одним ухом, земляным цветом лица, голубоглазый был неразговорчив. Когда он услышал нашу общую с дядей фамилию, резко с неохотой обронил:

— Знаю я только одного Сашку Орлова, с которым партизанил, а более и знать мне нечего.

Дядя посмотрел на старика, указал на меня и сказал:

— Этот последний из рода Орловых.

Старик ушёл, потом вывел к нам свою мать. Мне сложно сказать, сколько лет было этой необычайно высохшей, маленькой и слепой старушке. Она пощупала мою руку и умилённо прошептала:

— Стало быть, барин вернулся, вот значит как, теперь и помирать можно.

Неожиданно для самого себя я спросил:

— А Жуковы живы? Где их дом?

Старик оцепенел и с прищуром процедил:

— Много тебе, барчук, видать, дед поведал.

— Да так, только самую малость.

— Значит, и тебя кумачовый срящ не отпускает? Вроде и не был там, а всё как перед глазами, да, барин? — хлёстко вырвалось у старика.

— Бывает, — нехотя бросил я.

— Не страшно?

— По-разному.

— Ну, коли истину ищешь, значит, вера, надежда и любовь в тебе живы. От этого и сердце ломит. Главное, в руки Спасителя вериться, он направит и сбережёт, — отрешённо протянул старый смолянин.

Он закурил сигарету и начал деловито излагать:

— Было это спустя год после смерти барина, тот солнечный день выпал на летнюю макушку. В горячую пыль тридцать вёрст мчались тарантасы, повозки, телеги, а во главе на тройке ехали братья Жуковы. Вся сельсоветская ватага утопала в кумачовых знамёнах и алых лентах. Раздавался разудалый звон бубенцов и песни под гармошку, так к барскому дому явился жених Жуков-старший в сопровождении братьев и сватов. На крыльцо дома вышло всё ваше стержневое семейство: барыня Анна Ивановна и восемь человек детей. Твоему деду тогда было лет пять, его под руку вывел старший брат. Сватовство было кратким. Жуковы жёсткий отказ при всём сбежавшемся народе простить не смогли.

Уезжая, жених прокричал: «Скоро мы вас всех!.. Слышите, Орловы, всех! Всех изведём!» А слово своё Жуковы держать умели, так-то, барин. Чего ещё тебе дед сказывал? — замысловато поинтересовался старик.

— Про Жуковых всё. Когда дед демобилизовался, жажда отмщения его не покидала. Где-то на опушке Епифановского леса он закопал парабеллум, — я замолчал.

— Кладенец ищешь, барин, — сердито ухмыльнулся старик, — оттого и спишь плохо, срящ кумачовый не отпускает. Деда не отпускал, а теперь вот и тебя. Памятозлобие — это печать Антихриста, так старец оптинский Амвросий завещал. Смирись! Жуковых и всё их семя злодейское война наказала, нет их больше, и род их паскудный исчез навеки, — крадучись, заглядывая мне в глаза, наставлял друг деда.

Мы засобирались.

Земляк моего деда заворожённо смотрел на полёт хищника, а потом вдохновенно произнёс:

— Беркут! Высоко парит, там теплее. Добычу выискивает: коростель или тетерева, а может, лисицу или косулю, да и на волка налететь может. Добрая примета! Орёл — царь птиц — завсегда к воскресению жизненному прилетает. Апостола Иоанна Богослова знак.

Старый партизан хмуро обронил:

— Друг мой, Сашка, седой был. Не помню я, когда он поседел. Мне кажется, он такой всегда был, сколько его помню. Может, когда чекисты к вам в дом повадились, может, когда его немцы на расстрел вели, не помню. Дед, правда, был весь седой, сколько помнили его все.

Мы сели в машину. Старик пробормотал напоследок:

— За прадеда твоего всю жизнь Бога молим. Ещё огольцом мне довелось видеть, как барин выходил в поле, и молитвенное слово его разносил ветер. Барскими молитвами люди и скотина исцеления получали. В те года, когда не только хлеб, а лапти и грибы у нас отбирали, мы барским лесом и садом жили. Епифань для меня с рождения — спасительное место. Когда дубы у вашего дома были полны желудями, к Павлу Епифановичу пришли православные и христопродавцы, спор у них вышел из-за урожая. Барин по совести рассудил, евреи местечковые правы оказались. Разве Советская власть такое стерпеть могла? Сколько лет после революции минуло, а народ всё к барину за правдой ходит. Так барина нашего, прадеда твоего, в Рославль и свезли, там и кончили, в газете писали, сам расстрельные списки видел. Немало собралось на

смоленской Голгофе невинного люда. Ну бывайте, отчизнолюбы! С Богом!

Мы вернулись в Москву. На квартире деда я помогал тёте разбирать старые вещи. Залез на антресоль. В ближнем правом углу я нашёл знакомый мне с детства вещевой мешок деда. Он был выцветший, весь в заплатах, тонкий на ощупь, покойная бабушка хранила в нём лохмотья. Я схватил мешок, спрыгнул с лестницы. Мешок показался тяжеловатым. Я открыл его. Парабеллум! Люгер рыжего Фрица, или Ганса, или Хорста. Счастливый трофей моего деда. Теперь он мой!

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Парабеллум — пистолет Люгера (Люгер, Парабеллум нем. P08, Parabellum, Borchardt-Luger) — разработан в 1900 году австрийцем Георгом Люгером на основе конструкции пистолета Хуго Борхардта, состоял на вооружении Вермахта во время Второй мировой войны.

2. Орлов Павел Епифанович, родился в 1880 г., Смоленская обл., дер. Паньково; русский; б/п; д. Дуброво Екимовичского р-на Западной обл., крестьянин-единоличник. Арестован 24 сентября 1937 г. Екимовичским РО УНКВД. Приговорён: тройка УНКВД Западной обл. 29 сентября 1937 г., обв.: 588, 10, 11. Приговор: расстрел. Расстрелян 2 октября 1937 г. Реабилитирован 19 апреля 1989 г. Прокуратура Смоленской области (источник: «Книга памяти Смоленской области»).

Александр ЕВСЮКОВ

БОЛЬ ПРАВДЫ

О книге А. Орлова «Кравотынь»

Недавно опубликованный сборник рассказов «Кравотынь» уже принадлежит к разряду книг, которые нельзя «пропускать» человеку, стремящемуся лучше разобраться в истории и ощутить, что русская литература, не только жива, но по-прежнему глубока и обжигающе правдива.

Сколько раз на памяти каждого из нас менялись оценки различных периодов российской истории XX века? Сколько раз каждая новая «правда» вынуждала свергать вчерашних кумиров и презирать самих себя за доверчивость?

«Мы ненавидели Ленина за революцию, Сталина за репрессии, Хрущёва за оттепель и продажных шестидесятников, Брежнева за застой, Горбачёва за перестройку, но больше всех, сильнее, чем самих себя, мы ненавидели Ельцина за развал СССР. Он был последним, кто уничтожил смысл нашего существования...» — это признание из книги Александра Орлова «Кравотынь», из её заключительной публицистической главы, задевает, бередит душу каждого честного человека, думающего по-русски, и, оказавшегося вдруг не гражданином мощной страны, а обитателем одного из её обломков.

Но возможно ли преодолеть эти преграды ненависти? Да, возможно, через признание всей правды: трагичной и героической. Через поиск и воссоздание подлинных фактов жизни, от очевидных до самых потаённых.

Именно такому поиску и такому воссозданию посвящена книга А.В. Орлова «Кравотынь».

Александр Орлов больше известен читающей публике, как поэт. Он — выпускник поэтического семинара Литинститута, автор трёх стихотворных сборников. Однако в 2011—14 годах он становился лауреатом нескольких значимых литературных конкурсов именно как прозаик и публицист. И мне представляется, что это не случайно.

Рассказы Орлова, составившие книгу, не только перекликаются, но нередко и «расшифровывают» образы из его стихов. К примеру, Томка (героиня одноимённого стихотворения из сборника «Время вербы») является также рассказчицей Тамарой Фёдоровной в «Юродивых днях», «Свинцовых косах» и в «Плодоносном большаке».

Читать прозу А. Орлова — занятие трудоёмкое, не располагающее к стремительности восприятия сразу многих осознанно сведённых на малом текстовом пространстве пластов исторической памяти.

Однако острое ощущение духа времени позволяет всего несколькими штрихами «вписать» героев в эпоху, укоренить их в ней.

Точные детали ушедшего быта говорят о вдумчивости и наблюдательности автора:

«— А мыла... мыла-то вообще не было, был каустик, вот им и стирали. Он едкий, правда, но в воду положишь — и ничего. А вшей сколько! Вши были повсюду» («Юродивые дни»), «Многому я в то время научилась: выкапывала обломки бомб, выгребала стекольные осколки, строгала и пилила тёс, ямки вручную копала, а в июльскую сушь за водой на Волгу ходила. Ведра три завсегда притаскивала, вот грыжа у меня и образовалась» («Плодоносный большак»), «...мы всем городом взвыли, когда из икон кормушки для скота мастерили, а сколько ликов святых на собачьи будки пошло! Прости, Господи! Помню запах тех костров, странный он был, ладан напоминал, а дымовая завеса возносилась в небо и пахла смирной» («Свинцовые косы»).

Во времена разгула «воинствующего безбожия» вера является для героинь и героев Орлова высшей и самой сокровенной стороной жизни, главной внутренней опорой, позволяющей выстоять в самых жутких испытаниях. «Как я тогда плакала, причитала, как безголовая, Богородицу на помощь звала, милиционер рядом стоял метрах в трёх, и опять дядя Вася рядом оказался, взял меня за руку и увёл. Знать до самой Богородицы докричалась» («Юродивые дни»).

Рассказ «Чужак» повествует о загадочном «дедушке» автора и в то же время является данью памяти Варламу Шаламову — одному из крупнейших и бесстрашнейших художников слова во всей русской литературе; писателю, чей лагерный опыт, ставший художественным материалом, надолго заслонил от подавляющего большинства читателей значение и мастерство его творчества.

«Блаженная пигалица» — короткая (всего на пять страничек), но пробивающая читателя насквозь история. Уродливая карлица-горбунья Таня — вполне объяснимо ставшая объектом насмешек и передразниваний дворовых мальчишек родилась в мае победного 1945-го сразу после неожиданного и подлого обстрела. Одна из последних жертв войны, она с самого рождения оказалась обречена на покалеченную жизнь.

«Первые осенины» напоминают о разговоре, услышанном в детстве. Сосед по даче — дядя Миша, весёлый собеседник и щедрый садовод, воевал и служил

в Германии в первые послевоенные годы. И яблоки разных сортов для него не только райские плоды, но и напоминание о жутком происшествии, случившемся уже в «мирное время», и о беспощадных, неотвратимых последствиях этого происшествия: «В ту карамазую ночь в пригороде небольшого немецкого города не осталось ни одного дома, ни одного живого человека, мы до утра утюжили аккуратные домики и гостеприимных жителей. Обрушился мощный ливень, и весь посёлок под тяжестью танков постепенно утопал в слякоти».

Нить через каждую историю протянута ко времени Великой Отечественной войны; и даже такой блестящий экскурс в наполеоновскую эпоху, как «Бородинское крещенье», напомнит нам не только о событиях 1812-го, но также и об эпизодах 1941—1945 гг.

Внимание рассказчика чаще всего приковано к людям, которые из невзрачных или покалеченных стариков внезапно вырастают в настоящих героев: «Человеческое тепло, исходившее от него, словно распространялось по комнате. Я сидел напротив, не издавая ни звука, мне было страшно сделать любое движение, я словно прирос к табурету» («Коренной перелом»).

Рассказы-главы плотно пригнаны один к другому не только на тематическом, но и на ассоциативном уровне. Это уже не сборник рассказов в привычном понимании, это связная и цельная история. Повесть памяти.

Два рассказа или, точнее, две главы повести представляются менее удачными, чем их «соседи» по книге.

«Бересклет» (озаглавленный по названию тёмно-пурпурной ягоды бруслины) — история, основная часть которой стилизована под письмо фронтовика. В «письме», выстроенном по законам художественной прозы, рассказано, как разведчики берут «языка», как пытаются его допросить, но вместо полезных сведений тот упорно, до самой своей гибели, зачитывает им строфы из баллады Гёте «Лесной царь». В страшную неотвратимую реальность здесь вклинивается некая литературная игра, в которой автору не удаётся выиграть.

«Прусское древо» — по сути, не рассказ, а интервью в обрамлении неожиданного вопроса племянницы в начале и финальных размышлений автора. Несмотря на то, что информация об аристократических предках раскрывается в форме частного телефонного разговора, само изложение выглядит чрезмерно официальным. Обилие исторического материала мешает проявиться возможному конкретному сюжету. От множества фамилий российских подданных немецкого происхождения начинает рябить в глазах; когда

же упоминается имя Николая Адольфовича Эриксона и оказывается, что именно он командовал крейсером «Аврора» в октябре 1917 года, разговор вдруг обрывается фразой: «но это уже тема моих новых поисков».

Кстати, следующая после «Прусского древа» глава, названная «Промысел», также посвящена генеалогическим поискам, но внезапно обнаруженное судьбоносное пересечение в жизни двух незабытых предков выводит зарисовку для «живого журнала» на уровень подлинно художественного явления.

Прочитанная «Кравотынь» порождает недоумение — книга совсем тонкая, всего-то сотня с небольшим страниц. Но сколько судеб удалось «вскрыть» автору, сколько потрясающих подробностей уместилось под этой обложкой песочного цвета с багровой полосой! Именно такое завораживающее впечатление вероятно и подтолкнуло признаться писателя и преподавателя Литинститута Александра Петровича Торопцева: «это сама жизнь, судьбы людей, о существовании которых в Советском Союзе я, например, даже не догадывался. И знаешь, Саша, хочется продолжения».

Продолжения, действительно, хочется. Но, оказывается, писать всерьёз, глубоко погружаясь в переломную эпоху войны и восстановления нашему современнику выматывающе сложно. «Да, есть пара историй, только сил нет на них. Я, когда писал «Кравотынь», всё время вспоминал Астафьева, Богомолова, Бондарева: сколько же внутри у них существовало того, что нам они открыть так и не смогли, а как жить с этим?» («Петрович»)

Это больно — говорить и слышать правду. Но выжить и жить дальше возможно только с ней. Главное, вместо вечного страха перед «непредсказуемым» прошлым нужно мужество, чтобы всмотреться в это прошлое заново и, отбросив бравурные и покаянные лозунги, сделать первый шаг от ненависти к любви и миру.

Надежда ЧВАНОВА

ТРАВЫ ДЕТСТВА

Надежда Николаевна Чванова родилась в Сызрани. Медработник по профессии, автор четырёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Наш современник» (Москва), «Невечерний свет / infiniti» (Санкт-Петербург), «Берега» (Калининград), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза); в альманахах «День поэзии – XXI век» (Москва), «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород), «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Стрежень» (Тольятти). Дипломант Международного творческого конкурса «Рождественская звезда 2012», финалист Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далёкая звезда...», посвящённого 200-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова. Живёт в Сызрани.

СКАЗ О ВОЛГЕ

О Волге сколь ни сказывай,
Не завершится сказ.
Она такая разная,
Чудесная у нас.

Заворожит просторами
Воды, текущей вдаль,
И за семью затворами
Останется печаль.

Порой взбунтует волнами -
И буря на душе.
Но речку уговорами
Не усмирить уже.

В часы такие вспомнятся,
Наверно, ей века,
Когда гуляла вольница
Шального Ермака;

Да баржи многотонные
Тянули бурлаки
И оглашали стонами
Окрестности реки.

И всё-то Волга видела,
И всё перенесла,
И, как ни удивительно,
Все тайны сберегла...

И, утопивши горести
Былые в глубине,
Нам тихо шепчет повести
О дивной старине.

ОСЕННЕЕ

Зачерпну из реки горсть
прохладной воды
И светло изумлюсь:
Как прозрачна она!.. Но
осенней звезды
В ней покоится грусть.

В ней покоится грусть
многоликих веков,
Что представились мне
Стаей плавно плывущих
больших облаков
По речной тишине.

Жёлтый лист зачарованной
птицей летит
И спускается к ним.
Он вселенскую грусть вековую
простит,
Сам печалью гоним.

Как прощаю и я, всё на свете
приняв
В нескончаемых днях
(До меня, для меня, а потом
без меня),
В их осенних мирах.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Больное почти отболело...
Частичка осталась во мне
Вороной нелепою белой
На выжженной зноем стерне.

И криками эта ворона
Пытается тщетно спугнуть
Всё то, что течёт монотонно,
Тесня равнодушием грудь.

А то, что мечтой ещё дышит,
Держа на плаву и меня,
И тянет всё выше и выше
К лучам уходящего дня…

* * *

Дорогие сердцу январи!
Заметает снег туда дорогу.
Что ты мне, печаль, ни говори,
В них, далёких, счастья было
много.

Настоящий, терпкий был мороз,
Круг затей, восторгом
обозначен.
А в сугробы, что стояли в рост,
Только падать, падать —
не иначе.

И глядеть с мечтою на звезду
На холодном, ясном небосводе...
Может, и сейчас её найду,
Подчинившись чувственной
свободе,

Мысленно постигнув январи,
Где её, родимой, было много?
Заклинанье, снег, проговори,
Чтоб найти заветную дорогу.

СТАРИКИ

Ещё зима. Заснежено селенье.
Причал замёрзший дремлет у
реки.
Но ждут весну с надеждой и
терпеньем,
Родимых мест не бросив,
старики.

Разъехались по белу свету дети:
Мир перед ними широко
открыт.
И кто теперь отца и мать
приветит,
Кто их своим вниманьем
ободрит?..

Но грянет ледоход на тихой
речке,
Расколет небо первая гроза —
И старики присядут на
крылечке,
Устало щуря добрые глаза.

И взоры устремят они к
причалу,
Стряхнувшему тягучесть зимних
дней,
До мелочей припомнив, как
встречал он
Тех, кто милее всех им и
родней.

Ах, только бы и в этот раз
дождаться! —
Мольба и неподдельна и ясна.
Горюют старики: ведь может
статься,
Что это их последняя весна.

В МАРТОВСКУЮ МЕТЕЛЬ

Средь мартовской лучистой
сини
Порой мелькнёт неяркий день,
Когда вдруг небо опрокинет
На снег подтаявший метель.

Она совсем уже не злая,
И можно сквозь снежинок рой,
От них шутливо убегая,
Увидеть облик молодой.

Быть может, лишь
воображенье?
Но явно запах уловим
Той, чьё чудесное вторженье
Мы всей душой боготворим.

И тем острее ощутимы
За этой снежной кутерьмой
Зимы уход неотвратимый
И встреча скорая с весной.

* * *

Опять весна! — Поверишь ли? —
Весна
К нам, вопреки всему, спешит
навстречу!
И радость встречи в каждом
распознав,
Ничуть такому чувству не
перечит.

Его она усилить норовит,
Пленяя молодым своим
дыханьем.
И ни при чём тут чей-то
мрачный вид,
Не в счёт и жизни
разочарованья.

Всё сызнова, всё сызнова
начать,
В круговорот весенний
окунуться,
Снять с молчаливых губ тоски
печать,
Произнести: « О мир!»... И в
нём проснуться.

ВСХОДЫ

Вот оно — непаханое поле,
Где простор извечный для души.
Вырваться стремительно на волю
Вновь строка упрямая спешит,

Чтобы вспашку и посев осилив,
Предвкушать достойный
урожай.
...Так бы и по всей родной
России,
Каждым уголочком дорожа,

Вздыбить всё отжившее, худое
Плугом на распластанной земле
И отбросить. Семя дорогое
Отыскать, как бриллиант в золе,

В землю посадить. И всходов
славных
Ожидать, предчувствуя душой,
Что от них, как от стихов
желанных,
Станет и светло, и хорошо.

СТАРЫЙ КЛЁН

Над клёном носятся стрижи.
Не видит их. Какая жалость!
Он, старый клён, своё отжил,
Хоть жизнь повсюду
продолжалась.

Вновь землю радует весна
Листвы зелёной половодьем.
Но клён не пробудить от сна
И торжествующей природе.

Заметней на ветвях сухих
Пожухших листьев онемелость.
Внести печальные штрихи
В мир пробуждённый вряд ли
смелость

Нашлась бы у кого из нас.
...Застыла я перед картиной,
Не в силах совместить сейчас
То, что в природе совместимо.

ТРАВЫ ДЕТСТВА

Ах, травы времечка
счастливого!
Настой вдыхаю ваш густой.
Обжечься сочною крапивою
Готова я ногой босой.

А лебеду — меня с головушкой
Она тогда укрыть могла —
Легко представить мне
лебёдушкой
Со взмахом светлого крыла.

С годами травы пуще прежнего
Напоминают детства даль.
В их милой сердцу
безмятежности
Живёт и радость, и печаль.

ЗНАМЕНИЕ

Свинцовые тучи, гонимые
ветром,
По небу текли и текли
Так низко, что не оставалось
просвета
Меж ними и кромкой земли.

И вдруг, разорвав, словно
тяжкие путы,
Сплошное полотнище туч,
Открылся на краткие чудо-
минуты
Диск солнца, суров и могуч.

И плавиться начал, как в
огненном горне,
Светила коснувшийся мрак.
Огромные тучи оплыли
покорно,
Разжали свинцовый кулак.

И мне показалось всё это
знаменьем
Восхода добра над землёй,
Которой Господь даровал
озаренье,
Отвергнув сей наволок злой.

Татьяна ЖАРИКОВА

«ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?»

Татьяна Васильевна Алёшкина (Жарикова) родилась в д. Масловка Тамбовской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала главным редактором в издательствах «Глагол» и «Голос». Ныне генеральный директор ООО «Наша молодёжь», заместитель главного редактора журнала «Наша молодёжь», телеканала «ОРТ Молодёжный». Писатель, публицист, член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. Л. Толстого и диплома «Золотое перо Московии». Заслуженный работник культуры. Живёт в Москве.

Скандал, возникший после выступления руководителя театра «Сатирикон» Константина Райкина и ответа ему лидера байкеров «Ночные волки» знаменитого Хирурга, вызвал у меня в памяти множество разных картин, связанных с театром.

Вспомнилось, как в фильме «Старшая сестра» Татьяна Доронина великолепно читала отрывок из статьи В.Г. Белинского. Привожу кусочек из этого монолога:

«Любите ли вы театр? Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений!.. Вы здесь живёте не своею жизнью, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своим блаженством, трепещете не за свою опасность; здесь ваше холодное я исчезает в пламенном эфире любви… Если когда-нибудь ваша душа жаждала любви и упоения, в театре это жажда

вспыхнет в вас с новой неукротимой силой. Если когда-нибудь в ваших мечтах мелькал пленительный образ, забытый теперь вами, забытый как мечта несбыточная, в театре этот образ явится вновь, и вы увидите его глаза, устремлённые на вас с тоской и любовью! Ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нём, если можете!»

Любим мы театр, Виссарион Григорьевич, любим! Всегда собираемся в театр, как на праздник. Одеваемся во всё лучшее, готовимся к встрече с храмом искусства, очищаемся заранее и духовно, и телесно, предвкушая, как «жажда любви и упоения вспыхнет в нас с новой неукротимой силой».

Приходим на спектакль «Горе от ума», ожидая встречи со знакомыми со школы чудесными образами, созданными великим Грибоедовым. Но что это? Лиза на сцене вдруг задорно и похабно запевает современные матерные частушки. О, Боже! Где мы находимся? В истинном храме искусства?

Спешно покидаем этот хлам, торопимся на спектакль «Анна Каренина». И что же мы видим? Видим, как Анна Каренина писает прямо на сцене! Куда мы попали? Разве это храм? Надо в Большой театр! Только в Большой! Он и с виду настоящий храм. Весь мир его знает. Гордость СССР! Там Пушкин сейчас идёт. С детства любимые «Руслан и Людмила». Но что происходит? Почему совершенно голый Руслан гоняется по сцене за голой Людмилой? Что со мной? Не схожу ли я с ума? Не галлюцинации ли у меня? Нет, к сожалению, нет. Это голая правда на сцене!

Виссарион Григорьевич, вы любите такой театр? Разве может «здесь наше холодное я исчезнуть в пламенном эфире любви»? Разве не права зрительница, сказав: «Для того, чтобы увидеть гениталии, не обязательно идти в театр»? Разве не правы новосибирцы, которые прозвали свой Оперный театр, когда им руководил Мездрич, «театром оперы и борделя»?

Мы любим театр, нам хочется в храм, нам хочется, чтоб наша душа в этом храме отрывалась от земли, а нас опускают в бордель, в грязь. Не хочется больше в этот театр, чтобы слышать смешки в зале в ответ на мат со сцены.

Виссарион Григорьевич, если бы вы посмотрели спектакль «Князь» по роману Достоевского «Идиот» в театре «Ленком», наслушались со сцены мата, ни слова которого нет в великом романе, то уверена, вы согласились бы с театральным критиком Александром Минкиным, написавшим такие слова: «Мат разный бывает. Матерные слова вырываются сами в момент внезапной боли, внезапного испуга, внезапной аварии — это реакция спонтанная. Человек орёт матом, но без намерения кого-то оскорбить.

А вот когда матерные выражения прямо в лицо человеку говорит ублюдок, желая оскорбить, желая нагадить в душу, и делает это при женщинах и детях, он получает удовольствие. Такие попадались нам и на улице, и в маршрутке, и на детской площадке, куда нередко всякая шваль приходит вечером пить, вопить похабщину и совокупляться. У них такой образ жизни. В ответ на замечания они изумляются: «А чё такого?» — искренне не понимают.

На уличную похабщину люди натыкаются случайно и бесплатно, а в театре — платят.

Похабщина на сцене «Ленкома» — тупая, бездарная, холодная, выученная и отрепетированная — это не смешно, а грязно. И артисты это понимают.

Но когда похабщина звучит со сцены, а рядом с вами ваша дочь, ваша девушка, ваш отец — стыд заставляет зрителей опускать глаза.

...Если нет таланта, проще всего привлечь внимание похабщиной. Путь вниз бесконечен».

Написав это, критик предлагает нам, зрителям: «Не ходить, не покупать билеты. Вы же не платите тем, кто блюёт и мочится у вас в подъезде, пусть даже у вас на подъезде нет мемориальной таблички «имени Чехова» или «имени Ленинского комсомола».

Видите, Виссарион Григорьевич, театральный критик предлагает нам не ходить в театр, который из «истинного храма искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений», превратился в истинный бордель, в который окунули даже Сына Господа Бога нашего Иисуса Христа, в котором мы не только не отделяемся от земли, но окунаемся в самую вонючую грязь.

Константин Райкин, обеспокоенный тем, что всё больше зрителей не хотят валяться в грязи в борделе, в который превратили театр глумливые режиссёры, снова захотели в «истинный храм искусства», сказал с трибуны театральным деятелям: «Меня очень тревожат — я думаю, как и вас всех — те явления, которые происходят в нашей жизни. Эти, так сказать, наезды на искусство, на театр, в частности. Эти совершенно беззаконные, экстремистские, наглые, агрессивные, прикрывающиеся словами о нравственности, о морали, и вообще всяческими, так сказать, благими и высокими словами: «патриотизм», «Родина» и «высокая нравственность». Вот эти группки оскорблённых якобы людей, которые закрывают спектакли, закрывают выставки, нагло очень себя ведут, к которым как-то очень странно власть нейтральна — дистанцируется. Мне кажется, что это безобразные посягательства на свободу творчества... Мне кажется, сейчас, в очень трудные времена, очень опасные, очень страшные, очень это похоже... Не буду говорить, на что. Но сами понимаете. Нам нужно вместе очень соединиться и очень внятно давать отпор этому».

Вот так! Константина Райкина обеспокоила не бездарная похабщина на сцене, а то, что зрители стали возмущаться против мерзости и грязи. Именно то, что зрители снова захотели в храм и стали громко выражать недовольство мерзостью, творящейся на сцене, он назвал «беззаконным, экстремистским, наглым, агрессивным». Естественно, эта защита похабщины и разврата на сцене возмутила многих, мнение которых выразил Александр Залдостанов в одном из своих интервью.

«Дьявол всегда соблазняет свободой! — заявил Залдостанов. — А под видом свободы эти райкины хотят превратить страну в сточную канаву, по которой текли бы нечистоты. Бездействовать мы не будем, и я сделаю всё, чтобы защитить нас от американской демократии. Несмотря на все репрессии, которые они распространяют по всему миру!» — сказал лидер «Ночных волков».

Он также сказал, что сегодня Россия является «единственной страной, где действительно есть свобода». «Райкины в Америке не существовали бы, а у нас существуют», — категорично резюмировал Хирург.

Конечно, клеветникам России не понравились слова Залдостанова, шум поднялся, но байкер выдержал, не стал извиняться за свои правдивые слова.

Виссарион Григорьевич, вы спросите у меня: «Неужели в наши дни театр полностью выродился? Неужели он перестал быть храмом? Неужели высокое искусство театра превратилось в России в сплошную матерную брань?» Нет, не печальтесь, есть ещё у нас истинные храмы искусства. Меня поддерживает в этом мнении знаменитый актёр Малого театра Николай Клюев, который сказал:

«Я помню, когда в Малом поставили «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, Госдума выкупила все билеты на один из спектаклей. «Неужели это было написано 150 лет тому назад?!» — этот вопрос читался тогда на лицах зрителей-думцев. Классика-то именно тем хороша, что она актуальна всегда. Потому что и любовь, и ненависть, и предательство — это всё будет волновать человека во все века. Потому что это суть человеческой природы. Вот этим и надо заниматься в театре — погружением в суть! Театр должен быть духовный. Если театр не духовный — значит, это развлечение, а не искусство… И неправда, что классика молодому поколению неинтересна! К 200-летию Лермонтова Малый театр поставил «Маскарад». Молодёжь была потрясена: «Слушайте, а мы и не знали, что классика может быть такой! Мы раньше ходили в другие театры, там музыка, дым, орут, мат… Оказывается, можно ставить и по-другому, и это здорово, современно!» Слава Богу, что у нас в Малом звучит великое русское слово».

Андрей РУМЯНЦЕВ

ЧЕМ БЛИЗКА ЧУЖАЯ КНИГА?

К 80-летию со дня рождения В.Г. Распутина

Андрей Григорьевич Румянцев родился в селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский государственный университет. Работал в газете «Молодёжь Бурятии», заместителем председателя комитета по телевидению и радиовещанию Бурятии. Народный поэт Бурятии, прозаик, литературный критик, переводчик, действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат нескольких литературных премий. Заслуженный работник культуры. Живёт в Москве.

Валентин Григорьевич всегда с дружеским участием и вниманием интересовался тем, что пишут или писали до ухода из жизни его земляки — литераторы опытные, пользующиеся известностью. Как и ровесники, надеющиеся на признание. И откликался на просьбы издательств, журналов, газет написать о книгах или рукописях отзыв, предисловие, рецензию. Пожалуй, редко кто из литераторов-иркутян напечатал в первое десятилетие своей творческой работы столько откликов на произведения сибирских писателей.

В 1967 году Распутин напечатал очерк о прозаике Петре Петрове, имя которого упоминалось выше. Автора романов «Борель», «Шайтан-поле» и «Золото» не зря ставили рядом с В.Шишковым. Как и создатель эпопеи «Угрюм-река», он открыл для читателя подлинную Сибирь — не мрачный тюремный край и не кладовую дармовых богатств, а

суровую землю, обжитую людьми особого закала, невиданного упорства, необыкновенных судеб. Распутина привлекли в творчестве Петрова резкие и точные краски, которыми он рисует характеры своих героев.

Творчески очень близким Распутину оказался и писатель-фронтовик Алексей Зверев. Его повести «Раны», «Гарусный платок» и «Выздоровление», которым Валентин посвятил обстоятельную статью, опубликованную вначале в областной газете, а затем в качестве предисловия в московской книге Зверева, открывали тот русский характер, который виден, как на ладони, в гибельных испытаниях. По признанию Распутина, повести стали для него примером художественной правды, которая всегда поучительна и нравственна.

Тут не хочешь да выпишешь утверждение автора, ещё молодого, но уже заглянувшего в глубины искусства, равного жизни по трагизму и сложности:

«Когда есть правда — не надо других, надстроенных, выдуманных, вымученных зачастую проблем, она есть главная и единственная проблема, и столько из неё вырастает всего, успевай лишь убирать да осмысливать этот урожай. Но и писать правду не просто, она требует не только решимости и не только таланта, но вместе с ними и правильной, не склонной к конъюнктурным соблазнам, духовной ориентации. Всем этим писатель Алексей Зверев, мне кажется, наделён щедро и распоряжается точно».

Но это были книги мастеров, которые обладали иным житейским и творческим опытом, чем молодые прозаики. А чем могли «зацепить» душу сочинения ровесников? Конечно, главным для автора повестей «Деньги для Марии» и «Последний срок» — тем, как литературные новобранцы усвоили уроки русской классики и в то же время проявили свою самобытность.

Распутин написал предисловия к журнальным и газетным публикациям, к книгам Геннадия Машкина, Валентины Сидоренко (к тому времени она была самой молодой из талантливых местных прозаиков), Анатолия Преловского, Геннадия Николаева, Евгения Суворова, далёких от Иркутска писателей Ивана Евсеенко, Виктора Шульжика, Валерия Золотухина. С особым вниманием следил он за творчеством своих близких друзей — Владимира Крупина, Станислава Куняева, Виктора Лихоносова. Уже сам список имён внушительный, а ведь здесь названы не все молодые литераторы, дружеское слово о которых сказал получивший известность сибиряк.

Кажется, что при чтении близкой ему книги Распутин тонким чутьём сразу угадывал в ней русское: подлинно русскую жизнь, русскую душу, русский язык. Можно сказать, что он чувствовал в авторе русский талант. И в любом предисловии, в любой

статье об известном ли, начинающем ли авторе говорил он о духовной стати, особой «выправке» этого таланта, а в итоге — о притягательной самобытности своего собрата. Он указывал читателю на почву, которая взрастила его. Это только «граждане мира» считают, что человеку неважно место его рождения и последующего обитания. Нет, душа писателя напитывается только соками своей родины, она обретает духовное зрение только здесь, на отчих дорогах, и сокровенное Слово его выговаривается только тут, где с детства вели с ним таинственные разговоры любимые травы, деревья, облака...

В предисловии к книге Ивана Евсеенко «Крик коростеля», говоря о заглавной повести, Распутин писал:

«Герой её, Николай, похоронив в деревне мать, берет с собой в город молоток, которым он заколачивал перед отъездом окна опустевшего родного дома. «Почему-то стало жалко оставлять его здесь в бездействии, в безработице, показалось, что ему будет горько лежать в темноте кладовки, постоянно вспоминая свою последнюю, такую тяжёлую и такую неблагодарную работу». Попробуйте представить, что такое могло быть написано где-то помимо России. Не получится. И это не выдумано, сказано не для красного словца и не ради каких-то ухищрений писательского ремесла — это замечено удивительно верно, оно есть во всех нас, в одном меньше, в других больше, но невольная вина и ответственность за всё, что находится в одном с нами жизненном кругу, существовали в нас издавна. И если в ком нет теперь подобной вины и ответственности — не вышел ли он в соблазнительно раскрытый расхожий мир, где не хотят знать своего родного дома и его обычаев?»

Особый вопрос для Распутина, говорящего о чужой книге: сколько своей души вложил в повествование автор, сочувствия и тепла, восторга и боли израсходовал, чтобы мы порадовались, возмутились, обрели силу? «Трудно найти сейчас другого такого писателя, который был бы в этом смысле так близок к читателю, как Владимир Крупин (в поэзии можно назвать Николая Рубцова)», — говорил Валентин в предисловии к книге своего друга «Дорога домой». А речь в этом сборнике — о нашей вине перед осиротевшей и обесславленной отчизной. В повести «Во всю Ивановскую», напомнил Распутин, один из героев рассказывает, как он ездил на место своей исчезнувшей деревеньки и раскладывал на местах домов полевые цветы. А ведь бывшие односельчане ставят даже памятники на пепелищах родных деревень. Это переворачивает душу. И достигается такой читательский отклик безоглядной искренностью художника.

Суждения Распутина о книгах всегда словно бы «одомашнены». О художественной новинке,

если она задела его сердце, он говорит, делясь тёплым, живым впечатлением мастера, заворожённого искусством человека близкого, родственного. С тобой беседует не критик, не толкователь текста, а единомышленник автора, видящий в его творчестве плодоносные ростки. Таково, например, мнение сибиряка о романе Виктора Лихоносова «Ненаписанные воспоминания». Произведение посвящено кубанскому казачеству, которое ещё Екатерина II выделила в особый отряд служилых людей. «Это роман-воспоминание не только по материалу, но и по форме его изложения, — заметил Распутин. — Чисто авторские страницы, где Виктор Лихоносов является в полное своё замечательное лирическое перо, то и дело перемежаются хроникой».

Книга даёт право автору статьи высказать сокровенные мысли о Памяти, как главном «герое» отечественной литературы. И романа В. Лихоносова в том числе. Память, по мнению Распутина, «вечность и непрерывность человека, постоянное движение из поколения в поколение духовного вещества. Нельзя жить на земле, не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков. Не помня по именам самых знаменитых из них и праведных, чьими мыслями и заслугами мы продолжаем пользоваться как само собой разумеющимся, как извечно существующим, подобно творениям природы… Собственность, в чьих бы руках она ни была, должна иметь духовное наследование. Мы уверенней и сильней себя чувствуем, когда получаем не только власть над нею, но и право на неё, от этого мы становимся продолжительнее во времени и надёжнее в своих внутренних связях. Наконец, мы обретаем совесть, обретаем её не на словах, а на деле...»

И так естественен вывод Валентина Григорьевича: «Виктор Лихоносов предпринимает... усилия восстановить земной облик Времени не в столь отдалённом его течении по кубанским пределам. И это ему удаётся вполне. Читатель не однажды с удивлением поймает себя на том, что он словно бы не читает, а прислушивается: так звучало Время. Роман впустил в себя множество голосов, и по ним, а не наоборот, отыскивал автор своих героев. Отыскивал иногда за тридевять земель, чтобы по возможности составить полное свидетельство принадлежавшей им эпохи. Судить или возвеличивать их — это уже наше дело, однако, кроме нашего приговора, они уже возвеличены Временем».

«Возле Вампилова было теплее...»

Впервые пронзительно, с неутихающей скорбью Распутин излил свои чувства к Александру Вампилову в статье-реквиеме «От имени друзей его...», вышедшей

в областной газете в сороковины со дня гибели драматурга. Здесь, в печальных словах, — ужас от потери, последнее «прощай» душе, рядом с которой было тепло и надёжно:

«Я сошёлся с ним в первые же наши университетские годы, вместе затем мы работали в газете, почти в одно время начали писать рассказы, вместе обсуждались в 1965 году на Читинском семинаре молодых литераторов и были приняты в Союз писателей, а в последние годы довольно часто вместе оказывались в различных поездках. Случались у нас споры, к которым мы возвращались снова и снова, особенно когда дело касалось литературных привязанностей, случалось, говорили друг другу не очень приятные слова, когда кто-то бывал не прав, но ни разу, сколько я теперь ни вспоминаю, не было в наших отношениях хитрости или какой-нибудь даже мало-мальской недосказанности. И благодарить за это прежде всего, конечно, нужно Сашу с его открытым, откровенным и честным характером, не выносившим никакой фальши...

Он был интеллигентным человеком в самом добром, уважаемом смысле этого слова. Умел слушать и умел сказать — точно, интересно и независимо ни от кого, что заставляло слушать его всех. Порой казалось, что у него какой-то особый строй мышления, потому что он подходил к сути разговора с той стороны, о которой отчего-то все забывали, он не удлинял, а расширял и углублял разговор, делал его как бы многомерным. У Саши прекрасно было развито и организовано то, что называют внутренним тактом, а в это понятие входят и вкус, и мера, и согласие — стройность, мягкость, смелость и музыкальность человеческой души...

Мы все тянулись к нему, потому что видели в нём натуру не случайную, не заученную, а исключительно цельную и богатую, созданную чьим-то счастливым даром, видели в нём его естественность, если хотите, даже природность. Это качество в человеке переоценить нельзя. Саша ничего не умел делать походя — ни работать, ни дружить, ни любить, ни разговаривать, ни жить — ко всему относился искренне, с полной душой. О многих ли из нас можно сказать то же самое?»

В последующие годы Распутин многократно возвращался к наследию драматурга, его месту в отечественной литературе. И, может быть, главная заслуга прозаика состоит в том, что он придал разговору о театре Вампилова ясность и глубину. Сколько авторов рецензий, статей, монографий витиевато, туманно рассуждали о «загадке Вампилова», о странной непохожести его героев на литературные типы других авторов, о том, что коллизии в пьесах драматурга «строятся на случайностях, нарочитых совпадениях» и проч., проч. Распутин одним из первых показал

жизненную правдивость характеров и поступков вампиловских героев, открыл духовную сущность творчества сибиряка.

Уже вскоре после гибели драматурга, когда его пьесы принялись ставить, по слову прозаика, «пожаром по всей стране», Распутин начал разговор по существу:

«О Вампилове теперь пишут много и охотно: критики, перебивая друг друга, спорят о его героях и говорят настолько разное, что появилось даже выражение «восторженное непонимание Вампилова». Непонимание это идёт от предпосылок искусства, а не от предпосылок жизни, с которыми всякий раз начинал творить своё искусство Вампилов. Его герои вечерами выходят на сцену чуть ли не каждого большого театра страны, и его же герои, не всегда ведая, что это они и есть, смотрят на себя из зала и смеются... Впрочем, не только смеются, этого было бы слишком мало: Вампилов писал пьесы отнюдь не для того, чтобы зритель со спокойной душой отдыхал в театре, он не признавал искусства, создаваемого для отдохновения. Зритель, приходя в театр на Вампилова, невольно попадает под нелёгкое нравственное испытание, своего рода исповедь — его, зрителя, исповедь, в которую он, один раньше, другой позже, так или иначе вовлекается ещё во время спектакля и которая долго продолжается после спектакля, — в этом незаменимая, но удивительная сила и тихая страсть его таланта. И когда говорят о «театре Вампилова», следует, очевидно, иметь в виду не только то, что предлагается зрителю, но и то, что случается с ним, сторону глубокого психологического воздействия его пьес, которую театральная условность словно бы даже ещё и увеличивает, а не снижает...»

Далее мы выпишем размышление Распутина о том, почему его друг выбирал для своих пьес таких героев — совсем не заметных в жизни, иногда прекраснодушных, как Сарафанов, а чаще — жестоких, как Пашка, или пустых, как Камаев. Ведь в тогдашней литературе так чётко разделяли героев на «положительных» и «отрицательных», и никогда «положительные» не совершали скверных поступков, не роняли своего амплуа образцовых, а «отрицательные» не могли кому-то нравиться, вызывать сострадание, не могли отмыться от своего чёрного клейма. И вот писатель, создавший рассказы «Василий и Василиса», «Рудольфио», «Уроки французского», со счастливым удовлетворением видит, что его друг придерживается тех же творческих правил, что и он пишет жизнь сложной, жестокой, исцеляющей, а человека — ущербным, запутавшимся, рвущимся к свету, чистым. Распутин хорошо видит и отстаивает в пьесах Вампилова общее, дорогое, незыблемое для них обоих:

«Те люди, которых мы за редкую самосбережённость готовы принимать за юродивых,

составляются особыми частицами, подобно тому, как в природе рождаются драгоценные минералы. В теперешней литературе принято насмехаться над ними, брать в герои только для того, чтобы показать полную их несостоятельность, но для Вампилова они — удерживающее начало жизни, и он пишет их, любуясь, радуясь им, относясь к ним с нежностью и необыкновенным почитанием. Чтобы дать героям такой свет, нужно и самому быть освещённым...

«Зачем ты пишешь их? — можно было бы с таким же недоумением спросить у Вампилова. — Жизнь жестока, и люди не хотят жить по заповеданным им человеческим законам. Их сломают, твои прекраснодушные создания. Посмотри, что делается вокруг». — «А я всё равно буду писать их», — подобно Валентине, отвечает Вампилов».

И далее — новые и новые доказательства особой чуткости драматурга к своим героям, к их жизни, нравственной или безнравственной, к поучительному опыту каждой человеческой судьбы:

«Особенности души и таланта Александра Вампилова в том, что ни над одним из своих персонажей он не произносит последнего приговора... все они, вольные или невольные слуги греха, выставляются не для суда, а для того лишь, кажется, чтобы вызвать к себе и своей нелепой роли снисхождение.

В. Розанов говорил: «Никакой человек не достоин уважения, всякий человек достоин только любви и прощения».

Смейтесь над этими людьми, возмущайтесь ими, страдайте от их множества, но не отвергайте их, ибо это не сделает лучше ни вас, ни их, — таков, кажется, главный мотив всех пьес Вампилова. Помогите сочувствием неразумному, заблудившемуся, запутавшемуся, всего лишь сочувствием — для духовной атмосферы жизни это так много и так нужно. Помогите — и воздастся вам...»

В замечаниях прозаика о театре Вампилова так много от собственного взгляда на творчество, от того, что Распутин неустанно утверждает в литературе. Без собственной убеждённости в том, что говоришь, невозможно, например, произнести такое:

«В пьесах Вампилова былая жизнь отнюдь не приукрашивается: там могут и скандалить, и смертельно шутить, и врать напропалую, и не отказывать себе в удовольствиях, и истово любить... Но то герои, им полагается. Автор же нигде не позволит себе ни непристойного, ни фальшивого слова. Это не одно и то же — интонация автора и интонация героев. Собственное слово автора, надстоящее надо всем, что говорят персонажи, его позицию, «коридор» его присутствия в пьесе читатель и зритель интуитивно различат, даже не задумываясь над этим. Герою позволяется

лгать — автору нет. Сегодняшнее вызывающее бесстыдство литературы не в счёт, оно пройдёт, как только читатель потребует к себе уважения».

И, наконец, в раздумьях Валентина Григорьевича, уже поздних и, кажется, окончательно отстоявшихся, мы найдём ответ на главный вопрос, на который путано и неглубоко рассуждают другие: что же пришло в отечественный и мировой театр с этим именем — Вампилов?

«Вместе с Вампиловым в театр пришли искренность и доброта — чувства давние, как хлеб, и, как хлеб же, необходимые для нашего существования и для искусства. Нельзя сказать, что их не было до него — были, конечно, но не в той, очевидно, убедительности и близости к зрителю; до последнего предела раскрылась перед нами наивная и чистая душа Сарафанова в «Старшем сыне» и стоном застонала, уверяя старую истину: «все люди — братья», которая в повседневности часто превращается почти в смешной парадокс. Вышла на сцену Валентина («Прошлым летом в Чулимске»), и невольно отступило перед ней всё низкое и грязное — вышла не просто героиня, несущая в себе черты добродетели, вышла сама страдающая добродетель. Слабые, незащищённые и не умеющие защищаться перед прозой жизни люди, но посмотрите, какая стойкая, какая полная внутренняя убеждённость у них в главных и святых законах человеческого существования. И в слезах, и в отчаянии не перестанут они веровать, как фанатики, в лучшую человеческую сущность, не замечая, как слепые, сущности худшей...»

И ещё о драматурге:

«Театр помолодел с его приходом — и не только благодаря возрасту молодого драматурга, но и от свежего и чистого чувства, принесённого им на сцену. И теперь наш театр должен будет вернуться к нему как к одному из самых надёжных и верных друзей, без которых никакой успех никогда не будет чистым.

Талант Вампилова, непритязательный и обаятельный, естественный и добрый, есть собирание, подобно пчелиному труду, разлитой в мире душевности и красоты. Возле Вампилова теплее, добрее, этим теплом до сих пор греются те, кто знал его, оно исходит от его книг, и оно же дышит со сцены вампиловского театра, начинающего новую и прочную жизнь без старения».

«Твой сын, Россия, горячий брат наш...»

Когда читаешь строки Распутина о близких ему писателях, не покидает ощущение, что перед тобой главки одной книги. Только что ты оставил его беседу о Вампилове на словах: «Кажется, главный вопрос, который постоянно задаёт Вампилов: останешься ли ты, человек, человеком? Сумеешь ли ты превозмочь всё то

лживое и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно различимы даже и противоположности — любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение?» — как в разговоре о творчестве Василия Шукшина оба вопроса подхватываются и получают продолжение:

«Будь человеком... Всё, что сделано Шукшиным в искусстве, освещено у него этим требовательным понятием, этой страстью и этой болью, которым он заставил внимать всех — кто умеет и не умеет слушать. Не было у нас за последние десятилетия другого такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывался во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддалась соблазну, или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и чистоте».

Это не повторение по забывчивости или недостатку доводов, а всё тот же сокровенный разговор о духовных ориентирах, которых придерживались и придерживаются, к сожалению, немногие в современной литературе.

Василий Шукшин — счастливое исключение. Его героев назвали «чудиками». «Они, — напоминает В.Распутин, — во многих рассказах Шукшина, которые читаются то со смехом, то с грустью, а чаще всего — с тревогой и которые все вместе создают пёстрое и, однако же, целостное впечатление. Потому что всё это отдельные штрихи, отдельные черты одного характера, который Шукшин писал от начала до конца и который в основном успел написать. Это характер человека свободного и самостоятельного по своей натуре, «бесконвойного», как Костя Валиков, всеми возможными способами и чудачествами старающегося отстаивать своё естественное право быть самим собой, иметь собственное мнение и до всего на свете доходить своим умом и своим опытом. В немалой степени подверженный стихии, случаю, дёрганный, импульсивный, органически не переносящий никакой фальши, во имя чего бы она ни творилась, раздираемый противоречиями, страдающий от недостаточности яви и недоступности мечты, герой Шукшина при всём том как характер целен и органичен, ибо он не даёт поставить себя в общий ряд, а живёт отдельно и самостоятельно, как и положено жить человеку. И уже тем одним он вызывает у нас расположение к нему и беспокойство по отношению к себе».

Может быть, впервые в литературе второй половины двадцатого века Шукшин пристально всмотрелся в русскую душу, и она для этого писателя — главная тайна. И главная ценность, о сохранности и красоте которой он печётся. «Обойти её стороной, — замечает Распутин, — не удастся, потому что это значило

бы, притворяясь глухим, не услышать и не понять Шукшина».

И опять Валентин Григорьевич стремится дойти до глубинной сути творчества писателя, которого он назвал в заглавии своего очерка «твоим сыном, Россия, горячим братом нашим»:

«Жизнь, не подтверждённая смыслом души, есть случайное существование; герой Шукшина с этой случайностью мириться не хочет, он выше её, но он ощущает также и свою недостаточность и шаткость для жизни направленной, это мучает его и заставляет совершать поступки как бы вне себя самого и обычно во вред себе. Непредсказуемость, стихийность и последовательная нелогичность действия, и вообще тайно любимые в себе русским человеком качества, в «чудике», ничем не сдерживаемые, доходят до восторженно-разрушительного градуса, когда он сам себе и жертва и палач.

Странное, однако, дело: у Шукшина, казалось бы, нет ничего, что впрямую говорило бы о близком обретении души его героем, и тем не менее в читателе это становится почти убеждением. Та боль и страсть, с какой он мечется в растерянности и тоскует по душе, превращает её в нечто чуть ли не материальное, в нечто такое, что имеет место, где её можно отыскать. На этот отчаянный призыв не откликнуться, кажется, невозможно».

Вернёмся к началу этого монолога. Не кажется ли вам, что слова: «Жизнь, не подтверждённая смыслом души, есть случайное существование», — могла бы принять близко к сердцу распутинская старуха Анна из «Последнего срока» или её ровесница Дарья из повести «Прощание с Матёрой»? Дарья при этом подумала бы, что вся её судьба подтвердит эти слова, как и судьба её родителей, деда и бабушки. И ещё бы подумала, что душу её воспитала родная Матёра, Ангара, могучие леса и скромное поле за околицей деревни... Это без сомнения. Сам Распутин это знает, и Шукшин был уверен, что его герои думают так же о колыбели русской души. Не зря же Валентин Григорьевич утверждает дальше в своём очерке:

«Что касается места обитания души, его предположить не так уж и трудно. Это родина человека, земля его рождения, на первых порах давшая ему всё, что необходимо для прочности в жизни».

Ну а как же писатель, во множестве представивший взору читателей «чудиков», людей странных и неуправляемых в поступках, наивных или необузданных в мечтах, считал, что «народ знает правду»? Да, знает, поддерживает Распутин, «ибо то и есть народ, что живёт правдой, как бы ни тяжела была эта ноша, то и есть правда, что составляет первооснову и первосмысл этого понятия, не подверженную ампутации истину о человеке и его жизни».

Герой шукшинского рассказа «Генка Пройдисвет», парень не без изъянов, развязавший драку со своим дядей, кричит почти исступлённо: «Если я паясничаю на дорогах, — Генка постучал себя с силой в грудь, сверкнул мокрыми глазами, — то я знаю, что за мной — Русь: я не пропаду, я ещё буду человеком. Мне есть к кому прийти!»

«Золотые слова» — соглашается Распутин и продолжает: «...эта истовая вера в Русь и даёт нам право на самую большую надежду в судьбе своей родины и народа. И оттого, что сказаны эти слова таким непутёвым внешне, бесшабашным, неустроенным в жизни парнем, как Генка, — крепче уверенность, что духовная твердыня народа там, в глубинах народного сознания, находится по-прежнему в крепости и силе... И только одно может иметь для любого народа самые тяжёлые и непоправимые последствия: самодовольство поколения или нескольких поколений, забвение корней своих, сознательный или бессознательный разрыв с многовековым опытом прошлого, ведущие через последующие связи к утрате национального чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности. Тогда и народ — население, и родина — место жительства и прописки, тогда мы перестаём слышать токи одной крови в другом человеке и остаёмся одни. Глухота к ближнему грозит затем общей глухотой и вседозволенностью, человек принимает себя за случайность и уповает на случайность, случай превращается у него в судьбу».

Эти трезвые и строгие слова так согласуются с тем, что Василий Шукшин написал незадолго до смерти — их привёл в конце своего очерка В. Распутин:

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ РУССКОГО БЫТИЯ

Василий Белов: вчера, сегодня, завтра

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Литературный критик, публицист, председатель Совета по критике Союза писателей России. Заместитель главного редактора журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журнала «Подъём» «Русская речь» (2004), премий журналов «Ковчег» (2008), «Русское эхо» (2009). Член Союза писателей России. Ведущий рубрики «Литературная критика» журнала «Гостиный Дворъ». Живёт в Воронеже.

Художественный мир Василия Белова в конце прошлого века стал своего рода гимном русской крестьянской культуры. Городская цивилизация, самонадеянно решившая, что её рационалистический уклад вполне самодостаточен, вдруг ощутила некую пустоту в своём пространстве, которая не заполнялась ничем, а с течением времени становясь только шире, приобретала свойства тягостной болезни, непонятной и неизлечимой никакими «интеллектуальными» лекарствами. И перед русским народом и всеми иными этническими образованиями тогдашнего Советского Союза, словно волшебный и почти беспредельный мир, как бы из небытия или глухой неизвестности внезапно возник огромный материк традиционной русской

народной жизни, воплощённой в слове, в образах, живых примерах, в деталях, именах, умениях и распорядке. Таково было впечатление от прозы писателя, проникновенно повествующего о простых людях, их радостях и бедах, о биографиях, вписанных в бытие великой страны и растворившихся в нём, доносящихся до нас теперь только говором и лицами, да ещё отрывочной памятью о больших и малых событиях.

Тогда казалось, что большая страна обратится к русскому фундаменту жизни, найдёт в нём необходимую опору и построит царство труда и справедливости, возблагодарив всех тех, кто неимоверными усилиями нёс на собственных плечах бремя социалистической идеи.

Шли годы, крепло течение литературы, посвящённой русской почве. Но рядом и на ключевых точках литературного ландшафта напитывалась соками нашей земли иная словесность, национально выхолощенная, наделённая какой-то дистиллированной кровью. Она отодвигала наследников отечественной художественной традиции на обочину литературного процесса, превращая в пошлый фельетон сердечные слова, вышедшие из самой глубины земной. И народ, по душе русский, а внешне всё ещё советский, незаметно для себя начинал говорить о малозначащем, задумываться над ничтожным, находить разумные объяснения низкому и уродливому.

Писатели, которых литературные говоруны назвали «деревенщиками», на страницах своих рассказов и повестей, стихотворений и романов сражались за свою страну, спасая уже самые её основы от поругания и уничтожения. Однако государство, в котором происходили эти невидимые битвы, было уже обречено — и собственной вненациональной доктриной, и людьми, вскормленными западной манной и находящимися на ключевых постах державы.

Вся история советской «деревенской», а на самом деле подлинно русской литературы являет собой трагическую летопись поражения. С этим можно не соглашаться, однако стоит помнить евангельские слова о зерне, которое должно умереть, чтобы затем возродиться. Именно так стоит понимать подвиг писателей-«деревенщиков», потому что они — не представители творческого цеха, в котором можно менять по своему усмотрению приёмы и литературные механизмы. На самом деле — они внуки русской литературной классики, которым выпало разбираться с наследством дедов и отцов под присмотром цепких конвойных, на морозе и зное, преодолевая слабость тела

и прислушиваясь к далёким голосам, идущим из смутной толщи памяти.

Василий Иванович Белов судьбой своей был призван в первую линию этого духовного и творческого ополчения. Поразительно острое зрение и речевая свобода позволили ему создать множество литературных героев, которые стали близкими и дорогими всякому человеку, спокойно и с достоинством говорящему о себе: «Я — русский». Удивительный лиризм его прозы даёт нам право назвать Василия Белова сердцем русской литературы последних десятилетий. Он чувствовал народную жизнь как никто другой и считал, что отечественная классика коснулась важнейших почвенных сюжетов лишь в очень малой степени. Ему не удалось воплотить всё многообразие современной подлинно русской жизни — не хватило физических сил, и он ушёл, оставив нам свои книги, с которыми придётся жить бок о бок уже не поколению 60-летних, а новым молодым.

Его повести и рассказы являются продолжением той кристальной литературы, к которой принадлежат Толстой и Чехов, Достоевский и Лесков. Не отображение быстротекущей жизни, а погружение в народное бытие — вот главное качество произведений Белова. Конечно, на первый план при таком понимании его творчества выходят вещи философские и орнаментально-житейские, однако поразительное напряжение любви к своим героям от автора передаётся читателю, и уже он, дитя нынешнего столетия, горюет и плачет, смеется и вздыхает над живыми страницами писателя. Это — литературная часть творческой судьбы Василия Белова, но есть ещё и другая её сторона, связанная с книгой «Лад».

Существует целая полка книг, посвящённых русскому характеру и народным обычаям. Все они писались в эпохи, когда Российская империя не стыдилась слова «русский», а либеральный лай в отношении этнической основы государства имел свои пределы. В позднее советское время эти книги стали переиздаваться, хотя в середине XX века были изъяты из круга массового чтения и доступны лишь специалистам. Между тем, такие исследования и очерки — продукт учёного ума или публицистического, пусть и глубоко положительного, взгляда на вещи.

Соединение предметной точности, широты охвата того или иного явления, любви к изображаемому и осознанной собственной принадлежности к русскому народу — подобный культурологический и художественный синтез в книге «Лад»

явлён нам впервые. Сегодня зрелый человек и подросток, только начинающий понимать своё место в нынешнем почти «вавилонском» столпотворении этносов, найдут в произведении Василия Белова координаты, в которых необходимо строить собственную жизнь и семейный уклад, налаживать чуткое взаимопонимание с природой. Всё это может показаться химерой современному городскому человеку. Хотя в действительности он сам представляет собой только пыль от движения стран и народов через времена и пространства.

Пройдёт совсем немного лет, и русская молодёжь обратится к творению Василия Ивановича Белова в надежде найти на его страницах духовно верную карту отечественного бытия. И уже здесь, в нравственном, культурном и интеллектуальном поле традиции, будет обозначен чёткий вектор дальнейшего развития родной страны. Вот почему «Лад» можно считать не только бесценным художественно-историческим документом, но и воспринимать как побуждение к действию. Как программную книгу, в которой заключены сохранившиеся коды древней русской цивилизации.

Анастасия ПОРОШИНА

В ЭТОМ «ДВОРИКЕ» УЮТНО ВСЕМ!

Анастасия Ивановна Порошина родилась в Москве. Окончила Челябинский государственный педагогический университет, магистратуру Челябинской государственной академии культуры и искусства. Кандидат филологических наук, поэт, литературный критик, член Союза писателей России. Работает старшим преподавателем кафедры библиотечно-информационной деятельности ЧГИК, руководит детским литературно-творческим объединением «Алые паруса». Живёт в Челябинске.

Оренбургский литературный альманах «Гостиный Двор» уже давно вошёл в число авторитетных литературных изданий страны. Его отличает открытость — здесь печатаются авторы из многих регионов России, актуальность, публицистическая и художественная насыщенность, и это стремление к смысловой и художественной полноте совершенно закономерно привело издательский коллектив к идее полновесного литературного издания для детей.

Появление «маленького» альманаха с названием «Гостиный Дворик», адресованного маленьким читателям, логически связано с «большим» проектом ещё и потому, что будущих читателей нужно растить и воспитывать в любви к слову, литературе, книге уже сейчас. И поскольку на сегодня вышло пока ещё только два выпуска — пилотный и первый, вместе с главным редактором альманаха Натальей Кожевниковой и редактором «Гостиного Дворика» Юлией Стрельниковой мы хотим поразмыслить о том,

каким должно быть современное литературное издание для детей.

Сегодня детская литература находится буквально на распутье: с одной стороны, в неё активно вторгаются как постмодернистские, так и коммерческие проекты с раскруткой произведений соответствующего плана, с другой — идёт активный поиск путей приобщения ребёнка к русской культуре и воспитание его духовной, нравственной основы и творческого начала личности, поскольку без этого «запаса прочности» детям будет сложно устоять в современной «взрослой» жизни.

Многие издательства обращаются к потенциалу семейного чтения в отдельных изданиях или целых сериях. Задачу воспитания будущих читателей решает в практике и целый ряд периодических изданий — одни специализируются на детском творчестве, другие выбрали направление «взрослые — детям». В «Гостином Дворике» оказалось уютно и взрослым, и малышам, здесь они, как и в реальной жизни — вместе, рядом, а главное — им интересно быть друг с другом.

Практика показывает, что концепция межпоколенческого общения, близкого к семейному, наиболее продуктивна для детского развития. Ребёнок и взрослый способны многое друг другу дать, открыть друг для друга неизвестные ранее миры — будь они читателями альманаха или соавторами на его страницах. Ребёнку-читателю интересно увидеть на страницах одного издания произведения и взрослых — и сверстников. Это создаёт эффект многогранности, многомерности, удивительного многообразия мира, в котором мы живём, учит лучше понимать друг друга.

Ощущение взаимопонимания, достигаемое таким образом, драгоценно и незаменимо. Общение семьи в процессе чтения восстанавливает и поддерживает связи между поколениями, которые сегодня активно разрушаются в коммерческих, идеологических и других спекулятивных целях.

Проект «Гостиный Дворик» — это попытка создать «серьёзный» альманах для детей, наполнить его жизнеспособными, жизнетворящими смыслами и задать правильный вектор развития, направить его на созидание, в будущее. По первым двум выпускам альманаха можно проследить, как его создатели ищут и находят эти векторы — пути, по которым предстоит идти маленькому читателю вместе с родителями или старшими братьями и сёстрами.

Оформление «Гостиного Дворика» располагает к себе сразу, потому что создаёт атмосферу гармонии и уюта. Нестандартный формат издания, тёплая цветовая гамма обложки, художественное оформление каждой страницы рождают ощущение особого мира, особого пространства, живущего по своим законам. Здесь надо отдать должное художнице Виталии Кожевниковой, выпускнице, а теперь и преподавателю Академии художеств (Санкт-Петербургский государственный академический

институт живописи и скульптуры имени И. Е. Репина).

На обложке альманаха — ворота, приглашающие войти: в пилотном выпуске — в волшебную детскую зиму, в первом — в таинственный сад, где растёт сказочный аленький цветочек. Каждый раздел оформлен своими рисунками на полях страниц, выполненными в тёплых, светлых тонах. Эта гармония берёт свои корни в народном художественном творчестве и продолжается рисунками юных художников.

Многие исследователи детского чтения, психологи и педагоги отмечают, что современные дети читают очень мало, что у них в приоритете визуальная информация, причём не структурированная, а предлагаемая отрывками, фрагментами — так называемое «клиповое» восприятие, которое затем порождает и «клиповое» мышление. С этим явлением связано множество педагогических проблем, основная из которых — восприятие и усвоение детьми системной информации, в том числе учебной: зачастую современный ребёнок не может сконцентрироваться на главном, сложить из фрагментов целое, построить в своём сознании логические связи между фактами.

Детские, да и взрослые журналы чаще всего предлагают россыпь разрозненных фрагментов, активно перемежаемых рекламой. Нахватавшись отдельных фрагментов, читатель думает, что получил много информации — однако она не усваивается сознанием, потому что фрагменты реальности ничем не связаны между собой. Тем ценнее сегодня, и особенно для детей, издания, тексты в которых связаны воедино, а само издание является художественной моделью целостного, единого мира, в котором взаимосвязано всё.

Построение этой цельности происходит постепенно, необходимое наполнение редко можно выстроить теоретически, и поэтому перспективные издания выстраиваются от номера к номеру, определяя интересы, границы тем, внутреннюю структуру.

Первый выпуск «Гостиного Дворика» отличается от пилотного большей чёткостью рубрикации, более продуманной структурой альманаха. Сохраняются практически те же разделы, но сама информация объединяется в смысловые блоки и уже гораздо легче воспринимается читателем. Драгоценным качеством первого выпуска альманаха стало то, что весь он — цельное издание, а не сборник текстов, единая многоголосая книга, связное художественное полотно.

Открывает альманах рубрика «Мы — оренбуржцы». Краеведческий компонент скрепляет воедино прошлое, настоящее и наделяет будущее — юных оренбуржцев — опорой на исторические корни своей малой родины. Рядом с известным краеведом Анатолием Пруссом в роли историков выступают школьники. Преемственность в краеведении — залог того, что дети будут

хранить историю родного края, изучать её, передавать дальше.

Знание истории родного края помогает ребёнку определить роль малой родины в истории своей страны, почувствовать себя частью народа, общества. Интерес к истории страны, своего народа начинается с интереса к истории своей семьи, деревни, города. И тогда ребёнок по-иному, более живо и конкретно воспринимает историю России, уже ощущая себя её частью.

Продолжает тему истории раздел «Казачий круг», из которого юные читатели узнают об особенностях воспитания своих сверстников по казачьим традициям. Обращение к истории в детском издании встречается не так часто, но оно совершенно необходимо современным детям, ищущим ориентиры в жизни, в мире разрозненных символов и смыслов, среди которых так легко потерять себя.

Отрывочное, фрагментарное восприятие мира не позволяет ребёнку вписать себя в этот мир, затрудняет самоидентификацию, усложняет поиск ответа на вопрос: кто я? И что, как не обращение к традициям семьи, города, страны, способствует самоопределению человека? Казачьи традиции — мощная духовная и культурная основа Оренбуржья, и в альманахе «Гостиный Дворик» их изучение предлагается не в назидательном формате, а в форме увлекательного чтения.

Тема истории родной земли продолжается рассказами и стихами о её природе. Такой переход закономерен: узнавая историю, открывая для себя свой край, становишься ему ближе, испытываешь совсем иные чувства — любви и гордости. И эти чувства воплощаются в иных, уже более эмоциональных литературных формах: в стихах и прозе.

Первое, что узнаёт ребёнок, только учась говорить, — это имена окружающей его природы. Названия животных, птиц, их голоса, названия деревьев и трав. И уже в сознательном возрасте снова возвращается к описаниям родной земли — к называнию её по имени, к воспеванию в произведениях её красоты и богатства.

Любовь к Родине невозможна без того, чтобы знать по именам обитателей её лесов и полей — животных и растений, радоваться изменчивым состояниям её природы. Эти серьёзные темы лишены дидактического, поучающего начала, они раскрыты в интересных и увлекательных эмоциональных рассказах, сказках, стихах.

Изучая жизнь природы, сопереживая ей, ребёнок учится и тому, что важно в мире людей: развивает, воспитывает своё сердце и душу, взращивает в них сопереживание, сочувствие, сострадание, милосердие. А эти качества уже поднимают человека на новый духовный уровень.

Душа человека растёт, питаясь от родной земли, воспитываясь её традициями, впитывая её природу — становясь её частью. И закономерным становится стремление ребёнка выразить словами то, что

происходит в его душе, создать новое литературное произведение — новое содержание, новые духовные смыслы, сохранить и передать то богатство культуры, литературы, которое ему открылось.

От восприятия, усвоения ребёнок переходит к активному действию, сотворчеству, сам становится создателем. Сохранение родного литературного языка, проба пера, следование богатым традициям русской классической литературы — это тоже составляющая деятельной любви к родному краю.

За рубрикой «Живой мир» следует раздел «Капитанская дочка» — произведения юных авторов — участников Всероссийского литературного конкурса им. А.С. Пушкина. «Светёлка» — стихи юных поэтов. «Дерево сказок» — волшебно оформленное, на котором растут удивительно добрые и мудрые сказки. «Божья коровка» — стихи для детей от взрослых поэтов. «Вернисаж» — детские рисунки, работы победителей и участников конкурса, посвящённого дню рождения С.Т. Аксакова.

Рубрики альманаха — рассказы о животных, сказки, стихи — представляют читателю окружающий мир многогранной цельной картиной, составляют художественное единство, органично звучащее многоголосьем авторов — от классика Николая Рубцова, современного детского поэта Надежды Шемякиной до ребят, только делающих первые шаги в литературном творчестве.

Соседство детских и взрослых произведений помогает воспринять различные грани искусства слова, рядом с современной классикой особенно свежо и непосредственно звучат детские строки. А произведения взрослых поэтов, при доступных ребёнку тематике и стиле, демонстрируют глубину и точность поэтического слова, мастерство отражения мира и выражения чувств.

«Путешествие» по страницам «Гостиного Дворика» превращается в прогулку по волшебному, таинственному саду, в котором не один аленький цветочек, а множество разнообразных историй и сказок, где реальность переплетена с воспоминаниями и мечтами. И каждый автор, каждое произведение раскрывается новым ароматом, новым оттенком, новой гранью видения жизни.

Альманах «Гостиный Дворик» относится к числу редких сегодня изданий, объединяющих под одной обложкой детей и взрослых, отвечающих задачам не только развлечения (как большинство современных детских изданий), но прежде всего просвещения и воспитания, вовлекающих в процесс созидания и сотворчества юных писателей, поэтов и художников.

Создатели альманаха передают юным эстафету культурной памяти и любви к слову, к родному краю. Оренбуржье богато культурными и литературными традициями — важно, чтобы их было кому подхватить, развить и продолжить. «Гостиный Дворик» — это кропотливая созидательная работа на будущее.

Ирина ДУБОВИЦКАЯ

АЛТАРЬ НАУКИ

Повесть

Ирина Михайловна Дубовицкая родилась в Ленинграде, окончила исторический факультет Таджикского государственного Национального университета. Работала корреспондентом республиканских газет, Гостелерадио РТ, преподавала журналистику в Российско-Таджикском (Славянском) университете. Автор многочисленных научных статей и монографий, документальных повестей, двух романов (в соавторстве). Член Союза журналистов РТ, лауреат Евразийского конкурса электронных СМИ «Гуманитарное сотрудничество во имя процветания» (Москва, 2008), конкурса Союза журналистов РТ, посвящённого 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (2010).

Ничего здесь она не любила более, чем эти предрассветные мгновения: медленно-медленно, как будто растягивая минуты сонной неги, поднимается из-за горизонта наливающееся оранжевой «спелостью» солнце; медленно-медленно одни за другими просыпаются птицы, ужи, полёвки... Но мир пока ещё наполнен тишиной. Лишь жужжат и стрекочут в песках насекомые. Не верится... однако, стоит сделать лишь несколько шагов, как всё вокруг заполнит несущийся, кажется, отовсюду звонкий и неумолчный свист — «пой-пой-пой», «пой-пой-пой», «пой-пой-пой»... Причём начнётся он обязательно откуда-то снизу, миг спустя целиком заполнив собой тишину. Им песчанки предупредят окрестных соседей о появлении «чужого».

Самих их не сразу заметишь: зверьки почти неподвижно «столбиками» стоят у своих норок, а цвет их шкурок сливается с окраской местности. Только

внимательно всмотревшись, можно увидеть, как они поминутно слегка приседают и выпрямляются, готовые к мгновенной реакции на происходящее.

Женщина замирает, наблюдая за ними. Свист тут же прекращается, чтобы повториться при малейшем её движении. «Май-тышкан» или жирный грызун, как зовут их местные — зверёк любопытный. Потому, выполнив свою сторожевую функцию, песчанки остаются у входа, внимательно наблюдая за «гостьей». Она знает, что стоит сейчас сделать хотя бы шаг, как все они, как по команде, ещё раз свистнув, мгновенно скроются под землёй.

Она вздыхает: как ни хорошо, но... надо будить мужа — день вступает в свои права... с каждой минутой всё настойчивей и неотвратимей.

* * *

...Когда она, откинув полог, зашла в их преображённую его усилиями землянку и увидела мужа, тихо посапывающего на сооружённой из экспедиционных ящиков кровати, тёплая волна нежности к нему окутала её. Минуту, две, а может, и более стояла так женщина в полной неподвижности, боясь спугнуть чудесный миг.

Но долго его всё равно не удержать: он, видимо, почувствовал её взгляд, потому что ритм дыхания спящего вдруг изменился, затем мужчина едва заметно пошевелился под одеялом и, наконец, открыл глаза и потянулся. Всё. Отдых позади. Пора за работу. Он пружинисто встал и, отбросив одеяло, потянулся за вещами.

— Доброе утро, Евгения Павловна, как спалось? — бросив короткий взгляд на жену, спросил он, натягивая брюки. — Всё ли у вас нормально?

— Да, Василий Иванович, спасибо... нормально, — в тон ему ответила она, занявшись утренними делами.

Романтические мгновения, совсем недавно владевшие ею, улетучились, как мираж.

«Надо бы вечером подштопать его носки», — заметив дырку на пятке, подумала она, заправляя импровизированную постель.

Он уже оделся и занялся керосинкой. Затем зачерпнул из ведра воды и наполнил чайник.

Тщательное бритьё (даже в этой глуши и отсутствии людей), завтрак... и — в путь к норам песчанок: нужно проверить установленные вечером у их входов ловушки для москитов.

— Вы со мной или приметесь за лабораторную работу? — спросил он жену, затягивая ремни выцветшего брезентового рюкзака.

— Нет, наверное, идите без меня: мне нужно поработать с посевами крови песчанок. Возможно, начну и биологические пробы.

— Ну, как знаете. Буду к вечеру.

— А как с обедом?

— Я взял немного чая во фляжке... и орехи в рюкзаке есть! Не беспокойтесь, дорогая, — забрасывая

полог, ответил он, в мыслях уже находящийся в десятках километров от их жилища.

Ещё несколько минут хрустом в песке звучали его удаляющиеся шаги. Она вздохнула и... занялась пробирками: дел впереди — непочатый край!

* * *

Жизнь в чашке Петри под микроскопом кипит, идя своим чередом. Однако, как ни крути, получить культуры лейшманий при посевах крови удаётся редко. Вот и сейчас...

Немолодая женщина потёрла покрасневшие от напряжения глаза: свет от коптилки был неровным, солнце уже село.

Подошла к выдолбленному мужем на днях прямо в лессовой «стене» их жилища столу. Оставшийся на нём с утра стакан чая конечно же давно остыл. Но сейчас, когда даже вечером жара под пятьдесят, это было даже хорошо.

Она достала из матерчатого мешочка сухарь и стала медленно грызть его, запивая чаем.

«Пора бы уж и Василию Ивановичу возвращаться. Хотя при его увлечённости какое ему дело до времени!»

Ей почему-то вспомнились строки из его книги о малярии, которую она когда-то, в далёкие двадцатые редактировала. В них он упоённо описывал брачную пляску комаров. Она могла бы привести этот отрывок почти дословно, тем более сейчас, когда их жизнь проходит в этом самом комарином «раю»: «...Адская музыка от жужжания бесчисленного множества комаров поражает наш слух в то время, когда сами они один за другим ударяются о наше лицо с возмутительной наглостью и отвратительным цинизмом. Зажигая свет, мы замечаем вокруг лампы целые толпы нечестивцев, танцующих и выделывающих всевозможные движения в воздухе. Тут целых два облака, каждое из особей одного только пола. Выделывая в воздухе фантастические эволюции, они благодаря вибрации крыльев и жужжалец образуют адский концерт или хор, управляемый дирижёрской палочкой Эроса»...

Женщина, забывшись, чесанула опухшую от комариных укусов руку (она уже боялась и ненавидела этих крылатых чудовищ, от которых покоя не было ни днём, ни ночью). Вспомнила, как по приезде он нахваливал место, в котором им предстояло жить: «Посмотрите, Евгения Павловна, в какое чудное место я вас привёз. На двадцать пять километров кругом ни души, крыша из хвороста, стены из лесса, в щелях — простор для скорпионов и змей. Ваших ловушек никто здесь не тронет, всё будет на месте, в порядке!»

«Вот только-то и преимущество, что ловушки не тронут. Однако, паразиты эти... И почему они не досаждают ему так, как мне?» — не раз задавала она себе риторический вопрос, ответ

на который на самом деле был ей хорошо известен: для него собственные боли и неудобства были почти что нормой, тем более тогда, когда мучители помогали ему в решении стоящей перед ним научной проблемы. Как сейчас, к примеру...

Суровый и молчаливый, он вообще привык жить в окружении боли. Она для него была повсюду: в крепости Кушка, гарнизон которой он освобождал от малярии в начале 1920-х (ещё до того как она, сидевшая с новорождённой дочкой, к нему присоединилась); в Бухаре, долине Зеравшана, в горах Таджикистана и в песках Туркмении, где он вёл борьбу с тропическими болезнями... Чего только он тогда, будучи военврачом, не насмотрелся!

Она отодвинула от себя пустой стакан, вспомнив вдруг про ужин, который, занятая опытами, так и не приготовила; в считанные минуты разожгла керосинку (сказался приобретённый с ним опыт походной жизни); быстро поставила на огонь кастрюлю с залитой водой пшёнкой.

...Пройдёт немного времени, и они вместе сядут за немудрёную трапезу. Он, как всегда, будет задумчив и молчалив, анализируя результаты проделанной за день работы. Но разве ж это беда, когда они вместе?!

* * *

— Евгения Павловна, как хотите, но вам придётся меня выслушать, — отодвинув вдруг от себя чашку чая с размоченными в ней сухарями, как-то за завтраком решительно сказал он. — Выслушайте меня внимательно и не торопитесь с ответом.

Она отложила рукоделье, которым занималась, и устремила на него встревоженный взгляд.

— Мы с вами проделали много опытов. Много проверили гипотез. Но так и не пришли к окончательному выводу: кто же является «резервуаром» инфекции: москиты или песчанки, в норах которых они зимуют.

— Песчанки, — тут же ответила она убеждённо.

— Да? А как же тогда могут от них заражаться люди, если их жильё находится на расстоянии полутора километров от нор грызунов?

— Да... Мы как-то раньше об этом не подумали. Ну и что вы планируете предпринять? — после непродолжительного молчания спросила она.

Он в ответ покачал головой и пододвинул к себе обрывок обёрточной бумаги, который стал быстро заполняться столбцами цифр (так, решая очередную тригонометрическую задачку, он привык сосредотачиваться на стоящей перед ним научной проблеме).

— Эврика! — часа через полтора, когда она уже погрузилась в свои изыскания, воскликнул он радостно. — Мы вставим в норки песчанок простые ламповые стёкла, в которых устроим небольшой леток. У летка густо нанесём краску, крупинки которой москиты, вылетая, унесут на себе. Затем попробуем их выловить

с помощью липучек в жилых помещениях кишлака в полутора километрах от нас.

— А как узнать, откуда они прилетели?

— Нанесённая на пойманного москита капелька спирта растворит невидимые пылинки краски. Эту краску мы и нанесём на белую фильтровальную бумагу. По её цвету установим место, откуда он вылетел. Надеюсь, что наш летун на самом деле способен преодолевать расстояния, которые мы считали для него непреодолимыми. Да... Так мы всё и сделаем! — удовлетворённо потирая руки, подытожил сказанное он, и тут же, не обращая более никакого внимания на жену, принялся мастерить необходимые приспособления...

«Интересно, думает ли он обо мне не в связи с работой? Любит ли ещё меня?» — закрадывалась порой, вот в такие мгновения, предательская мысль в голову женщины.

«Да будет тебе! — привычно отгоняла её она. — По крайней мере никого другого или, вернее, другую, он точно не любит, если даже себя никогда не жалел!»

Вспомнив рассказ их друга и его начальника, Максима Степановича о том, как тяжело болел её муж (в то время — молодой военврач), когда в целях проверки гипотезы заразил себя среднеазиатским клещевым тифом, подвергшись укусам заражённых клещей, она содрогнулась.

Тоже будучи врачом, она знала симптомы и течение этой ужасной болезни: первый её приступ начинается внезапно — кратковременный озноб сменяется жаром и головной болью; появляются боли в суставах и мышцах; икры буквально «выворачивает»; развивается тошнота и рвота; температура стремительно поднимается до сорока градусов; пульс учащается до ста пятидесяти ударов и выше; на пике приступа появляются различной формы высыпания на коже, увеличиваются селезёнка и печень; порой, даже развивается желтуха. И хорошо ещё, если при этом не появляются симптомы поражения сердца или лёгких в виде бронхита и пневмонии!

До шести дней длится этот кошмар, который к тому же и не последний: проходит от четырёх до восьми дней, и приступ повторяется. Причём второй бывает тяжелей первого!

«Да... В результате Василий Иванович доказал роль клещей в передаче этой болезни, но какой ценой! Слава Богу, хоть без серьёзных осложнений обошлось. А ты (и не молодая ведь уже — дочь почти невеста!) «ромашку» тут устроила: «любит — не любит», — оборвала себя женщина и, бросив на мужа восхищённый взгляд, с лёгким сердцем возвратилась к делам насущным.

* * *

...Шёл третий месяц их экспедиции в Мургаб, а видимых результатов как не было, так и нет.

Он днями пропадает «в поле». Когда же приходит, слова не скажет: поужинает наспех и — за свои задачки, или Диккенса в оригинале перечитывает, а то и греческую грамматику штудирует. На самом деле он любил головоломки и тупики и находил удовольствие в их разрешении (они представлялись ему как беспорядок в системе идей; тупик означал «логический вывих», приведший к смешению следствий и причин — приверженец здравого смысла и строгого порядка, он любил в лабиринте ошибок искать логическую нить). Но поиск решения стоящей перед ним сейчас научной проблемы слишком затянулся, и это не могло не раздражать его.

Она же не знает, чем помочь, терзаясь беспокойством. И, как оказалось, не напрасно...

«Когда он успел это сделать?! И зачем?! Не юноша ведь уже — пятьдесят два года! Опять же, в его теле и так сидит пять штаммов малярии — кушкинская, кавказская, кулябская, персидская и закавказская; плюс два штамма возвратного тифа, а теперь ещё эта неизвестная спирохета!»

Час назад, пресекая в зародыше все возражения, он бросил: «Вы же знаете, к этому привыкают, и очень легко! Обследуя песчанок, я часто встречал у них в крови спирохет. К пендинской язве они отношения не имели, но тем не менее само их присутствие ставило очень важный вопрос, каким образом попадает в грызуна паразит. Сами понимаете, — подвёл он итог сказанному, — нужен эксперимент».

Она в ответ лишь молча покачала головой: обсуждать было уже нечего — дело сделано. Он вообще мог бы ничего не сказать, если бы она не поинтересовалась, зачем он взялся ящики перетаскивать и не надо ли ему помочь.

...Жилки на его обтянутом жёлтой кожей лбу вздулись от напряжения, по лицу градом катится пот, а он упрямо носится с тяжеленным грузом вверх-вниз по плавящемуся на солнце песку, стремясь этим ослабить иммунитет и тем облегчить «задачу» вирусу.

«Остановись! Опомнись!», — кричит всё внутри неё, но она молчит, осознавая совершенно определённо всю бессмысленность уговоров.

Сердце её разрывается от боли за него. Но она не вправе её обнаружить, не рискуя вызвать его раздражение и гнев: «жена учёного... восемнадцать лет вместе...должна бы понимать... а как ещё проверишь гипотезу?!»

Час... другой истязает он себя. Наконец едва передвигая ноги, опускает груз на землю и бредёт к кровати. Лицо его в этот момент заметно посерело. Вокруг глаз явно видны тёмные круги.

Она сжимает зубы, чтобы не закричать, не броситься к постели, где он лежит суровый и неподвижный.

Время тянется, как резина. Она сидит, уставившись в пустоту и ждёт, когда он позовёт,

когда позволит себе помочь. Но он молчит. Лишь изредка слышится его тяжёлое, неровное дыхание. Но вот оно вдруг неуловимо меняется, становится заметно реже. Украдкой скосив глаза на постель, она видит, что муж заснул.

Только теперь замечает женщина, что стемнело. Она задувает коптилку и садится возле него.

Часы идут за часами. Ничего не происходит. И, как ни тяжело у неё на душе, она всё же решается прилечь.

Долго лежит без сна, пока не замечает, что находится уже в иной реальности, где они с ним вновь молодые... где шлёпает босыми ножками по бабушкиному дому в Брошевском переулке их годовалая дочурка... где он — молодой военврач — непрестанно переезжая из части в часть, охраняет санитарное благополучие Красной Армии или принимается разыскивать места выплода москитов — переносчиков лихорадки папатачи... Она ждёт его месяцами, годами напролёт; ждёт, любя и надеясь, что когда-нибудь он всё же будет рядом.

...Женщина просыпается вся в слезах, лишь теперь осознав, что реальность эта была сном. Тревожно вглядывается в лицо спящего мужа. Замечает, что черты его лица обострились. Вздыхает тяжело и идёт к керосинке готовить любимый им в таких случаях рисовый киселёк.

Что будет есть сама (да и будет ли вообще), даже не думает. Самое главное сейчас — ОН...

* * *

— Приготовьте что-нибудь и для себя, — возвращает её к действительности голос мужа. — Вам нужны силы за двоих...

— Да-да, Василий Иванович, конечно, — внешне, как всегда, ровным, спокойным и тихим голосом говорит она, судорожно глотая подступивший к горлу ком.

В тот момент она ещё не знает, что ждёт их обоих буквально на следующий день... и потом, в течение трёх недель: девять приступов возвратного тифа открыли свойства неизвестной спирохеты.

* * *

Когда кризис наконец миновал, и он стал понемногу гулять рядом с землянкой, она вновь подняла вопрос о возвращении в Москву (о чём он категорически ранее говорить отказывался!):

— Позже мы возьмём с собой ещё нескольких сотрудников и снова сможем выехать сюда, продолжив наши исследования. Теперь же, когда промежуточные выводы уже сделаны и нужно кропотливо проверить их в лабораторных условиях... тем более вы сейчас так слабы...

— Вот с этого бы и начинали, дорогая, что моё здоровье, как вам кажется, требует возвращения, — прервал он её. — Я благодарен за заботу обо мне в дни болезни и сейчас, но вы же знаете, как трудно мне ладить с кем-либо, кроме вас. Меня привлекло это место своей природной и бытовой обстановкой — обилием москитов и поголовной пендинкой.

Моим же сотрудникам всё мерещатся экспедиции к морским берегам, счастливые дни в купанье, прогулках и флирте, а я их сюда привожу. Отбудет помощник свой срок, и калачом его ко мне не заманишь. Другого обучишь, намаешься с ним — опять то же самое повторится. Так что придётся вам и дальше меня терпеть, — завершил разговор он.

...Экспедиция продолжилась. Он выздоровел, и ещё два месяца они кормили москитов своей кровью, продолжая начатое. «Наука не терпит суеты», — любил повторять он, воодушевляя её, когда у неё совсем «опускались руки». Она не спорила, теперь уже точно готовая ко всему. А память услужливо прокручивала перед её мысленным взором «картинки» жизни других подвижников, среди которых чаще всего вспоминался семидесятитрёхлетний профессор-гигиенист Макс Петтенкофер, в доказательство своей гипотезы об иммунитете выпивший в 1892 году на глазах изумлённой толпы собственноручно приготовленный «бульон» культуры холерного вибриона...

* * *

...Тогда, в далёком 1938-м они ещё не знали, что находятся на середине пути... что до тех пор, пока страшная болезнь, сотнями уродовавшая и убивавшая простых дехкан и рабочих Таш-Кеприкской плотины, будет побеждена, им придётся пройти через многие испытания и лишения...

«А если б даже знали, остановились бы тогда? Остановился бы он? Согласился этим продлить свою жизнь хотя бы на день... или хоть немного поберечь себя через несколько лет в той Великой войне, которую страна выиграла ценой неимоверных страданий?», — думала женщина, два дня назад проводившая мужа в последний путь.

Она сидела на кухне их коммунальной квартиры, куда семья переехала незадолго до войны из Брошевского переулка от матери. Дочь с работы ещё не пришла. Её же сослуживцы, жалея, старались эти дни поменьше загружать делами.

Никогда не думала она, что их с ним жизнь закончится вот так, практически даже не начавшись. Ведь никогда за все эти тридцать лет он не принадлежал ей безраздельно.

* * *

...Только что отшумел выпускной бал... Она, молодой врач, месяц назад окончившая Высшие женские курсы, была мобилизована в санотряд действующей русской армии и направлена в Варшаву, куда уже начали поступать раненые... где вовсю развёртывались госпиталя... где комплектовались санитарные поезда, двигавшиеся на восток, в тыл.

Знала ли тогда, чувствовала, что её избранник где-то там... за Одером... томится в немецком плену? Да... Сердце тревожно сжималось, предупреждая о

неблагополучии. Но кому тогда, в далёкие предреволюционные годы, было спокойно и легко?

* * *

...Мерно стучат колёса их санитарного поезда. Он движется в Закавказье... аж на границу с Турцией, где ей предстоит пробыть целых два года.

Перевязки всё прибывающих раненых, операции, дезинфекции бараков... Но кроме них — и прогулки верхом по предгорьям на армейских лошадях...

Как же всё-таки предупредителен и мил сопровождавший её молодой офицер Владислав Грушевский.

«Женя, Женечка, не устали ли... не хотите ли лимонада?», — то и дело заботливо интересуется он.

«Да, пожалуй», — иногда соглашается она заехать в придорожное кафе... Но и только. До серьёзного флирта дело не доходило. Как же велико было её удивление, когда он вдруг зимой, во время их лыжной прогулки, изящно «подрезав» на повороте, смеясь, схватил девушку в охапку.

— Нет, вы не вправе всё время от меня ускользать. Лыжница вы, конечно, преизрядная, но... вот так всё время опережать кавалера...

— Пустите, — зарделась она. — Увидят же...

— Ну и что?! Нас ведь с вами все давно поженили... Неужели вы не замечали взглядов подруг?

— Нет, — совсем засмущавшись, ответила она. — Я думала, мы с вами просто друзья...

— И ничего между нами не может измениться? Что скажете, Женечка?

— Простите меня, Владислав... Вряд ли я готова к этому... Тем более теперь... Нет-нет, давайте-ка возвращаться, — засобиралась в обратный путь она. — Что-то наша прогулка слишком затянулась...

* * *

Больше с тех пор наедине с ним она старалась не оставаться: к чему подавать ненужные надежды? Он всё понял и вскоре перестал настаивать на встречах. А потом его перебросили на другой участок фронта.

Время шло. Писем от Василия всё не было. Вот уж и война кончилась, а о нём — никаких известий, как вдруг...

— Женечка, иди сюда! — както поздним вечером позвала из прихожей мама.

Она вышла из кухни с запачканными мукой руками:

— Что? — успела лишь сказать девушка... и осеклась: на пороге стоял он — посуровевший и похудевший...

— Как же всё-таки долго я к вам шёл, — сказал он и протянул к ней руки.

Она подбежала к нему и прижалась всем телом. Небритая щека мужчины коснулась её нежной, девичьей щеки...

А потом был отъезд на его Родину — в Вязьму. Там вскоре и родилась их единственная дочь, Леночка. И, как только это произошло, они сразу вернулись в Москву, к её маме, потому что уже тогда начались его многомесячные командировки то на один, то на другой участок фронта, где он боролся за санитарное благополучие Красной Армии: оставаясь одна, она не могла уделять должного внимания дочери...

«Вот, собственно, с тех пор я и мечтала о времени, когда он всегда будет рядом», — вздохнула женщина, возвращаясь из грёз в грустное настоящее.

«А почему, собственно, мне нужно прощаться с этими мечтами теперь? — тут же возразила она себе, мгновенно прозрев. — Разве не знала я, к чему он был готов, когда вводил себе в кровь тот или иной штамм? Разве не понимала, что здоровье людей при этом было для него на порядок важней собственного?

«Жизнь положил за други своя»... Да. Это о нём. Значит, не закончится для него всё смертью, не ограничится; смерть — лишь переход в иное состояние, иной мир, в котором они, быть может, и будут всегда вместе»...

Она вздохнула на этот раз с каким-то облегчением и подошла к окну — там вовсю светило нежное московское солнышко. Ей же вдруг вспомнился раскалённый огненный шар, висящий над плавящимися от жары Кара-Кумами. Внутренним взором женщина увидела затерянную в их просторах лессовую хижину... пустыню вокруг, скупо украшенную эфемерами... следы песчанок на песке — расплывчатые, с мягкими очертаниями мохнатых лапок, прерывающиеся бороздками волочащегося за ними длинного хвоста... кусочки веточек и пучков травы у норок... и поняла — там... так недавно... и так давно, она была счастлива, несмотря ни на что... вопреки скорбям и испытаниям...

Вместо послесловия:

Описанная в повести экспедиция Василия Ивановича с женой Евгенией Павловной в Мургаб действительно имела место быть. Она состоялась в 1938 году и была посвящена исследованию механизма распространения лейшманиоза в Южной Туркмении. В результате продолжавшейся несколько лет работы реально существовавших учёных — одного из ведущих советских паразитологов 1930—1940-х годов, члена-корреспондента Академии медицинских наук, доктора медицинских наук Николая Ивановича Латышева и его супруги, кандидата медицинских наук Александры Петровны Крюковой — болезнь раз и навсегда была побеждена мировой медициной. Успешно была достроена и Таш-Кеприкская плотина, а «Мургабское море» стало подавать воду на засеянные хлопчатником поля.

Александр АТВИНОВСКИЙ

ТУМАН

Рассказ

Александр Николаевич Атвиновский родился в 1961 году в посёлке Токур Амурской области. Окончил Свердловский архитектурный институт. Два года работал в отделе архитектуры Грачёвского райисполкома, с 1988 года живёт и работает в Оренбурге. Многократный дипломант и лауреат всесоюзных и всероссийских смотров-конкурсов на лучшее архитектурное произведение. Президентский стипендиат в области архитектуры и градостроительства. Член Союза архитекторов России. Имеет более 200 реализованных проектов в России и странах СНГ. Печатался в областных газетах, альманахе «Гостиный Двор». Автор книг прозы «Замковый камень» и «Фуа-гра».

В детстве я много и часто болел: то ангина, то скарлатина, то простуда какая. Болезнь наступала с высокой температурой, с недомоганием, слабостью во всём теле, возникали откуда-то мысли о смерти, и всё сжималось у меня внутри, хотелось плакать — и плакал, до рыдания подчас…

Первый раз я задумался о смерти лет в шесть, когда хоронили одного дяденьку, он погиб в шахте от взрыва, не успел отойти на безопасное расстояние. Мои родители, как и другие жители посёлка, провожали его в последний путь. Все вокруг говорили: «Какой молодой — и такая нелепая смерть…» Я спросил державшего меня за руку отца:

— Пап, а что такое это… ну, смерть?

— Как тебе объяснить, сынок? Каждый вечер, когда засыпаем, мы как будто умираем… ну, ничего не чувствуем. А утром, просыпаясь, как бы оживаем. А если человек умер,

то он уже никогда не проснётся, будет спать вечно…

— И дядя Слава тоже не проснётся? Пап, а зачем людей тогда хоронят? Пусть спали бы дома, зачем в землю закапывать?

— Так положено, Сашок. Понимаешь, мёртвый человек растворится в земле, как… как кусок сахара в чае. А дома зачем ему… — отец явно стал раздражаться, замолчал ненадолго, сказал: — Надо было тебя к бабушке на работу отвести на пару часиков, рано тебе ещё на похороны ходить…

— Пап, а когда умрём, ничего от нас не останется? Мы, это… растворимся, да? — не унимался я.

— Ничего! — резко, но как-то тихо и чуть дрогнувшим голосом ответил отец.

С тех пор бывало иногда, когда я засыпал, то чувствовал, что будто проваливаюсь в какую-то чёрную бездну, где всё исчезает, растворяется, глохнет…

— Мама… мамочка!.. — кричал я тогда.

— Сыночек, миленький, что с тобой? — встревоженно спрашивала мама, присев на край кровати, брала меня за руки и целовала в ладошки.

— Я умираю… — шептал я ей.

— Дурачок! Да с чего бы это?! — И родной ласковый голос успокаивал меня, страх отступал, на душе становилось легче. — Ты не умрёшь, не бойся… Надо сначала вырасти большим, потом состариться. И даже когда состаришься, ты можешь жить долго-долго, как вот папин друг дед Лосев. Ему вон уже восемьдесят, а он какой ещё молодец-удалец! Ничего не бойся, спи спокойно. Впереди у тебя целая жизнь, а я посижу возле тебя, пока не заснёшь…

У моего отца приятелей много, но друг один — дед Лосев. Лишь с ним он откровенно делится своими мыслями, переживаниями, спрашивает совета. Они подружились, когда отец работал товароведом на поселковой торговой базе, а дед — начальником её охраны: мышка не проскочит мимо него незамеченной, ведь когда-то раньше, задолго до пенсии, он служил в милиции. Каких только преступников не ловил, и не случись какой-то неприятной истории, о которой разное болтали в посёлке, майор Лосев мог бы стать генералом или уж, самое малое, полковником. Поговаривали даже, что он убил обвиняемого во время допроса… Я не верил этому — врут! Мой отец никогда не стал бы дружить с убийцей. Это поклёп на деда, кому угодно он может сказать правду в глаза, вот и не любят его за это, сплетни распускают… И в любой ситуации он не теряет достоинства, всяким обидчикам людей спуску не даёт, а если те ответить захотят, то тут уж извиняйте, граждане: и сам он, и его телохранитель, постоянный

спутник бурятский волкодав Туман такой отпор дадут — мало не покажется!

Лет пять назад, ранним морозным утром в конце ноября стоял густой туман, дальше вытянутой руки ничего не видно было. Дед Лосев, не торопясь, шёл с дежурства домой и, проходя невысокий мостик над наполовину замёрзшим горным ручьём, услышал откуда-то снизу жалобный писк. Спустившись едва ль не на ощупь к ручью, пригляделся в тумане и увидел такое, что сердце защемило. С полдюжины крошечных щенков лежали, сбившись в кучку, на льду заберега, почти у самой воды… Дед наклонился, стал было ощупывать их, но все они уже замёрзли. Опять послышался писк — и лежащий в середине щенок вдруг стал поднимать голову… Бывший милиционер, волею судьбы оказавшись на месте чьей-то гнусности, поднял единственного полуживого свидетеля и жертву одновременно, сунул щенка в свою большую тёплую рукавицу и понёс находку домой, иногда останавливаясь, проверяя, жив ли спасённый.

Туман — так назвал щенка дед — рос быстро, и через пару месяцев в нём уже угадывался бурятский волкодав: массивная голова с большими висячими ушами, мощный торс на широких мускулистых лапах и характерный окрас для этой породы собак — большей частью чёрный с перламутровым отливом. Лишь морда, грудь и лапы рыжие, как будто пёс, сунув нос в банку с охрой, поднял её и опрокинул на себя, но две рыжие капли как-то вот попали на брови, на вид сделав собаку как бы четырёхглазой. Дед Лосев, полжизни проработав следователем, без особого труда вычислил «доброго» человека, выкинувшего щенков на мороз; к тому же негодяй этот постоянно пьянствовал, нещадно бил жену и собаку, мать Тумана, которые, несмотря на все унижения и рукоприкладство, выли по нему, когда он погиб в прошлом году: ехал пьяный на мотоцикле, сбил ограждение моста и упал в ручей именно в том месте, где выбросил щенков… Узнав об этом, я вспомнил, как в один из выходных дней, за полгода до этого случая, мы с дедом Лосевым стояли в очереди за молоком. Сверля взглядом пытавшегося пролезть без очереди мужика по кличке Блоха, дед сказал мне шёпотом: «Вот энтот сволочуга таких прекрасных щенков погубил, братов да сестёр Тумана…» И тот почуял его взгляд, оглянулся:

— Дед, ты чо вылупляешься на меня, я тебе девка, што ль?

— Энто ты залупляешься, а я вот приглядаю за тобой, больно ты, Гришаня, пакостный стал. Укорот тебе пора дать, ежели не возьмёшься за ум… накажет тебя Бог — ох, накажет!

— Видал я твоего Бога!..

Он хотел ещё что-то сказать, но духу не хватило, поспешил выскочить из магазина, увидев, с какой решимостью дед, одетый по форме — в хромовых сапогах, в офицерских тёмно-синих галифе с красным кантом, в кителе и фуражке с треснутым козырьком, — направился к нему.

— Смотри у меня! — дед помахал ему вслед бидончиком для молока и вернулся в очередь...

— Почему так долго, сынок? Мать уже давно картошку пожарила, а тебя всё нет и нет... очередь большая была? — поинтересовался отец, нарезая широкими кружочками солёные бочковые огурцы.

— Да, большая, да ещё некоторые без очереди лезли, дед Лосев чуть не подрался с дядь Гришой Блохиным из-за этого! — сказал я, протягивая матери бидончик молока.

— Так кто же победил? — заулыбался отец и уточнил: — Туману вмешиваться не пришлось?

— Дед, конечно! Он тебе привет передавал, говорил, что завтра вы пиво пьёте, и он за тобой зайдёт, — доложил я, при этом мать пристально посмотрела на отца и с известным чувством сказала:

— Коля, у меня завтра стирка, поэтому деда домой не таскай: выпили в пивбаре и культурно и вовремя разошлись по домам — хорошо?..

— Пап, а почему все «дед Лосев» говорят, у него что, имени нет?

— Есть у него и имя, и отчество, но такие мудрёные, язык сломаешь, пока выговоришь. Иннокентий Вячеславович его зовут; так разве можно, глядя на его офицерский наряд, какой он постоянно носит, говорить о нём «дед Кеша»?..

...Не умолкая звонил дверной колокольчик, мать выглянула в окно и раздражённо сказала:

— Коля, гости к тебе пришли, собутыльники твои... на троих, видно, сообразить хотят!

— Оль, да кто там? — отец накинул пиджак.

— Дед со своим Туманом... Колюша, только не как в прошлый раз, не сидите вы до закрытия... Это у деда никого нет, а у тебя семья! — с неудовольствием напутствовала мать.

Туман зашёлся радостным лаем, когда увидел идущего к калитке отца, вскоре поздоровавшегося за руку с дедом Кешей и ласково потрепавшего за уши собаку; а ещё через минуту троица быстрым шагом направилась в пивнушку. Мы с мамой, стоя у окна, смотрели им вслед, пока они не скрылись за поворотом, потом пошли заниматься своими делами — мама стиркой, а я уроками.

Солнце склонилось к закату, начинало смеркаться, и я включил свет, покончив с уроками, сложил тетради и учебники в портфель. Мать, готовившая ужин на кухне, позвала меня:

— Саша, сыночек, идём-ка ко мне!

— Мам, да я погулять хотел, все уроки сделал.

— Ну и молодец! Сашенька, только сбегай за отцом, а то он застрял там в пивной со своим «милиционером». Придёте — поужинаем, а потом пойдёшь гулять. — Она замолчала, зачерпнув ложкой бульон из кострюли, подула на него, попробовала на вкус. — Да сам смотри не потеряйся, сказки дедовы не переслушаешь…

— Хорошо, мам, я быстро.

Я легко взбежал на высокое, метра на полтора, и длинное, во весь фасад, крыльцо пивбара. Даже сегодня, много лет уже работая архитектором, я не понимаю, зачем его нужно было делать таким огромным… Представляю, сколько местных пьянчуг покалечилось на нём: на чудо-крыльцо это они ещё худо-бедно всходили-вползали, а вот обратно, хорошо выпив… На крыльце я приостановился и, набрав в лёгкие воздух и затаив дыхание, чтобы не наглотаться табачного дыма, вошёл. Через пивной зал, уставленный высокими круглыми столиками и окутанный плотным никотиновым туманом (поскольку многие мужики после каждого глотка пива предпочитали делать пару затяжек), не дыша пробежал к тому, что сейчас бы назвали «вип-зоной». Там, в углу, возле бара, за прозрачной шторкой обосновалась за столиком наша троица: дед с отцом сидели на стульях с металлическими искусно изогнутыми спинками, а Туман, разумеется, на полу, у них в ногах. Вы спросите меня, откуда им такие привилегии? Сейчас расскажу.

Дед Лосев известный любитель пива — и, может, не столько пива, сколько самой пивбаровской атмосферы. Все его там уважают, многие за советом обращаются, несмотря на возраст; по его словам, он «не растерял, а подсобрал умишко-то к старости, как некоторые деньгу»… Но с появлением у него щенка, который так горько «плакал», подвывая, когда дома один оставался, возникли проблемы с соседями, и дед вынужден был брать его с собой. Через полгода появилась новая проблема: Туман вырос больше немецкой овчарки, и заведующей пивбаром Клавке стал мерещиться запах псины в её заведении. Как она могла унюхать его в смешанном запахе табачного дыма с перегаром — загадка, но якобы у неё оттого сильно уменьшились выручка и число посетителей… Хозяин волкодава спорить не стал, переселил пса на крыльцо к входной двери. Запаха псины в пивнухе вроде как не стало, но и выручки не прибавилось, а скорее уж наоборот, так как этот дедов здоровенный «ребёнок», крутившийся у входа, совался к посетителям, даже заигрывал с ними… ведь он же дитя! Клавка написала заявление в милицию: мол, уберите

четвероногого «швейцара» и накажите его хозяина Лосева Иннокентия Вячеславовича, иначе выполнить план нет никакой возможности!..

Клавдия Степановна, женщина весьма тучная, тяжело вставая из-за стола навстречу вошедшему в её кабинетик участковому Георгию Ивановичу, наверное, подумала: «Говорят, что ворон ворону глаз не выклюет, а тут милиция вон как быстро сработала... Небось, не успели чернила на заявлении высохнуть, как Жорка нарисовался в своих чапаевских усах...»

— Рад вас приветствовать, Клав-Спанна! Сигнальчик ваш не мог оставить без вниманья, как-никак майора милиции в отставке Лосева, ветерана МВД, обвиняете. Читал и восхищался вашим писательским талантом!.. — Участковый говорил это несколько пафосно, временами по привычке подкручивая пальцами усы, и заведующая пивбаром не могла понять, куда он клонит, а капитан меж тем продолжал: — Недолго восхищался, правда, если уж прямо сказать, потому как нашлись писателя посурьёзней...

— А я вам про чо? Дед совсем распоясался! Если он завтра с бычком в пивбар ходить начнёт, чо делать тада? Спасибо за быструю реакцию!

И круглое лицо Клавки так расплылось в предупредительной улыбке, что щёки, казалось, совсем закрыли глаза.

— Да нет, Клавочка Спанна, это на вас они пишут, на вас... — Участковый достал из папки стопку бумаг, пролистнул. — Пишут, что обижают их в вашем заведении: обсчитывают, не доливают пивка, да и рыбку частную втридорога подсовывают. А некоторых и водочкой спаивают, ну и другое в таком же духе... И как мне прикажете поступить? — внимательно посмотрел милиционер на Клавдюшу.

— Поняла! Очень даже вас поняла, Георгий Иваныч! А мы для вашего протеже Лосева местечко можем организовать рядом с баром... ну, столик поставим, стульчики, занавесочкой от зала прикроем. — И она заботливо сняла длинный волос с кителя участкового, а другой рукой подхватила бумаги, которые тот, не дай Бог, выронит на пол. И предложила, всё умилительнее улыбаясь: — Товарищ капитан, а может, мы эти бумаги поганые ... тово?..

— Приятно иметь дело с умной женщиной! — Капитан отпустил в её руки бумаги, с улыбкой ответной подчеркнул: — Я рад, что в вас не ошибся, Клавочка. Надо, знаете, заботиться о стариках... Писульки эти можете порвать и выбросить, но с безобразиями в вашем заведении разберитесь, ограничусь пока устным замечанием! Честь имею!

И с этими словами, козырнув, он вышел из кабинета.

После ухода участкового Клавдия Степановна с волнением хотела изучить оставленные им «писульки», в надежде узнать фамилии «стукачей». Но, к её негодованию, под своим поданным заявлением в милицию лежали несколько листов чистой бумаги… «Вот сволочь усатая, обманул!» — ругнулась она про себя и, несмотря на такой досадный и обидный осадок в душе, подумала: «Раз пообещала, деда всё равно пристраивать придётся, а то ведь не отвяжется, чёртов клещ!..»

Дед был очень удивлён предложению Клавы «переехать» поближе к бару, за занавеску, да ещё с собакой. На такую заботу он ответил согласием, но потребовал поменять плотную портьеру на прозрачный тюль, а лампу освещения в этом отгороженном углу убрать, чтобы из зала не бросалось в глаза, что происходит за шторкой. Как только бывший майор милиции устроился на новом месте, его жизнь заиграла другими красками. Неизвестно, увеличилось ли число посетителей пивной и была ли всем этим довольна Клавка, но к старику Лосеву (кто из любопытства, а кто с желанием получить дельный совет) стали часто заглядывать за шторку местные люди, угощали пивом, а собачку его вяленой рыбой или даже специально принесённой с собой сахарной косточкой, от которой Туман не оставлял даже крошки, такие у волкодава были сильные челюсти и крепкие зубы.

Когда я прошёл к ним в угол, пёс первым заметил меня, встал навстречу и завилял своим пушистым хвостом, потом ко мне повернулись отец и дед. Румянец на их щеках говорил, что до моего появления они о чём-то эмоционально, должно быть, беседовали.

— Сынок, что-то случилось? — спросил отец и сделал несколько глотков янтарного пива, холодного, судя по запотевшей большой стеклянной кружке, по которой маленькие капельки воды, стекая по стенкам со всех сторон, проделывали прозрачные дорожки; придвинул ближе третий стул, сказал: — Нет? Тогда садись, мой родной, сейчас маленькую кружку пива для тебя принесу, посидишь с нами за компанию!

— Мама на ужин зовёт, за тобой послала.

— Ты сядь, отдышись, успеем ещё на ужин, подожди минутку. — Отец встал из-за стола, сходил к бару и вернулся с маленькой кружкой пива. — Держи! — и поставил её передо мной. — На край, с которого пить будешь, мокрую соль налепи, вон как дед сделал, очень вкусно! Посидим, разговор закончим и домой.

— Коля, а не рано ль мальцу пиво с нами пить? — выразил сомнение дед.

— Ничего не рано, в самый раз, ему недавно десять лет уже исполнилось!

— Пап, да это же лимонад, зачем соль? — возмутился было я.

— Сашуля, не обижайся, папка пошутил! — и отец, и дед дружно посмеялись и вернулись к прерванному, должно быть, моим приходом разговору.

— … а что ты говоришь, Коля, что живёшь по совести, вроде без греха и каяться тебе особо не в чем, то могу твёрдо сказать, что энто заблуждение. Када я был малой, как вот твой Сашка, родители решили грамоте меня обучить, отвели в церковно-приходскую школу. Так вот, перед началом занятий батюшка с кажным учеником проводил беседу, как бы на тему «один день моей жизни», и записывал энти рассказы, а на занятии нам, детишкам малым, сказывал, кто сколько грехов за энтот прожитый день с утра до вечера свершил. Доложу тебе, друг мой, с десяток грехов за день у кажного набралось, а уж у взрослого мужика, наверняка, поболе будет… вот те и без греха! Всего-то один день! — дед, хитро прищурившись, посмотрел на отца и пригубил пива. Говорил он всегда на своём несколько странном, вперемешку с милицейским, деревенском наречии.

— А что же тогда «совесть», по-твоему? Ты вот всю жизнь преступников ловил, среди них немало, думаю, людей без совести было — убийц всяких, например, поставивших своё «я» выше общего блага, страшный вред людям принося… что скажешь?

— Скажу! Совесть — энто глас Божий, сила, стоящая выше человека, с оной совладать невозможно. Присуща она почти всем людям, даже и преступникам в том числе, не знающим, на каки душевные страдания и муки себя обрекают из-за сиюминутной слабости своей и жажды наживы. Ты прав, много законченных негодяев повидать пришлось, и вот что я тебе скажу, Колюня: природный дефект в энтих людях имеется. Понимаешь, рождаются люди слепые, глухие, немые, а бывает, хоть и редко, конечно, и с недоразвитой совестью или уж совсем без оной… Из-за одного такого бессовестного сволочуги я и ушёл из милиции, не смог больше там работать… понимаешь, в кажном преступнике его, тварь, видеть стал! — Дед нахмурился, взгляд его стал отсутствующим, жадно, большими глотками он почти осушил кружку, мотнул головой: — А так нельзя работать, не по-людски энто…

— Ладно, товарищ майор, не рви сердце из-за всякой мрази! — приобнял отец за плечо деда, прижал по-дружески к себе. — Пойду-ка свеженького пивка возьму…

— Послушай, а не тот ли это негодяй, которого у вас там убили на допросе? Извини, если что не так, но тут люди разное болтают… — спросил вернувшийся отец, в руках он держал четыре кружки пива.

— Да, он самый и есть… Боле двадцати лет минуло, а языки до сих пор чешут, — подтвердил

угрюмо дед, и от этого его признания мне стало не по себе, холодок пробежал по спине. — Было дело… Только я его не убивал, не тронул даже. Энто начальник мой майор Худько забил его насмерть, нервы его не вынесли гонора, бравады поганой скотиняки энтова, ухмылок всяких… У Худько психика совсем прохудилась после вертанья жены и дочки из фашистского концлагеря, где ихние профессора их как лягух кромсали, вдоль и поперёк, опыты над ими выделывали всякие… Чудом они живы остались, истинно чудом, ведь большую-то часть «биологического материала», так немцы подопытных называли, посничтожили, а их вот не успели. Таки вот дела…

— А всё равно трудно оправданье ему отыскать… Мыслимое ли дело — подневольного, пусть и преступника, убить?! Огромное же горе для близких его, родных… — сокрушённо качал головой, не соглашался отец. — А куда ж вы-то смотрели, почему позволили такое?!.

— «Куда, куда»… — передразнил его дед, как-то обречённо махнул рукой. — Туда!.. Вбежали, сразу бросились Худько за башку тащить, за плечи от мерзавца энтого — а майор напослед всё пинал его сапогами… да и нам сопротивлялся, здоровенный был. Вот и не поспели мы.

— И какая вина на преступнике том была? — отец нервно разминал вяленую рыбу. — Бандит? Убийца?

— Хуже. Душу детскую невинную испоганил… Извиняй, Колюня, при мальце не могу сказывать, совсем гадостная история, — брезгливо поморщившись, отставной майор Лосев залпом допил остатки пива в кружке.

— А ты иносказательно, этим… эзоповым языком, я пойму.

— Дюже, гляжу, любопытство в тебе взыгралось… Ну ладно, вот кака история. Шёл сорок девятый год, несколько лет как война закончилась, вдов бери-не обери, острая нехватка мужиков, сам понимаешь… Но вот Марии — была такая — свезло, несмотря на то, что молодых да незамужних баб пруд пруди. А она вдовая, и у ей дочка восьми лет — в общем, свезло, стал к ней похаживать электрик местного домоуправления, ЖЭКа по-нынешнему, да так и прижился у ей. И всё было у них вроде в лад-склад, пока дочка эта не рассказала своей лучшей подружке, какие «процедуры» с ей отчим проделывает… «процедуры», хоть болезные и неприятные, зато сильно полезные. Так убеждал он падчерицу: дескать, витмины для детского организьма, в рост идёшь быстро, лучше учишься — на ум они шибко хорошо действуют, а когда вырастешь, будешь самой красивой девкой на свете… Нет, Коля, ты понял, что энтот гад похотливый сотворил? — дед пытливо смотрел на отца, а у того на скулах

задвигались желваки, я увидел, и лицо стянулось и побледнело от злости.

— Понял я, трудно не понять… Больше скажу, даже понимаю теперь твоего того начальника… Нет, хорошо, что я не в милиции работаю — такие твари у меня до суда тоже вряд ли бы доживали. Не-ет, лучше в шахте, чем у вас… Дальше-то что было?

— А подружка Лены, так звали дочу у Марии, пришла домой и втолковала родителям, почему это она плохо учится, часто болеет и некрасивая к тому ж… что во всём папа виноват, не делает с ей «процедуров» как Ленкин отчим… Утром те вместо школы повели дочуру в милицию. Жаль, что тварюга энтот копыта откинул раньше времени. Мог бы весь рецепт свой на себе испытать — от кажнодневного приёма в тюрьме зековских «витминов» поумнел бы, глядишь, поборовел… но покрасивше вряд ли бы стал. Така, Коля, история.

— Что и говорить, невесёлая. А ты всё твердишь: в Бога верить надо… Как тут поверишь, когда такие бесчинства происходят и всякая несправедливость кругом? Если Бог существовал бы, вряд ли допустил бы все эти надругательства над человеком!

— Сурьёзный вопрос, брат, подымаешь, и обсказать его сегодня не поспеем: чутьё есть, что Ольга твоя сейчас сюда заявится за мужем и сынком… Но скажу — без веры в Бога один туман в голове у нас, потому как соблазнам греховным человек сильно подвержен. — Услышав кличку, Туман подошёл к хозяину, положил свою большую голову ему на колени, и дед усмехнулся на это, погладил собаку: — Да не про тебя я, Туманчик, а про наше человеческое… Без веры оно может и хорошо для кого-то, да вот одна грусть-печаль на сердце не даёт спокоя, душу отравляет, жизнь безбожную: умирать ведь так и так придётся… умрёшь-то, по безверию, ведь навсегда, исчезнешь без всякого следа. А вот вера в Бога жизнь большим смыслом наполняет, и если правильно ею распорядился, жил по-человечески, по Божьим то исть заветам, то смерть как бы не страшна вовсе… энто как этап в существовании человека: тело погибает, а душа бессмертна, в царствие небесное переселяется, в рай для праведников или там в ад для грешников… да там решат! Природа нам даже подсказки даёт для нагляду, да хоть в пример приведу: живёт себе гусеница как молодой, скажем, человек, ест-пьёт, развлекается как может. А затем стареет, превращается в куколку, как вот я, и уже мало чем таким интересуется, в своём коконе сидит и умирает, считай, потихоньку… уже как в гробу. А потом вдруг — р-раз! — и из этого сухого и никчёмного гроба вылетает красивая бабочка, душа то исть! И насколько праведную жизнь

прожил человек, такая бабочка из его мёртвого тела и вылетит: белая, цветная какая или вовсе уж чёрная!..

— Дед, да ты прямо поэт!.. Или батюшка, из той твоей школы. Много чем у меня есть возразить, но ты прав, домой нам пора, поэтому в другой раз договорим...

— Сынок, да тебя только за смертью посылать! Хотела было уже вас идти искать... Ужинать садитесь, простыло всё, а там уже и спать пора.

— Мам, если бы ты меня за смертью послала, я бы вообще, может, не вернулся! Потому что, дед Лосев говорит, смерти вовсе нет, тело только умирает. А из тела бабочка-душа на небо улетает, потому что она, это... бессмертна, да. И бывает белая, чёрная и самая разная... кто как грешен.

— А то, что сказками сыт не будешь, дед вам не рассказывал? Мой ты хороший! — мама попыталась обнять меня, но я увернулся.

Дед Лосев дожил до глубокой старости, он умер в девяносто два года, пережив лишь на несколько дней своего верного пса Тумана. Издревле у монголов и бурят есть поверье, что собака-волкодав помогает умершему хозяину найти дорогу к последнему божественному пристанищу, по пути охраняя его от коварства злых сил. Видимо, Туман заранее ушёл прокладывать хозяину безопасный путь к Богу. Почти до последнего дня Иннокентий Вячеславович принимал людей в своём пивбаровском кабинете и многих, надо надеяться, вывел из тумана безверия и разочарования жизнью. Из него, наверное, мог бы получиться прекрасный священник; да и почему — мог? Он и был таковым, пусть и не в сане. Думаю, его белая «бабочка» живёт где-то рядом с Богом, а может, даже и сидит на плече Божьем и пребывает в радости.

СТИХИ ПО КРУГУ

Наталья ОСИПОВА

* * *

Кормушка. Яблоневый сад.
Распахнуто окошко.
И кто-то, воскресенью рад,
Играет на гармошке.
— Давай-ка я тебе ещё
Плесну чайку покрепче.
— Мне так с тобою хорошо, —
Ты мне на ушко шепчешь.
Соседка Сара с молоком
Явилась так некстати.
Чтоб хоть одним узреть глазком
Меня в твоих объятьях.
...Что мне мужских признаний
вязь?
Не нужно ни словечка!
Пусть только месяц, светлый князь,
Над нами держит свечку...

* * *

Я не нарушу тишины,
Словами воздух сотрясая.
Я молча проникаю в сны
Нежданной вестницею рая.
Найду во мгле твоё окно
Средь миллионов «глаз»
зеркальных,
Среди обрывков талых нот
В тиши небес исповедальных...
Не нарушая тишины
По этажам преданий ложных,
Блуждаю в поисках иных
Бессмертных истин непреложных.

* * *

Где голос глух и мгла слепая,
Среди неоновых планет
Одна — небесно голубая! —
Хранит Господний кроткий свет.
Века, со мглой играя в прятки,
Сквозь отрешённый свет луны
Бегут по кругу без оглядки,
В реальность обращая сны.
Во снах — цветочные поляны
В обнимку с солнцем и дождём.
Там все мы неизбежно пьяны
Иллюзий призрачным вином...
Мы думаем, что всё условно,
Но, пробуждаясь ото сна,
К нам вновь приходит вероломно
Животворящая весна...
И радуга над морем дышит,
И солнцем озарён зенит.
И кто-то Непреложный свыше
Планету ласково хранит.

* * *

Всю ночь лежали на траве.
Земля нам грела спины.
Беспечно ползали во тьме
Букашки-пилигримы.
Сверкала молния. Ручей
Ворчал неподалёку.
А мы с тобой, мой книгочей,
Болтали без умолку.
И ни одной живой души —
Одни на целом свете…
Лишь вечным странником в тиши
Заблудший плакал ветер.
Рассвет наш первый на поля
Пролился, как лавина.
И матушка сыра-земля
Нам согревала спины…
И дятел, словно метроном,
Отстукивал минуты…
А мы забыли обо всём
Вдали от зла и смуты.

Ирина ЛАВРИНА

* * *

В России опять зацвела медуница,
Ноктюрны выводят цикады,
В лучах озорных поутру
серебрится
Роса, словно слёзы наяды.
Сюиты-симфонии милого лета
Под шёпот колосьев пшеницы.
Пускай же на Родине встретят
рассветы,
Кому суждено возвратиться.

Озябшей душой лишь в России
воскреснешь,
А там, на сторонушке дальней,
О родине милой протяжные песни
Выводишь светло и печально.

* * *

Осень холодная, осень угрюмая,
Словно туманом, окутана думами.
В маске дождя и в костюме
уныния,
Жаль, что тебе не подруга
отныне я.
В городе бродишь, совсем
удручённая,
Будто навеки с дождём
обручённая.
Ты позабыла лучи золотистые,
Вальсы танцуешь теперь ты —
до твиста ли?
Переходящий порой в снегопад,
Дождь в тебя тайно влюблён,
говорят.

* * *

Провожая багряный закат,
Прямо в небо окошко открою...
Листопад, золотой листопад,
Повезло повстречаться с тобою.

Растворюсь в пелене октября,
Что вздыхать о прошедшем-
весеннем?..
Не впервые мне юность искать
В тусклом золоте листьев осенних.

Всё прощу я — и морось, и грязь
За предчувствие первого снега.
И теперь ничего не страшась,
Улечу в эту осень с разбега.

* * *

Я теперь не боюсь темноты,
Полнолунье — моё веселье.
А готов ли попробовать ты
Терпкий вкус приворотного зелья?
Надо мной распростёрлась мгла,
Чертенята в зрачках играют.
И со мною моя метла,
Припаркую её к сараю!
Воск сгоревших дотла свечей
Нарисует картины судеб…
И пускай ты пока ничей,
Голос ветра тебя разбудит.
Связки диких волшебных трав,
Побасёнки кофейной гущи…
Ты с другою, и ты не прав.
Ты — на плаху со мной идущий!
Я в объятьях ночной тиши
Прохожу сквозь глухие стены…
…Жаль, что стоили мне души
Эти вещие перемены!

Любовь СУХАРЕВА

БУСИНЫ

Она говорит: «Я счастлива»
с усмешкой в холодных глазах.
И прячет невольно худые
запястья…
Она говорит, что он носит её на
руках.
И пристально смотрит глазами
вчерашнего счастья.

Остывшее лето знобит —
она прячется в шаль.
И смотрит часами в
начищенный неба хрусталь.
Она говорит, что сама
повернула в кювет,
И бусины слов, рассыпаясь,
стучат о паркет.

СНЕЖИНКИ

Позвольте человеку быть собой,
Не прятаться под маскою успеха —
Смотрите, как он светится от
смеха,
Когда в его душе царит покой.
Позвольте человеку быть
смешным,
Простите ему страхи и чудинки.
По сути, все мы Божии
снежинки —
Так филигранно созданные Им.
Мы так жестоки и строги порой
К тем, кто от нас отличен лишь
на вид.
Позвольте человеку быть собой,
Поверьте, он ещё вас удивит.

* * *

Я приду к тебе усталая, босая,
Зажимая сердце в кулаке.
Ты уже в который раз спасаешь
Тем, что просто гладишь по щеке.

Я приду под утро и без спроса,
Знаю, не прогонишь — будешь рад,
Потому что горло сжала осень,
И одной страшнее во сто крат.
Ты меня посадишь на коленки,
Проведёшь рукой по волосам,
И, конечно, ляжешь спать у стенки,
Всё не веря собственным глазам.

А проснёшься в тишине под вечер.
Тишина звенящая, пустая,
После каждой нашей новой встречи,
Будто снова к миру привыкая.
Быстро встанешь в строй, шагая в ногу,
Всё по кругу, сжато, на ходу.
Чтобы только заглушить тревогу —
Вдруг я снова больше не приду.

Я приду к тебе усталая, босая,
Ты прости, что снова всё не так —
Ты в который раз меня спасаешь —
Я не в силах разомкнуть кулак.

Ксения МОТЫЖЕНКОВА

* * *

Искрится снег морозным утром,
И замираешь у окна.
Сияет небо перламутром.
Звенит на солнце тишина.
Снежинки, словно королевны,
Танцуют дивный зимний вальс.
Пурги полночные напевы
Догнать уже не властны нас.
Пощипывая нос и щёки,
Трещит и буйствует мороз.
Зимы крещенские уроки
Пора усваивать всерьёз.

* * *

Есть слова заветные на свете,
Что таятся в глубине чернил.
Это слово бросил ты на ветер —
Ветер чудо-слово окрылил.
Родина способна уместиться
В слово, где и ширь, и высота.
С самой звонкой рифмой подружиться —
Вот моя заветная мечта.
Скверных слов в общении чурайся.
В чистоте храни родную речь.
С грубыми словами век не знайся,
Чтобы слово русское сберечь.

* * *

Лебедь белый прилетел
И во сне мне песню спел.
Танцевал со мною вальс
Лунной ночью в дивный час.
Пусть сверкает звёздный бал,
Вальс на крыльях нас поднял.
И встречает новый год
Звёзд прекрасный хоровод.

Екатерина МОТЫЖЕНКОВА

* * *

Лето устало немножко.
Дождик заладил с утра.
Смотрит котёнок в окошко,
В школу спешит детвора.
Это художница осень
Нам о себе говорит.
Холст золотистый осенний
В раме окошка горит.
Птицы на юг улетают,
Путь их высок и далёк.
Но, улетая, мечтают
Вернуться в родной городок.

* * *

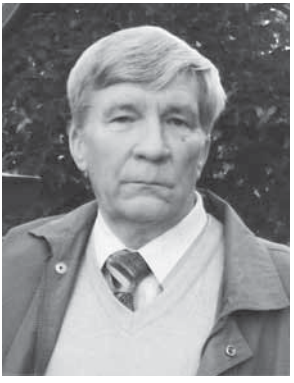
Что такое радость? Радость —
это ты.
Ты ведь воплощенье маминой
мечты.
Чудные рассветы, светлые
поля.
Радость — это слышать
говорок ручья.
Радостный пасхальный звон
колоколов,
Мамина улыбка, запах
пирожков.
Радость жить на свете, видеть
красоту,
И лелеять в сердце звонкую
мечту.

* * *

Он не умирает —
Наш родной поэт.
Всем всегда сияет,
Словно солнца свет.
С детства нам знакомый
И почти родной!
В каждом русском доме
Книги под рукой.
Он навечно в сердце
Каждого из нас.
Пушкин повсеместно!
Пушкин — это АС!

Для Ксении и Екатерины Мотыженковых эта публикация и пилотная (первая), и почётная. Эти юные поэтессы, две сестры, занимаются в литгруппе «Аленький цветочек» в Оренбургском Доме литераторов. «Аленький цветочек» — своего рода кадровый резерв Оренбургского областного литобъединения им.С.Т.Аксакова. На примере 6-летней Кати и 7-летней Ксении можно говорить о том, сколь значимым является нравственно-эстетическое и духовное воспитание детей, как единственно возможный путь формирования гармоничной личности. И за это понимание я, конечно, хочу выразить благодарность родителям наших юных поэтесс, которым любовь к литературе привита с самого раннего возраста. Катя и Ксения с увлечением постигают тайны литературного творчества, поэтому, думаю, они ещё не раз удивят нас своими поэтическими прозрениями.

Диана Кан



Сергей МИРОНОВ

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ*

Сергей Фёдорович Миронов родился в 1946 году в Оренбурге. Окончил железнодорожный техникум, Оренбургский политехнический институт. Работал на железнодорожном транспорте, на предприятиях «Оренбурггазпрома», в институте Волго-УралНПППгаз». Публиковался в областных газетах, с 2000 года в профессиональной журналистике. Редактировал газеты «Русский путь», «Братство» и др. Член Союза журналистов России. В журнале «Гостиный Дворъ» печатается впервые.

В первых числах апреля освобождается Урал из ледового плена. Сперва темнеет лёд возле берега, появляются узкие проталины, в которых чернеет вода, она пахнет морозной свежестью и весной.

Лес за рекой ещё в сугробах и словно замер в ожидании, по талым дорожкам гуляет праздная публика, молодые мамы с колясками, на лыжне колготятся студенты и школьники — запоздало сдают зачёты по физкультуре.

В городских парках вовсю хозяйничают грачи — кормятся, обустраиваются, совсем не обращая внимания на людей. Мальчишки, презрев опасность свалиться, приколачивают на деревья и крыши домов шесты со скворечниками, и считается счастливым знаком, удачей,

---

* Глава из повести «Формула счастья», Оренбург, ООО «Агентство «Пресса» 2014

если птаха примет приглашение и поселится.

Никто и никогда точно не скажет, в какой день и час начнётся ледоход, но всегда его воспринимают как большое и радостное событие. По улице, ведущей к реке, перекрывая движение транспорта, тянется народ, и нет ни одного грустного, задумчивого лица. Город и люди словно помолодели, словно улыбнулись чему-то, да так и забыли стереть с лиц улыбки.

На бульваре к парапету и полукружью недавно построенного спуска к Уралу сразу не подступиться — часами не надоедает смотреть на величавое и неспешное движение воды и ледяных островков. Льдины плывут, громоздятся друг на друга возле невидимых глазу заторов, потом рассыпаются и вновь спешат к югу, к теплу, спешат насытить вешней водой наскучавшую за зиму реку. И в половодье не иссякает людской поток, так и тянет всех к Уралу. По колено в воде стоят столетние осокори на другом берегу, садоводы ждут не дождутся, когда спадёт вода и можно будет торить дорожки на дачи, рыбаки готовят снасти, мечтая об удачных поклёвках. Весь город воспринимает ледоход и половодье как долгий и щедрый на улыбки праздник, почему-то не замечаемый официальными властями. Наверное, на те дни признаний в любви выпадает несоизмеримо больше, чем за все вьюжные зимние месяцы.

Наша спокойная и размеренная жизнь закончилась, забурлила, как вода в половодье, события громоздились одно на другое, как льдинки возле препятствий. Игорь, отработав положенный год на заводе, поступил в пединститут и, кажется, попал в десятку: очень увлёкся будущей профессией, как раньше, в мечтах, опасными и дальними морскими путешествиями и теперь не уставал повторять нам: «Что ни говорите, парни, а учитель — наиглавнейшая профессия на земле». Наверное, Игорь спал и видел себя известным на всю страну учителем в окружении бывших воспитанников — космонавтов, учёных, политиков высокого ранга. Мы соглашались с его словами, разговоры о значении учителя в судьбе каждого из нас поддерживали, справедливо полагая, что Игорю с его восторженно-книжным восприятием жизни и полным отсутствием практической сметки только с подростками и работать, здесь-то и найдёт он своё призвание. К тому же Игорю сразу дали стипендию, а дома лишних денег никогда не водилось, и он переживал: «Если стипендию не дадут, придётся всё бросить и идти работать на завод, мать же меня не прокормит», а какой к чёрту из него слесарь или токарь?

Женьку совершенно неожиданно пригласили принять

участие в выставке работ молодых художников области, две его картины получили одобрение, в газетной рецензии их отметили скупой похвалой. Он учился в последнем, выпускном классе, в свободное время разрисовывал витрины и окна продовольственных магазинов, писал плакаты, оформлял стенгазеты. Не густо и не часто, но что-то Женьке перепадало, тем паче, что весь этот антураж требовался к праздникам и приработок оказывался всегда кстати.

А с Димкой вышла вовсе занятная история. Больших жизненных планов он, казалось, не строил или же скрывал от нас, но по настоянию старших братьев подал заявление на вечернее отделение машиностроительного техникума — всё ж верный кусок хлеба, как они ему говорили. Потребовалась характеристика и зав. мастерскими, где Димка работал, дал ему не самую лестную: дескать, исполнителен и не ленив, но пассивный парень, не проявляет интереса к технике, к профессии. Димка обиделся.

Несколько вечеров он безвылазно сидел дома, писал, чертил схемы и делал расчёты, а через неделю подал сразу несколько рацпредложений, да таких, что главный механик ахнул: «Голова!». Димке выплатили премию и предложили перейти на работу слесарем на завод по ремонту путевых машин. Поступать в техникум его отговорил директор завода: «Заканчивай свою ШРМ, а проявишь и здесь смекалку — отправим учиться за счёт производства в институт инженеров железнодорожного транспорта. На выбор: или в Ленинград, или в Новосибирск». Оказалось, что его рацпредложения оценили даже в отделении дороги. Ну а я к тому времени учился на четвёртом курсе техникума, получал стипендию, в летние месяцы мы проходили практику, занимаясь съёмкой местности в разных районах области и получали зарплату, правда, мизерную. После денежной реформы 1961 года жить стало труднее, немногим лучше, чем в первые послевоенные годы. Даже квалифицированные кадровые рабочие экономили на обедах, что уж было говорить о нас. Странно: по газетным репортажам всего производили с каждым годом всё больше и больше, а на деле — перебои с продуктами, ширпотребом, иногда из свободной продажи напрочь исчезали сигареты, любимый многими «Беломор».

В те годы не говорили: «купил костюм», в обиходе было: «справил костюм», словно речь шла о свадьбе или новоселье. В городе было двое портных, которые умели перелицовывать костюмы, и к ним была очередь, обращалось и начальство разного уровня, и партработники средней руки. Милиция портных не трогала, а в то время могли и посадить за «левые»,

неучтённые доходы. Экономить приходилось на всём, родители в струнку тянулись, чтобы одеть и накормить семьи, и веселья и смеха в нашем доме и дворике заметно поубавилось.

Безденежье, которое лет семь-десять назад мы никак не ощущали (краюхи хлеба — «корябы» по нашему, вполне хватало на целый день и без разницы было, какая на тебе рубашка), теперь изнуряло и нас, особенно Женьку, который не мог купить хорошие кисти и краски. Как-то он сказал с нескрываемой злостью: «Нам постоянно внушают, что бедность не порок, а скорее наоборот — благо, и если человек богат, то обязательно какой-нибудь гад, обязательно с червоточинкой. Может, и так. Но сколько из-за безденежья, нищеты загублено судеб, сколько пропадает талантов! Человек мечтает стать врачом или архитектором, а вынужден пахать на стройке, потому что жрать нечего. Бывает ведь: уйдёт человек на пенсию и вдруг начинает создавать что-то прекрасное. Недавно к нам в училище пришёл один дедок, принёс несколько своих акварелей, так мы ахнули: нашим преподавателям у него бы поучиться!»

Что было возразить? Хотелось получше одеться, помочь родителям, да и скучновато нам стало одним отмечать праздники, приглашали девчонок. А компанию нам составляли подруги Ольги — девчонки, с которой встречался Димка. Раньше студентов (Ольга заканчивала кооперативный техникум) и молодых рабочих тысячами отправляли в помощь сельчанам на уборку урожая. В колхозе они и познакомились, и Ольга сразу потянулась к Димке, словно подсолнух к солнышку, а вот он её вниманием не баловал. Жила Ольга на противоположном конце города и промиловавшись с ней допоздна, когда уже и троллейбусы не ходили, Димка пешком, а скорее бегом преодолевал километров пятнадцать до дома, что, согласитесь, требовало немалого мужества. Вот с Ольгиными подругами компанией в восемь-десять человек мы и отмечали Первомай, Новый год, но серьёзных отношений между нами не складывалось. Пригласить Ленку никто бы из нас не посмел, да мы со стыда сгорели бы за наш убогий праздничный стол; постеснялись бы и Альке предложить бокал вина и не знали, чем объяснить нашу скованность при встречах с ними — девчонками, которых знали с детских лет. Собирались чаще всего у Женьки, так как его мама на праздники почти всегда уезжала в ближайший райцентр, где жила её сестра с мужем.

Женька очень любил свою маму и доверял ей некоторые наши тайны. Другому мы бы этого не простили, а Женьку даже не ругали, потому что и сами очень уважали и любили Татьяну Павловну. Она обладала

врождённой деликатностью и глубокой внутренней культурой, разговаривать с ней было одно удовольствие, правда, приходилось тщательно подбирать слова: сказать при ней что-либо из уличного сленга было совершенно невозможно.

Выглядела Татьяна Павловна очень молодо, фигурой походила на старшеклассницу и, наверное, многие мужчины по ней вздыхали, но строг и печален был её взгляд, а лёгкий флирт с такой женщиной вовсе был невозможен. Правда, глаза её теплели, когда она смотрела на Женьку, разговаривала с нами или рассказывала (всегда, словно ненароком, словно только-только вспомнила) что-либо занятное и малоизвестное из жизни великих людей или о культуре и обычаях других стран и народов. По общему мнению, мы иногда за пять-десять минут узнавали от неё больше интересного, чем за неделю занятий в школе или техникуме. Работала Женькина мама в областной филармонии, иногда приносила нам контрамарки на концерты, покупала на всех нас билеты в театр. На эти культурные мероприятия нам с Игорем даже одеть было нечего, но обходились: брали пиджаки у знакомых ребят.

Нищета так и лезла во все щели, а вот строить стали значительно больше. Впервые за многие десятилетия начали возводить на окраинах города сразу по нескольку домов. Мальчишки специально ездили на новостройки, смотрели на бетонные коробки, на башенные краны, как на заморское чудо. Спустя несколько десятилетий многие стали кривить губы, глядя на одинаковые, как валенки, пятиэтажки, презрительно именуя их «хрущобами», а что было делать в те годы? Строить комфортное, по индивидуальным проектам жильё — по дому в год? А тогда дома сдавали десятками, тысячи людей переезжали из подвалов, полуподвалов и иных строений, которые жильём-то можно было назвать лишь при наличии богатой фантазии, в новые, со множеством недоделок, но с ванной, горячей водой и телефоном собственные квартиры. До этого никто и сказать не мог: «Получил квартиру», — «дали комнату» — вот и всё, чем могли гордиться новосёлы. Теперь же тех, кому вручали ключи от новых квартир, можно было узнать по счастливым лицам, а по цвету грязи на сапогах (в другой обуви в новых микрорайонах было не пройти) определить и место проживания: красная глина — Восточный посёлок, белёсая — Заречье. Докатились радостные события и до нашего дома: в двадцатых числах октября вручили ключи от новеньких квартир (а ордера обещали выдать в торжественной обстановке, в канун главного политического праздника страны — 7 ноября)

отцу Димки и родителям братьев Фадеевых — Кольки и Сашки. Старший — Колька, только что демобилизовался из армии, Сашка был моложе нас года на два и потому мы не очень-то дружили, но относились к ним уважительно: оба были не по возрасту серьёзные, совестливые и надёжные в любом деле ребята. Про Димку и говорить нечего: рады были за него донельзя, хотя переезжали они в самый дальний конец города, где с транспортом были большие проблемы и в автобусы набивалось столько народу, что они становились круглыми и словно не ехали, а катились, обиженно урча, по ухабам улиц, которым ещё и названия не успели придумать, и, стало быть, встречаться столь часто мы уже не сможем. Провожали их едва ли не всем домом, почти все, кто не был на работе, считали своим долгом подойти хотя бы на минутку-другую, поздравить.

Соседки смачно целовали детей и женщин, некоторые из них вытирали платочками повлажневшие вдруг глаза. Неудивительно: за десятилетия, прожитые бок о бок, попривыкли друг к другу, сдружились, потому и получилось расставание со слезинкой.

Конечно же, многие завидовали, кто по-хорошему, кто с досадой, может, и со злобинкой: «Им-то вот выпало счастье, а когда же до нас дойдёт очередь?» Но помогали новосёлам кто как мог: женщины укладывали в коробки одежду, половики и прочие тряпки, бережно заворачивали в газеты фужеры, чашки и тарелки; мужчины осторожно, опасаясь, что развалятся, таскали неуклюжие шкафы, комоды и не переставали удивляться, сколь много скарба оказалось в более чем скромно обставленных комнатах.

Несколько человек — самые лёгкие на подъём, поехали городским транспортом по новым адресам — посмотреть квартиры, помочь обустроиться и по-походному, на скорую руку организовав стол, спрыснуть столь великое событие.

А часам к пяти вечера, как и договорились, с одобрения родителей, во двор вернулись Димка и братья Фадеевы. Тащили, согнувшись от тяжести, сумки с вином и домашней снедью. Очень кстати оказался старенький теннисный стол, через несколько минут он весь был заставлен банками, тарелками и стаканами, бутылками с домашним ядрёным квасом. Вино и пару бутылок водки, стесняясь, прикрыли газетами. В начале всего-то человек десять-двенадцать стояли возле стола, а через час уже и подступиться к нему было трудно. Пришли добродушный и сильный, мечтавший стать офицером-десантником Вовка Митрофанов, забияка и драчун Борька Батурин по кличке «Бармалей», Славка Ильин со своим закадычным дружком Вовкой

Пушкарёвым, болезненный и стеснительный Мишка Бейлин по прозвищу «Моцарт» — родители с детских лет заставляли его учиться играть на пианино, нагловатый и потому не особо привечаемый нами Олежка Самарин, Димкины одноклассники, Вовка Рязанов и Асхат Биклиев, да разве всех назовёшь? Разом, словно сговорились, пришли Ленка, Иринка и Галка-маленькая, Сонька Фахретдинова, чуть позже, к всеобщей радости, приехала Алька — Наташа Беляева.

Поначалу не очень-то клеился разговор, вспыхивал и затухал, как костёр во время дождя, но с приходом девчонок все както встрепенулись и повеселели, да ещё вдруг Алька выступила с целой речью:

— Вы что, мальчишки, носы повесили? Такое сегодня событие! Новоселье, как свадьба, раз в жизни бывает. Вот и давайте его отметим, чтоб запомнилось. Ведь ещё год-другой и разъедемся кто куда, опустеет наш дом. А ведь жалко, правда? Вот вам: Дима, Коля, Саша, разве не жалко покидать и дом, и двор, где все словно родные? Если бы вы знали, как мне вас не хватает!

Не дожидаясь ответа, Алька подняла стаканчик с самодельным вином: — А я бы и на край света поехала, лишь бы с друзьями, и чтобы интересно было.

А потом словно прорвало наш дом. Выходили ненадолго — не хотели смущать нас и отслужившие в армии парни, и даже родители шутливо грозили: «Смотрите, не загуляйте, молодёжь», и их участие вселило в нас радостное и торжественное настроение, словно каждого из нас наградили медалью.

Мимо, устало шаркая ногами и с любопытством поглядывая на большую компанию, проходил бывший плотник домоуправления дядя Матвей — он и мастерил беседки и теннисный столик, а Димка был его неизменным помощником. Узнав в чём дело, зашёл в садик, поздравил и Димку, и братьев Фадеевых.

Выпил водки, сказал: «Дай Бог вам здоровья, молодёжь. И светлых лет и дней в жизни поболе, чем нам досталось». Подошёл и недавно переехавший вместе с сестрой и матерью в освободившуюся комнату мастер спорта по боксу Валентин Сазыкин. Он нисколько не кичился ни своим званием, ни титулом чемпиона России — обыкновенный общительный парень. Помимо бокса увлекался он живописью, потому уважительно относился к Женьке, который приглашал его на выставки и даже познакомил с некоторыми художниками.

В тот вечер возле старого теннисного столика многие побывали, и мы были неизмеримо горды тем, что собрали всех вместе, и каждый чувствовал, что живём мы в нашем доме словно одна большая и дружная семья.

Уже начали сгущаться сумерки, когда во двор вдруг зарулил

милицейский «ГАЗик», подъехал к калитке садика и из него вышел капитан, вслед за ним сержант, выразительно похлопывая по сапогам резиновой дубинкой, про-званной в народе «демократизатором», и даже водитель высунулся, демонстрируя готовность прийти на помощь, если потребуется. Мы догадались, что кто-то «капнул» и нисколько не напугались, тем паче, что никто из нас не был даже «навеселе», — так, запах был, не более того. Внимательно осмотрев «место происшествия» и недоумённо покрутив головой, словно пытаясь освободиться от воротника рубашки, стянутой форменным галстуком, уже не так воинственно капитан направился к нам, а навстречу — Колька Фадеев, как самый старший из виновников застолья. Спорхнула со скамейки и Ленка и тоже подалась к капитану, но с балкона второго этажа раздался баритон поэта Юрия Рябинина: «Командир, здесь всё в порядке. Я за ребят отвечаю, а меня, ты, наверное, знаешь». Капитан повернулся к балкону, поднял голову, а потом и руку, приветствуя Рябинина: не знать известного поэта он не мог, а фамильярное «ты» прозвучало совсем не оскорбительно, а по-свойски и на правах старшего. Но уже, грузно опираясь на бадик, к патрулю спешил секретарь горкома Иван Иванович Елизаров и, увидев его, капитан вытянулся в струнку, но Елизаров и подходить не стал, а махнув рукой, дескать: «езжайте восвояси», повернул к дому.

В силу своего положения не мог же он любезно разговаривать с компанией выпивших молодых людей и сделал вид, что нас даже и не заметил. Капитан потянулся к «ГАЗику», но, улыбаясь во весь рот, путь ему преградил Колька, пояснил:

— У нас сегодня событие — переезжаем в другой дом, а дружили во-о-от с таких лет, — и опустил левую руку, отогнув ладонь в сторону. — А кто позвонил, товарищ капитан? Карлюгин, Ермолаев? — и мы, все, кто слышал Колькины слова, засмеялись, догадываясь, что больше некому.

— Не знаю, — ответил капитан. — По рации сообщили, мы и приехали. Но вы всё же после одиннадцати не шумите, не положено, — заключил он, потому как надо же было до конца исполнить свои служебные обязанности.

А сержант, увидев Ленку, вовсе потерял дар речи. Выйдя из машины, он оказался аккурат напротив меня, Женьки и Мишки «Моцарта», но на нас он и внимания не обратил: неодолимая сила крутила ему шею и он с немым восторгом смотрел на Ленку. Но сержант оказался очень волевым человеком: поняв, что выглядит в наших глазах смешно, он снял фуражку, стряхнул с неё несуществующую пыль и

опять водрузил на голову, почти полностью спрятав глаза.

— Значит, событие отмечаете, а драки никакой нет? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ну и ладненько. И ещё раз, уже не прячась, с восхищением посмотрел на Ленку и нырнул в машину.

Теперь уж и мы невольно перевели на неё взгляды и посмотрели как бы со стороны, словно в первый раз, и поняли, что Ленка действительно ошеломляюще красива.

У неё была прекрасная спортивная фигура, светло-золотистые, с каким-то пепельным оттенком волосы, серо-синие, глубокие как омут глаза с немыслимо длинными ресницами и прямой и тонкий, с едва заметной горбинкой нос, который придавал её лицу несколько надменное, холодное выражение. Недаром её называли снежной королевой. А вот Алька, хоть была и неказиста по сравнению с ней, но словно светилась вся, словно вокруг неё витало облако, излучающее тепло и успокоение.

Отъехал милицейский «ГАЗик» и тут же громко и злобно хлопнули створки окна на первом этаже, словно затвор карабина щёлкнули шпингалеты: клац! клац!, а мы, переглянувшись, улыбнулись: «Ермолаев».

Меж тем совсем уже сгустились сумерки, зажглись окна, от кустов акации легли густые длинные тени, и наступила странная, какая-то колдовская тишина, не нарушаемая ни кем-то сказанным в квартире громким словом, ни расплывчатым, неясным гулом, доносившимся с улицы.

Мы перебрались в беседку, кому не хватило места, стали вкруг её и говорили совсем-совсем тихо, боясь потревожить покой дома и очарование вечера. На миг, ослепительно ярко загорались спички, когда кто-нибудь из нас закуривал, а вслед опять ложилась непроницаемая темень. С танцплощадки на бульваре едва-едва слышно доносилась музыка: духовой оркестр играл «Цветущий май» — любимую многими, задумчиво-ласковую мелодию. Воздух что ли в тот вечер был такой прозрачный и чистый, ведь до этого никогда музыка с бульвара слышна не была? Мы как-то разбились по двое-трое, переговаривались полушёпотом и вдруг, не сумев скрыть волнения, так проникновенно, что мы все замерли, заговорила Галка-маленькая:

— Ребята, послушайте, я ведь знаю, что некоторые из вас договорились обязательно встречаться каждые десять лет, чтобы не случилось. Давайте и мы будем помнить друг друга и хоть изредка встречаться. Господи, как я вас всех люблю — и Галя вдруг заплакала, совсем как ребёнок, закрыв лицо ладошками.

Большого секрета из нашей договорённости мы не делали,

но всё же я удивился: от кого Галка-то узнала о ней? Её стали успокаивать, но уже через минуту она смеялась:

— Это мне вина мало досталось, вот я и расстроилась.

Попробуй пойми их — девчонок.

Потом мы ещё долго стояли, обняв друг друга за плечи, и были счастливы, как никогда. В тот чудесный, тёплый и тихий осенний вечер мы свято верили, что будущее прекрасно и построить его предстоит нам; верили, что мы всё сможем преодолеть, всё пересилить, потому что мы молоды, любим жизнь и потому, что мы вместе.

Тогда мы ещё не знали, что многое в жизни сложится совсем не так, как думалось, что далеко не все мечты и чаяния сбудутся, а добро отнюдь не всегда побеждает зло, не знали, что любовь может переродиться в ненависть, что души некоторых из нас покалечат, изломают быт, бедность, семейные неурядицы, а то и предательство, казалось бы, самых близких людей. Но тогда мы всего этого ещё не знали и потому были счастливы, как никогда.

Расходились мы далеко за полночь, возле подъезда меня придержал Женька и с укоризной спросил:

— Олег, да ты слепой, что ли? Ведь Галька в тебя влюблена без памяти. Она и к Иринке-то приходит, чтобы тебя видеть. А ты ей и слова не сказал за весь вечер, вот она и расплакалась.

Наверное, я и правда был слепой — не видел, не замечал и не догадывался об этом. Щёки и губы мои пылали от прикосновений тёплых и нежных Ленкиных губ. Конечно, она догадывалась, что я давно в неё влюблён, но любимых так не целуют. Так на вокзале, на прощание целуют родных и близких людей. Словно и мы сегодня не только провожали друзей, но и прощались с детством, с нашим домом и с нашим двориком.

Елена КУБАЕВСКАЯ

ЛИРИЧЕСКИЙ РАЗБЕГ

Елена Даниловна Кубаевская родилась в Оренбурге. Окончила Оренбургский государственный медицинский институт. Работала врачом-офтальмологом в Ташлинском районе, Вильнюсе, Оренбурге. Член литобъединения им. С.Т. Аксакова. Печаталась в газете «Оренбургская неделя». Живёт в Оренбурге. В журнале «Гостиный Дворъ» печатается впервые.

* * *

Мужья — «афганцы», сыновья —
«чеченцы».
С какой теперь войны нам
внуков ждать?
Мы — Ярославны, участь русских
женщин —
Рожать, любить, растить и
провожать.

Потом мальчишки, видевшие
взрывы,
Никак не могут вжиться в
тишину.
Пьют за друзей, за то, что
чудом живы,
Клянут войну… И — рвутся на
войну.

А в поле осыпается пшеница,
Молчат цеха, жирует нагло
мразь.
Доколь ещё сыновней крови
литься,
Доколь войне сыночков наших
красть?..

Чужою опалённые войною,
Седыми возвращаются сыны —
Российские «чеченцы» и
«афганцы»,
Герои нескончаемой войны.

* * *

Бессмертных воинов отряд
Идёт, смыкая строй,
Плечом к плечу, и к ряду — ряд,
Как в свой последний бой.

Звенят медали в такт шагов,
Им в такт стучат сердца…
Сливаясь в гул, а дальше — в рёв:
«За Родину!…Ура-а-а-а!»

И каждый вновь — боец, герой!
Сойдя с портретов смело,
Детей и внуков за собой
Ведёт вперёд умело!

Боюсь за ними не поспеть —
Встать в журавлиный строй,
Уносит эхом их запев:
«Вставай на смертный бо-о-й!»…

* * *

«Терпите, люди! Скоро лето!» —
В троллейбусе промёрзшем на
стекле
Спасла нам души надпись эта,
По-доброму напомнив о тепле.

И мыслями я унеслась тотчас же
Из города холодного туда,
Где встретились с тобою мы
однажды,
И где любовь осталась навсегда.
Тепло любимых…
Тёплый вздох природы…
Пьянящих трав закатные луга…
Пьянящее моё шальное лето,
Я все твои надежды сберегла.

КОМНАТА ВОСПОМИНАНИЙ

Я живу сегодня
поминально,
Будто каждый день
не с той ноги,
Комната моя —
исповедальня,
Помнит счастья
лёгкие шаги.

Где же наших жарких рук
сплетенье,
Приглушённый смех
и говорок?..
И сижу я,
обхватив колени,
В стылом кресле,
съёжившись в комок.

* * *

Обижаем беззащитных, в нас
влюблённых,
Нами, словно зельем,
опоённых,
Боль обид, чужими
нанесённых,
Бьёт в упор по душам
окрылённым.

Лишь потом сияющие лица
Будут нам во снах печальных
сниться,
Как укор, что в глубине таится,
Заставляя сердце гулко биться.

Им, простившим нас, от нас
ушедшим,
До сих пор, наверно, невдомёк,
Как на перепутье жизни
грешной
Памятен мучительный урок.

* * *

Всё — навыворот… Всё
наизнанку…
Так от века поэты живут.
То, что было забытою ранкой,
Растревожат и… драмой зовут.

Я такая же… Неосторожно
Растравляю забытую грусть…
Но весной не любить
невозможно —
Я невольно весне подчинюсь.

Пусть моею останется тайной,
Как в весеннем цветенье без сна,
Я топила мечты и желанья
В пене яблонь, не ведая дна…

Золотых одуванчиков омут
Растечётся на солнце, как мёд…
И дурманящий запах черёмух
Неминуемо в душу вползёт.

И блаженствуя, сердцем
летая
Вместе с птицами до облаков…
Никому не поведаю тайны
Майских грёз…
и весенних стихов.

ПРЕДЗИМЬЕ

Ледком морозец прихватил
Пыль вдоль степных дорог.
Слетелись в стаю воробьи —
По кочкам прыг да скок.

Природа зябко замерла,
И всё живое ждёт,
Когда зима — бела-светла —
Торжественно придёт.

И станет снова жизнь чиста,
Как первородный снег.
Начнём же с белого листа
Лирический разбег!

Игумен Варнава
(СОКОЛОВ)

«МНЕ ВСЕГДА БУДЕТ НЕ ХВАТАТЬ ПУСТЫНИ...»

О первом в новой истории православного Оренбурга Димитриевском мужском монастыре — беседа наместника обители игумена Варнавы (Соколова) и журналиста Татьяны Морозовой

21 октября 2016 года Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение об открытии в городе Оренбурге Димитриевского мужского монастыря. Восьмого ноября 2016 года состоялось официальное открытие монастыря: после Божественной литургии в Димитриевском храме митрополит Оренбургский и Саракташский Вениамин возвёл иеромонаха Варнаву (Соколова) в сан игумена и вручил ему жезл — знак власти наместника над монастырём. Название новый монастырь получил от храма, при котором располагается молодая монашеская община. Димитриевский храм, что на ул. Попова, 98, за свою 127-летнюю историю пережил многое, но, вероятно, теперь обрёл своё истинное предназначение — быть кораблём спасения в бурном мире — тихой обителью среди шумного города...

— Отец Варнава, вы ведь преподавали в воскресной школе в Димитриевском храме, ещё не будучи монахом. Случайность или закономерность? Ходили в этот храм в молодости?

— Чем дольше я живу, тем больше понимаю, что ничего случайного не бывает. Более того, преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Наблюдайте внимательно вашу жизнь, потому что случайного не бывает». Так и я наблюдаю, что всё не случайно, всё промыслительно, и вижу, как Господь буквально каждую душу ведёт по пути ко спасению.

И когда я оказался здесь, в этом храме сначала настоятелем, а потом игуменом, я, конечно, кроме того, чтобы воскликнуть: «Дивны дела Твои, Господи!», ничего больше не мог. Потому что это именно тот храм, в который я ходил до монастыря, когда я стал воцерковляться. Крестился я сам в 19 лет, в достаточно взрослом состоянии, но, крестившись, я не воцерковился, а продолжал вести жизнь обычного московского студента.

И только спустя 10 лет, когда я оказался в каких-то скорбных обстоятельствах, тогда и уже пришёл к Богу, но стал воцерковляться просто по совету друга, однокашника по МИФИ, я даже не знал, что это нужно! А он мне сказал, что, раз ты верующий человек, то тебе надо обязательно воцерковиться, нужно обязательно иметь духовного отца и съездить куда-то на святое место, например, в Оптину Пустынь. И посоветовал сначала выбрать себе храм, куда я буду ходить, и ходить туда постоянно. Вот это и был мой первый шаг. И, если я раньше ходил в разные храмы Оренбурга, то тогда выбрал именно вот этот храм — Димитриевский, хотя он был не ближайший. Я стал туда ходить чаще, потом познакомился с отцом Георгием (в настоящее время — протоиерей Георгий Горлов, ректор Оренбургской епархиальной православной гимназии, председатель отдела культуры Оренбургской епархии **— Т.М.**), он меня привлёк к преподаванию в воскресной школе, и через это преподавание я воцерковился по-настоящему.

Знаете, самой большой проблемой для меня было регулярно ходить в храм — в воскресенье, в единственный свой выходной день, вместо того, чтобы отсыпаться — идти в храм, к началу службы, да ещё на голодный желудок... И частенько я находил для себя какие-нибудь оправдательные причины, чтобы не идти. А тут меня поставили преподавать. Представляете, дети приходят в воскресную школу после литургии, а я там не был, ну какой же я учитель после этого! И я стал ходить каждое воскресенье. А когда прошло примерно сорок дней — сорокоуст — я уже отметил, что сорок дней — этот срок имеет своё значение, то есть месяца через полтора-два я заметил, что моя жизнь изменилась. Это был коренной момент в моей жизни.

Стала меняться именно внутренняя жизнь, и это стало заметно. Это был где-то 2000 год. Через год примерно отца Георгия благословили возглавить гимназию, которую открыл протоиерей Леонид Антипов (сейчас епископ Бузулукский и Сорочинский Алексий). А у меня к тому времени уже было законченное светское образование — иняз нашего пединститута, и в гимназии был английский язык, отец Георгий предложил мне попробовать преподавать там, я согласился с радостью, мне это было очень интересно.

За эти два года, что я воцерковился, я старался жить по воле Божией, как я её понимал. Меня иногда спрашивают, а как понять эту волю? Приведу свой пример. У меня тогда был выбор — преподавать в ОГУ или в пединституте, я не мог выбрать. И отец Георгий говорит: давай помолимся, а там как Бог даст. А я говорю, а как это — помолимся? И вот мы собрались в Димитриевском храме вечерком, отслужили молебен с акафистом Божией Матери перед Её иконой «Скоропослушница». Я говорю — ну, и что теперь? А он говорит, ну, теперь Господь управит. И так и вышло. Я собирался уже было идти в ОГУ, но как-то так получилось, что я оказался в пединституте. Это было первый раз в жизни, когда я не жалел о сделанном выборе. Я подумал — как хорошо, как хорошо жить по воле Божией!

И вот, за два года такой жизни, к 2002 году я подошёл уже к двум таким выборам в моей жизни, которые нельзя было совместить. Мне нравилась монашеская жизнь — я побывал уже в Оптиной Пустыни, мне там понравилось очень, вообще, сама жизнь в монастыре очень понравилась, жизнь в обители, жизнь по послушанию. В то же время мне нравилась и моя деятельность в православной гимназии, и надо было выбирать...

Я понимал, что это очень важный выбор, я долго молился, чтобы Господь вразумил меня, где, всё-таки, воля Божия. Для этого я второй раз поехал в Оптину Пустынь. Вернувшись к концу лета 2002 года, я сообщил уже — а все были подготовлены, я всех предупредил, что может быть такой выбор, и 11 сентября 2002 года я уехал в Андреевку с мыслью: годик поживу, а там как Бог даст. Ну, и Бог дал так, что через год я уже принял постриг с именем Варнава. И 13 лет я прожил в том монастыре, в 2003 году меня рукоположили в сан иеродиакона, а в 2005 — в священника, в иеромонаха, и я уже думал, что там и закончу свои дни. Но кто же знал, что так случится, что меня перевели сначала в Верхнюю Платовку, потом назначили настоятелем Димитриевского храма, а потом игуменом!

И когда я, сделав такой круг, оказался в Димитриевском храме, да ещё настоятелем, я вспомнил себя — тогдашнего — и подумал: знал ли я, будучи молодым студентом, который приходил в этот храм и стоял где-то в уголке, там молился и в сторону алтаря даже боялся смотреть — что я буду настоятелем этого храма, да ещё и монастыря! И понятно, что это, конечно, по Промыслу Божию... Когда в жизни такие совпадения, то понятно, что это не случайно!

— Расскажите о вашей семье: мать, Людмила Борисовна, отец, Александр Григорьевич — они верующие?

— Моя семья была очень светская. Даже тот факт, что мы все были некрещёные: ни я, ни мой

папа, ни мама, только наши бабушки и дедушки, но и они не были воцерковлёнными. Моя бабушка, которая со мной жила, была учительницей. Для нас было естественно пойти по стопам родителей, правда, время внесло свои коррективы, в 1988—98 годах что-то поменялось в нашей стране, и это возрождение духовной жизни коснулось и нас. Сначала крестился мой брат, потом я, потом и мои папа и мама. Но, приняв Крещение, они не могли принять того факта, что их сын пойдёт по духовной линии. Ещё в сознании интеллигентных семей жило такое: ну, вера — это где-то там, она имеет право на существование, это очень важно, но это всё как-то отдельно. Там есть какие-то священники, они как-то по-своему живут, какие-то бабушки молятся, ну а мы — просвещённая интеллигенция, мы своим делом занимаемся. А тут вдруг их сын начинает ходить в храм, да не просто, а каждую неделю, да ещё преподавать в каких-то воскресных школах... Мама сначала думала, ладно, может, это увлечение пройдёт, и всё станет на свои места.

После посещения Оптиной Пустыни я целый год периодически им говорил, что рано или поздно, но уйду в монастырь. Они, конечно, это всерьёз не воспринимали. И когда я им наконец-то сказал, что пошёл в монастырь, для мамы это было, всё-таки, неожиданностью. Но у меня уже решимость была твёрдая, выстраданная. Как говорит Евангелие, положив свою руку на орало, не оборачивайся вспять («Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия» (Лк. 9:62)). Когда я уже понял, что это была воля Божия, то, не останавливаясь, пошёл туда.

И, знаете, вот что удивительно: есть такой закон, что Господь берёт на себя все попечения того, кто уходит в монастырь, то есть, если себя человек полностью посвящает Богу, то Господь берёт на себя все его попечения, которые были в миру. Как только я принял постриг, с этого момента все мои мирские обязанности разрешились наилучшим образом. В гимназию нашли преподавателя иностранного языка, хотя до этого целый год не могли этого сделать, мама с папой обвенчались, чего я не мог, конечно, предположить, у них до сих пор, слава Богу, замечательная работа, они оба, хотя и на пенсии — преподают; у моего брата родился второй ребёнок, — в общем, Господь как бы взял под Свой омофор всю нашу семью.

Поэтому я всегда теперь говорю людям — если вы хотите помочь своим близким, умрите для мира и родитесь для Бога, правда, не обязательно идти в монастырь, но, чем больше вы Богу отдадите себя, посвятите свою жизнь Богу, тем больше Бог позаботится о ваших близких.

А что касается нашей семьи, то она приехала в Оренбург из

Забайкалья. Папа родился в Нерчинске. Здесь, в Оренбурге, всю жизнь работал геофизиком в «Оренбургнефти» и в НИПИнефть, а сейчас преподаёт в ОГУ на геологическом факультете, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии ОГУ. Мама — педагог, преподаёт в педуниверситете, на кафедре педагогики высшей школы, доктор наук, профессор, у неё защитились более пятидесяти аспирантов.

С моей семьёй связана интересная история. Когда я уже был взрослый, начал ходить в храм, бабушка моя Ефросинья Семёновна, Царство ей Небесное, рассказывала, что был у нас такой предок: Василий Иванович Кутузов, из крестьян. Пошли они однажды на полевые работы, и вдруг началась гроза. Они спрятались под дерево, и ударила молния, и поле вокруг них загорелось. И Василий дал обет, что если останется живым, построит храм. И так потом и сделал! Храм, конечно, небольшой, не как наш, допустим, Никольский собор, но построил! Бабушка сказала, что храм до сих пор стоит, но в безбожное время из него сделали клуб... Я даже знаю, где это село, на карте нашёл, это село Чонгуль, Шелопугинского района, Забайкальского края; у меня есть мечта когда-нибудь туда доехать. И после этого я стал поминать этого сродника и его отца — Василия и Ивана, записочки подавать на проскомидию об упокоении. И с того времени моя жизнь стала принимать другой, духовный вектор!

От нас же зависит, по какому пути пойдёт наша жизнь. Фаддей Сербский говорит, «как мы мыслим, так и живём», а если посмотреть глубже, то мыслим так, как мы молимся. Есть такое выражение: «ex orandi — lex credendi» — «закон молитвы — закон веры», какова молитва — такова и вера. Соответственно, и жизнь наша — как мы молимся, так мы и живём. Вот тогда я понял на собственном опыте, как важно поминать сродников.

А родился я 27 октября 1970 года в Штральзунде (Германия), папа там работал. Потом приехали в Оренбург, окончил гимназию № 2, поступил в МИФИ, но не доучившись, ушёл в армию, служил в мотострелковых войсках ВС СССР. После армии мои интересы изменились, я некоторое время работал в Москве, а потом поступил в наш Оренбургский пединститут, на факультет иностранных языков, мне было интересно общение с иностранцами — жизнь в стране менялась, это был 1993 год. Во время учёбы мне удалось съездить во Францию на три месяца, и свой диплом по французской песне я там писал.

После института я опять уехал в Москву, и вернулся сюда уже в 2000 году. Два года работал в пединституте и в ОГУ преподавателем английского и французского языков. И в православной

гимназии, как уже говорил. А в 2002 году я, после долгих своих поисков, всё-таки ушёл в монастырь, о чём до сих пор не жалею. 13 декабря 2005 года митрополит Валентин рукоположил меня в сан иеромонаха. В 2015 году я окончил Оренбургскую духовную семинарию, стал преподавать там литургику. Будучи уже в сане игумена новосозданного Димитриевского мужского монастыря, был назначен благочинным монастырей Оренбургской епархии с сохранением прежних должностей.

Первое историческое отступление. Рождение храма

13 сентября 1886 года в Городскую Управу обратился оренбургский купец второй гильдии Фёдор Петрович Дегтярёв с заявлением, что после смерти его брата Димитрия Дегтярёва по его духовному завещанию остался капитал в сумме пяти тысяч рублей, и он просит отвести под новое строительство площадь во второй части города для постройки храма во имя святого Димитрия Мироточивого.

В январе 1887 года Городской Думой было принято решение по постройке храма. Благословение на это Его Преосвященство Макарий, епископ Оренбургский и Уральский (Троицкий, управлял епархией в 1886—1895 гг., †1906). В этом же году по проекту инженера Сахарова была заложена однопрестольная церковь, способная вместить до семисот человек. Строительство храма продолжалось до 1890 года. Строился он на пожертвования купцов: Ф. Дягтярёва, М. Моисеева и генерал-майора А. Чернова. 30 сентября 1890 года храм был освящён епископом Оренбургским и Уральским Макарием.

В 1897 году стало ясно, что построенный храм оказался мал. По ходатайству прихожан и благотворителей и с благословения епископа Оренбургского и Уральского Владимира (Соколовский-Автономов, управлял епархией в 1896—1903 гг., †1931) на средства купца Максима Макеева был отделан правый придел в честь Святой Троицы. Святой престол был освящён 1 августа 1899 года.

А в 1900 году на средства генерал-майора Чернова, того же купца Макеева, ставшего церковным старостой, и других благотворителей было завершено строительство левого придела в честь Успения Богородицы. Затем протоиерей Димитриевской церкви Александр Словохотов направляет епископу Оренбургскому и Уральскому Владимиру прошение о том, что «вся постройка согласно проекту закончена, и на сих днях будет закончено возведение левого иконостаса, а посему осмеливается просить разрешения на выдачу антиминса, а в 13 день августа, в воскресенье, благословить и освятить святой престол и храм».

При храме имелись два дома, пожертвованные в пользу храма

оренбургской мещанкой Матрёной Ерыгиной и крестьянином Воронежской губернии Иваном Александровичем Толмачёвым. Настоятель церкви — священник Павел Васильевич Маров, священник — Иоанн Петрович Рончинский, диакон — Исмаил Фёдорович Думенко, псаломщик — Григорий Матвеевич Сударин, церковный староста — оренбургский купец Максим Матвеевич Мокеев.

— Андреевский монастырь, отец Серафим — что дали они вам за эти годы?

— Я пришёл в монастырь как раз на праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи (вечером 10 сентября), и началась всенощная (всенощная в православных храмах совершается вечером накануне праздника **— Т.М.**), и это не случайно! В Москве моим любимым храмом был храм в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Коломенском — я туда постоянно ходил, хотя он тогда был ещё недействующий. Крестился я в московском же храме рождества Иоанна Предтечи на Пресне, и один из моих любимых святых всегда был Иоанн Предтеча (из молитвы святому: «Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже Христов!» **— Т.М.**) Вот и в монастырь я пришёл на его праздник.

В это время там было около двадцати человек, но через две недели часть из них ушла (тогда были такие настроения в связи с ИНН, паспортами...), и нас осталось шестеро. Поэтому пришлось выполнять самые разные послушания. Я научился готовить, печь просфоры, на клиросе петь, да много ещё, чему научился, теперь всё пригодится. Вот это установление, которое в монастыре положил схиархимандрит Серафим (Томин, † 2013), я в себя и впитал. Два его главных постулата: «Главное — богослужение, всё остальное — приложение» и «Храните мир и любовь, где мир и любовь, там Бог». Эти два основных принципа монашеского устроения мы проходили на практике. Я в себя впитал всё это и, конечно, я постараюсь воплотить это и в нынешнем нашем монастыре.

А жизнь моя монашеская в Андреевском монастыре сложилась так, что уже через год отец Серафим благословил мой постриг. Это было для меня очень неожиданно... Накануне празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, 3 ноября 2003 года после Божественной литургии, в нашем храме Михаила Архангела при постриге мне нарекли имя Варнава в честь апостола Варнавы. Пять дней я был в храме не выходя, у нас все постриги совершались так, как положено: всегда пострижник у нас пять

дней находится в храме, без выхода (только по нужде отлучается), братия ему приносит еду, он там и кушает, и спит — совсем немножко, читает Псалтырь на всех службах... Вот и у меня тоже было такое время благодатное. Вскоре (13 декабря, на престольный праздник монастыря — память апостола Андрея Первозванного) меня уже рукоположили во иеродиакона, и ровно через два года (13 декабря 2005 года) — во иеромонаха. Рукоположил меня в сан иеромонаха митрополит Оренбургский и Бузулукский Валентин (Мищук).

Так я там жил, и надеялся, что до конца жизни там и буду...

— Я помню вас в те времена — вы буквально летали с горящими глазами, такой счастливый!

— Да, искушения, конечно, в монашестве всякие бывают, это как Амвросий Оптинский говорит: «В монастыре надо терпения не воз, а целый обоз». Но есть всегда это первое время, когда благодать настолько преизобилует...

Спустя время, в 2015 году, митрополит Валентин назначил меня потрудиться некоторое время настоятелем храма Пресвятой Богородицы села Верхняя Платовка Новосергиевского района...

— В том же году, кстати, вы окончили нашу Оренбургскую духовную семинарию, вас тут же назначили преподавателем литургики в этой семинарии, а также духовником Оренбургской епархиальной православной гимназии, древлехранителем епархии...

— Да, итак, Платовка... Там были некоторые нестроения, и надо было как-то наладить приходскую жизнь. Хотя для монаха приход — это неестественное состояние, монах должен жить в монастыре, но этот приход у нас в области особенный. Там много лет была небольшая монашеская женская община, где служил протоиерей Григорий Петренко (ныне — насельник Свято-Троицкой Симеоновой обители милосердия в Саракташе **— Т.М.**), а ранее — отец Стефан Акашев, этот приход всегда был духовным центром Оренбургской области. Храм Пресвятой Богородицы одним из первых открылся в 1944 году, когда стали открывать и возвращать храмы, и с тех пор уже не закрывался, и там всегда были такие вот молитвенники, и людей много туда приезжало. Когда я туда приехал, там уже было семь монахинь и один монах. И сейчас владыка Вениамин, когда пришёл на кафедру, благословил создать там скит, но это уже другая тема. Тем не менее я сейчас остаюсь там настоятелем, мне приходится окормлять и эту молодую монашескую общину, заботиться о них, но служить там уже не успеваю, там служат другие священники (указом № 3 от 9 января 2017 г. игумен Варнава освобождён от исполнения обязанностей настоятеля местной

Ярослав Соколов во время службы в мотострелковых войсках ВС СССР, 1988 г.

Александр и Людмила Соколовы, 60-е годы

Димитриевский храм, 90-е годы

Открытие Димитриевского мужского монастыря 8 ноября 2016 г.

религиозной организации Православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы с. Верхняя Платовка Новосергиевского района Оренбургской области Оренбургской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) с сохранением прежних должностей — **Т.М.**).

А на Троицу, 20 июня 2016 года меня перевели в Димитриевский храм, назначили настоятелем. Потому что к тому времени владыка Вениамин уже принял решение о создании мужского монастыря. К сожалению, первый настоятель, иеромонах Питирим (Чембулатов), назначенный им и приехавший вместе с митрополитом, по состоянию здоровья вынужден был уехать. Таким образом, назначили меня. Хотя, конечно, мне трудно было согласиться на это, потому что я знаю, насколько трудно создать монастырь там, где никогда его не было... Я знаю, чего это стоило отцу Серафиму.

— Владыка Вениамин, вероятно, будет помогать, раз это была его идея?

— Да, конечно, это он решил, и он будет помогать советами. У него большой монашеский опыт, он более двадцати лет был наместником одного из крупнейших в России Николо-Угрешского мужского монастыря в г. Дзержинском Московской области. Он создал из руин великолепный монастырь. И здесь в первую очередь владыка будет решать, что и как устроить в этом монастыре, который назван в честь Димитрия Солунского.

Второе историческое отступление. Святой Димитрий

Святой великомученик Димитрий Солунский был сыном римского проконсула в Фессалониках (современные Салоники, славянское название — Солунь). Шёл третий век христианства.

Когда умер отец, а Димитрий уже достиг совершеннолетия, император Галерий Максимиан, вступивший на престол в 305 году, вызвал его к себе и, убедившись в его образованности и военно-административных способностях, назначил его на место отца проконсулом Фессалоникийской области. Главная задача, возложенная на молодого стратега, состояла в обороне города от варваров и истреблении христианства. Интересно, что среди угрожавших римлянам варваров важное место занимали наши предки славяне, особенно охотно селившиеся на Фессалоникийском полуострове. Существует мнение, что и родители Димитрия были славянского происхождения.

В отношении к христианам воля императора была выражена однозначно: «Предавай смерти каждого, кто призывает имя Распятого». Приняв назначение, Димитрий возвратился в Фессалоники и тотчас пред всеми исповедал и прославил Господа нашего Иисуса Христа. Вместо

того, чтобы гнать и казнить христиан, он стал открыто учить жителей города христианской вере и искоренять языческие обычаи и идолопоклонство. Составитель его жития Метафраст говорит, что он стал для Фессалоник в своей учительной ревности «вторым апостолом Павлом», потому что именно «апостол языков» основал когда-то в этом городе первую общину верующих (1 Фес., 2 Фес.). Святому Димитрию предназначено было Господом последовать за святым апостолом Павлом и в мученической кончине.

Когда Максимиан узнал, что вновь назначенный им проконсул — христианин, и многих римских подданных обратил в христианство, гневу императора не было границ. Возвращаясь из похода в Причерноморье, император решил вести армию через Фессалоники, полный желания расправиться с солунскими христианами. Узнав об этом, святой Димитрий заблаговременно повелел своему верному служителю Луппу раздать имение нищим со словами: «Раздели богатство земное между ними — будем искать себе богатства небесного». А сам предался посту и молитве, готовя себя к принятию мученического венца.

Когда император вошёл в город, вызвали к нему Димитрия, и он смело исповедал себя христианином и обличил неправду и суетность римского многобожия. Максимиан приказал заключить исповедника в темницу, но Ангел сошёл к Димитрию в узилище, утешая и укрепляя в подвиге. Между тем император предался мрачным гладиаторским зрелищам, любуясь, как его любимый силач, германец по имени Лий, сбрасывал побеждённых им в борьбе христиан с помоста на копья воинов. Отважный юноша, по имени Нестор, из солунских христиан, пришёл в темницу к своему наставнику Димитрию и просил благословить его на единоборство с варваром. По благословению Димитрия, Нестор одолел свирепого германца и сбросил его с помоста на копья воинов, как убийца-язычник не раз сбрасывал христиан. Разгневанный повелитель приказал немедленно казнить святого мученика Нестора (память 27 октября) и послал стражу в темницу — пронзить копьями благословившего его на подвиг святого Димитрия.

На рассвете 26 октября 306 года в подземную темницу святого узника явились воины и пронзили его копьями. Верный служитель святой Лупп собрал на полотенце кровь святого великомученика Димитрия, снял с его пальца императорский перстень, знак высокого достоинства, и также омочил в крови. Перстнем и другими святынями, освящёнными кровью святого Димитрия, святой Лупп стал исцелять недужных. Император повелел схватить и умертвить его.

Тело святого великомученика Димитрия было выброшено на съедение диким зверям, но

солунские христиане взяли его и тайно предали земле. При святом равноапостольном Константине (306—337) над могилой святого Димитрия была воздвигнута церковь. Сто лет спустя, при строительстве нового величественного храма на месте ветхого, обретены были нетленные мощи святого мученика. С VII века при раке великомученика Димитрия началось чудесное истечение благовонного мира, в связи с чем великомученик Димитрий получил церковное именование Мироточивого. Несколько раз почитатели солунского чудотворца делали попытки к перенесению его святых мощей или частицы их в Константинополь. Но неизменно святой Димитрий таинственно проявлял свою волю остаться покровителем и защитником родных Фессалоник. Неоднократно подступавшие к городу славяне-язычники бывали отогнаны от стен Солуни видом грозного светлого юноши, обходившего стены и внушавшего ужас воинам.

С именем святого великомученика Димитрия Солунского связаны первые же страницы русской летописи. Когда Вещий Олег разгромил греков под Константинополем (907), как сообщает летопись, «убоялись греки и говорили: это не Олег, но святой Димитрий послан на нас от Бога». Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством святого великомученика Димитрия. Более того, в старинных русских былинах великомученик Димитрий изображается русским по происхождению — так сливался этот образ с душой русского народа.

Церковное почитание святого великомученика Димитрия в Русской Церкви началось сразу после Крещения Руси. Память святого Димитрия Солунского издревле связывалась на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Святой изображается на иконах в виде воина в пернатых доспехах, с копьём и мечом в руках.

В духовном опыте Русской Церкви почитание святого великомученика Димитрия Солунского тесно связано с памятью защитника Родины и Церкви, великого князя Московского Димитрия Донского (†1389). Он был великим почитателем святого великомученика Димитрия. В 1380 году, накануне Куликовской битвы, он торжественно перенёс из Владимира в Москву главную святыню Владимирского Димитриевского собора — икону великомученика Димитрия Солунского, написанную на доске гроба святого. В память воинов, павших в Куликовской битве, установлена была для общецерковного поминовения Димитриевская родительская суббота. В первый раз эта панихида была совершена в Троице-Сергиевом монастыре 20 октября 1380 года Преподобным Сергием, игуменом Радонежским, в присутствии самого великого князя Димитрия Донского.

День памяти святого — 8 ноября по новому стилю (26 октября — по старому).

— Сколько сейчас монахов и послушников в Димитриевском монастыре, кто они и откуда?

— Основная часть монахов, которые сегодня живут в Димитриевском монастыре, приехали с митрополитом. Сейчас у нас семь человек братии, из них два игумена — игумен Никодим (Мартынов) и я, два иеромонаха, один монах и два послушника. Из послушников один — самый старший из нас, другой — самый молодой.

— Что мечтаете сделать в монастыре? Надо, наверное, чтобы монастырь стал «кузницей» монахов, есть ли трудники и нужны ли они?

— Дело в том, что монастырь в городе — это, конечно, место, куда редко приходят люди, чтобы стать монахами. Если человек уж действительно решил стать монахом, вероятнее всего, он поедет куда-нибудь в отдалённый монастырь. Вот у нас два послушника, они оба учатся в семинарии: один очно, другой — заочно. Они тяготеют к монашеству, вот и пришли к нам, поскольку это единственный в городе мужской монастырь. Они и учатся, и выполняют какие-то послушания. Это и для них, и для нас хорошо. Но останутся ли они у нас навсегда — вопрос открытый.

В любом монастыре бывают так называемые трудники — хотя я не люблю это слово, но оно есть — это люди, которые трудятся, живут при монастыре, но далеко не все потом переходят в разряд даже послушников, не то чтобы монахов. Иногда это просто бездомные, которым нужно пережить зиму, они работают, монастырь их кормит и даёт приют. Но пока нам приходится таким отказывать, так как у нас негде их разместить.

У нас пока даже нет нормальной трапезной. По монастырским правилам, она должна быть отдельно стоящая, чтобы во время трапезы читали жития святых, поучения, и при этом присутствовала вся братия. Мы же пока с трудом помещаемся в маленьком вагончике у храма. Поэтому в планах у нас строительство более просторного братского корпуса и трапезной.

— Сейчас в Димитриевском храме поёт приходской хор под руководством Ларисы Баландиной — он останется или будет потом только мужской, монашеский, как, например, в Андреевке?

— Я, конечно, очень хотел бы, чтобы этот хор у нас остался, потому что он очень хороший и поёт очень молитвенно. Для мужского монастыря желательно было бы иметь мужской хор, но из братии, которая есть сегодня, сделать

полноценный хор вряд ли получится, у нас же нет отца Евлогия с консерваторским образованием, как в Андреевке... Владыка Вениамин сейчас благословил регента из семинарии и меня — мы потихонечку собираем мужской хор. Думаю, они будут существовать оба, потому что служб у нас теперь достаточно, и они длиннее, чем были до монастыря. И прихожане ведь привыкли к тому хору, и мне он очень нравится. Наши хористы — все непрофессионалы, это просто верующие люди, которые пришли петь именно в храм, потому что это главная часть их жизни. Они работают где-то в других местах, но для души поют у нас — не ради денег, не ради концертных амбиций, а для души, как говорится: «Поём Господу, дондеже есть» («Буду петь Господу во [всю] жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь» (Пс. 103:33)).

Когда создастся мужской хор, они будут прекрасно дополнять друг друга, потому что таков опыт многих других мужских монастырей в городах, я это видел на Оптинском подворье в Санкт-Петербурге, в Сретенском монастыре в Москве... Это, даже можно сказать, такая особенность городских монастырей.

Третье историческое отступление. Битва за храм

В 1920–30-х годах развернулась настоящая борьба за храм между государством и верующими, постоянными прихожанами Димитриевского храма. Действия безбожников были иезуитски хитрыми.

Обновленчество (официальное самоназвание — Православная Российская Церковь; позднее — Православная Церковь в СССР, также Обновленческий раскол, Живая Церковь, живоцерковничество) — раскольническое движение в русском Православии, возникшее официально после февральской революции 1917 года. Выступало оно против руководства Церковью Патриархом Тихоном, заявляя о полной поддержке нового режима и проводимых им преобразований. С 1922 по 1926 год движение было единственной официально признаваемой государственными властями РСФСР православной церковной организацией (второй такой организацией в 1926 году стал григорианский Временный Высший Церковный Совет — ВВЦС, «григорьевцы»), в отдельные периоды пользовалось признанием некоторых других поместных Церквей. С конца 1935 года развернулись массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян обновленческого движения, хотя в целом репрессии против обновленцев были не столь сильны, как против Патриаршей Церкви.

Как пишет Игорь Никитин, выпускник ПСТГУ, сотрудник московского православного издательства «Отчий дом», подробно исследовавший этот, доселе

малоизвестный широкому читателю, период гонений на Церковь в нашем крае в статье «Оренбургская епархия в 1922–1938 гг.» (первая публикация в книге «Страницы истории Оренбургской епархии» / Под общей редакцией прот. Николая Стремского. – п. Саракташ, 2014. – 336 с.: илл.): «Местные исполнительные власти поддерживали обновленцев тем, что ограничивали возможности для молитвенных собраний «тихоновцев» путём передачи храмов в ведение немногочисленных обновленческих групп верующих. Массовое закрытие молитвенных зданий в крае началось с 1929 года. Отмеченным пиком по количеству закрытых храмов в епархии может быть назван 1931 год, так как только в Оренбурге в этот год было закрыто восемь церквей. В ходе кампании преимущественно закрывались храмы, находящиеся в пользовании «тихоновских» групп верующих. В 1935 году в Оренбурге осталось лишь одно молитвенное здание, и то в руках обновленцев (Димитриевская церковь **– Т.М.**). В следующем году оно было разделено и приспособлено к тому, чтобы в нём отдельно друг от друга могла совершаться служба для обновленцев и «тихоновской» группы верующих. В 1938 году после волны репрессий, коснувшихся духовенства и членов приходского совета как «тихоновской» группы верующих, так и обновленческой, был закрыт последний действующий в Оренбурге храм».

Углубимся же в тот период и с помощью статьи Игоря Никитина постараемся увидеть в перипетиях жизни Димитриевского храма провозвестие его будущей роли, как основы нового монастыря.

События, связанные с углубляющимся кризисом единства управления Патриаршей церковью (во второй половине 1920-х годов **– Т.М.**), давали «обновленцам надежду, что завтра или послезавтра начнётся распад «тихоновщины», и им удастся тогда подчинить себе всю российскую паству»[1]. Несмотря на отсутствие у обновленцев материальных возможностей поддерживать в нормальном состоянии хозяйственную жизнь в приходах, местные органы власти административным путём способствовали переходу храмовых зданий в руки обновленческих групп верующих.

Пятого октября 1927 года Губисполком расторгнул заключённый со староцерковной общиной договор на предоставление ей Димитриевской церкви, и здание церкви было передано малочисленной обновленческой общине, у которой по соседству с Димитриевской церковью имелось два синодальных храма: Михайловский и Пантелеймоновский[2]. В своём заявлении в Президиум Губисполкома уполномоченные Дмитриевской общины старого церковного течения указывают, что «верующие старого течения всех поименованных церквей численностью до 10 000 человек не имеют в своём распоряжении не

только молитвенного уюта, но и места для совершения необходимых треб (отпевание покойников, крещение младенцев, совершение панихид и т.д.)»[3] и просят передать своей общине два придела из трёх Димитриевской церкви, либо пустующую Пантелеймоновскую, зарегистрированную на обновленцев, в чём Президиумом Оренбургского окружного исполнительного комитета было отказано[4].

В 1930 году по предприятиям, организациям, учебным заведениям Оренбурга прокатилась волна собраний, требующих закрытия церквей, передачи их под школы, детские, культурные учреждения, снятия колоколов, прекращения колокольного звона. В феврале-марте 1930 года оренбургские храмы лишились колоколов. Но настроения простого трудящегося народа, далёкого от партии и комсомола, были отнюдь не созвучны планам социалистического и культурного строительства и с болью отзывались на разрушение храмов. Так, на Пасху 1930 года незакрытые в городе храмы были переполнены. Согласно данным ОГПУ, в храмах собрались «верующие — преимущественно пожилой возраст, частично молодёжь и главным образом женщины с куличами»[5]. «Особенно переполнены были церкви: Воскресенская, Троицкая, Зимний собор, Георгиевская, Никольская, Димитриевская...»[6].

С 1918-го и по 1 марта 1931 года в Оренбурге было закрыто 6 молитвенных зданий и 13 молитвенных помещений, которые находились в пользовании старо-церковных общин, одно молитвенное здание, принадлежащее обновленческой общине, и одно — «григорьевской». При этом в городе оставалось гораздо большее число храмов, принадлежащих «тихоновцам» — 9, только 4 — обновленцам, и один храм находился в пользовании «григорьевцев»[7].

25 июня 1931 года вышло Постановление Президиума Оренбургского городского совета о закрытии Введенской, единоверческой, Воскресенской, Георгиевской, Никольской (в Форштадте), Покровской и Иоанно-Богословской церквей[8]. Все указанные церкви, по которым было принято решение о закрытии, относились к патриаршей ориентации, то есть канонически подчинялись оренбургскому епископу Павлу (Введенскому)[9] и Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). В июне горсовет принял решение о закрытии ещё одной церкви в городе также патриаршей ориентации — Смоленско-Богородицкой кладбищенской церкви. Закрытие мотивировалось близостью церкви к участку под строительство учебно-сборного пункта, утратой церкви значения кладбищенской в связи с переводом кладбища на новое место и низкой посещаемостью церкви, и утверждением, что верующие могут удовлетворять

религиозные нужды в близлежащей Димитриевской церкви.

Согласно этим решениям в городе не должно было остаться ни одного православного храма. Так и случилось, если не считать Свято-Никольского храма патриаршей ориентации в Форштадте, находящегося в предместьях города и практически к нему относящегося. Более же всего удивительно, что православным верующим Оренбурга предлагалось «удовлетворять религиозные нужды» в оставшихся обновленческих храмах.

Шестого июля 1931 года епископ Оренбургский Павел (Введенский) направляет Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию рапорт о закрытии всех православных церквей в Оренбурге. По сведениям Оренбургского горсовета на 1 января 1932 года в Оренбурге остались только пять действующих церквей: Никольская церковь в Форштадте патриаршей ориентации, три церкви, принадлежащие обновленцам — Благовещенская, Михайловская и Димитриевская, и одна церковь «григорьевской ориентации», или, как написано в документе, Ново-Никольская церковь направления ВВЦС[10].

Из переписки горсовета и крайисполкома следует, что в 1933 году единым решением была закрыта вместе с Михайловской и Ново-Никольской — Благовещенская церковь, также находящаяся в содержании обновленческой общины. Благовещенская церковь уже в постановлении предназначалась к сносу, так как «совершенно непригодна к использованию за ветхостью»[11]. В переписке не придаётся внимания наличию близлежащих церквей, в которые могли бы перейти верующие закрываемых молитвенных зданий, как это часто происходит при утверждении постановления о закрытии крайисполкомом или ВЦИК, указывается только на то, что «назначенные к закрытию церкви в настоящий момент действуют, но посещаемость единичная, так как за последнее время между верующими произошёл раскол»[12]. Таким образом, если церкви находились в содержании обновленческих общин, их можно было более удобно и мотивированно закрыть, так как после закрытия они пустовали, становились бездействующими, и по этой причине можно было расторгать договор с общиной, в ведении которой находилась церковь.

К 1934 году в Оренбурге осталось только две действующих церкви: Никольская церковь в Форштадте староцерковного направления и Димитриевская церковь обновленческая[13].

Община Никольской церкви для всего города продолжала оставаться твёрдым свидетелем Православия; члены общины свидетельствовали, что «в незакрытую до сих пор обновленческую Димитриевскую церковь мы, православные, не ходили и не ходим»[14]. Такая активность на общем фоне закрытия церквей,

вытравливания интереса к религии вызвала подготовку к ликвидационным мерам со стороны местных властей.

Первого ноября 1934 года Президиум ВЦИК утвердил закрытие Никольской Форштадтской церкви в городе Оренбурге[15]. Осенью 1934 года решением местных сельсоветов, утверждённых Президиумом Оренбургского горсовета, закрыли «в связи с хорошим урожаем» и отсутствием других складочных помещений, церкви в ближайших к Оренбургу сёлах: П.-Покровке и Бёрдах[16]. Православным верующим, по логике постановлений о закрытии, предлагалось «удовлетворять свои религиозные потребности» в оставшейся в городе обновленческой Димитриевской церкви. И поскольку в городе осталось единственное церковное здание, находящееся в пользовании обновленцев, православная община направила в горсовет заявление с требованием предоставить в аренду один из трёх приделов Димитриевской церкви. Хотя Президиум Оренбургского горсовета 25 июля 1935 года разрешает аренду одного придела Димитриевской церкви группой верующих тихоновского направления[17], после жалобы председателя Областного (обновленческого) митрополитанского управления «архиепископа» Георгия Лапшина, постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме Оренбургского облисполкома, а затем и Президиум Облисполкома 5 февраля 1936 года, отменяют это решение в связи с тем, что «договор на использование здания культа заключён был вначале только «обновленцами», кроме того, община «обновленцев» аккуратно исполняла принятые на себя обязательства»[18].

Верующие «тихоновцы» проявили твёрдость в этом деле, исчерпав предел возможных ходатайств к власти: в начале февраля они обращаются к Председателю ВЦИК СССР Михаилу Калинину с жалобой, в которой излагают необходимость предоставления им третьего придела Димитриевской церкви. К жалобе прилагался список 846 человек, ходатайствующих об открытии третьего придела[19].

Особым постановлением Президиума Оренбургского облисполкома от 26 июня 1936 года прежнее решение облисполкома было отменено: «Во изменение постановления Президиума облисполкома от 5/II-36 года № 155 обязать Президиум Оренбургского горсовета разрешить тихоновцам использовать для исполнения своих религиозных обрядов третий придел Димитриевской церкви, находящейся в ведении обновленцев»[20]. Соответствующее решение прошло 28 июля 1936 года и в бумагах горсовета, в которых также рекомендовалось обновленческому «архиепископу» Георгию Лапшину «предоставить третий придел для переоборудования и произведения религиозных обрядов не позднее трёхдневного срока»[21].

С закрытием храмов, значительным сужением легального

существования и деятельности церковной жизни Русская Православная Церковь была поставлена перед необходимостью организации подпольной деятельности. В общине Успенского придела Димитриевской церкви было много монашествующих из закрытой общины Успенского женского монастыря, на клиросе пел монашеский хор[22], причём как на духовного руководителя общины недоброжелатели указывали на отца Сергия — по-видимому, речь идёт о протоиерее Сергии Целовальникове. В феврале 1937 года местная газета «Оренбургская коммуна» выступила со статьёй против монашеского хора[23] в приделе староцерковников.

25 мая 1937 года православная община Успенского придела Димитриевской церкви ходатайствовала в Комиссию по культам при Президиуме ВЦИК о передаче им в пользование всех трёх приделов ввиду того, что немногочисленная община обновленцев не может содержать храм и осуществлять необходимый ремонт храма.

21 мая 1937 года, среагировав на кляузу обновленцев, облисполком направляет дело «О расхищении общественных средств «тихоновской» группы» в УНКВД[24]. Был запущен маховик репрессий на оставшихся в городе православных священнослужителей.

Вызванные постоянными арестами священнослужителей перерывы в церковной жизни общины продолжались до сентября 1938 года, когда проведённое через областную комиссию по вопросам культов постановление Оренбургского горсовета о закрытии Димитриевской церкви было утверждено Президиумом облисполкома: «Принимая во внимание, что о закрытии церкви требует основная масса рабочих г. Оренбурга в количестве 8 000 человек и передачи здания таковой под клуб, с постановлением Горсовета согласиться, церковь закрыть, просить Президиум облисполкома данное постановление утвердить»[25]. Президиум Облисполкома утвердил постановление 22 сентября 1938 г.[26]

С этого момента действующих церквей в городе Оренбурге не осталось. Ближайшая действующая церковь находилась от города в восьми километрах в селе Подгородняя Покровка[27]. Здание Димитриевской церкви власти собирались передать под клуб деткомиссии, но затем передали Облкинотресту под кинотеатр[28]. В письме к Сталину члены религиозной общины Успенского придела Димитриевской церкви города Оренбурга пишут о закрытии церкви: «Ведь во всей округе нет ни одной церкви, чем наделали верующему народу стоны и горе»[29].

Возрождение

12 февраля 1990 года здание было возвращено верующим. Но в каком виде! Были снесены колокольня и главы, пристроено

помещение для кассы кинотеатра. По свидетельству протоиерея Владимира Акиншина, бывшего в 2000-х годах настоятелем храма, «во время войны в храме была мастерская, ремонтировали моторы танков, в послевоенные годы здесь был кинотеатр «Буревестник». Все фрески были замазаны, забелены. Все арки и своды были разрушены, впереди стоял большой киноэкран, в алтаре левого придела, Успения Пресвятой Богородицы, находился туалет (!), в правом — Троицком — располагался кабинет директора кинотеатра. Вся средняя, главная часть храма была просто изувечена. Около пяти лет ушло на то, чтобы выложить внутри все арки; наверху не было куполов, обыкновенная крыша — выложили заново четверик. Ныне покойный митрополит Леонтий (Бондарь, †1999) пригласил московских архитекторов, и они, сверяясь со старыми снимками храма, нашли похожий проект в Москве. По этому проекту и постарались воссоздать храм практически таким, каким он и был изначально. Колокольня уже более современного вида, но всё равно очень похожа на ту, старую».

Храм Божий начал возрождаться вместе с духовной жизнью верующих. Все прихожане помогали, кто чем мог: кто материально, кто безвозмездным трудом, разбирая старые разрушенные дома и очищая кирпич.

В 2000-х годах при храме было создано Православное сестричество Успения Пресвятой Богородицы, состоялся монашеский постриг. Журнал «Оренбургские епархиальные ведомости» так писал об этом событии (№1 (47), январь 2003) в статье «Семь новых имён»: «В воскресенье, 22 декабря 2002 года, в храме во имя святого великомученика Димитрия Солунского г. Оренбурга Высокопреосвященнейший архиепископ Оренбургский и Бузулукский Валентин совершил чин пострига в монахини. Сёстры Варвара, Вера, Дионисия, Лия, Анна, Матрона и Евфросинья составят теперь основу Успенского сестричества, созданного при Димитриевском храме. Успенским оно названо в память существовавшего в Оренбурге и разрушенного во времена гонений Успенского женского монастыря. Пока монастырь не передан верующим, поэтому монахини составят сестричество и будут жить в специально устроенных для них кельях при Димитриевском храме. Чин пострижения в монахини проходил с 19 до 21 часа, сотни прихожан Димитриевского храма приняли в нём молитвенное участие. С зажжёнными свечами стояли они во время этого редко совершаемого пока ещё в наше время таинства и сопереживали ему. У многих на глазах были слёзы. Проводив владыку Валентина, прихожане поздравили монахинь с принятием ангельского чина».

Настоятелями (а при сестричестве — старшими священниками)

храма со времени его возвращения верующим были: протоиерей Александр Старков, протоиерей Валерий Мохов, протоиерей Владимир Акиншин, игумен Никодим (Мартынов), иеромонах Питирим (Чембулатов), иеромонах Варнава (Соколов).

Реставрационные работы, начатые в 1990 году, после передачи здания епархии, растянулись на двадцать с лишним лет. Заключительным этапом в начале 2012 года была работа художников-реставраторов. Это были студенты Оренбургского областного художественного училища под руководством опытного реставратора из Свято-Троице-Сергиевой лавры Дмитрия Ерёмина, которые по фрагментам воссоздали уникальную старинную роспись на стенах храма. Но и теперь, по словам наместника Димитриевского мужского монастыря, игумена Варнавы, работ в храме предостаточно.

Конечно, всё это не мешает духовной жизни как насельников монастыря, так и прихожан. В храме есть много чтимых икон. Это Табынская и Казанская иконы Божией Матери, старинная икона Архистратига Божия Михаила, преподобного Серафима Саровского и многие другие. Недавно появилась икона блаженной Любови Рязанской, вскоре будут и мощи святых угодников. Но главное в монастыре — это молитва.

Об этом прекрасно знает игумен Варнава, тринадцать лет проживший в Свято-Андреевском мужском монастыре под руководством известнейшего оренбургского старца, схиархимандрита Серафима (Томина, † 2013).

— Духовником монастыря назначен иеромонах Агафангел (Аксёнов), кто он, сколько ему лет, имеет ли он опыт духовничества, где жил раньше?

— Духовник, иеромонах Агафангел (Аксёнов) — ключевая фигура монастыря, и нам повезло, потому что братия, которая пришла с владыкой, — это опытная братия. Все они из Николо-Угрешского мужского монастыря, и пошли за владыкой Вениамином, когда его перевели из этого монастыря епископом Пензенской епархии, затем — в Рязанскую митрополию, уже митрополитом, а затем и в Оренбург — пошли за ним, как его монашеская гвардия, можно сказать. Все они опытные, хорошие монахи, в этом нет никаких сомнений. Духовник у нас — иеромонах Агафангел (Аксёнов) — это, можно так сказать, милость Божия для нашего монастыря. Он — человек, к которому люди тянутся, хотя ему 44 года, он имеет опыт духовничества — три года в Пензенском мужском монастыре, а в монашестве он 12 лет. В Николо-Угрешском монастыре он был на должности благочинного, и там он постоянно исповедовал людей.

— А тут только он будет исповедовать прихожан?

— Нет, прихожан мы все будем исповедовать; понимаете, духовник монастыря — это человек, который отвечает за духовное состояние монахов, за духовное руководство братией, мы все периодически у него исповедуемся. Без духовника не может существовать ни один монастырь. А принимать исповедь прихожан может любой иеромонах.

— Будет ли, кроме богослужений и молитв, новый монастырь заниматься какой-то ещё работой — социальной или миссионерской?

— Монастыри всегда притягивали людей и одним своим существованием, своей жизнью, уже и являли проповедь. Но, конечно, в городе, особенно сейчас, есть нужда в работе с людьми, и в основном — с молодёжью. Потому что сейчас идёт такое время, что если мы упустим несколько поколений, то потом их уже не соберёшь, и у нас не будет страны как таковой. Не знаю, уж насколько мы сможем поучаствовать в этом, понятно, что молодой монастырь должен сначала устояться, но мысли о возможных направлениях работы у нас уже есть.

Во-первых, бездомные — их количество просто поражает, и никто толком ими не занимается. Нет ни одного такого православного центра в нашем городе, где бы их принимали. Не знаю, это дело монастыря или нет, но им нужно иногда просто помещение, где они могли бы переночевать, прийти в себя, умыться...

Во-вторых, видится какая-то работа в информационном пространстве, потому что, коль скоро мы в городе находимся, должна быть соответствующая информация и о нас, и мы должны иметь какой-то контакт с теми, кому мы интересны, с молодёжью.

В-третьих, при монастыре и сейчас уже можно осуществлять какие-то проекты. Например, рядом с нами находится первый корпус Оренбургской епархиальной православной гимназии — на улице Рыбаковской. Мы с ними можем сотрудничать.

Уже сейчас у нас есть воскресная школа для взрослых — по воскресеньям после литургии, в 11.30 начинаются занятия. Ведём мы и социальную работу — кое-какие вещи собираем и передаём соцзащите. Может быть, у нас будет патронажная служба, но это пока только в проекте.

— Недавно вас назначили ещё и настоятелем храма Архангела Михаила на кладбище посёлка Пригородного, это будет подворье?

— Пока это просто приходской храм, который мы окормляем, там служим по очереди. Этот храм, кстати, очень подходит для монашеского устроения — отдалён от города, в тихом, уединённом месте, на кладбище — «память смертная» — что ещё нужно

монаху?! Честно говоря, для меня это такая отдушина, потому что я скучаю по уединённым службам — таким, какие у нас были в Андреевском монастыре. Мне всегда будет не хватать Пустыни... Так что кладбищенский храм для нас, монахов — даже большое утешение. А речь ни о каком подворье там пока не идёт.

— Поскольку вы, отец Варнава, и сами ещё довольно молоды, что хотели бы сказать молодым прихожанам?

— Слава Богу, сейчас есть молодые люди, которые ходят в храмы, хотя в Оренбурге процент их гораздо меньше, чем, например, в Москве или Петербурге. Но, возможно, это от того, что там вообще больше населения, или край наш многоконфессиональный. Но я хочу сказать им на своём опыте: если молодой человек не будет жить церковной жизнью, если у человека не будет прочного духовного якоря, то он рискует потерпеть катастрофу в жизни, он просто не выживет в современном мире.

Справиться, как сейчас модно говорить, с «духовными вызовами», не имея духовного основания, мне кажется, невозможно. Даже если посмотреть на современную, казалось бы, либеральную Европу: там многие люди принимают ислам. Почему? То христианство, которое у них уже выхолостилось, их не удовлетворяет, они ищут духовной опоры и находят её в исламе, потому что там всё просто, но это лучше, чем ничего. Когда «ничего», уже не выживешь.

Если в советское время у нас были какие-то жёсткие государственные рамки, ограждающие семью, то в современном мире семья рушится, школа воспитанием не занимается, разводы стали чуть ли не нормой... А семья — ячейка общества. Такое общество уже нежизнеспособно, в таком мире без духовного стержня не выжить. Никаких барьеров в этом мире уже нет, кроме религиозной составляющей.

И это только то, что бросается в глаза, а ещё очень много других факторов: и информационный, и огромное количество сект. Наше время не просто агрессивное, оно духовно агрессивное. Если человек не будет в Церкви Божией, существует большая вероятность того, что он попадёт под действие другой религиозной силы, возможно, деструктивной, даже террористической или разрушающей психику.

Для молодых людей это вопрос выживаемости — жизнь церковная. Не просто зайти в храм два раза в год, и знать, что ты — христианин, а быть воцерковлённым, жить церковной жизнью, быть в ограде Божией. Наш известный проповедник Андрей Ткачёв постоянно говорит: «Без ежевоскресного посещения литургии ничего у вас не получится». Без исповеди, без духовного руководства... У человека может

быть всё хорошо материально — до поры до времени — но человек всё-таки духовное существо, и этот внутренний голод духовный он ничем иным не заполнит.

Монастырь в этом вопросе очень даже может помочь и молодому, да и любому человеку, ведь у монастыря есть одна функция, которую, собственно говоря, и не отменял никто, и ради чего, в том числе, монастыри и существуют: побеседовать, поговорить. Город — это место, где особенно много страдающих людей, попавших в беду, не только в обычном смысле слова, но и в душевном и духовном... Раньше всегда люди с такими проблемами ехали в монастыри. Понятно, что у нас не Оптина Пустынь, у нас старцев нет, но нужда в этом есть и, насколько мы можем, мы стараемся помочь людям. Хотя бы выслушать и поделиться собственным опытом.

Так что тех, кто придёт в храм, в монастырь, тех, кто ищет свой путь ко Христу, мы постараемся принять, направить, поддержать — это наша обязанность, как монахов, как священников, служителей Церкви Христовой.

В Евангелии от Матфея сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас; возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим; ибо иго Моё благо, и бремя Моё легко» (Мф. 11:28-30).

ИСТОЧНИКИ:

1. Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь (1925—1938). М., 1999. С. 52.
2. Там же. Л. 70.
3. Там же.
4. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1236. Л. 68.
5. ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 124.
6. Там же.
7. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587 Л. 17.
8. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1682. Л. 21.
9. История иерархии Русской Православной Церкви. Ук. соч. С. 353.
10. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 4.
11. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 49; Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
12. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 49.
13. Там же. Л. 131.
14. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1681. Л. 15.
15. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 587. Л. 151, 152.
16. Там же. Л. 150, 154.
17. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.
18. Там же. Л. 22, 27, 29.
19. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1288. Л. 55-56.
20. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 34 об.
21. ГАОО. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 1288. Л. 3-4.
22. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 1457. Л. 17.
23. Там же.
24. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Книга II. Оренбург. 1999. С. 286.
25. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 117.
26. Там же. Л. 125.
27. Там же. Л. 137.
28. Там же.
29. ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 9. Л. 129 об.

Людмила ОВСЯННИКОВА

МЫ – БАГАЙДИНЫ

История рода

Людмила Борисовна Овсянникова (Багайдина) родилась в совхозе «Беляевский» Оренбургской области в семье уральского казака и украинки. Окончила педагогическое училище, Магнитогорский государственный университет, работала воспитателем, заведующей детским садом, завучем по внеклассной работе в школе. Ныне – преподаватель изобразительного искусства в детской школе искусств р.ц. Беляевка.

– Акулина, Акулина! – раздался стук в окно и крики соседки Машки.

– Что случилось? – Акулина, женщина лет сорока с большим животом кинулась к окну.

– Была на бахчах, вороны там арбузы клюют! – сказала соседка Машка, вытирая платком лоб от пота.

– Вот бестии! Да и Гурьяна нет, на работе, – вздохнула Акулина, – на днях пропололи бахчи, урожай отличный, жаль, попортят его эти вороны, надо идти.

Наказав двенадцатилетнему Анатолию смотреть за младшей сестрёнкой Ниной, женщина накинула косынку, взяла по пути тяпку и направилась на бахчи. С утра день был тихий, и солнце палило нещадно, арбузы поспевали. Торопясь по короткой дороге, Акулина почувствовала боли в спине. Когда пришла на

бахчи, совсем стало невмоготу, боли стали ещё сильнее, и Акулина поневоле сползла на траву, поняла — это роды. С каждой схваткой жалела о своём опрометчивом шаге, зачем, зачем пошла? Перед глазами вставали отчётливо одна картина за другой. Вот Гурьян пришёл в их дом со сватами, и не на сестру старшую, а на неё показал пальцем. Слёзы брызнули, как же я? Я ведь ещё и гулять не ходила! Кинулась она к матушке, но батюшка повёл бровью, и решилась её судьба. Подружки и даже старшая сестра позавидовали ей, Гурьян молод и красив, из уральской казачьей уважаемой семьи Никиты Ивановича Багайдина.

Пока Никита служил на службе матушке России, ему даже приходилось охранять царя Николая II. Его жена Клавдия Ивановна и вся семья умерла от тифа, остался один сын Гурьян 1897 года рождения, и пришлось отцу Никите Ивановичу начинать жизнь заново, повторно завести вторую семью. Двоюродный брат Елисей Григорьевич Багайдин пожал плечами: держись, браток, жить надо! (Внуки, правнуки и праправнуки двоюродного брата Никиты Ивановича, Елисея Григорьевича Багайдина и по сей день живут в Новосергиевке Первомайского района Оренбургской области, в Усть-Каменогорске, в Атырау (Гурьев), в Казахстане, Уральске, Саратове…)

Никите Ивановичу было 48 лет (1877 г. р.), а Марфе Ивановне 35 лет (1890 г. р.), когда они создали семью. Родились у них три девчушки: Мария в 1925 году, Вера в 1927-м и Люба в 1933-м. Вера Никитична Багайдина стала заслуженным педагогом, проработала много лет историком в городе Ужгород, умерла в 63 года. Умерла и её дочь Татьяна, осталась внучка Наташа… Мария недолго прожила, умерла молодой. Пятьдесят лет прожила Любаша, её сын Валерий и жена Лара вырастили дочерей Алину, Надежду и родили младшенького Никиточку, долгожданного сына. Отставной военный Валерий и по сей день живёт с семьёй во Владикавказе.

Всего на семь лет мачеха Марфа была старше сына Никиты Гурьяна. А после революции из Уральска Никита Иванович бежал, потому что были не спокойные времена, их усадьба была взята под сельский совет. Большое хозяйство — стадо коров, верблюдов, лошадей и стада птиц были разграблены. А в 50-е годы они украдкой приезжали в этот город, чтобы издали посмотреть на «свою» усадьбу, где выросло не одно поколение рода. Никиту Ивановича не раз вызывали на беседу в МГБ (ему дали прозвище «белый офицер»). По характеру спокойный, уравновешенный, он до конца оставался гордым, как подобает старообрядцам,

всегда носил бороду. Умер Никита Иванович в 1944 году.

По рассказам Багайдиных, их фамилия говорит о том, что Багайдины (Богайдины) были старообрядцы и имели духовный сан в роду — (Богом данное). В конце XIX — начале XX веков большинство Багайдиных были единоверцы и ходили в единоверческие храмы. Была также маленькая часть Багайдиных — старообрядцев. У старообрядцев было много разных толков — австрийская вера, дырники и прочее. Многие из них не признавали священство (священнослужителей) и не ходили даже в старообрядческие храмы. Были Багайдины и старостами, заменяющими священнослужителей.

На Урале (Яике) их род начался с Гаврилы Багайдо. Гавриил Иванович родился в Самаре, в 1687 году, в казачьей семье. Отец и дед его были казаками города Самары. В 1706 году Гаврила Иванович пришёл на Яик и служил в казаках много лет (к 1723 году он прослужил 16 лет — так указано в переписи).

У него были дети: Иван — родился в 1722 году, Илья — в 1731-м, ещё один сын Иван родился через 18 лет после первого, в 1740 году. Сам Гаврила Иванович умер в 1765 году.

Существует ещё одна легенда о происхождении фамилии: У Гаврилы Ивановича было прозвище «Багаидо», в переводе на русский — «пучеглазый», а дети его уже стали Багайдины — с них и пошла эта фамилия в Яицком, а потом и в Уральском казачьем войске.

Если в XVIII веке все Багайдины жили в Яицком городке, то к середине XIX века они уже проживали в Студёновском и Коловёртном хуторах, одна семья жила в Рубёженском форпосте. А к началу XX века расселились в девяти населённых пунктах: В Чананской станице (пос. Кушум), Рубёженской станице, Соболевской станице (пос. Колузанов), жили также в посёлках Январцево, Коловёртном, Кожехаровском, Владимирском, Савичева, ну и конечно же в самом Уральске. По неподтверждённым документами данным Багайдины жили и в Круглоозёрном. Ну а после гражданской войны разбежались уже кто куда. Сейчас география проживания потомков всех Багайдиных очень большая…

Схватки прижали Акулину к земле, перед глазами бедной женщины вставали образы умерших деток, а их было девять, и Павлушки, и Лёнички, и малышки семимесячной Валюшки… Опять потуги… и тишину разрезал детский плач младенца… Акулина взяла мальчика двумя руками и завернула в оторванную сорочку. На крик малыша завернула с дороги телега с односельчанами, они и помогли разобраться с пуповиной младенца…

Так 21 августа 1940 года появился на свет наш отец — Багайдин Борис Гурьянович. С молитвами на телеге односельчан Николая и Натальи привезли домой Акулину и малыша. Сколько было удивления в глазах старшего сына Анатолия и мужа Гурьяна, встречавших их.

— Ну что ты сделала, мать? Нужны были тебе эти бахчи! — сказал Гурьян и поцеловал её в щёку, беря на руки Бориску.

— Анатолий, топим баньку, в нашем полку прибыло! — скомандовал батя.

Не было Бореньке и года, как началась Великая Отечественная война. Как и все сельчане, Гурьян был призван защищать отчизну. Плакала украдкой Акулина, собирая мужа на войну, вшивая в его одежду молитву «живые помощи» и образа святых. «Не реветь! — скомандовал Гурьян. — Нам не впервой воевать!» Обнял Гурьян Акулину, поцеловал: «Береги деток!» И тронулся эшелон с мужиками в неизвестность...

В памяти ещё свежи воспоминания о недавней войне 1917 года, когда брат пошёл на брата, рубили, убивали друг друга. Разошлись во взглядах на жизнь отец Никита и сын Гурьян, сын принял сторону большевиков, был знаком и с самим Чапаевым. То красные заходили в село, то белые, и без разбору, кто есть кто, приходилось женщинам

Гурьян Никитович Багайдин (1897 – 18.03.1947 г)

топить бани, обстирывать, кормить завшивленных, грязных, голодных вояк. Акулина была набожная женщина, иконки с божьими образами всегда были у неё в почётном углу. Но когда очередные вояки стали собираться в наступление, кинулась Акулина к иконам, а Николы Чудотворца образ исчез... Кинулась она к солдатам, спрашивает, кто взял? И видит её на бляшке ремня бравого вояки. Упрекнула, зачем красть-то? Это же грех! И этот бравый вояка попал под пули в первом же бою...

Время стало наитяжелейшее, как для всей страны, так и для Акулины. Каждый день она ходила на станцию к поездам, продавала вязаные носки, варежки, а иногда, когда эшелон за эшелоном шли на фронт, то просто

Акулина Михайловна Багайдина (справа) со снохой Любашей и внучкой Валюшкой

отдавала солдатам свои вязаные вещи.

— Пусть вам помогут тёплые варежки, может, и моему Гурьяну кто-то поможет в тяжёлую минуту, — со слезами причитала она.

Гурьян был уже в годах, как опытный казак воевал в разведке. Лёжа сутками в белорусских болотах, получил воспаление лёгких, и глубоко больного его демобилизовали в 1944 году.

Но Акулина, зная все травы и все молитвы, вылечила мужа и была счастлива с любимым.

Не хватало в хозяйстве мужских хозяйственных рук, предложили Гурьяну заведовать элеватором здесь же, на станции Маячная. По тем временам это была не простая, а подчас и опасная работа — командовать бабским батальоном, грамотно вести хозяйство. С элеватора грузили хлеб в вагоны, эшелоны отправляли на запад, а в стране был голод, умирали люди.

Вечером поздненько постучали в дверь Багайдиных. Акулина деток младших укладывала спать, Анатолий читал книгу. Гурьян вышел в сени и задержался на несколько минут.

— Кто приходил? — спросила Акулина.

— Да Чернышиха приходила, её Иван без руки и ноги на днях приехал из госпиталя, весь контуженный, а дома есть нечего, сама знаешь, меньшую дочь неделю как схоронила от голода. Плачет, просит муки хоть с полмешочка.

— И что ты сделал?

— Дал ей ключи от склада, но сказал, чтоб там порядок был утром.

— Что ты, Гурьян, донесут на тебя, расстреляют! — запричитала Акулина.

Гурьян обнял её за плечи и тихо шёпотом сказал:

— Что ты, мать, жалко земляков, помрут — как я людям в глаза смотреть буду? Двум смертям не бывать!

Многим семьям в то тяжёлое время, рискуя собственной жизнью, не дал Гурьян умереть. Когда уже взрослым и семейным Борис приезжал в гости к сестре Нине на станцию Маячная, люди узнавали его, «сына Гурьяна

Багайдина», и шли просто поздороваться и пожать ему руку.

Люди уважали Гурьяна Никитовича, приглашали на свои праздники, и раз с одного такого праздника Акулина пришла домой одна, не дозвалась своего Гурьяна. Это было в марте, не дойдя до дома, он упал и пролежал на подтаявшем снегу до утра. Утром с температурой вышел на работу, но к вечеру жар усилился, и воспаление лёгких повторилось. Акулина металась по знакомым в поисках той или иной травы, но на третий день 18 марта 1947 года Гурьяна не стало. Акулина не могла простить себе, что не забрала его, не увела, не уберегла, и до последнего своего вздоха корила себя за это...

Сын Анатолий выучился на военного и в последние годы службы был назначен военным комендантом Пензы. Вырастил с женой Таисией троих замечательных деток и шестерых внуков.

Дочка Нина вышла замуж, родила и вырастила двух сыновей и дочь, всю жизнь прожила на станции Маячная. Внуки и правнуки её живут на ст. Маячной, в Бугуруслане, Оренбурге.

Подрос и младший, Борис, и Акулина отвела его в школу. Проучился Боря всего шесть классов, тяжело было. Белобрысый, голубоглазый паренёк больше времени уделял своим друзьям-приятелям, с ними бегал на станцию, катался на крышах поездов, и выживали они, как и всё послевоенное поколение — кто как мог.

Сосед предложил Акулине:

— Отдай мне Бориску пасти скот, а то совсем потеряешь парня, вон дружков-то его, Кольку и Юрку, милиция «таскает», добегались на станцию, шайтаны, а так и помощь дому будет!

— И то правда, — обрадовалась Акулина.

Два года парнишка пас скот, помогал Батыру по хозяйству, а заодно и язык казахский выучил. В 17 лет окончил курсы механизаторов-комбайнёров. Акулина всё реже и реже видела своего Бориса, а вскоре совсем потеряла из виду. В 1961 году мать

Багайдин Анатолий с женой Таисией и маленькой дочкой Людочкой

подала в розыск и нашла своего сына, но не того уже Бориску, а повзрослевшего и вставшего на ноги молодого, красивого, семейного Бориса Гурьяновича в целинном совхозе «Беляевский» Оренбургской области.

На целину приезжали всё новые и новые люди, молодые комсомольцы из многих краёв. Жили в общежитии, работали, пахали целину в две смены, но молодость не давала уставать, после работы и на танцы, и в клуб. Приходилось по очереди идти в клуб, одни парадно-выходные штаны делились с друзьями. Потихоньку отстраивался совхоз и самые выносливые получали квартиры, обзаводились семьями и жили. Хоть Борис и окончил всего шесть классов и курсы комбайнёров, он технически грамотен и даже в одно время преподавал механизаторам в Новочеркасском СПТУ. А в 1961 году познакомился он с Даниленко Любовью, молодой и красивой переселенкой с Украины и сыграли тихую свадьбу. А потом родились мы, Валентина, Людмила и Виктор. Но это уже другая история...

Багайдины (мама Любовь Афанасьевна, дочь Людмила и глава семейства Борис Гурьянович) 9 мая на празднике Победы

Галина МАТВИЕВСКАЯ

САДЫ ОРЕНБУРГА

Галина Павловна Матвиевская родилась в Днепропетровске. Вместе с семьёй в 1941 году переехала в Оренбург. Окончила Ленинградский государственный университет. Доктор физико-математических наук, член-корреспондент АН Узбекской ССР, академик АН Узбекистана, действительный член Международной академии истории науки. С 1994 года – профессор Оренбургского государственного педагогического университета. Член Союза писателей России, автор многочисленных работ по истории края. Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка», Шолоховской премии «Они сражаются за Родину», дважды лауреат премии «Оренбургская лира», премии им. В.Правдухина альманаха «Гостиный Двор»(2009).

В начале 2017 года, объявленного годом экологии, уместно вспомнить историю озеленения степного Оренбурга, засушливый климат которого чрезвычайно осложнял эту задачу.

Наиболее ранние свидетельства об успехах древонасаждения в городе-крепости, окружённой высоким земляным валом, относятся к первой четверти XIX века. Так, военный губернатор П.К. Эссен, правивший Оренбургским краем с 1817 по 1830 год, по словам знатока оренбургской старины И.В. Чернова, «требовал, чтобы около каждого дома был палисадник и в нём насаждены деревья». «Домовладельцы, — писал Чернов, — побуждаемые полициею, садили деревья и огораживали их палисадниками... Казённые дома были обсажены лучшими. На большой улице посадка была по обеим сторонам, и улица эта представляла аллею; поливка

была постоянно аккуратною, и деревья быстро разрастались»[1].

Посетивший город в 1824 году писатель и издатель журнала «Отечественные записки» П.П. Свиньин вспоминал, что ему было приятно видеть «точную планировку кварталов и улиц» и «ряды молодых деревьев, насаждённых перед домами». Но садов в городе не было. Свиньин красочно описал Зауральную рощу как излюбленное место отдыха жителей: «В Оренбурге есть превосходное гульбище в летнюю пору. Это старая роща, осеняющая под самым городом противоположный ему низменный берег. Три прямые аллеи, идущие по разным направлениям от одного пункта и соединённые между собой множеством английских дорожек, разделяют её на четыре части чрез всю её широту; две другие аллеи, защищённые от солнца самыми сенистыми деревьями, расположены по направлению берега — и все они сходятся на прекрасной площадке, с которой открывается прелестный вид на город и реку. Гуляющий в роще на каждом шагу встречает что-либо приятное: здесь самородный пруд, чрез который перегибаются два красивые мостика; там, в разных местах, под сенью старых ив, осокорей и вязов, затейливые беседки, деревянные скамейки и дерновые канапе для отдохновения; всюду, наконец, прохлада, свежесть и чистота... Здесь летом в воскресные дни играет полковая музыка и становится тесно от гуляющих. Паром и лодки беспрестанно перевозят через Урал из города и в город, — и красный утёсистый берег оживляется рассыпавшимися по нему группами[2].

Другим «гульбищем» был сад при загородном доме военного губернатора. «Здесь, — писал Свиньин, — можно с приятностью отдохнуть в тени французских аллей, насладиться видом и благоуханием множества цветов, полюбоваться в оранжереях заморскими фруктами и заглянуть в красивый павильон, в котором почтенный хозяин сада забавляет иногда балами оренбургскую публику. От города до сада, лежащего почти на самой дороге к Москве, проведена прямая аллея, длиною около версты»[3].

Этот прекрасный сад сохранялся и после П.К. Эссена, но обычным горожанам он был недоступен. Поэтому неудивительно, что в воспоминаниях о городе середины XIX века другой оренбургский старожил писал: «Садов, скверов, бульваров в те времена не существовало, да и разводить их было негде, потому что на единственной в городе площади... производились каждое воскресенье и табельные дни разводы и парады. Любители природы и прогулок после заката выходили на крепостной вал, заменявший бульвары, и там оставались до глубокой ночи... иногда, в очень знойные дни, общество гуляло в роще за Уралом», но Зауральная роща к этому времени

пришла в запустение. По словам автора, она была «густой, сырой, с бесчисленными стаями грачей и галок. В роще этой имелась беседка, стены которой были исписаны стихами банального и скабрёзного содержания»[4].

Жители Оренбурга старались озеленить город. Так, один из именитых граждан, откупщик В.И. Звенигородский попытался даже развести около своего дома фруктовый сад. Об этом свидетельствовал знаменитый геолог и путешественник Г.П. Гельмерсен, который не раз бывал в Оренбурге в 1833-1835 годах. Он писал: «На растительном и животном мире континентальный климат Оренбурга сказывается своеобразно. Так, здесь на солнечной жаре растут и вызревают арбузы и дыни, но напрасно искать фруктовых деревьев. Один из моих друзей, г-н Звенигородский, в течение 15 лет пытается вырастить в своём закрытом саду фруктовые деревья, которые он за большую цену привозил из Риги и даже из Франции через Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Самару. Ему удалось даже получить от своих питомцев три-четыре яблока, но ни одно из этих деревьев не выжило: их убивали холодная зима и опасная весна. Для нежных деревьев март и апрель — месяцы более губительные, чем зимние морозы»[5].

Большие успехи в озеленении Оренбурга были достигнуты В.А. Перовским, который управлял краем дважды: как военный губернатор с 1833 по 1842 год и как Оренбургский и Самарский генерал-губернатор с 1851 по 1857 год.

Вернувшись в Оренбург в 1851 голу, он поселился в генерал-губернаторском доме на берегу Урала, построенном им в конце своего первого правления. В нём с 1842 по 1851 год жил военный губернатор В.А. Обручев, при котором около дома был разведён сад. Об этом свидетельствует, например, его распоряжение об установке садовых скамеек[6]. В.А. Перовский, придававший большое значение озеленению города, обратил внимание на этот сад и на Зауральную рощу, рассматривавшуюся как его продолжение. Он распорядился «устроить и улучшить Зауральную рощу, а для единообразия привести в таковой же вид садики на берегу Урала и во дворе генерал-губернаторского дома, развести и рассадить в них вывезенные из Башкирии деревья разных пород»[7].

Обзор документов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), в которых идёт речь о выполнении этого распоряжения В.А. Перовского, дан нами в опубликованной ранее статье «Дом на набережной»[8]. В ней было показано, что в Оренбурге против генерал-губернаторского дома появился в это время прекрасный сад, расположенный по крутому уральскому берегу, где на террасах были размещены две оранжереи, в которых выращивались, а затем продавались

горожанам «цветы растений и ранняя зелень разных сортов».

Занимаясь озеленением Оренбурга, В.А. Перовский считал важным распространить среди жителей города и его окрестностей огородничество, которое, по его мнению, находилось в бедственном состоянии. С этой целью он ещё в 1839 году предпринял попытку организовать «образцовый огород» и с успехом повторил её в 1851 году[9]. Дело было поручено чиновнику особых поручений М.Г. Ржевскому, который руководил строительством теплиц, работами по выращиванию овощей (ранних огурцов, арбузов, дынь, артишоков, цветной капусты и т.д.), а также их продажей населению[10].

В 1854 году, получив отчёт М.Г. Ржевского[11], В.А. Перовский писал: «Милостивый государь Михаил Григорьевич! Прочитав отчёт за истекший хозяйственный год по образцовому огороду, Вами устроенному и в Вашем управлении находящемуся и относя удовлетворительное состояние этого заведения единственно к попечениям Вашего Высокопревосходительства, мне приятно выразить Вам, милостивый государь, мою совершенную благодарность за Ваше ревностное участие в этом общеполезном предприятии.

Видя на опыте столь благоприятные результаты в самое короткое время по развитию огороднического хозяйства около Оренбурга, остаётся желать только, чтобы образцовое заведение послужило благими примером для жителей предместий и окрестностей и повело бы к распространению между ними сведений об этой полезной и выгодной отрасли хозяйства»[12].

Однако наибольшей заслугой В.А.Перовского в озеленении Оренбурга, несомненно, является устройство сада при Караван-Сарае, где размещалось управление башкиро-мещеряцкого войска. Здание было возведено по его инициативе[13] вне городских стен на открытом месте, и в летнее время его обитатели страдали от нестерпимой жары. Поэтому генерал-губернатор решил развести вокруг Караван-Сарая сад. В своем распоряжении от 18 сентября 1851 года он предложил генерал-майору А.И.Середе, которого он назначил командующим башкиро-мещеряцкого войска, представить свои соображения «об устройстве» этого сада[14]. Осуществлять составленный план — из-за скоропостижной кончины А.И.Середы 21 октября того же года — довелось его преемнику П.В.Балкашину.

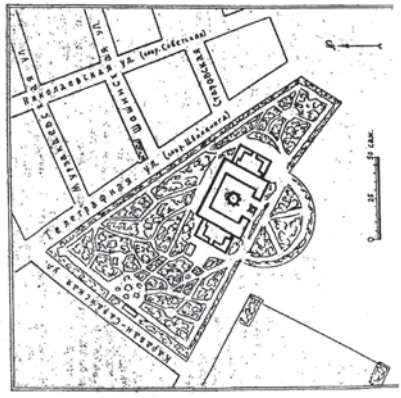
Осенью 1853 года В.А.Перовский отдал ему приказ «приступить немедленно к разведению около Караван-Сарая сада». Для этого «был нанят» в Уфе садовник Павел Лебедев с производством ему жалования по 200 руб. серебром в год и отводом квартиры в Караван-Сарае. Ему предписывалось «подрядить башкир вырыть и превезти сюда для

посадки потребное количество деревьев»[15].

Вскоре было привезено 275 деревьев разных пород, в том числе 100 сосен, 100 лиственниц, 40 берез, 20 клёнов, 10 рябин и 5 дубов, а затем 50 пихт и 50 елей. При этом были приняты меры для сохранения деревьев при перевозке[16]. Поиски деревьев, пригодных для посадки, продолжались и впоследствии[17].

30 апреля 1854 года Н.В.Балкашин сообщал В.А.Перовскому: «Положив начало разведению сада около Башкирского Караван-Сарая, я полагал бы, продолжая посадку деревьев, приступить нынешнею весною к следующим работам: 1. Обнести сад кирпичною оградою, с обштукатуркою, по представленному при сем чертежу; 2. Устроить над вырываемым в саду колодцем беседку из дерева с окраскою под цвет камня по рисунку, изображённому на генеральном плане сада; 3. Устроить в саду бассейн с водопроводом»[18].

Через три месяца, 20 июля, губернатор распорядился выплатить 305 рублей 20 1/2 копеек серебром, «следующие за работу и материалы, употребленные по устройству двух колодцев при Башкирском Караван-Сарае»[19], а в сентябре — ещё 1000 рублей «на расходы по разведению сада»[20]. Деньги отпускались регулярно по рапорту Н.В.Балкашина, а впоследствии В.А.Перовский распорядился отпускать на содержание сада постоянную



План Караван-Сарая с садом 1867г.

сумму — 540 рублей серебром[21]. Всеми работами по разведению сада руководил садовник Павел Лебедев. В помощь ему в 1855 году было определено пять башкирских малолетков, которых он должен был обучать садоводству и огородничеству. Кроме того, для работы в саду ежегодно назначалась сменная команда башкир. В феврале 1857 года Лебедев просил назначить в его распоряжение ещё урядника Михаила Копытина, «так как при огромном разведении сада поливка деревьев увеличилась и при каждогодной смене команд требует надлежащего за нею присмотра, через что, поставляюсь в затруднение иметь личное наблюдение за всеми работами»[22].

После отъезда в 1857 году В.А.Перовского из Оренбурга работы в саду Караван-Сарая продолжались. Новый генерал-губернатор А.А.Катенин уделял ему большое внимание и, как свидетельствуют архивные

документы, исправно выделял необходимые на его содержание средства, поступавшие, как и раньше, из башкирских сборов.

Имеется, например, запись 1860 года о том, что по его распоряжению «отпускается добавочное жалование заведывающему садом крестьянину Лебедеву в количестве 300 руб. серебром, и деньги эти поступают на пополнение выданных в ноябре 1858 года Лебедеву заимообразно 1 500 руб. серебром на выкуп из крепостного состояния. Деньги эти за 1858 и 1859 годы поступили в уплату долга, которого ныне на Лебедеве считается ещё 900 руб. серебром. Несколько позже Лебедев уже назван вольноотпущенным[23].

В 1858 году с Лебедевым был подписан контракт, по которому он обязывался в течение пяти лет «заведывать садами при Караван-Сарае и при доме генерал-губернатора на берегу Урала». Кроме того, он дал обязательство в течение контрактного времени «обучать десять мальчиков — 6-х башкирских и 4-х оренбургского казачьего войска»[24].

Расходы по саду Караван-Сарая исправно восполнялись и при следующем генерал-губернаторе А.П. Безаке, назначенном на эту должность в 1860 году после смерти А.А. Катенина. В ноябре 1862 года, ссылаясь на изменение правил денежных сборов с башкир, он просил военного министра об определении источника средств на содержание сада. Он писал, что без сада «здание это, стоящее почти за городом на открытом месте, будет подвержено всей силе лучей солнца и сыпучего песка, что неминуемо будет вредно влиять на здоровье чиновников, обязанных проводить целые дни в Караван-Сарае». В ответ было получено распоряжение «назначить на содержание сада по 840 рублей 40 копеек в год из соединённого сбора с башкир, производимого взамен службы и почтовой повинности»[25].

После того, как в 1862 году Оренбургская крепость была упразднена и срыт окружавший её городской вал, сад при Караван-Сарае стал более доступен жителям, и в нём устраивались «привилегированные гуляния»[26].

Генерал-губернатор А.П. Безак проявлял о нём большую заботу. Например, 31 декабря 1863 года он писал оренбургскому полицеймейстеру: «Дошло до моего сведения, что ночью на 23 число сего месяца, в Караван-Сарайском саду срублено два сосновых дерева. В отвращение подобного случая... предложено сделать распоряжение чрез полицейских приставов по городу и его предместьям, что если кто из жителей будет уличён в подобном проступке, то с таковыми будет поступлено по всей строгости законов: по лишению всех прав сословия он будет сослан в одну из отдалённых губерний Империи»[27].

Сад благоустраивался, и в 1864 году А.П. Безак разрешил возвести вокруг него «чугунную

на каменном фундаменте ограду высотой в 1 1/2 аршина»[28].

В том же году закончился контракт с садовником Павлом Лебедевым, и он, отказавшись заключить новый, тем не менее, хотел остаться при своей должности. Было ясно, что без садовника «сад, стоющий больших трудов и немалой суммы, от сильных жаров и недосмотра неминуемо весь засохнет и уничтожится», а другого желающего занять эту должность тогда не нашлось. Поэтому условия Лебедева были приняты и решено «оставить его при саде с производством ему по 500 руб. серебром в год без контракта, взяв от него подписку в точности исполнять все прежние условия»[29]. В это время он заведовал также садом при доме генерал-губернатора и получил задание «устроить сад на плац-парадном месте»[30].

Этот новый сад на центральной Александровской площади Оренбурга возник после того, как 3 октября 1862 года на имя А.П. Безака поступила докладная записка от городского головы, потомственного почётного гражданина и купца 1-й гильдии С.М. Деева, в которой он сообщал, что жертвует для этой цели тысячу рублей[31].

Была утверждена «смета на предполагаемое устройство сада в центр города Оренбурга»[32], представлен план сада, утверждённый 14 февраля 1863 года[33] и предположено приступить к работам с наступлением весны. Общее наблюдение за устройством сада генерал-губернатор возложил на полковника фон-Гюбеннета, а работами руководил П.И. Лебедев. Так, 19 января 1865 года ему было выдано 15 руб. 5 коп. серебром «на вырытье в упразднённом Земледельческом училище 35 дерев для посадки в означенный сад»[34].

Работы продолжались и при новом генерал-губернаторе, Н.А. Крыжановском, назначенном 9 февраля 1865 года. Так как денег, пожертвованных С.М. Деевым, оказалось недостаточно, он выделил дополнительно 630 руб. серебром «на расходы по устройству водопровода в саду, а также на дальнейшее разведение его»[35]. В июле 1865 года сообщалось о «проведении воды от городского водопровода в Александровский сад чугунными трубами с распределением её по всему саду посредством деревянных, гончарных и дренажных труб»[36]. Кроме того, при содействии Н.А. Крыжановского вокруг Александровского сада была установлена чугунная решётка[37].

Наконец 27 мая 1866 года оренбургский гражданский губернатор К.Н. Боборыкин сообщил Городской Думе, что сад «устройством уже окончен и составляет принадлежность города», а потому Дума должна «принять его в своё ведение и дальнейшие расходы по содержанию его в надлежащей исправности производить своими средствами». Он отметил, что сад «служит украшением

города» и «желательно было бы, чтобы и на будущее время он не только удержал настоящий свой вид, но был бы приведён в лучшее положение». Осуществить это предстояло новому «заведующему всеми садами в Оренбурге вольнонаёмному садовнику прусскому подданному Ирмлеру»[38].

В 1864 году в Оренбурге при участии садовника Лебедева появился ещё один сад, разбитый около здания Николаевского института благородных девиц на месте купленного «для этой надобности» соседнего дома. В смете расходов на разведение сада значится «установка среди оного бассейна с устройством в нём трубы для снабжения сада водою из общего городского водопровода»[39].

Н.А. Крыжановский уделял много внимания разведению садов в Оренбурге. Архивные документы свидетельствуют, что в 1867 году он регулярно отпускал средства на приобретение семян и растений для садов при доме генерал-губернатора и при Караван-Сарае[40]. Например, имеется его распоряжение о выдаче 300 рублей за купленные у помещицы Неклюдовой фруктовые деревья (абрикосовые, персиковые и миндальные) для оранжереи при генерал-губернаторском доме[41].

В 1871 году Н.А. Крыжановский поручил городскому архитектору Моннерот дю Мэну «по осмотре площади между городом и Форштадтом по берегу р. Урала до каменного казённого магазина снять её на план и разбить на ней сад»[42]. Но из-за отъезда архитектора это поручение выполнено не было, и генерал-губернатор повторил его только в феврале 1875 года, предписав представить ему план и смету «необходимого для устройства сада расхода»[43].

В 1873 году Н.А. Крыжановский нашёл необходимым «иметь вблизи Оренбурга питомник для приобретения из него деревьев для общественных и частных садов»[44]. О своём намерении он сообщил гражданскому губернатору 15 декабря. «Вашему Высокопревосходительству вполне известно, — писал Н.А. Крыжановский, — какое важное значение в климатическом и санитарном отношениях имеет насаждение в городе бульваров, парков, скверов и вообще садов. Содействие к развитию этих устройств было бы особенно благодетельно для Оренбурга при его крайне сухом и жарком климате. В видах такого содействия было бы весьма желательно устроить вблизи городских земель питомник, в котором воспитывались бы при весьма разнообразных почвенных условиях свойственные здешнему климату древесные породы»[45].

Считая, что местность для питомника должна отличаться разнообразием почвы, Н.А. Крыжановский предложил отвести для этой цели полосу земли, «уступленную городом для генерал-губернаторской дачи». Эта полоса простирается «по берегу реки Сакмары, начиная от мужского монастыря до строений летнего

помещения генерал-губернатора, включая местность, известную под названием Пугачёвского редута». Своё решение Н.А. Крыжановский обосновывает ссылкой на «мнение старожилов».

После упразднения в 1881 году Оренбургского генерал-губернаторства в доме на набережной разместилась губернская казённая палата, а сад с оранжереями перешёл в ведение города. А 27 апреля 1885 года к губернатору М.И. Астафьеву поступила докладная записка, в которой несколько именитых горожан ходатайствовали «об открытии в Оренбурге отделения Императорского Российского общества садоводства... и о передаче в его собственность сада с оранжереями против дома, занимаемого ныне Казённой палатой»[46]. Губернатор, испытывая «полное сочувствие к предположению просителей» обратился с запросом в министерство государственных имуществ, откуда в декабре 1855 года было получено следующее решение: «По сношении с Министерством внутренних дел и рассмотрении в совете Министерства государственных имуществ проекта Положения об Оренбургском отделении Императорского Российского общества садоводства г. министр государственных имуществ разрешил учредить означенный отдел и утвердил Положение оного»[47].

Деятельность общества была успешной, о чём свидетельствует, например, его отчёт за 1894 г.[48] Из него следует, что общество объединяло 136 человек, его председателем был генерал-майор П.П. Бирк, начальник штаба Оренбургского казачьего войска, а вице-председателем — М.И. Ростовцева, жена попечителя оренбургского учебного округа. Среди членов общества мы видим известных представителей интеллигенции Оренбурга, например, издателя газеты «Оренбургский листок» И.И. Евфимовского-Мировицкого, инспектора народных училищ И.В. Будрина, инспектора городского училища И.И. Хохлова, преподавателя гимназии В.В. Толузакова и др.

В 1894 году деятельность общества была направлена прежде всего «на подготовку благоприятной обстановки для правильной культуры растений». Выясняется, что наряду со старым питомником, в котором в этом году улучшили колодец и возвели изгородь, уже существовал и новый питомник, в котором был «приспособлен водопровод и начаты работы по освобождению почвы от излишней соли».

Отмечается, что в 1894 году П.П. Бирк «сделал запрос о состоянии садоводства в казачьих станицах и посёлках Оренбургской губернии, во все казачьи школы». Полученные ответы, в том числе сообщения учителей о садах при школах, были систематизированы.

Летом 1894 года в Оренбурге общество организовало курсы садоводства и пчеловодства для учителей народных училищ.

На них три лекции «О строении и жизни растений» с указанием приёмов ухода за ними прочёл инспектор киргизской учительской школы М.А. Галанов, обязанностью которого являлось «наблюдение над теплицами, оранжереями и парниками».

В отчёте сказано, что очень повредила делу частая смена садовников, ведавших садом на берегу Урала. С 1893 года появился новый – окончивший курс в Пензенском училище садовников со званием учёного садовника Ф.П. Осетров.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. 1907. С. 57-58.
2. Свиньин П.П. Картины Оренбурга и его окрестностей // Отеч. записки. Ч.35. 1828. С. 19-20.
3. Там же, с. 20-21.
4. Ц[иолковский Н.Т.] Воспоминания старожила // Тургайская иллюстрированная газета. 1896. № 2.
5. Helmersen G. Reise nah dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835. St.-Petersburg. 1841. S. 159-160.
6. Ф.6. Оп. 14. Д. 23.
7. Ф.6. Оп. 14. Д. 74. Л. 88.
8. Матвиевская Г.П. Дом на набережной Урала // Гостиный Двор. № 30. 2010. С. 234-246.
9. Судоргина Т.В. «Овощи от засухи и жаров выгорают» / Вечерний Оренбург. 2006. № 32.
10. Ф.6. Оп. 14. Д. 46.
11. Ф.6. Оп. 10. Д. 6797. Л. 28-28 об.
12. Там же, л. 41.
13. Матвиевская Г.П. Символ Оренбурга. Как строился Караван-Сарай. 2016. № 2 (53). С. 309-316; № 3 (54). С. 289-297.
14. Ф.6. Оп. 13. Д. 380/1. Л. 124.
15. Ф.6. Оп. 12. Д. 665. Л. 6.
16. Там же, лл. 8-9.
17. Там же, лл. 19-19 об., 64, 77-87 об., 80-80 об., 117, 190.
18. Там же, лл. 124-126.
19. Там же, л. 190.
20. Там же, л. 221.
21. Там же, лл. 493, 510.
22. Там же, л. 519.
23. Ф.6. Оп. 6. Д. 13266. Л. 122.
24. Ф.6. Оп. 12. Д. 1943. Л. 198 об.
25. Ф.6. Оп. 6. Д. 13266. Лл. 150-151 об.
26. Ф.6. Оп. 13. Д. 3080/1. Л. 17 об.
27. Ф.6. Оп. 14. Д. 170. Л. 71.
28. Ф.6. Оп. 13. Д. 3080/1. Лл. 33-33 об.
29. Ф.6. Оп. 12. Д. 1943. Л. 194-195.
30. Там же, лл. 198 об.-199.
31. Ф.6. Оп. 14. Д. 170. Л. 1. См. также: Судоргина Т.В. «Чтобы служил украшением города» // Вечерний Оренбург. 2009. № 26 (9 июля).
32. Ф.6. Оп. 14. Д. 170. Л. 2-2 об.
33. Там же, лл. 15-17.
34. Там же, л. 94.
35. Там же, л. 118.
36. Там же, л. 120.
37. Там же, лл. 96, 99, 129-135.
38. Там же, лл. 137-138.
39. Ф.6. Оп. 14. Д. 206. Л. 26.
40. Ф.6. Оп. 6. Д. 14119.
41. Там же, л. 15.
42. Ф.6. Оп. 6. Д. 14310/6. Л. 1.
43. Там же, л. 5-5 об.
44. Ф.6. Оп. 6. Д. 14399.
45. Там же, лл. 3-4.
46. Ф.6. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.
47. Там же, л. 6-6 об.
48. Ф.164. Оп. 1. Д. 153.

Ирина КОНСТАНТИНОВА

«ПРИШЛА ОНА – РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ...»

Ирина Викторовна Константинова родилась в Соль-Илецке. Окончила Оренбургский государственный педагогический университет. С 2015 года работает ведущим архивистом отдела публикации и научного использования документов государственного архива Оренбургской области.

В феврале 1917 года в Петрограде, столице Российской империи, начались события, которые привели к падению монархического строя.

На вопрос о том, насколько неожиданным стало произошедшее для оренбуржцев, трудно дать однозначный ответ в связи с противоречивыми данными архивных документов. Официальные сведения о настроении населения города Оренбурга в течение декабря 1916 года не предвещали каких-либо перемен в общественной жизни. В рапорте оренбургского уездного исправника И.П. Лепихина оренбургскому губернатору и наказному атаману Оренбургского казачьего войска М.С. Тюлину, датированном 2 января 1917 года (здесь и далее даты по старому стилю **– И.К.**), указано: «В отчётном декабре месяце среди крестьянского населения вверенного мне уезда массовых беспорядков и выступлений, а также ложных и неосновательных слухов,

волновавших крестьянские массы, не было; среди рабочего населения случаев забастовочного движения не проявлялось; агитационной деятельности не замечалось, и вообще незакономерных выступлений проявлено не было».

Однако местная периодическая печать изобиловала сообщениями о сложившейся в городе непростой ситуации, возникшей в первую очередь из-за продовольственной проблемы. Газета «Оренбургская жизнь» от 22 февраля 1917 года предвещала: «Вздорожание продуктов первой необходимости и постепенное их исчезновение с местного рынка поставило грозный вопрос перед городским населением о питании. ...Теперь, при всё обостряющемся положении, недоедание получило не только спорадический характер, но и хронический, и грозит большими неприятностями в самом близком будущем».

Первое сообщение о февральских событиях в Петрограде пришло в Оренбург 28 февраля, когда в Управлении Ташкентской дороги была получена телеграмма комиссара Государственной думы Бубликова, скрытая от общественности по указанию Оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.С. Тюлина. На следующий день по распоряжению губернатора полицией были изъяты и уничтожены все выпуски столичной прессы. По городу стали распространяться слухи.

Газета «Оренбургская жизнь» от 2 марта извещала читателей:

«В Петрограде происходят события, имеющие, несомненно, огромное значение. Подробности этих событий нам неизвестны, но что они серьёзны, в этом вряд ли есть основания сомневаться. Телефон молчит, газеты пусты, есть масса слухов, очень противоречивых и часто незаслуживающих доверия».

Более подробная информация появилась на страницах оренбургских газет 3 марта. Редакция газеты «Оренбургская жизнь» сообщала: «Город полон слухов. Редакция осаждается... Трезвонит телефон беспрерывно... Все вопросы:

— Что случилось? Новое министерство? Временное правительство? Правда ли?

Наш ответ один:

— С утра 1 марта мы не имеем никаких телеграмм, даже сообщений штаба Верховного Главнокомандующего, ничего, кроме частных сведений...

А частные сведения таковы. Управлением железной дороги по своему ж.д. телеграфу получена депеша от нового министра путей сообщения члена Государственной думы Бубликова с предложением оставаться на местах, быть спокойными и продолжать свою работу. «Родзянко вместе с нами» — сказано будто бы в телеграмме.

Оренбургъ, 3 марта.

Совершилось событіе огромной, исключительной важности!

На смѣну старой власти, прогнившей до корня и въ процессѣ собственнаго тлѣнія готовившейся погубить Россію, создалась новая власть изъ народныхъ избранниковъ.

Родзянко, Шингаревъ, Милюковъ, Бубликовъ, Керенскій, Чхеидзе...

Отъ этой коалиціи, отъ этихъ извѣстныхъ своимъ умомъ и талантомъ вѣстью именъ дышетъ новой силой, энергіей возрожденія, а не смрадомъ тлѣнія.

Граждане! объединимся и мы, для завоеванія лучшаго будущаго, отбросимъ до окончанія войны всѣ внутренніе, партійные и личные счеты и властно и твердо скажемъ тѣмъ, кто мечтаетъ о возвратѣ къ прошлому:

„Къ прошлому возврата нѣтъ!"

Но въ эти великіе, святые дни настоятельно необходима сильная организація общества, создавіе гражданскихъ комитетовъ и бдительное наблюденіе за остатками темныхъ силъ, имѣющихся (къ жалкомъ, конечно, ничтожествѣ) повсюду и мо сущихъ попытаться внести смуту въ ряды дѣтей Новой Россіи.

Мы зовемъ всѣхъ,—и гражданское населеніе, и военныхъ, и администрацію къ дружной плодотворной работѣ; не нужно бурныхъ манифестацій и проявленій восторга: въ нихъ кроется опасность эксцессовъ.

За работу!.. За будничную, усиленную работу на благо народа!..

Для проявленій восторга время впереди.

Оренбургъ, Городскому Головѣ изъ Петрограда 1 марта.

Отъ временнаго комитета Государственной Думы.

Временный комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка.

Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко.

Исполнительный комитетъ Государственной Думы. 27 февраля.

Ровно въ полночь окончательно организовался исполнительный комитетъ Государственной Думы въ слѣдующемъ составѣ:

Родзянко, Керенскій, Чхеидзе, Шульгинъ, Милюковъ, Карауловъ, Карауловъ, Дмитріюковъ, Ржевскій, Шадловскій, Некрасовъ и Львовъ.

Телеграмма Родзянко изъ Ставку 26 февраля.

Председатель Государственной Думы отправилъ изъ Ставку на Царю телеграмму слѣдующаго содержанія:

Положеніе серьезное, въ столицѣ

Газета «Оренбургское слово» от 3 марта 1917 г.

Эта телеграмма поступила в ночь на 1 марта. А вчера уже другая телеграмма от того же министра с практическим предложением: всё движение по железным дорогам возлагается на полную ответственность начальников дорог, которым предоставляются широкие полномочия и предлагается действовать, не стесняясь государственным контролем и т.п. вещами, лишь бы наладить движение.

Значит, в Петрограде что-то произошло и на днях мы узнаем, что именно. Может быть, всё это и провокация?..»

Автор другой заметки рассуждает: «Мы в Оренбурге сегодня как на необитаемом острове. Масса слухов... Что-то где-то произошло, очень важное, произошло то, чего жаждет вся мыслящая Россия, что приведёт нас к победе над врагом, но верно ли это? Быть может, утка, сплетня, провокация? Телеграф молчит, как загадочный сфинкс... Говорят, телеграммы есть, но их не выдают адресатам... Всё возможно... Кто-то о чём-то совещаются... Думают, гадают, пустить или не пустить нос по ветру и по какому направлению? Инстинкт нам подсказывает, что всё не только возможно, но вероятно, ибо таков был ход событий. Без этого было нельзя и если всё это подтвердится, надо облегчённо сказать — всё это только к лучшему».

В этот же день последовало официальное заявление властей о петроградских событиях. Газета «Оренбургское слово» от

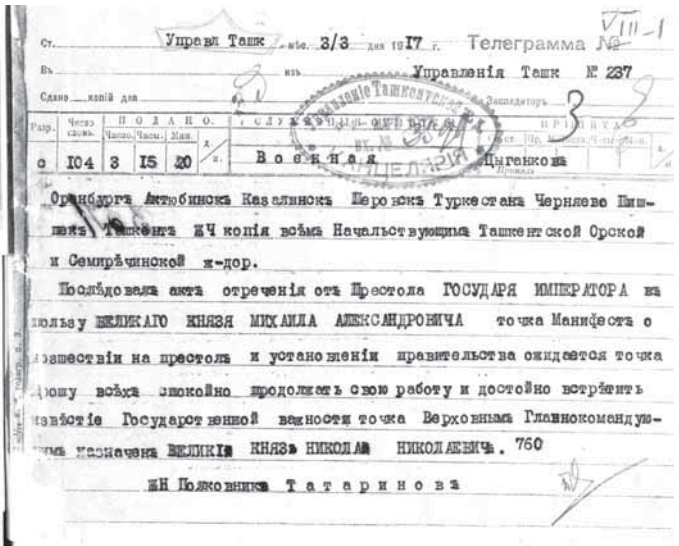
3 марта оповещала население: «Свершилось событие огромной, исключительной важности! На смену старой власти, прогнившей до корня и в процессе собственного тления готовившейся погубить Россию, создалась новая власть из народных избранников.

Родзянко, Шингарев, Милюков, Бубликов, Керенский, Чхеидзе... От этой коалиции, от этих известных своим умом и талантливостью имён дышит новой силой, энергией возрождения, а не смрадом тления.

Граждане, объединимся и мы, для завоевания лучшего будущего, отбросим до окончания войны все внутренние, партийные и личные счёты и властно и твёрдо скажем тем, кто мечтает о возврате к прошлому: «К прошлому возврата нет!»

Ниже был опубликован текст телеграммы Временного комитета Государственной думы Оренбургскому городскому голове Е. Клиентову: «Временный комитет членов Государственной думы при тяжёлых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашёл себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Российский император Николай II отрёкся от престола 2 марта. Среди документов Государственного архива Оренбургской области сохранилась телеграмма начальника жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги И.В. Татаринова начальствующим Ташкентской, Орской, Семиречинской железных дорог от 3 марта с информацией об отречении Николая II и указанием продолжать работу и «достойно встретить известие государственной важности».


Упр. Ташк. 3/3 1917 г. Телеграмма № VIII-1
Управления Ташк № 237
Сдано копий для
Разр. Через станц. ПОДАНО. Число. Часы. Мин. СЛУЖЕБНЫЕ ОТМЕТКИ ПРИНЯТО
о 104 3 15 20 Военная Цыганкова
Оренбурга Актюбинск Казалинск Перовск Туркестана Черняево Пишпек Ташкента КЧ копия всем Начальствующим Ташкентской Орской и Семиречинской ж-дор.
Подлежит акта отречения от Престола ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на пользу ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА точка Манифеста о вшествии на престол и установлении правительства ожидается точка Прошу всех спокойно продолжать свою работу и достойно встретить известие Государственной важности точка Верховным Главнокомандующим назначен ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. 760
НН Полковник Татаринова

Оренбургские газеты сообщили об отречении императора от престола

4 марта: «Поздно вечером получена телеграмма из Ставки, что государь император Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича».

Со страниц газеты «Оренбургская жизнь» к оренбуржцам обратились члены Временного Гражданского комитета и Временного Совета рабочих депутатов г. Оренбурга: «Оренбургская городская дума, многолюдное собрание граждан и рабочих Оренбурга признали новое правительство. Чтобы здесь, в Оренбурге, создать опору новой власти, собрание граждан и рабочих организовали временный Гражданский комитет и временный Совет рабочих депутатов.

...Все распоряжения нового правительства будут неуклонно проводиться в жизнь временным Гражданским комитетом.

Все лица и учреждения, не подчиняющиеся новому правительству, будут считаться врагами родины».

О реакции оренбуржцев на данные известия свидетельствует заметка, опубликованная в газете «Оренбургская жизнь»: «Граждане! Свершилось то, что должно было быть. Так слагались все обстоятельства и всё происшедшее есть результат естественного хода событий. И что же мы видим? Ни единого голоса протеста. Общее ликование, общая радость. Для всех праздничные дни. Пришла она — русская революция, давно жданная; мечта, которую многие лелеяли, за которую многие погибли, стала действительностью...»

Согласно приказу № 33 оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска М.С. Тюлина от 6 марта 1917 года управление губернией было возложено на председателя губернской земской управы Н.А. Холодковского.

По указанию Временного правительства Российской империи 7 марта Н.А. Холодковский был назначен губернским комиссаром Временного правительства. Об этом свидетельствует телеграмма министра-председателя Временного правительства Российской империи Г.Е. Львова, адресованная Н.А. Холодковскому: «Придавая самое серьёзное значение, в целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечению всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией временно возлагается на вас в качестве губернского комиссара Временного правительства со всеми правами, предоставляемыми действующими узаконениями губернатору и с сохранением за вами руководительства работою губернской земской управы».

Празднование Дня русской революции в г. Оренбурге состоялось 12 марта. Подробности торжественного мероприятия были широко освещены в местной периодической печати. Газета «Оренбургское слово» от 14 марта сообщала: «Празднование Дня русской революции в г. Оренбурге поразило всех, как своей грандиозностью, так и тем поразительным порядком, который царил весь этот день. Этот день выдался достаточно прохладным, почему не было той непролазной грязи, которую могла создать более чем стотысячная толпа. Согласно распубликованному заранее порядку, утром на Форштадтскую площадь стали стекаться многочисленные делегации различных обществ и организаций. Среди собравшихся стоял целый лес знамён со всевозможными революционными надписями...

После 12 часов дня президиум гражданского комитета во главе с Е.Н. Клиентовым и начальником гарнизона города Оренбурга Н.П. Мальцевым обошёл все делегации, которые приветствовали его шумными и бесконечными криками «ура».

...Затем началось прохождение войск перед президиумом церемониальным маршем. Насколько войск было много видно из того что прохождение солдат шло выше часа, в церемониале участвовало шесть военных оркестров.

Марш свободы 12 марта 1917 г.

По окончании парада состоялась исключительная по своей грандиозности манифестация, которую открывал оркестр музыки и отряд солдат. Процессия, напевая революционные песни, растянулась на версту и, пройдя мимо военной гауптвахты, вошла на Николаевскую улицу (ныне ул. Советская – **И.К.**). Здесь до Степной улицы (ныне ул. Потехина – **И.К.**) шпалерами стояли десятки тысяч войск, которых манифестанты приветствовали криками «ура».

Процессия, дойдя до Ташкентской улицы, повернула к вокзалу, а оттуда через площадь прошла по Введенской

улице (ныне ул. 9 Января **– И.К.**) до городской управы (ныне здание Оренбургского областного музея изобразительных искусств **– И.К.**), здание которой было очень красиво убрано. Здесь после произнесения нескольких красивых речей, посвящённых совершившемуся перевороту, манифестанты около 4 часов дня спокойно разошлись по домам.

Вечером город был иллюминирован. Десятки тысяч граждан и гражданок, а также солдат гуляли по центральным ярко освещённым улицам, наглядно показывая этим то единственное сочувствие новому строю, которое является залогом прочного укрепления этого строя».

Со сменой представителей высших органов власти в Оренбургской губернии произошёл слом всех последующих структурных уровней, который нередко сопровождался насилием и самосудом. Один из авторов газеты «Оренбургское слово», задаваясь вопросом «на кого опирался романовский трон», приходит к выводу: «На жандарма, полицию да попа». Именно на них и обрушилось в первую очередь недовольство народа.

Ещё в начале марта в газете «Оренбургское слово» было опубликовано сообщение: «С 7 ч. вечера до 12 ночи происходил грандиозный военный митинг в цирке солдат и офицеров гарнизона в количестве 5 000 человек. На митинге вынесено было постановление об аресте начальника гарнизона генерала Погорецкого и устранении Сандецкого. Гражданский комитет послал военному министру телеграмму с просьбой об устранении этих генералов.

В 3 часа ночи арестован начальник гарнизона генерал Погорецкий, при содействии II роты школы прапорщиков. 5-я и 7-я рота 238 полка, вызванные для защиты Погорецкого, при приближении взвода прапорщиков присоединились к ним. Учебная команда 238 полка,

вызванная в полном боевом вооружении также для охраны Погорецкого, тоже присоединилась и была отправлена для ареста начальника губернского жандармского правления. После ареста Погорецкого арестован начальник губернского жандармского правления».

В том же номере газеты даны разъяснения по поводу арестов: «Ввиду некоторой тревоги, вызванной в части местного общества арестом начальника гарнизона генерала Погорецкого и начальника жандармского губернского правления полковника Кашинцева, считаем необходимым разъяснить, что арест произведён распоряжением Гражданского комитета, согласно желаниям, выраженным чинами местного гарнизона, а отнюдь не по распоряжению митинга».

С упразднением корпуса жандармов и учреждением народной милиции в городе появились новые проблемы. На экстренном заседании городской думы 15 марта гласный Рябцев, поднимая на обсуждение внеочередной вопрос о состоянии правопорядка в г. Оренбурге, заявил: «Известно ли управе, что в городе бывают кражи, причём преступников милиционеры не преследуют; известно ли управе, что содержателя ветряной мельницы Колодина днём ограбили на 1800 рублей и грозили убить его топором; известно ли управе, что в Оренбурге организовывается из подростков вооружённая боевая дружина; если управе всё это известно, что она против этого предприняла?» В ответ городской голова признал, что «милиция поставлена слабо».

В периодической печати активно высказывались мнения, что все трудности, с которыми сталкивалась новая власть, были происками сторонников старого режима. В этом отношении представляет интерес «Письмо казакам», опубликованное 15 марта на страницах газеты «Оренбургская жизнь»: «Можно полагать, что во многих станицах теперь уже получено известие о происшедшем в России великом событии. Многие уже знают, что старая власть окончательно свергнута. Возврата к старому быть не может. Русские граждане не должны быть больше рабами деспотической власти. Но не надо забывать, что среди нас есть много людей, которые только и могли существовать при старом бесправном порядке, дорожили этим порядком и всячески поддерживали его.

Такие люди, которых в последнее время стали называть тёмными силами, притаились пока, как совы при наступлении дня. Они могут ещё делать попытки вернуть старое. В средствах для этого они разбираться не будут, как всегда. Они не постесняются всякими средствами возбудить в эти великие дни раздор между населением, они могут распространять за истину

всякую ложь. Это излюбленный их приём.

Приходится, к сожалению, слышать о подобных деяниях тёмных сил. Рассказывали, что в станице стали говорить о кончине мира, об антихристе и прочей подобной чепухе. Рассказывали также, что около Оренбурга какие-то тёмные личности советовали одному казаку не возить в город хлеб. Тёмные личности казаку говорили: «Казаки, не возите в Оренбург хлеб: там новое правительство, новый царь. Станичники, бойтесь таких людей! ...Не нужно волноваться от разных тёмных слухов приведённых выше. ...Разговорам о кончине мира, об антихристе и т.п. не следует придавать никакого значения. Это сплошная чепуха, фантазия невежд».

Аресты неугодных новому правительству людей, обвиняемых в сочувствии и содействии царскому режиму, стали постоянным явлением. Информацию о таких случаях можно найти на страницах газет и документов, хранящихся в государственном архиве Оренбургской области. В заметке «Оренбургские провокаторы», размещённой в газете «Оренбургская жизнь» от 25 марта, сообщалось: «Арестованы оказавшиеся охранниками: зубной врач Шлефтейн, бывший секретарь социал-демократической партии, получал в охранке 75 руб. в месяц, кличка «Карп». Зубной техник Брук. Рабочий Раков, именовавший себя социал-демократом, выступавший на митингах. Почтальон Лаврентьев, получавший 10 руб. в месяц за то, что носил интересные письма с почты в охранку. Поиски остальных провокаторов продолжаются».

Ярким свидетельством положения дел в г. Оренбурге в марте 1917 года является одно из писем в редакцию газеты «Оренбургское слово». 28 марта автор, пожелавший остаться неизвестным, пишет: «Свобода. Народ торжествует и пользуется ею безукоризненно. Но есть ещё такие тёмные силы, которые эту свободу применяют ко всякому злодеянию, как например: в посёлке Нахаловка много ещё водится не искоренившихся хулиганов, которые ходят по целым вечерам по местным домашним винокуренным заводам, а с наступлением ночи отправляются бродить по улицам; поют, дерутся и позволяют себе стучать палками по заборам и в стены домов. Но если же обыватель выходит с просьбой: «Господа, не стучите, ведь дети боятся», то он с гордостью отвечает: «Помалкивай! Теперь свобода».

Зоя ДАМРИНА

НАШ «НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ»

К 125-летию В.П. Правдухина

Зоя Петровна Дамрина родилась в Тамбовской области. Окончила Уральский государственный университет, работала более 40 лет журналистом, ответственным секретарём, заместителем редактора в акбулакской районной газете «Степные зори». Автор книги «Дорогие мои земляки». Живёт в Акбулаке.

Валериан Павлович Правдухин… Сегодня мало кто знаком с литературным наследием этого писателя. Мало кто знает и то, что в 1912—1914 годах судьба забросила его в наш степной посёлок Акбулак…

У каждого из нас был когда-то в жизни любимый учитель, открывший впервые прекрасный мир природы, книг, искусства. У акбулакчанки Натальи Даниловны Векловой, в прошлом учительницы школы № 1, тоже был такой незабываемый человек.

…Шёл 1912 год. Маленькая шустрая Наташа тогда училась в Акбулакском двухклассном училище. Однажды с быстротой молнии долетела до неё радостная весть:

— Новый учитель приехал, новый учитель приехал…

Когда «новый» первый раз пришёл в класс, мальчишки и девчонки отнеслись к нему более чем недоверчиво, почти враждебно.

Но учитель оказался добрым, отзывчивым молодым человеком. Вскоре его комната при школе стала «центром земного притяжения». В этой комнате ребятишкам всё было интересно: и книги, и многочисленные чучела зверьков и птиц, про которых учитель говорил: «Это мои охотничьи трофеи».

Очень быстро привязалась к нему детвора. И совсем скоро полюбили ученики его уроки по арифметике, а особенно по русскому языку и литературе.

Он всюду был с ребятами. Зимой играл вместе с ними в снежки, летом ходил на озеро Щучье, ранней весной звал их к речке Акбулачке послушать голос пробуждающейся природы — песни голосистых жаворонков.

Именно он, новый учитель, понимающий детский характер, непринуждённый и простой в обращении с детьми, пробудил у Наташи интерес к литературе. Именно благодаря ему избрала она путь педагога и впоследствии не свернула с него.

Спустя много лет совершенно случайно узнала Наталья Даниловна о том, что её учитель, живший в Акбулаке в 1912—1914 годах, Валериан Павлович Правдухин... стал писателем.

Он родился 2 февраля 1892 года в станице Таналыкской Орского уезда в семье сельского псаломщика. Мальчик учился в Оренбургской семинарии, откуда в 1911 году был исключён за участие в бунте учащихся.

В 1912 году, сдав экстерном экзамен за полный курс гимназии, с дипломом народного учителя он приезжал в Акбулак.

Как лучшего учителя его посылают отсюда на II Всероссийский съезд учителей, который проходил в 1914 году в Петербурге. Когда он возвращается в Акбулак, то по доносу его увольняют из школы.

Из Акбулака Валериан Павлович уезжает в Москву, где слушает курс лекций на историко-философском отделении Народного университета имени Шанявского. Он близко сходится с Сергеем Есениным, вступает в литературный кружок, принимает активное участие в общественной жизни университета.

После учёбы он возвращается на Урал, работает непродолжительное время актёром, земским лектором, выступает в местной печати с публицистическими статьями.

Находясь в гуще событий в период Февральской буржуазно-демократической революции, В. Правдухин не сразу разобрался в значимости происходящего. Вскоре его позиции окончательно определяются, и

он отдаёт свои силы и знания строительству новой жизни. За частичные политические колебания критик журнала «На посту» обвинил В. Правдухина в чуждости идеологии. Это заставило писателя искать защиту в «Правде». 27 января 1925 года в газете публикуется его письмо, где он говорит не только о заблуждениях критика, но и подчёркивает, что он никогда и нигде не скрывал своих политических заблуждений в прошлом, что он давно порвал связь с эсерами и с 1919 года честно работал на ответственной работе, помогая в строительстве социалистической культуры. В феврале того же года с письмом, защищающим Правдухина, в «Правде» выступил партийный деятель и публицист Емельян Ярославский: «Могу засвидетельствовать, что в работе с нами, коммунистами, товарищ В. Правдухин не расходился ни в одном вопросе».

Разнообразной и кипучей была деятельность Валериана Павловича во всех городах, где он бывал. В Челябинске, работая в школьном отделе, он организует клубы, читальни, детские дома, выступает с лекциями перед красноармейцами. В Новониколаевске (теперь Новосибирск) он становится одним из организаторов и редакторов журнала «Сибирские огни», существующего и поныне.

Перу Валериана Павловича принадлежит добрый десяток книг: среди них роман «Яик уходит в море», увлекательный сборник охотничьих рассказов «Годы, тропы, ружьё», сборник «Литературная современность» и другие. Две его книги — «Виссарион Белинский — основоположник социальной эстетики» и «Творец — общество — искусство», заинтересовавшие В.И. Ленина, хранятся в Кремлёвской библиотеке имени В.И. Ленина.

Писательская судьба В. Правдухина была трагичной. Едва он закончил роман «Яик уходит в море», появившийся в Гослитиздате в 1937 году, как на него обрушилась непоправимая беда: он был оклеветан и книги его были вычеркнуты из читательского списка.

Безвременная смерть оборвала жизнь этого человека-жизнелюба, проникновенного писателя, пламенного живописца родной природы.

Сейчас переизданы и имеются в библиотеках страны две его замечательные книги: «Яик уходит в море» и «Годы, тропы, ружьё».

Через несколько лет после того, как Валериан Павлович уехал из Акбулака, им была написана и опубликована пьеса «Новый учитель или Трудовая артель» с подзаголовком «Пьеса в трёх действиях. Из жизни одной школы».

Пьеса полностью посвящена деятельности Правдухина на

стезе народного учителя в Акбулаке и потому представляет для нас немалый интерес.

Несколько слов вот о чём: учителя и ученики школы № 1 долгое время ведут сбор сведений о нашем земляке. Кое-что им удалось собрать. Несомненную ценность представляет как раз пьеса В. Правдухина «Новый учитель».

Копию с подлинника, хранящегося в Государственной публичной библиотеке города Москвы, снял выпускник школы № 1, студент Саратовского университета Евгений Редько. Эту копию он и привёз в родную школу.

Действие пьесы, как уже было сказано, охватывает время пребывания писателя в Акбулаке. В ней действуют герои, фамилии которых в большинстве своём остались без изменения. Кузьма Павлович Тюрин, заведующий школой, учащиеся Трохин, Веприк, Пташкин, Буслаева (кстати, ученица Буслаева это и есть Наталья Даниловна Буслаева-Веклова) и другие.

В пьесе отчётливо предстаёт Акбулак 1912—1914 годов, маленький, с разбросанными землянками и домиками. Прекрасно обрисованы образы воспитанников и образ самого Правдухина. В «Новом учителе» он фигурирует под именем учителя Вячеслава Ларионовича, энергичного, смелого и откровенного противника «палочного» метода воспитания.

Неприветливо встретили нового учителя ребята. Но уже скоро, с первого действия пьесы, начавшегося с того, что он заступился за Алёшу Грохина, которого заведующий школой незаслуженно наказал, отношение учеников изменилось.

Богатая и содержательная жизнь началась у ребят, создавших свою трудовую артель». Дети проводили различные выставки рисунков, выпускали журнал, писали стихи, создали музей, где были собраны коллекции растений и животных, чучела птиц и зверей. Методика воспитания нового учителя была отличной от других. Она была направлена на всестороннее развитие творческих задатков ребят.

В финале пьесы Вячеслав Ларионович уезжает в Москву. Он вынужден был покинуть школу: методика его воспитания, передовые взгляды не нравились педагогическому составу.

Так было и в действительной жизни самого Валериана Павловича Правдухина. Он покинул Акбулак, как мы уже сказали, уехал в Москву, полный надежд и планов, но жизнь распорядилась по-другому…

Вот таким был мой первый материал о В. Правдухине, опубликованный ещё в 1973 году, когда я только начинала работать в газете «Степные зори».

Он стал первым аккордом в моей правдухинской теме. Называю тему «моей», потому как на самом деле — за три с лишним десятилетия, что работала над ней, прикипела к ней сердцем, а Валериан стал родным и близким. Двигая тему вперёд, искренне верила, что газетное слово делом отзовётся. И оно отозвалось. Наступил 2007 год.

Вряд ли событие, произошедшее в начале октября 2007 года в Акбулаке, можно назвать крупным событием районного масштаба. Однако по своей исторической значимости оно превосходит многие другие. А для определённой группы акбулакчан стало событием давно ожидаемым, если не сказать — долгожданным.

…Как раз накануне Дня учителя в райцентре у домика, до того ничем не примечательного, по переулку Белебеевскому, 20, состоялся митинг, посвящённый открытию мемориальной доски с надписью: «Здесь в 1912—1914 годах находилось Акбулакское двухклассное начальное училище, в котором работал народный учитель, писатель Валериан Павлович Правдухин».

Митинг был немноголюдным не потому, что не нашлось желающих поприсутствовать, а потому, что сюда приглашались (и пришли) в первую очередь те, кто непосредственно соприкасался с творчеством Валериана Павловича. Это учителя, работники библиотек Акбулака, культработники, депутаты округа и, конечно, те, кто долгие годы пытался доказать общественности и властям право В. Правдухина на увековечение его памяти в Акбулаке — автор этих строк, И.П. Редько, Т.М. Пащенко, Т.М. Толкачёва, а также те, кто увидел наконец-то в этом многолетнем поиске энтузиастов-правдухинцев рациональное зерно — Т.П. Дикун, Т.И. Викарёва и очень инициативный педагогический работник М.И. Яранцева, в лице которой лично я нашла того самого человека, с которым

Выступает Иван Петрович Редько

правдухинская эпопея была доведена до конца.

Когда завершают работу, то всегда говорят: конец — делу венец. В журналистике завершение какой-то многолетней работы звучит несколько по-иному: это называется «завершить тему». Сначала журналист ведёт тему, а потом он её завершает. Искренне рада, что правдухинская тема в газете «Степные зори» практически завершена. И это через 35 лет!

Памятная мемориальная доска на доме Н. Бергер и Н. Сурских

Рада вдвойне, что многие годы её неутомимо вели в газете энтузиасты-краеведы, что именно 2007 год стал годом, когда после мартовских Правдухинских чтений была создана инициативная группа по увековечиванию памяти писателя-земляка. А местная поселковая власть, слава Богу, в лице Татьяны Ивановны Викарёвой и всех депутатов поселкового совета в ответ на наше ходатайство приняла распоряжение об открытии мемориальной доски.

…И вот митинг — у небольшого дома супругов Бергер — Николая Андреевича и Нины Сергеевны. А до того многие десятилетия, судя по домовой книге, здесь жила семейная династия Винник. Дом к этому торжеству значительно преобразился: благодаря настойчивым просьбам Марины Ивановны Яранцевой, редакции на помощь пришли спонсоры и люди, которые помогли семье пенсионеров Бергер привести домостроение в порядок. Хотя Нина Сергеевна и Николай Андреевич, узнав, что их дом станет акбулакской достопримечательностью, тогда посожалели:

— Сказали бы раньше, мы бы сами потихоньку всё сделали...

Героем митинга по-настоящему был Иван Петрович Редько. Ведь именно он и его сын Евгений открыли землякам имя русского писателя Валериана Правдухина. Иван Петрович с волнением рассказывал о своих поисках и находках. Именно ему и Т.И. Викарёвой было

дано почётное право открыть мемориальную доску.

…Тот октябрьский день был необычно тёплым, тихим, ласковым и солнечным. Такими же тёплыми были выступления Т.П. Дикун, Л.В. Мезенцевой, А.А. Ткаченко, Н.А. Бергера, В.Г. Мостовой, директора ЦБС, которая, к радости собравшихся, сказала, что это первый шаг к увековечению памяти В.П. Правдухина, вторым будет присвоение его имени районной библиотеке. Что и произошло в августе 2008 года — к 70-й годовщине трагического расстрела незаконно репрессированного писателя…

Пролетело почти столетие с того времени, но в тот день Правдухин как бы был вместе с нами. Это для него в палисаднике у акбулакчан Бергер расцвёл пышный куст «сентябрин», это Валериану адресовывали самые прекрасные слова участники митинга за то, что стоял у истоков народного образования в районе, за большое педагогическое наследие, за пьесу об Акбулаке, за романы и повести, в которых он так поэтично пишет об оренбургских степях.

Какое это счастье знать, что мы наконец-то сумели, смогли восстановить историческую память о русском писателе, народном учителе Валериане Правдухине! И не только для тех, кто живёт в Акбулаке сегодня, но и для тех, кто будет жить завтра…

Валентина КАПУСТИНА

«ИЗРАНЕННЫЕ» КНИГИ ВАЛЕРИАНА ПРАВДУХИНА

(библиографический обзор)

Валентина Михайловна Капустина родилась в селе Новоуральск Кувандыкского района. Окончила библиотечный факультет Куйбышевского (Самарского) государственного института культуры. Заведует сектором литературного краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

Репрессии против писателей 30-50-х годов XX века несколько отличались от репрессий против людей других профессий, поскольку вместе с писателями репрессировались и их произведения. Книги уничтожали, изымали из библиотек, книжных магазинов, «рассыпали» наборы в издательствах, изолировали от читателей в спецхранах, «калечили», вырезая фотографии и целые статьи, вымарывая фамилии, запрещали цитировать и т. д. За хранение в библиотеках книг «врагов народа», за несвоевременное их изъятие из фонда следовали «оргвыводы», в то время весьма жестокие. Видимо, полагалось, что после того, как писатель и его книги уничтожены — уничтожена и память о них. Но проходило время, и хрупкие создания человеческого разума — книги, которые и в огне горят, и в воде тонут, — вдруг чудесным образом возвращались к людям, возвращая и, казалось бы, навсегда

забытые имена своих создателей — авторов.

Жестокая судьба нашего земляка — замечательного писателя, литературного критика, журналиста Валериана Павловича Правдухина, казнённого 28 августа 1938 года на территории подсобного хозяйства НКВД на двадцать четвёртом километре Калужского шоссе («Коммунарка») и его произведений, типична (как это ужасно звучит!) для многих литераторов СССР того времени.

Произведения В.П. Правдухина подвергались гонениям ещё до его ареста. Например, изъяты были номера 6 и 7 журнала «Ленинград» за 1931 год «...за пропуск политически вредной, кулацко-националистической повести В.П. Правдухина». Причиной конфискации двух номеров журнала стала его повесть «Гугенот из Териберки». Из приказа начальника Главлита (Главное управление по делам литературы и издательств) от 03. 10. 1931 года: «За пропуск политически-вредной, кулацко-националистической повести В. Правдухина в № 6 и 7 журнала «Ленинград» поставить на вид заведующему Леноблитом. Предлагаю наложить взыскание на виновного политредактора и фамилию его сообщить Главлиту. Журналы № 6 и № 7 изъять. 10 экземпляров доставить Главлиту». Ответ Леноблгорлита: «Журнал «Ленинград» № 7 задержан. Сообщено в Политконтроль ОГПУ о необходимости изъятия. Требуемые Вами 10 экземпляров № 6 и 7 высылаем. Уполномоченному Облита, просмотревшему данный журнал, объявлен выговор с предупреждением, просматривал статью тов. Адонц — работник органов Главлита с 1923 года». Главлитом была подана записка в Оргбюро ЦК. В ней говорилось, что напечатана «откровенно кулацкая повесть», прославляющая кулака, потомка гугенотов в Архангельске, «до конца борющегося против советской власти... Номера журнала конфискованы». (Из книги: Блюм, А. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов 1917-1991: индекс советской цензуры с комментариями /Арлен Блюм; М-во культуры РФ, Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. — СПБ, 2003. — С. 149; 281).

Исследователем жизни и творчества В. П. Правдухина Николаем Михайловичем Щербановым эта «откровенно кулацкая повесть» была найдена и опубликована в книге «Неизвестный Валериан Павлович Правдухин» (Уральск, 2010).

Видимо, с этого времени В. П. Правдухин был под присмотром специальных служб. В августе 1934 года состоялся Всесоюзный съезд советских писателей, на котором активно работали агенты НКВД, скорее всего, это были завербованные литераторы, трудно представить, чтобы так откровенно писатели

выражались при незнакомых людях. В донесения попал и отзыв о съезде В. П. Правдухина.

«Валерьян Правдухин: Всё-таки хожу сюда и сам не знаю зачем. Ведь сознаю отчётливо, что мне в этой лакейской не место. Не умею и не хочу ни кланяться, ни исполнять роль угодливого официанта.

Всё, что творится сейчас в литературе, — беззастенчивая демагогия и издательский террор, издательства стали совершенно хамскими, что возможно только в нашей стране, где нет ни уважения к людям, ни элементарной порядочности.

О съезде же всерьёз стыдно и говорить: если что и предполагалось более или менее живое — доклады Радека и Бухарина — то и это отцвело, не успев расцвесть: два доклада, говорят, крепко подрезаны чиновниками из ЦК.

А. Новиков-Прибой: Сижу и слушаю с болью: по речам и докладам — всё хорошо, а для того, кто, как я, знает теперешнюю литературную обстановку, — настоящий тупик. Наступает период окончательной бюрократизации литературы. На днях я был, например, в издательстве «Советский писатель» и ушёл оттуда с самым горьким чувством. Пробовал заступиться за рассыпанные книги своих приятелей Правдухина и Зингера и в ответ получил: «У меня есть приказ, что нужно печатать лучшее из лучших». В числе этого «лучшего» печатается книга Шилькрета[1], которого печатают только за то, что он «оттуда». Приказы в литературе — последнее дело».

(Из спецсообщений секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР «О ходе Всесоюзного съезда советских писателей» [Не позднее 31 августа 1934 г.] Отклики писателей на работу съезда // Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. Т. 1. 1925—1941 г. /Федеральное архивное агентство; Российский гос. архив лит. и искусства. — М., 2010. — С. 349—353).

Следует отметить, что именно благодаря усилиям А. Новикова-Прибоя будет издана и переиздана книга Валериана Правдухина «Годы, тропы, ружьё».

Что же смогла сохранить наша библиотека из прижизненных произведений В. П. Правдухина, несмотря на списки Гослита и другие строгости?

Во-первых, две работы из сборников кооперативного издательства писателей «Никитинские субботники», серии: «Библиотека современных писателей для школы и юношества / под ред. Е. Ф. Никитиной; Критическая серия».

«Никитинские субботники», московское литературно-художественное объединение (1921—1934 гг.)

[1] Речь идёт об историческом романе К. Шилькерта (1886—1965) «Мамура» (М., 1934)

Название — по фамилии организатора и председателя объединения Евдоксии Фёдоровны Никитиной. При литературном объединении в 1922—1931 гг. существовало одноимённое книжное издательство, выпускавшее альманах «Свиток» (1922—1926 гг.), серии «Библиотека современных писателей для школы и юношества, «Классики в марксистском освещении» и др. После учреждения Союза писателей СССР объединение прекратило своё существование. Информации о том, что В. П. Правдухин принадлежал к этому объединению, не встретилось, упоминается в этой связи только его жена Л. Н. Сейфуллина, и это странно, поскольку в трёх сборниках «Никитинских субботников», посвящённых Всеволоду Иванову, Юрию Либединскому, Лидии Сейфуллиной, есть его статьи.

Многие из участников литературного кружка «Никитинские субботники» были репрессированы. Среди них: Исаак Бабель (1940), Борис Пильняк (1938), Артём Весёлый (1938), муж основательницы кружка и издательства Е. Ф. Никитиной Алексей Максимович Никитин (1939), Александр Воронский (1937), главный редактор журнала «Красная новь», где активно печатался В. Правдухин. В 1926 году стал членом «Никитинских субботников» наш земляк поэт Дмитрий Морской. В одноимённом издательстве вышла его первая книга «Сурдина пурги». Как известно он тоже подвергался репрессиям, был заключённым знаменитого БАМЛага.

Валериан Правдухин. Фото из следственного дела

Две работы В. П. Правдухина представляют нам его как литературного критика.

Пафос современности и молодые писатели /В. П. Правдухин //Всеволод Иванов. — М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1927. — С. 83-108. — (Библиотека современных писателей для школы и юношества /под ред. Е. Ф. Никитиной; Критическая серия. № 3). Эта книга имеет штамп третьей городской библиотеки им. А. С. Пушкина. В 1938 году книга оказалась в нашей библиотеке. Она «изранена», как и многие книги 20—40-х годов XX века. Замазаны в «Содержании» сведения об авторе и названии первой статьи,

вырезаны страницы, ей соответствующие.

Литература о революции и революционная литература (Л. Сейфуллина) / В. П. Правдухин // Лидия Сейфуллина. – М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1928. – С. 103–110. – (Библиотека современных писателей для школы и юношества / под ред. Е. Ф. Никитиной; Критическая серия. № 7). Тираж 5 000 экз. Книга была передана в спецфонд, из библиотеки школы № 24 Ташкентской железной дороги. В 1965 году возвратилась к читателям, встала на полку общего фонда (есть пометка в инвентарной книге).

Среди авторов этого сборника: А. К. Воронский, П. С. Коган, Н. Асеев, Д. Фурманов и другие. Статья В. Правдухина начинается словами: «Самыми радостными явлениями в нашей молодой литературе для нас являются две повести – это «Неделя» Ю. Либединского и «Перегной» Л. Сейфуллиной. Читаешь их – радуешься и сразу не охватишь, в чём именно их целостность и сила. Первое впечатление, что это какие-то куски глыбы – безымянные произведения самой природы».

В этой же серии и в этом же издательстве в 1928 году вышла книга «А. С. Серафимович». В сборнике нет статьи Валериана Правдухина, но в публикации писателя В. Г. Вешнева (1881–1932), одного из первых гонителей М. Зощенко (и не только его), вошедшей в этот сборник, цитируется рецензия В. Правдухина, опубликованная во втором номере журнала «Красная новь» за 1924 год на повесть А. С. Серафимовича «Железный поток». Конечно же Валериан Павлович нелицеприятный разбор своей рецензии прочитал.

Судьбу этой небольшой книги в конце 30-х годов решали на высоком уровне: «Предложение Фундаментальной библиотеки общественных наук СССР. Сборник посвящён творчеству А. С. Серафимовича. В книге на с. 52, 102, 205 положительно упоминаются и анализируются произведения врага народа Пильняка. На с. 213–216 приводятся цитаты из рецензии врага народа Правдухина. На с. 129, 162 восхваляется враг народа Ковтюх. На с. 28, 206 положительно упоминаются и анализируются произведения, изъятые из обращения. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР считает нецелесообразным открытое использование книги»[2].

Крылатые кочевники: сб. охотничьих рассказов / В.П. Правдухин // По полям и лесам.

---

[2] Блюм, А. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов 1917–1991: индекс советской цензуры с комментариями / Арлен Блюм; М-во культуры РФ, Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПБ, 2003. – С. 352

– М.: Сов. писатель, 1937. – С.140–156.

Книга поступила в нашу библиотеку из библиотечного коллектора в 1937 году, не была изъята и находилась в общем фонде.

В сборник вошли произведения А. Новикова-Прибоя, М. Пришвина, И. Соколова-Микитова, Е. Пермитина и др.

Изначально эту повесть напечатал **журнал «Тридцать дней» (1936, № 8).** Этот журнал сохранился в ОУНБ им. Н.К. Крупской.

Весь рассказ «Крылатые кочевники» проникнут любовью к знакомой с детства природе: «Там, вдали, у самого края земли, смутными силуэтами выступали большие коричневые холмы у реки Урала. У её берегов, я знаю, лежат скалы и в их чёрной оправе большие плёсы. Там моя родина, станица Таналык, я её почти не помню. Куда не взглянешь, всё дышит вековым покоем и глубокой усталостью...»

Писатель Ефим Пермитин в своем очерке: «Валерьян Правдухин: (памяти друга)»[3] отмечал: «Валерьян Правдухин обладал феноменальной памятью, необычайным видением художника и обострённым чувством природы. Это был человек воистину сыновне влюблённый в родные приуральские свои степи, как никто другой, умевший живописать их сердечно, просто и впечатляюще». Никого не обвиняя, но не скрывая скорби Е. Н. Пермитин пишет: «Да всё имеет конец. Жизнелюб, пламенный охотник, превосходный русский писатель, человек нежнейшей, поэтической души – Валерьян Павлович Правдухин – уже более четверти века не ходит по этой земле, не дышит её тёплыми запахами. Пусть же хоть этот краткий, «охотничий» очерк мой будет скромной данью незаслуженно забытому проникновенному живописцу природы».

Так совпало, что в этом номере журнала «Тридцать дней» опубликован очерк ещё одного выходца из Оренбургской губернии писателя, драматурга Александра Ивановича Завалишина. Называется очерк «У Горького». А. И. Завалишин погиб в застенках НКВД летом 1939 года.

В журнале «Тридцать дней» в первом номере за 1937 год опубликован рассказ В. П. Правдухина «Генерал и куропатки». К нему помещены иллюстрации Г. Балашова[4].

«Тридцать дней» – советский ежемесячный художественно-литературный, общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 гг. Кроме советских писателей печатались и зарубежные авторы, такие как

[3] Охотничье сердце / Е. Н. Пермитин. – М., 1962. – С.297–309

[4] Правдухин, В. П. Генерал и куропатки // Тридцать дней. – 1937. – № 1. – С.11–16

Ярослав Гашек, Эрнест Хэмингуей, Эрскин Колдуэлл и другие.

В 1936-1937 годах ответственным редактором журнала был драматург, очеркист, мемуарист Павел Елисеевич (Ефимович) Безруких (1892—1950).

В записке Главлита в Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1931 г., посвящённой литературной периодике 1931 года о журнале «Тридцать дней» говорится: «В ряде номеров печатался «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова — пасквиль на Советский Союз, где банда жуликов совершенно безнаказанно обделывает свои дела. Дальнейшее печатанье этого пасквиля, искажающего советскую действительность, было прекращено Главлитом... В одном из последних номеров напечатана часть повести Правдухина, где говорится о посылке ленинградским рабочим на ноябрьские праздники акульего мяса...»[5]

На некоторых номерах журнала «Тридцать дней» за 1937 год из нашей библиотеки, видимо, рукой библиотекаря сделана пометка: «Не рекомендовать и не выдавать», на других номерах журнала пометка: «Устарел».

В 1927 году вышло в свет «Собрание сочинений» Лидии Николаевны Сейфуллиной. Редактором издания является её муж — Валериан Правдухин, его фамилия значится на титульном листе. Шесть книг этого издания поступили в библиотеку в 1936 году, предположительно из библиотеки кого-то из репрессированных оренбуржцев. Во втором томе «Собрания сочинений» повесть «Перегной», впервые вышедшая в 1923 году в Новониколаевске в издательстве «Сибирские огни» с подзаголовком: «Четыре главы. Повесть в отрывках». В посвящении к книге говорится: «Валериану Правдухину — другу нелицемерному, сурово осудившему, во благо моё, пять лет тому назад, мои писания, первую книгу им принятую, посвящаю. Лидия Сейфуллина. 1923». Первое издание 1923 года хранится в фонде нашей библиотеки.

В газете «Оренбургская коммуна» за 17 апреля 1936 года напечатан крошечный отрывок из готовящегося к печати романа В. П. Правдухина «Яик уходит в море». Называется отрывок «Арестованный город». Ответственным редактором «Оренбургской коммуны» в то время был С. А. Колесниченко. В «Книге памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области» (Оренбург, 2010) имя Сергея Александровича Колесниченко значится под № 2873. Осуждён Военной коллегией Верховного Суда 28. 01. 1938. Реабилитирован 05. 09. 1956. Газета находится в фонде ОУНБ им. Н. К. Крупской. Ефим Пермитин в упоминавшемся выше

[5] Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991. — М., 2002. — С. 205

Семья Правдухиных: Анна Нестеровна, Валериан, Павел Иванович, Катя, Василий, Николай, Александр.

очерке «Валерьян Правдухин: (памяти друга)» писал, как много надежд связывал с изданием романа «Яик уходит в море» Валериан Правдухин, надеялся, что роман прорвёт срежиссированное гробовое молчание критиков вокруг его книг. После долгих проволочек в октябре 1937 года книга наконец увидела свет. Это первое издание романа хранится в редком фонде библиотеки[6].

Хранится в Оренбургской областной научной библиотеке им. Н. К. Крупской **книга В. П. Правдухина «По излучинам Урала. В лесной степи».** Это прижизненное издание 1929 года поступило в нашу библиотеку по обмену из Алтайской краевой библиотеки (Барнаул), собственного экземпляра не сохранилось. В этой книге один из эпизодов посвящён врачу-психиатру: «Врач психиатрической больницы рассказал мне о многочисленных случаях помешательства под влиянием классовых столкновений. Раны революции обнаруживаются на людях и до сих пор, особенно под влиянием воскресающего алкоголизма...» Скорее всего, врач — это Николай Правдухин, один из братьев Валериана. В 1967 году его родственниками в фонд Оренбургской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской было передано книжное собрание в количестве 799 экземпляров, принадлежавшее Николаю Павловичу Правдухину. Сейчас

[6] Правдухин, В. П. Яик уходит в море. — М.: Худож. лит., 1937. — 511 с.

эта коллекция под названием «Библиотека Правдухина» хранится в секторе редкой книги.

Видимо, щедрость — фамильная черта Правдухиных. В июле 2016 года в районном центре Илек внучатый племянник Валериана Правдухина (по линии брата Александра) Евгений Константинович Правдухин, встретившись с директором ОУНБ им. Н. К. Крупской Л. П. Сковородко, подарил 12 фотографий Правдухиных разных поколений, копию послужного списка Павла Ивановича Правдухина, составленного в 1908 году, изображение фамильного Правдухинского древа и др. От души благодарим Евгения Константиновича за подарок!

На сегодняшний день прекрасный писатель, наш земляк не забыт ни читателями, ни собратьями по перу, ни родными по крови. В библиотеки вернулись его прижизненно изданные произведения, появились вновь изданные книги, альманахом «Гостиный Двор» и областным общественным благотворительным фондом «Совесть» учреждена литературная премия его имени, ему посвящаются заплывы по Уралу, научные и читательские конференции, открываются памятные доски. В Оренбургской областной научной библиотеке им. Н. К. Крупской в литературном музее организована экспозиция под названием «Талантливейший на редкость был человек» (из высказывания Галины Серебряковой), посвящённая 125-летию со дня рождения Валериана Павловича Правдухина.

Полигон «Коммунарка», где 28 августа 1938 г. был расстрелян В. Правдухин

Валерий СЛЮНЬКОВ

РЕКА УРАЛ. ЖДАТЬ И НАДЕЯТЬСЯ

Валерий Иванович Слюньков родился в 1941 году в Моздоке Северо-Осетинской АССР, в семье офицера, потомственного казака. В начале войны был эвакуирован вместе с матерью (отец погиб на фронте в 1945 году) на её родину, в Чкалов. Окончил школу, работал электриком, служил в армии. Трудился до пенсии авиатехником на лётной испытательной станции Оренбургского авиаремонтного завода. Рыбак, огородник, садовник.

Тема, о которой пойдёт речь в статье, для многих, живущих на берегах реки Урал, больная. Это, по-моему, точное определение я услышал от главного редактора оренбургского альманаха «Гостиный Двор» Натальи Кожевниковой, когда принёс ей статью, в которой, как смог и как понимал, написал о горестном состоянии реки. Материал, спасибо редакции, прошёл в 35-м номере журнала. Потом мои статьи появились в газете «Оренбуржье», в региональной вкладке «АиФ», в газете «Южный Урал»...

Через некоторое время совершенно случайно мне удалось познакомиться с проектом профильного Екатеринбургского института СКИОВО (система комплексного использования и охраны водных объектов), в котором оценивается состояние бассейна реки Урал и планируемые меры по выходу из водного кризиса. Я, тысячекратно извиняясь

перед высокими званиями проектантов, позволил себе усомниться в некоторых пунктах проекта. И, как оказалось, вместе со мной не просто сомневаются, а выступают против, причём, грамотно аргументируя, дипломированные специалисты.

Сегодня, при вновь открывшихся обстоятельствах, хотелось бы обсудить оговорённый проект, обсудить заранее, чтобы не сетовать потом. Подумать о надвигающемся, и не только на наш регион, маловодье. Доводы, приводимые мной, конечно, не научны, это просто размышления, основанные на моём понимании реки, судьбой которой на любительском уровне занимаюсь многие годы...

В тот день по дороге на дачу пришлось остановиться на полпути. Подвёл, в общем-то, неприхотливый и надёжный, хотя и совсем не «молодой» мой автомобиль. Устранив, обжигаясь и потихоньку ворча, тёчь тосола, с пустой полторашкой в руках пошёл к ближнему коттеджу, выросшего недавно посёлка, чтобы добыть воды.

На звонок вышел хозяин, пожилой мужчина, и, увидев у меня в руках бутылку, развёл руками: «Нет у нас воды питьевой, только, так сказать, техническая. Вот скоро приедут с работы молодые и привезут. Не жалко, только что последнюю истратили». Поняв, что сойдёт и «техническая», наполнил мою ёмкость, а я не удержался и спросил, а почему у вас нет скважины? Ведь в этом районе хорошая вода. Знаю потому, что много лет отработал на расположенном рядом аэродроме, и у нас был качок недалеко от самолётной стоянки с холодной и чистой водой. «Да, была вода хорошая, но только первые годы. Есть у нас скважина, как и у всех в округе. Специалисты говорят, что с активным разбором подтянуло откуда-то воду подсолённую и с известью. У всех сейчас такая. Огород поливаем, земля высыхает и белеет. Хуже того — падает уровень воды, и многим приходится забивать глубже трубы колодцев. И это на берегу Урала!

Надо сказать, проблема с водой во всё большем числе наших поселений. Да что там о деревнях, когда Уральский водозабор Оренбурга, по заявлению главы «Водоканала», летом 2012 года работал на пределе возможного, упавший уровень реки тому причина, и благо, что 2013 год к концу лета оказался дождливым и отодвинул проблему на какое-то время. Маловодье...

На глазах одного поколения Урал превратился в мелкую, маловодную реку, хотя, честно говоря, в число великих рек он никогда не входил и зачастую показывал такие резкие колебания водности, что диву даёшься.

Например, ничем не запомнившийся нам по состоянию реки 1992 год был по водности, трудно поверить, в двадцать раз большим, чем в далёком 1933-м... (*По материалам СКИОВО. Здесь*

и далее ссылки на данные из проекта профильного Екатеринбургского института **— В.С.**). А как же тогда ностальгические воспоминания о пароходах, некогда бороздивших уральские воды? Не выдумки же это? И так, и не так. Вернее, не совсем правда.

Есть документальные данные о пароходном судоходстве на нашей реке. Ещё в 1880 году, сделав ровно четыре трудных рейса между Оренбургом и Уральском, «лопнула» пароходная компания... В словаре Брокгауза и Эфрона приводятся данные о глубинах реки, делающими невозможным пароходное движение). А в 1923 году на реку были доставлены три парохода и организовано сообщение по маршруту Гурьев-Уральск-Оренбург. Сделав по высокой весенней воде несколько рейсов, маршрут «укоротился» до Уральска, и больше попыток регулярного пароходного движения на реке не было. Причина одна — маловодье.

Были потом в разные годы «заплывы» в Оренбург из Уральска. В 1935 году, по сведениям наших архивистов, состоялся рейс парохода с грозным названием «15 лет ВЧК-ОГПУ», связанный с традиционными в те годы агитационными целями. Но надо обратить внимание на дату начала его выполнения — 22 апреля, пик половодья на Урале, когда мели на Урале «тонут» на шесть-семь метров, а в иные годы, к примеру, в 1942-м, 46-м, 57-м годах и на все двенадцать-тринадцать метров. Пожалуй, хватило бы глубин и для морских судов, с условием их недолгого пребывания и скорейшего отбытия назад, вслед за убывающей рекой...

Ходили позже, с большими трудами, со скрежетом днищ на перекатах и до конца пятидесятых небольшие суда, но это, конечно, не пароходы. Кстати, даже для них, на самом «нехорошем» перекате ниже железнодорожного моста, плетнём из талы перегораживали три четверти русла, чтобы хоть немного поднять уровень фарватера. И знаменитый, постоянно упоминаемый в прессе теплоход «Валентина Гризодубова» при своих кажущихся солидных размерах, был сверхлёгким судном с осадкой в полметра. Имея водомётный движитель (не путать с двигателем), мог, попав на мель, промывать себе проход. Вот практически и вся наша оренбургская пароходная история. Так что, стоит ли её раз за разом вытаскивать в укор нынешним временам? И без этого видно удручающее состояние нашей реки, с каждым годом всё более ухудшающееся.

Так что же изменилось и продолжает, ускоряясь, меняться, уже реально угрожая самой возможности жизни во многих поселениях? Наука утверждает, что весь годовой сток реки Урал и его притоков формирует практически полностью весеннее снеготаяние, и только до трёх процентов, и то не всегда,

добавляют летние дожди. К сожалению, большая часть стока уходит с бурным и непродолжительным паводком, и лишь малая успевает попасть в грунтовые воды, призванные весь год питать реки. И отсюда следует, что стало меньше выпадать снегов на наших просторах? Но вопрос это или утверждение?

Даже не зная метеостатистики, обратимся к отчёту в нашем областном «Экологическом вестнике» экспедиции московского охотоведческого института, кажется, за 2003 год, работающей на востоке области, в частности на озёрах. Эти водоёмы не имеют связи с реками, и учёные, обладая соответствующими возможностями, смогли проследить изменения их уровней аж с 1700 года. Оказалось, что не стало меньше выпадать у нас снега, о чём и поведали эти уровни, также зависящие от него. И статистика говорит о неизменности средних показателей величин осадков.

Так что же, тупик? Где вода? В грунтах её мало, в реках убывает, а её главный источник — снег, выпадает в среднем в тех же величинах, что и много лет назад, когда и реки были полнее, и родники питали ручьи и малые реки, а в колодцах в достатке была вода.

Сейчас мало кто сомневается в том, что, в числе прочего, самую весомую лепту в наступающее маловодье внесло Ириклинское водохранилище, построенное в конце пятидесятых, и полностью заполненное в 1966 году. Площадь его в наших засушливых степях, летом продуваемых горячими суховеями, значительна, и отсюда много водицы, испаряясь, улетает в основном в другие пределы.

Официальная наука утверждает, что потери на испарение невелики — всего три процента, но цифра-то, извините, от лукавого. Ведь если весь годовой сток — три процента, но уберём из этого объёма восемьдесят процентов пролетающего мимо нас за три недели паводка, и на оставшийся наложим эти проценты, вот и получим четверть потерянной воды. А это для сложившегося веками равновесия в нашей природе слишком много. Уровень водохранилища, по многим причинам, должен находиться в определённых пределах, а потому может быть выдержан только за счёт уменьшения воды, уходящей за плотину.

Постоянная, многолетняя потеря постепенно уменьшает среднегодовые уровни в Урале, а с ним в его притоках. А что такое уровень рек? Это ведь ещё и уровень грунтовых вод, особенно его первого слоя, верховодки. Преодолевая давление грунтов, «продираясь» в плывунах по капиллярам в песке и гравии, постепенно движется вода по понижениям водоразделов к реке или озеру. Если водоёмы полноводны и таков же уровень грунтовых вод вблизи, то это ещё одна величина сопротивления для быстрого

выхода воды в русло. Жидкость не сжимаема, процессы в плывунах инертны, и вот тогда, даже вдали от рек, начинает подниматься вода в пластах, и только тогда и появляются в низинах и оврагах родники, дающие жизнь ручьям и малым речкам, в том числе и воду в колодцах.

Показательны 1993-94 годы, когда после двух подряд сравнительно высоких и продолжительных паводков возродились родники и ручьи в оврагах и старицах, давно не видевших воды. Совсем не виноваты люди, якобы затоптавшие и засорившие родники. Знаю не про одну попытку возродить их с помощью лопат и даже экскаваторов. На дне глубоких ям лишь влажный песок. Вода слишком глубоко опустилась...

А ведь грунтовые воды — не только родники; при изменениях атмосферного давления выходящий из глубин холодный воздух конденсирует свою влагу в прогретом слое почвы, в слое корнеобитания, сглаживая почвенную засуху. Чем выше грунтовая вода, тем больше получат влаги растения, в том числе посевы.

Как же быть? Наши областные власти серьёзно озабочены проблемой. В апреле 2013 года состоялось совещание, собранное губернатором Ю.А. Бергом, где в основном прошло обсуждение упоминаемого уже выше проекта из Екатеринбурга, в котором оценивается положение, сложившееся во всём бассейне Урала, и предлагаются меры, необходимые, по мнению его специалистов, для выхода из водного кризиса. Проект не получил одобрения некоторых оренбургских учёных, несмотря на то что в нём заложено много нужного и полезного. Но есть и такое, что, по мнению специалистов, просто не приемлемо.

К примеру, очистка русла Урала. Непонятно, зачем? Разве на глубине много воды, только и ждущей «свободы», чтобы наполнить реку? Увы, это только расхожее мнение, гуляющее в народе вместе с мифом о неких американцах, якобы предлагавших вычистить Урал, но всё, что они при этом найдут, станет их добычей. Что же там есть такое, кроме коряг и мусора? Поездив в своё время по стране, я слышал похожее и о других речках, даже о Волге, только «хитрые и алчные» страны были разные. И, конечно, наши рачительные вожди сказали им гордое — нет!

Вернёмся к воде — специалисты знают, что там, в глубине, её, «желающей» выйти в русло, кроме той, которая и питает реку, увы, просто нет. Есть немалые запасы на различных и порой значительных глубинах, но это в основном солёные воды, реликты бывшего здесь древнего Каспия. А может, углубление русла нужно затем, чтобы убрать мели? Так ведь не мели поднялись вдруг из глубины, а воды стало мало, и бывшее дно стало мелями. «Опустив» его, обязательно

опустим и воду, а с ней ещё больше верховодку, ещё более усугубив ситуацию.

И что такое для реки мели и перекаты? Это преграды, не дающие разогнаться течению, ступенями повышающие, особенно в межень, уровень на плёсах. Если представить в графике «профиль» реки и провести по этим ступеням результирующую прямую, получим, пусть на десяток сантиметров, средний уровень выше, чем если бы не было этих ступенек. Умножим эти сантиметры на площадь бассейна, участвующего в процессе накопления грунтовых вод, и мы получим громадную цифру, на которую при очистке потеряем бесценный в наших местах Божий дар — воду. Да, грунтовую, да, не видимую, и оттого, казалось бы, нам безразличную, но именно она питает наши реки и оставшиеся родники, даёт воду в колодцах.

На упомянутом совещании было заявлено, что проект не принят и находится в стадии согласования. Но уже летом того же 2013 года появляется в печати сообщение о прошедшем межгосударственном собрании в Астане по данной теме, где прозвучало заявление наших делегатов о планируемом... углублении и расчистке Урала на протяжении от села Благословенка и до устья Сакмары, то есть о принятии самого спорного для Оренбурга пункта проекта. Обоснование — защита населения от подтоплений в паводки.

То есть речь не идёт об угрожающем, усиливающемся маловодье, а о высоких паводках, о которых оренбуржцы уже как-то и подзабыли. Конечно, эта угроза реальна, обязательно будут годы, когда сойдутся известные факторы и река покажет свой норов. Автору этого обращения довелось видеть сильнейший паводок в далёком 1957-м, когда ревущий поток возле железнодорожного моста в черте города Оренбурга, неся массу подмытых деревьев, обломки каких-то строений, едва не достал до рельс.

Как и чем в этом случае помогут расчищенные 28 километров русла? Да никак! Нет и, похоже, долго ещё не будет защиты от такого, и никакая плотина нам не поможет, потому что слишком велика площадь водосбора и слишком далеко Ирикла. Намного ближе Оренбурга к плотине находится Орск, но и здесь от неё не всегда есть помощь, потому что порой «топят» его Большой Кумак и Орь. Кстати, именно эти реки в 2005 году подтопили и часть Оренбурга. Поэтому здесь выход прост: не надо застраивать пойму!

Тогда зачем Урал чистить-то? На апрельском совещании губернатор решительно отверг подозрение многих в том, что расчистка — только предлог для узаконенной добычи драгоценной ныне песчано-гравийной смеси. Но ведь получается, что это и есть реальный результат задумки.

Ни в коей мере не могу и не хочу поверить в неискренность уважаемого губернатора, но полно ли, правдиво ли информирован он по этой теме представителями «хозяйствующих субъектов»? И, простите, не начхать ли «задумщикам» на эту нашу реку со всеми её притоками? Пройдут годы, настанет время оценивать результаты (они наверняка будут ожидаемыми), а инициаторы «борьбы с паводками» будут на заслуженном отдыхе или уйдут на повышение.

А река? После таких работ она, углубленная, спрямлённая (есть в проекте пункты об исключении из действующих русел излучин) и лишённая перекатов, с тем же количеством воды, промчит мимо нас в глубокой канаве быстрым потоком, вытягивая остатки грунтовых вод. Кроме всего прочего, земснаряды, калеча берега и выбрасывая на них песок и гравий, пустят вниз по реке поднятую ими массу ила на многие километры, уничтожая придонную живность, основу корма ещё имеющейся рыбы, создавая идеальные условия для ещё большего зарастания русла водными растениями, ещё более заиливая сохранившиеся глубокие плёсы.

Эти 28 километров реки будут безжизненным каналом, лишённым всякой рыбьей и прочей живности, идеальным местом выплода комарья, количество которого значительно уменьшает рыбья молодь. Стоит ли гробить оговорённые шестьсот миллионов рублей на столь сомнительное мероприятие? Причём было заявлено, что этот опыт (заметьте, опыт) будет использоваться впоследствии другими регионами. А если опыт окажется неудачен? Будем снова засыпать?

Как пример, речники на Оке, озаботившиеся падением уровня воды в фарватерах реки в навигацию 2014, изучили климатические показатели и, не найдя в них причин для маловодья, обратились к учёным гидрологам за разъяснением ситуации. И причина оказалась в работе земснарядов, «капитаны» которых гордо заявляли: «Неделя, и переката нет».

Результат: на два метра упал уровень воды, судам хода нет.

В наших условиях мы знаем, что потеря уровня реки, это потеря уровня грунтовых вод, со всем вытекающим отсюда перечнем печальных событий.

В период освоения Канады, когда промысловики-охотники почти уничтожили популяцию бобров, не сразу, но заметили люди, что стали бурны и скоротечны весенние паводки, часты засухи и пыльные бури, редки летние дожди. И причина оказалась… в тех самых бобрах. Своими плотинами перегораживали они многочисленные ручьи и малые реки, не давая быстро скатиться воде, поднимали уровень грунтовых вод, создавая условия для образования местного «климата». И решительные действия

правительства помогли восстановить и популяцию бобров, и погодные условия.

Жаль, что наша территория, наши люди и их среда обитания в очередной раз стали объектом сомнительного эксперимента. Кстати, лет тридцать назад, двухкилометровый участок русла ниже железнодорожного моста у Оренбурга был расширен примерно втрое и углублен на десять-двенадцать метров. Увы, через несколько лет от этих работ остались лишь воспоминания. Река восстановила всё по-прежнему, и сейчас здесь, как и везде, мелко.

Разве это не опыт? Прибавьте сюда выбранные галечные пляжи у Дедуровки, Рычковки и других мест, понадобившиеся в своё время для обустройства газового промысла. В итоге от бывших глубин также не осталось и следа. Учёные, наверное, смогут посчитать, за сколько лет затянет, теперь уже не песком и гравием, имевшими живую связь с водоносными горизонтами, а всё губящим илом, эти оговорённые 28 километров, оставив нам в остатке потерянные миллионы, а кому-то миллионные заработки от реализации ПГС.

Но как же без очистки и углубления убрать иловые и песчаные наносы? Да всё тем же способом, каким многие века до нас река поддерживала своё состояние, промывая русло достаточным количеством воды, особенно в паводки. Мощный поток, обусловленный многоводьем и естественным перепадом высот, образовывал в местах со слабыми грунтами глубокие омуты и «отливал» новые пляжи и перекаты, в нужный момент спрямляя русло, оставлял в стороне излучины, создавая пойменные озёра.

Помимо воли, читаешь проект об очистке, спрямлении русел, разрушении плотин и запруд (есть и такой пункт) и создаётся впечатление, что у проектировщиков основная цель — как быстрее «прогнать» мимо нас эту «напасть» — воду, как увеличить её количество в реке Урал... на сопредельной территории. Но ведь известно, что при входе на территорию Казахстана водность эта и так примерно раза в три больше, чем у Оренбурга, при несравненно меньшем количестве населения, проживающего возле реки.

Поверьте, было и смешно и больно смотреть телерепортаж с поливного поля в Илекском районе, где строгая чиновница, прижимая к груди стопу бумаг, грозила карандашиком растерянным работникам, запрещая им на три месяца (!) пользоваться небольшим поливочным насосом, который неправильно оформлен. Конечно, нужен порядок, но не до такого же… Что, у нас мало заброшенных полей? Или в магазинах в разгар сезона наша, а не израильская редиска?

Можно приводить много фактов усиливающегося маловодья и опустынивания в Оренбуржье. Исчезли, к примеру, скворцы, ещё совсем недавно к концу лета

собиравшиеся в огромные стаи. Пчеловоды жалуются на уменьшение пчёл в пчелосемьях, да и самих семей всё меньше. Наверное, всё меньше условий для растений, на которых пчёлы берут «взяток», и могут обитать и кормиться насекомые, становящиеся в свою очередь кормом для птенцов, ради которых и прилетали скворцы. Не оно ли, маловодье, и в причинах навалившихся на регион многолетних засух. А как жить людям в деревнях и сёлах, лишившихся нормальной воды? Ведь это не единичные случаи, которые мы видим в телерепортажах и читаем в газетах. Беда принимает всероссийский масштаб. Рухнувший колхозный строй худо-бедно содержал в рабочем состоянии водоводы, напорные башни, плотины и колодцы. А сейчас земли брошенных на произвол судьбы деревень принадлежат, в основном, уже не их жителям.

И не могут они понять, бывшие кормильцы страны (да и сейчас не нахлебники, потому что хлеб у нас пока ещё свой), почему никого не заботит, чем крестьянину полить грядку, напоить скотину, а зачастую, и чем напоить своих детей. В Оренбуржье, по официальным данным, больше половины сельского населения и четверть горожан испытывают острую нехватку воды. То, что нам показывают в телерепортажах, то, что с трудом набирается в вёдра в невезучих поселениях, трудно назвать водой, тем более питьевой, но — куда деваться, другой нет. Не могут они сами решить проблему, потому что оскорбительно бедны в небедной стране.

Понятно, что нужна не областная, нужна федеральная программа, призванная дать, по известному слогану, «народу — чистую воду», и на это нужны немалые деньги. Никто не оспорит большие расходы на оборону, вокруг нас всё не так просто. Прибавьте небывалую и пока, почему-то, малоподсудную коррупцию. А тут ещё никак не кончающийся мировой экономический кризис…

А известно ли читателям, что наши южные соседи, правильно поняв на государственном уровне, что полумерами людей не напоишь, задумали поворачивать в нужную сторону воды Иртыша, строить водовод от Тобольска в свои республики.

Давайте и мы хотя бы помечтаем о том, что бы можно было сделать для действительного спасения Урала. Водовод (нет, не канал) с несколькими станциями подъёма и перекачки из поймы той же Оби в месте, желательно, как можно ниже по её течению, и с выходом как можно выше для Урала, был бы незаметен для Оби и крайне полезен для Урала. Имея подпитку обской водой, хотя бы в пределах объёмов, умыкаемым испарением, он смог бы разом решить многие проблемы, дал возможность рационального и надёжного срабатывания

водохранилищ, восстановив былой среднегодовой уровень Урала, а с ними и грунтовых вод, и притоков, а также обеспечил бы нужный уровень и продолжительность весенних паводков для промывки и восстановления русла.

Это могло бы помочь и значительной части региона Урала в преодолении водного дефицита. Работать такой водовод мог бы только в безморозный период, что удешевило бы строительство и эксплуатацию. И не пришлось бы калечить русло и берега, нанося только вред природе, никогда доселе не ведавшей в своей многовековой истории о земснарядах и экскаваторах на реках, и были те реки и чище, и многоводнее. Дорог ли такой водовод? Наверное, недёшев. Но, если наши южные соседи в состоянии подобное строить, почему мы-то не можем распорядиться с умом своей же водой, тем более что на проект СКИОВО заложены вообще какие-то фантастические суммы.

Ещё более простое решение предлагает известный оренбургский гидролог Ю. М. Нестеренко. Поднять уровень речных перекатов укладкой стенок из бетонных блоков. За счёт этого на плёсах поднимется уровень воды (помните о графике со ступенями) и начнёт повышаться уровень первого слоя грунтовых вод. Спорна только высота таких подпорных стенок, учёный предлагает сделать их около двух метров. Считаю, более полуметра выше меженного уровня делать нельзя. Будут годы, когда образуются критические уровни паводка, и с высокими стенками можно наделать много бед.

Вспомним не столь уж давнее становление российских городов и сёл. Исторически они строились на берегах рек. Но росло население, не стало хватать всем места на берегах. И начали строить поселения в степи, но обязательно в местах, где рядом есть низины и овраги. На них строились простейшие плотины, образовывающие пруды. Вешняя вода, накопленная в них, круглый год подпитывала грунтовые воды, а с ними колодцы и родники, создавала хорошие условия для жизни людей и, наверное, повышала урожаи.

Пару лет назад один из каналов ТВ показал сюжет о неком австралийском фермере, который на небольшой речке, протекающей на его территории, устроил простейшие плотины, подняв её уровень, а с ней и уровень грунтовых вод, что немедленно сказалось положительно на урожайности полей. Правительство этим очень заинтересовалось и направило на ферму учёных, чтобы выработать рекомендации, как они выразились, для всего мира. По-моему, россияне давно этот опыт имели; в дореволюционной стране не было ни одного степного поселения, не имевшего пруда.

Кстати, недавно в Оренбургском степном заповеднике была построена такая плотина, и все радуются благотворным

изменениям в округе с образованием водоёма. Кому, какой вред она принесла? Но в предлагаемом проекте заложен снос большого количества плотин и запруд, счёт идёт на тысячи. Вода, задержанная в них, в проекте называется утраченной, потерянной для бассейна. А ведь это очень малая часть, оставленная на территории из вешнего потока, проходящего через неё, оставленного на всё наше засушливое лето.

Тем более что в паводок наша река выносит в Каспий огромное количество воды. Трудно поверить, но по данным одного из сайтов, в иные годы эти объёмы превышают показатели таких великих рек, как Волга и Енисей. Но, увы, очень кратковременно, скоротечно это многоводье, обусловленное огромными прилегающими просторами бассейна реки.

По данным регионального управления водного хозяйства в нашем крае из 2 600 таких сооружений осталась едва ли четвёртая часть, и те находятся в плачевном состоянии. Принцип один: нет плотин — нет проблем, потому что за ними надо следить, и проще их разрушить и забыть.

Даже только реализация предложения Ю.М. Нестеренко могла бы не только приостановить, но и повернуть вспять процесс опустынивания региона.

И ещё. Мы почему-то, уже традиционно, стесняемся отстаивать права своего народа, и, похоже, этим умело пользуются даже ближайшие соседи. На Сакмаре нет водохранилищ типа Ириклы, тем не менее состояние реки ещё больше, чем Урал, наводит на грустные мысли. Наши башкирские соседи спокойно и уверенно отбирают нужное им количество воды. А им много её нужно, сумевшим, не в пример нам, сохранить своё хозяйство. Их нисколько не заботит состояние реки на оренбургской стороне. Наведение порядка в водопользовании на Сакмаре благотворно сказалось бы и на состоянии Урала.

Но будут ли реагировать «водные» федералы, которых губернатор просил обговорить этот вопрос с соседями, прислушаются ли к нему в Башкирии, время покажет.

Конечно, в первую очередь нужно озаботиться снабжением нормальной водой людей, попавших ни много ни мало, в трагическую ситуацию, о чём в проекте не говорится. Наверное, жители в таких поселениях с горьким удивлением смотрят репортажи, как наши МЧС-ники возят самолётами воду в неблагополучные места по всему миру, и не понимают, а им как жить? Им не самолётами, им хотя бы в чистой бочке и в достатке воду возили. Конечно, придётся забыть об огородах и домашней скотине, только как и чем тогда жить крестьянину на своей земле?

И ещё об одном грозящем нам бедствии стоит сказать. Вес-

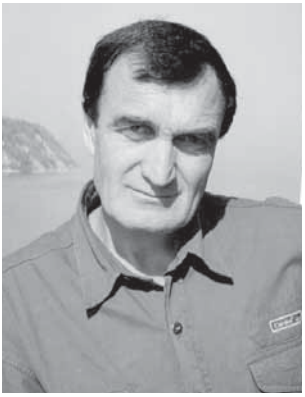
на 2011 года с её несколько повышенным паводком наглядно предсказала нам возможность такого бедствия. Полые воды захватили тогда с берегов реки и стариц, становящихся в паводок действующим руслом, валежник, подмытые деревья и накопившийся бурелом, и часть этой массы наглухо закрепилась на опорах автомобильного моста в начале улицы Донгузской. Невооружённым глазом виден был перепад уровня реки до и после затора. Но паводок тот был всё-таки небольшим, и затор благополучно осел и был разобран. А если паводок будет (а ведь он когда-то обязательно будет) на уровне упомянутого 1957-го, или, того хуже, 1942-го года? Кстати, в 1957-м этого моста ещё не было.

Куда пойдёт масса воды в обход забитого створа? А что он будет обязательно забит, о чём нас «предупредил» 2011 год, нет сомненья. Технических средств для ликвидации такого затора, как понимаю, нет, и только степень воображения может представить дальнейшую картину развития событий. Постарайтесь представить, как в паводок 1942-го в створе реки у Оренбурга проносилось более 12 000 кубических метров воды... в секунду!

Поэтому, планируя очистку русел рек от топляка, надо бы определиться и с состоянием пойменных лесов, сейчас находящихся в заброшенном состоянии, с массой перестоявших деревьев, рухнувших от времени и ветров больших и малых стволов. Необходимо, как в былые времена, когда была острая необходимость в дровах, в нужный момент зачищать берега от деревьев, которые могут в паводок быть смытыми в русло. Большое благо — газовое отопление обернулось захламлением лесов, грозящем, к тому же, пожарами.

Не может быть, что бы такая масса древесины не пригодилась бы для полезного использования. Страшная катастрофа в Крымске, приведшая к гибели людей, следствие именно такого развития событий, когда потоки воды закупорили мосты и узости водостоков принесённым валежником и стволами деревьев. И если хотя бы один этот пунктик из всего моего обращения дойдёт до власти, будет ей рассмотрен, я посчитаю свой «труд» не напрасным.

Нет только уверенности, что выделяемые страной огромные деньги пойдут впрок. Что изменится к лучшему жизнь наших людей на берегах своих рек. Что в числе прочего, в каждом городе и деревне будет чистая вода, чтобы и напиться, и хозяйствовать. Хорошо, если бы благие расчёты проектантов оправдались! Только невольно идёт на ум некрасовское: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную...» Дальше вы знаете. И всё-таки пусть это будет не про нас. А мы будем привычно ждать и надеяться.



Александр ЧИБИЛЁВ

ЗАПОВЕДНОЕ ОРЕНБУРЖЬЕ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ

К 100-летию заповедной системы России

Александр Александрович Чибилёв родился в 1949 году в селе Яшкине Красногвардейского района Оренбургской области. Окончил Воронежский государственный университет. Служил в Советской Армии. В Оренбурге с 1973 года. Академик РАН, вице-президент Русского географического общества, директор Института степи УрО РАН. На протяжении 40 лет ведёт научно-организационную работу по развитию сети заповедников и национальных парков России. Инициатор создания степных резерватов госзаповедника «Оренбургский», горно-лесостепного заповедника «Шайтан-Тау», национального парка «Бузулукский бор». В 2010 году выступил с инициативой воссоздания Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества, с 2011 – председатель-организатор этой комиссии.

«Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит – всё пройдёт, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда без смятения»

Н.К. Рерих, 1901 г.

100 лет назад в октябре 1917 года на заседании Постоянной Природоохранительной комиссии Русского географического общества В.П. Семёновым-Тян-Шанским был сделан доклад «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков». В нём впервые был представлен проект развития сети заповедных территорий страны, который позднее был взят за основу при планировании природоохранной деятельности в Советском Союзе. В этом проекте нашли своё место Бузулукский бор, уникальная урема на казачьих землях в долине Урала.

Говорилось о необходимости сохранения остатков русских степей, в том числе оренбургских.

2017 год — год ещё двух юбилеев — 150 лет назад по инициативе оренбургского губернатора Н.А. Крыжановского был учреждён Оренбургский отдел Императорского Русского географического общества, а 20 лет назад приступил к работе первый на Урале академический институт географического профиля — Институт степи. Именно две эти организации — общественная и государственная способствовали созданию в Оренбургской области одной из лучших систем особо охраняемых природных территорий: 1989 — госзаповедник «Оренбургский»; 2007 — национальный парк «Бузулукский бор»; 2014 — госзаповедник «Шайтан-Тау»; 2015 — участок госзаповедника «Оренбургский» — Предуральская степь как реализация проекта «Оренбургская Тарпания».

В 1998 году на территории области было учреждено 512 государственных памятников природы. Ещё несколько уникальных природных территорий заслуживают статуса заповедников, заказников, природных парков. Об этом говорится в прилагаемых записках инициатора и автора заповедных проектов.

Первый степной заповедник России

Для автора степь не только ландшафт, в окружении которого прошло всё его детство и все школьные годы, но и дело всей жизни. Я хорошо помню свой первый степной сенокос под селом Мрясово, тогда Покровского района Чкаловской области и последующие одиннадцать лет, когда все мои летние каникулы были посвящены сенокосным делам. Это были заливные и суходольные луга в долине Урала на юге области, степные сенокосы Общего Сырта на междуречьях Тока, Малого и Большого Урана. А ещё это было время, когда сенокосные угодья постоянно сжимались под натиском пашни, и тогда трактор с плугом стал в моих глазах не только орудием, переворачивающим пласты чёрной земли, но и орудием, с помощью которого прекращалась степная жизнь.

Но оставались ещё пастбища — практически неудобья, где трактор не мог проехать, где путь ему преграждали овраги или каменистые места. Это было царство тюльпанов и ковылей, сусликов и жаворонков, где степь представала в виде многокрасочного одеяла, цвета которого сменялись чуть ли не каждую неделю. Но и этому буйству красочного степного разнотравья приходил конец. Ещё многочисленный в пятидесятые годы прошлого века крупный и мелкий рогатый скот был согнан со своих исконных угодий на непригодные для распашки земли. Очень быстро из-за перевыпаса оскудели и пастбища.

На скотосбоях вместо сурков и рыжеватых сусликов расплодились тысячи малых сусликов. На моих глазах исчезали табуны лошадей — главное украшение наших степей, а ещё спасители степного ландшафта: там, где паслись лошади, как правило, не было скотосбоя.

Мой отец был зоотехником, организатором племенного дела. Он занимался разведением крупного рогатого скота, овец, домашней птицы. Завозил в Оренбуржье быков-производителей из Подмосковья, Западной Европы. Организовывал конные соревнования — был главным судьёй на ипподромных скачках. Но главным делом его жизни было разведение красного степного скота. Этот скот (до 1941 года он назывался красным немецким) был завезён в Оренбургскую область в конце XIX века немцами-меннонитами с юга Украины. Красная степная порода скота, как никакая другая, удивительно приспособлена к выпасу на наших низкотравных степных пастбищах — результат длительной селекционной работы на Украине, Кубани и у нас в Оренбургской области. Отец часто бывал в Аскании-Нова — одном из центров разведения племенного красного степного скота. Аскания-Нова была создана на юге Украины Ф.Э. Фальц-Фейном в конце XIX века. В её истории, как в зеркале, отразилась судьба степей и степной науки нашей страны. Это и первый степной заповедник, и первый полигон по изучению степной растительности. Это и первый в мире Степной институт В.В.Станчинского, просуществовавший всего несколько лет, и Институт животноводства, созданный на его месте. А также это уникальный зоопарк и центр разведения степных животных, благодаря которому была спасена для человечества дикая лошадь — лошадь Пржевальского. Так, с детских лет я узнал, что на территории СССР есть фантастическая страна — Аскания-Нова. Мой отец привозил из Аскании-Новы книги с иллюстрациями диких копытных, каменных баб в степи и рассказы о сотворчестве Человека и Природы в этом удивительном царстве в херсонских степях. И возникал вопрос: а почему у нас, в Оренбуржье, нет ничего подобного?

В 1966 году навсегда остались позади мои сенокосные сезоны. Поступая в воронежский университет, я, конечно, не знал, что здесь моим учителем будет профессор Фёдор Николаевич Мильков (1918–1996). Я не знал, что Мильков с 1941 по 1950 гг. работал в Оренбургском госпединституте, где стал самым молодым в стране доктором наук по географии. На первом курсе, узнав, что я из Оренбургской области, профессор пригласил меня домой, чтобы вручить мне две книги: «Чкаловские степи» и «Оренбургские степи в трудах

П.И. Рычкова, Э.А. Эверсманна, С.С. Неуструева». Я с удивлением смотрел на эти книги, о существовании которых мне не было известно — их просто не было в школьной сельской библиотеке. «Сколько вам было лет, когда вышла эта книжка? («Чкаловские степи»). Я ответил: «Минус два!» Помню, что Фёдор Николаевич был очень доволен этим ответом и сказал: «Я давно уехал из Оренбурга и, насколько знаю, никто после меня южноуральские степи по-настоящему не изучает, а я там больше ни разу не был, не знаю, что от них осталось после подъёма целины, а это, поверьте, были самые лучшие, самые богатые степи в Советском Союзе!»

На втором курсе университета я стал лаборантом кафедры физической географии, и уже вскоре Мильков отправил меня в «Каменную Степь» — научно-исследовательский институт в Таловском районе Воронежской области, на землях которого ещё в 70—90 гг. XIX века В.В. Докучаев заложил первые опыты заповедания степи, полезащитного лесоразведения и строительства прудов — своеобразный агрокультурный оазис среди степей. Эталонные степные участки сурчиной степи, косимой и некосимой залежи, несмотря на их несомненную научную ценность, не произвели на меня впечатления. И опять возник вопрос: а что у нас, в Оренбуржье, можно и нужно сделать, чтобы сохранить первозданную степь?

Дальше была ботаническая практика на Галичьей горе на берегу Дона в Липецкой области. Здесь я увидел растения, тщательно охраняемые на небольших пятачках, которые в изобилии сохранились в Оренбургской области.

А уже на четвёртом курсе была практика в Новосильской зональной агролесомелиоративной станции на реке Зуше в Орловской области, где можно было увидеть, как в условиях преобразованного лесомелиоративного комплекса сохраняются богаторазнотравные луговые степи.

После службы в Советской Армии в 1973 году я вернулся в Воронеж в университет. Но Ф.Н. Мильков сразу сказал: «В Воронеже вам делать нечего. В Оренбург вернулся мой давнишний друг Александр Степанович Хоментовский, кстати, член-корреспондент Академии наук. Поезжайте в Оренбург, устраивайтесь на работу, а на будущий год пожалуйте ко мне в заочную аспирантуру. Послужите оренбургским степям». Новая служба началась в сентябре 1973 года на кафедре Хоментовского, в политехническом институте.

С 1974 года начались полевые сезоны по поиску и изучению сохранившихся степных участков Оренбургской области. Пятнадцать лет ушло на то, чтобы был создан степной заповедник, и не один, а сразу четыре. Здесь

были и многочисленные встречи, острые дискуссии с партийными и хозяйственными руководителями. Было понимание и было резкое неприятие идеи «никому не нужной бесполезной заповедной степи». Недоумевали чиновники Главохоты Минсельхоза: «А что там, в степи, охранять, она ведь пустая?» Недоумевали московские «зубры» заповедного дела — по их мнению, время степных заповедников безвозвратно ушло. Первые шаги по изучению перспектив создания степного заповедника в Оренбургской области были сделаны под руководством Александра Степановича Хоментовского, имевшего опыт создания четырёх государственных заповедников на Дальнем Востоке. Он, будучи геологом, прекрасно знал флору и фауну степей, помнил обилие степных животных в годы его молодости и искренне горел желанием найти и сохранить последние островки выживания дикой степной природы.

Вся работа по созданию заповедника строилась на общественных началах: через Оренбургский отдел Географического общества СССР, Всероссийское общество охраны природы, общественный и хоздоговорный НИИ охраны природы и рационального использования природных ресурсов, созданный в 1976 году при Оренбургском политехническом институте.

Сравнивая эпоху 1970-80 гг. с современным, постсоветским двадцатилетием, отчётливо видишь плюсы и минусы в технологии подготовки и принятии решений при создании новых заповедных территорий.

Главное, за последние десятилетия вырос огромный чиновничий региональный и федеральный природно-ресурсный аппарат. С 2000 года собственно государственная охрана природы стала составной частью федерального природно-ресурсного министерства. Кроме того, координацией деятельности по созданию новых ООПТ России занимаются представительства международных экологических организаций, международные проекты, которые из Москвы пытаются управлять, направлять и рулить природоохранной деятельностью регионов. В самих регионах созданы обширные природно-ресурсные органы, деятельность которых давно уже не учитывает общественную инициативу.

Заповедник «Оренбургский» был создан в 1989 году благодаря инициативам научной общественности, при поддержке неравнодушных руководителей области и районов, имена которых должны остаться в благодарной памяти оренбуржцев.

Лесное царство на родине ковылей

Лесной массив Бузулукский бор привольно раскинулся почти на тысячу квадратных километров в заволжских степях на

границе Оренбургской и Самарской областей. Многие и многие исследователи, писатели, художники одарили наш бор прекрасными эпитетами, восторженными изречениями и стихами. Но весь XX век Бузулукский бор оставался заложником интересов различных ведомств, не учитывающих мировое значение этого самого крупного в мире лесного острова среди степей.

Я родился и вырос в 80 километрах от бора и мало что узнал о нём в школьные годы. Из бора привозили в наше степное село брёвна, столбы, дрова. И ни разу я не слышал ни одного слова о трагической судьбе бора, о ликвидированном заповеднике, о пожарах, беспределе нефтяников, о сплошных рубках. И лишь в 1966 году, на первом курсе Воронежского университета, мой будущий учитель Фёдор Николаевич Мильков, узнав, что я из Оренбургской области, озадачил меня этими вопросами. Свою первую научную экспедицию в 1974 году как аспирант Милькова я начинал в Бузулукском бору и начинал её со встречи с Ярославом Николаевичем Даркшевичем. С тех пор эти встречи стали постоянными до самой его кончины в 1993 году. Могу с уверенностью сказать, что Я.Н. Даркшевич был не только ключевым сотрудником недолго просуществовавшего заповедника в бору (1933—1948), не только главным специалистом по охране леса в Управлении «Бузулукский бор», но лучшим знатоком этого лесного острова во все времена. На протяжении 20 лет мы совершали с ним многочисленные экскурсии по самым укромным уголкам бора, находились в постоянной переписке о судьбах бора, готовили десятки писем, справок, всевозможных докладных записок о беспорядках в лесном хозяйстве, браконьерстве, опасном наследии нефтяников, вынужденных покинуть бор. Последние годы своей жизни Ярослав Николаевич тяжело болел, и я видел, что состояние бора, отношение к нему руководителей Управления лесами усугубляли болезнь человека, который всю свою жизнь посвятил его изучению и охране. Мне ничего не оставалось делать, как успокаивать моего старшего друга и обещать, что сделаю всё, чтобы вернуть бору статус государственного заповедника, а ещё лучше — национального парка.

Многочисленные письма в обком КПСС, статьи в газетах, встречи с чиновниками, вплоть до первого заместителя министра лесного хозяйства РСФСР, давали мало надежд.

Лишь в середине девяностых годов появились первые признаки возможного успеха в деле повышения статуса бора до национального парка. К этому времени мы уже имели опыт организации первого степного заповедника России, был создан Институт степи Российской академии наук.

И сегодня я могу сказать, что именно Институт степи в течение 11 лет, с 1996-го по 2007 год, ни на один день не ослаблял своих усилий, направленных на организацию национального парка «Бузулукский бор». У нас было много союзников и много противников. Надежды на создание парка то угасали, то возрождались вновь. Все эти годы я помнил восторженные слова своего учителя из Воронежа Ф.Н. Милькова, что он не видел леса более величественного, чем Бузулукский бор. Я помнил и о том, что в самом первом Проекте заповедников и национальных парков Российской империи, подготовленном в 1917 году Постоянной Природоохранительной комиссией Императорского Русского географического общества числился и Бузулукский бор. В 2009 году впервые в Бузулукский бор приехал известнейший журналист и деятель охраны природы Василий Песков. Он родом из Воронежской области, где находится знаменитейшие корабельные сосновые боры Петра Первого — Усманский и Хреновский. После экскурсий Василий Михайлович признался, что никакой из виденных им сосновых лесов не может сравниться по мощи с Бузулукским бором.

Национальный парк создан, но проблемы, копившиеся в бору десятилетиями, далеки от решения. Над ними будут трудиться новые исследователи. Судьба бора теперь в руках дирекции и сотрудников национального парка, руководителей и населения двух областей. На долгом пути к этому статусу бора мы сделали всё, что умели, всё, что могли. Надеюсь, что пришедшие нам на смену специалисты охраны природы и экологической науки не дадут угаснуть надежде на спасение и возрождение природной мощи, красоты и гармонии Бузулукского бора.

В наши дни Бузулукский бор оказался перед новым испытанием. У нефтяных скважин, оставшихся в бору, появился новый хозяин с лицензией на добычу нефти. Остаётся только надеяться, что новое поколение природопользователей окажется мудрее своих предшественников.

Эталон низкогорной лесостепи

На втором курсе географического факультета Воронежского госуниверситета я писал курсовой проект «Природа Южного Урала». Выбор темы был очевиден — раз ты родом из Оренбуржья, значит, эта тема твоя. Безусловно, работа была компилятивной, нечто подобное реферативному обзору, но с картами, профилями, таблицами и библиографией. В список авторов-исследователей Южного Урала попал Сергей Васильевич Кириков, а в числе уральских географических объектов был описан хребет Дзяутюбе как крайний юго-восточный форпост

европейских широколиственных лесов — предел распространения дуба и многих его спутников. Так в 1968 году состоялось моё первое заочное знакомство с Шайтан-Тау (это второе название хребта Дзяутюбе, чаще употребляемое в его южной части), а также с учёным, воспевшим Шайтан-Тау в своих трудах, — С.В. Кириковым.

Так получилось, что все свои научные идеи и экологические проекты, которыми я затем занимался всю свою жизнь, были вчерне сформулированы в студенческие годы. Подобных проектов не очень много, но они протянулись через всю мою жизнь.

Одним из таких проектов стал заповедник «Шайтан-Тау», который шёл к своему признанию почти 80 лет и стал реальностью в 2014 году. Только тщательное изучение трудов своих предшественников, знакомство с историей развития научной мысли и собственные полевые исследования делают тебя участником единого и непрерывного процесса познания. В университетских курсах было много теории, хорошей теории: воронежская географическая школа — одна из лучших в стране, но мало практики. Прикасаясь к истории Русского географического общества и деяниям его выдающихся представителей в XIX-XX вв., убеждаешься, как много мы утратили, как много осталось недоделанным, потому что прервалась связь времён, связь между поколениями естествоиспытателей.

В числе таких утрат была Постоянная Природоохранительная комиссия Русского географического общества, заложившая основы заповедного дела в России и прекратившая своё существование в 1918 году. В XX веке был создан, а затем, через 15 лет, ликвидирован заповедник Бузулукский бор, были потеряны многие заповедные степные участки, заложенные под влиянием идей В.В. Докучаева. Но ещё более внушителен список незавершённых (недоделанных) проектов. В числе таких «недоделок» XX века был и заповедник «Шайтан-Тау» на Южном Урале, о необходимости создания которого писали классики отечественного естествознания, принимались некие решения о создании здесь филиала Башкирского заповедника, но всё это оставалось на бумаге.

Мне очень повезло увидеть Шайтан-Тау во все сезоны года. Я несколько раз пересёк хребет зимой на охотничьих лыжах, пробираясь через дебри и многометровые сугробы горных балок. Незабываемы весенние экскурсии по Шайтан-Тау, когда сотни ручьёв низвергаются, грохоча, с горных склонов, когда видишь и слышишь буйное пробуждение живой природы от зимней спячки. Летние месяцы на Шайтан-Тау — самая благодатная пора — сезон бесконечных смен

цветовых аспектов, которые завершаются в середине и в конце лета обилием ягод и грибов. А какая бывает восхитительная осень на Шайтан-Тау! Золотые березняки, сочно-жёлтые кленовники, багрово-красные осинники, медно-бурые дубняки, ярко-пёстрые ковры степных кустарников — это только частичка бесконечного калейдоскопа пейзажных фрагментов Шайтан-Тау. Пройдены многие сотни километров по потаённым тропам Шайтан-Тау с коллегами и ещё больше в одиночку, когда остаёшься один на один с затерянным миром дикой природы. Всё это в прошлом. Уже нет тех сил, чтобы без труда пройти за один день десятки километров по горным склонам, пересечь десятки горных балок и оврагов, спуститься к Сакмаре и вновь забраться на вершину хребта. Остаётся только довольствоваться тем, что Шайтан-Тау получил признание как одно из чудес первозданной России.

Шайтан-Тау — действительно затерянный мир первозданной южноуральской природы. Можно в течение всего дня пробираться через лесные дебри бесконечных лабиринтов горных балок и оврагов, не встретив даже следов присутствия человека. Со времён С.В. Кирикова мир Шайтан-Тау приобрёл ещё более дикие черты. Прекратили своё существование почти все башкирские посёлки вдоль реки Сакмары, исчезли мосты, броды и сама дорога вдоль реки, соединявшая эти посёлки с внешним миром. По лесным полузаросшим дорогам ещё можно с трудом передвигаться на вездеходе или лошади. И очень важно после организации заповедника полностью закрыть все проезды через его территорию на автотранспорте. Это позволит сохранить настоящий «медвежий угол», мир дикой природы в непосредственной близости от промышленных центров и сельскохозяйственных ландшафтов Южного Урала.

«Оренбургская Тарпания» — проект-мечта

Идея вернуть в нашу степь её коренных обитателей — диких лошадей появилась вместе с организацией степного заповедника в начале 90-х годов прошлого века. Вопрос об управляемом выпасе лошадей для поддержания оптимальных условий функционирования степных экосистем заповедника «Оренбургский» ставился уже в ходе проектирования и вскоре после создания заповедника.

С 2002 года мы приступили к разработке проекта «Оренбургская Тарпания», направленного на реинтродукцию лошади Пржевальского на территории бывшего военного полигона в Беляевском и Акбулакском районах области. Этот участок площадью более 16 тыс. га известен как Орловская степь.

В 2005 году специально созданная рабочая группа представила

Программу по восстановлению лошади Пржевальского в Оренбургской области. Программа получила одобрение Минприроды России, но её практическая реализация не начиналась ещё несколько лет. В это время реализацией проекта, получившего название «Оренбургская Тарпания» (тарпан — европейский подвид дикой степной лошади, полностью вымерший в XIX в.), занимался фонд «Возрождение Оренбургских степей» под руководством С.В. Левыкина. Планировалось, что фонд возьмёт Орловскую степь в аренду и будет управлять ею в целях сохранения степных экосистем и осуществления проекта по реинтродукции лошади Пржевальского. Однако по ряду объективных и субъективных причин осуществить этот замысел практически не удалось. Большой проблемой стало и то, что фонд так и не сумел привлечь сколько-нибудь достаточные средства для создания материальной базы реализации программы и её профессионального сопровождения.

В 2010-2011 годах проект получил поддержку Русского географического общества. Путешествуя по следам экспедиции Пржевальского, мы побывали в Монголии и там встретились с Клаудией Фе — основателем биостанций по разведению лошадей Пржевальского во Франции и Западной Монголии. В 2012 году Клаудия и Фредерик Жоли, директор французской Ассоциации по лошади Пржевальского, побывали у нас и пообещали бесплатно выделить для проекта до 10 особей. В 2013 году при поддержке губернатора Оренбургской области Ю. Берга и членов Попечительского совета регионального отделения РГО мы приступили к созданию Центра разведения степных животных. Гарантом реализации проекта выступил оренбургский меценат А. Зеленцов. В 2014 году в Центре появились первые копытные, в том числе три лошади Пржевальского. 28 мая 2016 года в День степи в Центре разведения степных животных Института степи впервые было получено местное потомство лошади Пржевальского.

Ключевым условием для перехода к практической фазе программы реинтродукции стало включение Орловской степи в состав Оренбургского заповедника. Летом 2015 года она стала пятым участком заповедника под названием «Предуральская степь». Обоснование для этого подготовил Институт степи УрО РАН в рамках реализации проекта ПРООН/ГЭФ/Минприроды России «Совершенствование системы и механизмов управления ООПТ в степном биоме России». Теперь стали возможными непосредственное участие федерального министерства и привлечение значительных финансовых средств для создания необходимой инфраструктуры и приёма лошадей.

Эти работы были проведены заповедником при поддержке Минприроды России и Степного проекта. Клаудия Фе выполнила своё обещание: 18 октября 2015 года шесть лошадей Пржевальского прибыли в «Предуральскую степь». Сотрудники заповедника при поддержке специалистов Минприроды России, Степного проекта и международных природоохранных организаций за короткий срок подготовили необходимую инфраструктуру для приёма лошадей. А уже осенью 2016 года ещё 14 лошадей Пржевальского прибыли в Оренбуржье из Венгрии.

Проект возвращения в нашу степь её главного живого символа — дикой лошади находится в самом начале реализации. Тех животных, которые уже есть в Центре разведения степных животных, в природу выпускать нельзя. Они останутся в вольерах и могут только использоваться для разведения.

С новым пополнением сложнее. Во-первых, впереди нелёгкий период адаптации лошадей от мягкого европейского климата к более суровым условиям Оренбуржья. Во-вторых, для возвращения в дикую природу животным необходимы возможность выбора пастбищ и удобных водопоев, отсутствие фактора беспокойства человеком, наличие укрытий на случай экстремальных погодных условий, возможность зимнего выпаса. А как на огороженной территории спастись от степных пожаров? Нельзя допускать контакта с домашними лошадьми... Вопросов очень много, ответственность велика. На достижение главной цели — создание устойчивой популяции диких лошадей в российской степи — уйдёт много лет, может быть, несколько десятилетий. Очень важно при этом, чтобы возникающие вопросы решались грамотно, на научной основе, без волюнтаризма.

Завоз первых лошадей Пржевальского в «Предуральскую степь» и создание Центра реинтродукции на базе заповедника мы рассматриваем в качестве одного из этапов, или элементов, комплексного проекта «Оренбургская Тарпания». Всего этапов три.

Первый — создание Центра разведения степных животных в пос. Сазан. При поддержке меценатов и правительства Оренбургской области там создаётся экспериментально-туристический комплекс.

Второй — создание полувольной (в перспективе вольной) группировки диких лошадей на базе заповедника «Оренбургский» (на участке «Предуральская степь»).

Третий — организация на землях, прилегающих к заповеднику, пастбищно-животноводческого хозяйства с разведением степных пород скота, музеификацией пастушьей культуры и развитием агротуризма. Сюда же входит организация показа

лошадей Пржевальского, для чего на балке Колубай необходимо устроить большой вольер с природными пастбищами, укрытиями и водопоями.

Первый и второй элементы созданы. Третий пока выглядит утопией. Но таковой представлялся когда-то и весь проект «Оренбургская Тарпания» — проект-мечта. Настоящего тарпана уже не вернуть в наши степи. Но есть лошадь, которую открыл во время своего путешествия в Монголию и Китай Н. М. Пржевальский. А земледелец и меценат Ф. Э. Фальц-Фейн на юге Российской империи и его последователи во многих странах сохранили этот вид для человечества. Пришло время и в современной России создать новый Дом для дикой лошади.

«Предуральская степь» — наследие «Оренбургской Тарпании»

Этот степной участок расположен на междуречье левых притоков Урала Бурти и Уртабурти. Его аграрное освоение было остановлено в начале 60-х гг. прошлого века в связи с созданием здесь военного полигона. Однако уже в конце 90-х гг. его использование в учебно-военных целях фактически прекратилось, что способствовало быстрому восстановлению биологического разнообразия. Первые предложения по созданию здесь природного резервата были сделаны ещё в начале 1990-х гг. в связи с паспортизацией памятников природы Оренбургской области, когда было выявлено и описано уникальное урочище Бандитские горы. С 1996 г. по инициативе Института степи Уральского отделения РАН на территории этого степного участка стали проводиться систематические ландшафтно-экологические исследования по созданию здесь особого природного резервата под названием «Орловская степь» и «Оренбургская Тарпания».

На протяжении многих лет предпринимались попытки организации Орловской степи как особо управляемой степной территории. Однако до 2013 года эти попытки не были реализованы. Орловская степь, как бывшая территория специального земельного фонда, не получила никакого природоохранного статуса. В 2013 году Институтом степи УрО РАН было выполнено ландшафтно-экологическое обоснование создания на всей территории бывшего полигона пятого участка госзаповедника «Оренбургский» площадью 16,5 тысячи гектаров. Участкам было дано название «Предуральская степь».

В геолого-геоморфологическом отношении Предуральская степь представляет собой грядово-останцовую холмистую равнину с покатыми и пологими склонами. В геологическом отношении территория участка сложена элювиально-делювиальными

отложениями триасового юрского и мелового периодов. В северной части имеются выходы палеогена, а на востоке — делювиальные отложения неогена.

Высшие отметки Предуральской степи образуют холмы Орловская шишка (331,4 м над уровнем моря), Сандыагашская шишка (317,5 м) на востоке, гора Тумба (278,1 м) на севере, Бандитские горы (290,9 м) в центре участка.

Основу почвенного покрова Предуральской степи образуют южные чернозёмы. При этом более 60 процентов территории занимают чернозёмы южные в комплексе с солонцами. Около 16 процентов территории участка занимают плакоры, охватывающие платообразные вершины водоразделов и очень пологие склоны.

На большей части Предуральской степи получили развитие типчаково-ковыльные степи с преобладанием ковылей Залесского, перистого, Лессинга, тырсы, реже — красивейшего. По плакорам и плоскодонным лощинам обильно разнотравье. На солонцеватых и щебнистых почвах встречаются петрофтные и галофитные варианты типчаковых и мохнатогрудницевых степей, а на юге участка представлены песчаные степи.

Из кустарников на участке обычны спирея городчатая, ракитник русский, карагана, бобовник, которые местами образуют кустарниковую степь. Древесная растительность на участке представлена одиночными тополями (осокорь) и угненными осиновыми и берёзово-осиновыми колками. По предварительным оценкам, во флоре Предуральской степи представлено 377 видов сосудистых растений (Калмыкова, 2013). На участке установлено обитание 8 видов сосудистых растений, занесённых в Красную книгу РФ (рябчик русский, копеечник Разумовского, ирис низкий, ковыль опушённолистный, ковыль перистый, ковыль красивейший, ковыль Залесского, тюльпан Шренка. 20 видов растений, произрастающих в Предуральской степи, занесено в Красную книгу Оренбургской области.

На территории Предуральской степи гнездится 5 видов птиц, занесённых в Красную книгу РФ (могильник, степной орёл, курганник, стрепет, красавка). Ещё 5 краснокнижных видов (степной лунь, дрофа, большой кроншнеп, степная тиркушка, ходулочник) встречаются здесь на миграциях и летовках.

Из млекопитающих для Предуральской степи характерны степная пищуха, степной сурок, барсук, обыкновенная лисица, косуля. С восстановлением вблизи западной границы участка трёх водоёмов ожидается значительное возрастание разнообразия водных и околоводных птиц.

Предуральская степь представляет собой уникальный природный объект, особенностью

которого являются сохранившиеся компактные массивы зональной степной растительности. Участок характеризуется значительным ландшафтным разнообразием, включающим такие характерные и типичные для степной зоны ландшафтные элементы, как целинные степные плакоры, холмисто-увалистые мелкосопочники, песчаные степные террасы, солонцы на корах выветривания, разветвлённую овражно-балочную сеть, старовозрастные залежи. Малая нарушенность степных экосистем и высокое биологическое разнообразие, в том числе наличие видов растений и животных, внесённых в Красные книги России, Оренбургской области, благоприятные предпосылки для развития природоохранного просвещения и познавательного туризма придают этой природной территории общероссийское значение.

Идея создания пятого участка государственного природного заповедника «Оренбургский» площадью 16,5 тыс. га на землях специального использования в Беляевском и Акбулакском районах появилась в связи с переориентацией проекта реинтродукции лошади Пржевальского в Оренбургской области на расширение существующего государственного заповедника. Основные принципы совместных действий МПР РФ и правительства Оренбургской области по созданию нового участка заповедника «Оренбургский» были закреплены Протоколом № 05-16/70-пр совещания по вопросам создания нового кластерного участка «Орловская степь» и реинтродукции лошади Пржевальского в Оренбургской области, проведённого по инициативе губернатора Оренбургской области Ю.А. Берга, под председательством заместителя министра природных ресурсов и экологии РФ Р.Р. Гизатулина.

Необходимость создания заповедного участка «Предуральская степь» обусловлена современными процессами повсеместной деградации степных ландшафтов регионов под воздействием антропогенных факторов и необходимостью увеличить долю степных экосистем в сети особо охраняемых природных территорий. Кроме того, с учётом новейших дополнений в природоохранное законодательство появляются новые возможности интеграции заповедников в социально-экономическое развитие региона, в частности — через повышение туристической привлекательности. Предуральская степь и её охранная зона рассматриваются авторами проекта как предпосылки для создания научного полигона и научного стационара Института степи УрО РАН, организации Центра реинтродукции лошади Пржевальского, питомника копытных животных, музеефикации пастбищного животноводства.

Степные эталоны – будущие лаборатории природы

С созданием заповедника «Оренбургский» были заложены основы территориальной охраны степных и лесостепных ландшафтов области. Начиная с 1974 года Оренбургским отделением Русского географического общества, а затем Институтом степи Российской академии наук проводилась работа по выявлению и изучению перспективных объектов природно-заповедного фонда. В результате были подготовлены предложения по созданию новых заповедников, природных заказников и степных памятников природы как элементов ландшафтно-экологического каркаса региона, которые получили отражение в специальных публикациях.

В данном разделе ограничимся кратким представлением перспективных объектов природно-заповедного фонда области.

Практически вся западная (заволжская) и центральная часть Оренбургской области относится к степной зоне Предуралья и Общего Сырта. В геологическом и геоморфологическом отношениях эта территория представляет собой юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, граничащую с Уральской горно-равнинной страной. Почти все районы этой части Оренбуржья относятся к староосвоенным в земледельческом отношении территориям. К условно целинным можно отнести Первомайский, Акбулакский и Беляевский районы, где с 1954 по 1963 гг. было распахано соответственно 155,0, 101,7 и 60,8 тысяч га новых земель. Ещё в трёх районах – Ташлинском, Оренбургском и Соль-Илецком площадь распаханной целины составила около 50 тысяч га в каждом.

При паспортизации памятников природы Оренбургской области в степной зоне Предуралья и Общего Сырта было выделено 14 степных участков с зональной растительностью и почвами. Ещё около 40 памятников природы этой части области могут рассматриваться в качестве природного фонда степного ландшафтного и биологического разнообразия.

Наиболее крупными участками равнинных степей в заволжско-приуральской части области, кроме Донгузского полигона, являются Кувайская и Малохобдинская степи.

Кувайская степь

Представляет собой участок сыртово-увалистого и придолинно-плакорного типа местности общей площадью 1500 га в верховьях реки Кувай в Переволоцком районе. Растительный покров образуют разнотравно-ковылковые, тонконогово-ковылковые и грудницево-полынковые сообщества на чернозёмах обыкновенных, карбонатных малогумусовых, маломощных.

Местообитание степного сурка, стрепета, красавки. К участку прилегают пахотные угодья, трансформированные в разновозрастные залежи. Спорадически используется под выпас скота, очень редко — как сенокос.

Малохобдинская песчаная степь

Расположена на верхней надпойменной террасе и придолинном плакоре на левобережье Малой Хобды в Соль-Илецком районе. Площадь около 480 га. Может рассматриваться как эталонный участок псаммофитной степи, длительное время не испытывающий антропогенного воздействия. Растительный покров образуют разнотравно-ковыльные, тонконогово-овсяницевые, разнотравно-овсянице-ковыльные сообщества. В период цветения очень характерен аспект ковыля Иоанна. Место гнездования стрепета. Как пастбищное и сенокосное угодье используется очень редко.

Донгузская степь

В 25-50 км к юго-западу от г. Оренбурга расположен самый крупный в Евразии участок плакорных разнотравно-типчаково-ковыльных степей на южных черноземах. Общая площадь нераспаханных степей составляет более 90 тысяч га. Донгузская степь расположена на Урало-Илекском междуречье, охватывая плакоры на левобережье реки Донгуз и в верховьях реки Чёрной, овражно-балочную сеть, плакоры на междуречье Большой и Сухой Песчанки, а также сыртовые увалы и холмы — Ветлянские и Черновские вершины с горами Таврической, Точильной, Рыскина. На территории участка находится немало интересных ландшафтно-геологических объектов: Берёзовый Овраг, Купайская Красная круча, урочище Таврическое, Верхнечерновский Гай, Костиенковский оползень, Верхнепесчанские меловые горы и другие.

В 1992—1994 гг. по нашим оценкам в Донгузской степи обитала одна из крупнейших в Евразии популяций стрепета (с плотностью гнездования до 4-5 пар на 100 га, гнездились до 40 пар степных орлов, 7-8 пар курганников, 16 пар красавок. На весенних и осенних миграциях была обычна дрофа.

Безусловно, главной достопримечательностью Донгузской степи являются уникальные плакорные урочища Дудаково Поле, Папайская степь, Городищенская степь, Никольская степь, Черновско-Ветлянская степь. Эти крупные массивы нераспаханных степей сохранились благодаря тому, что на протяжении XX века они входили в состав стрельбового поля военного полигона. Большая часть урочищ Донгузской степи находится на территории стрельбового поля до настоящего времени.

В девяностые годы XX века предпринимались попытки создать в Донгузской степи ведомственный ландшафтный заказник. Однако в 2005 – 2011 гг. на территории Донгузской степи активизировалась деятельность военных, и многие уникальные участки были нарушены инженерными сооружениями и пожарами. Несмотря на это здесь сохранились урочища зональных плакоров с эталонами почвенного и растительного покровов, редкими видами фауны, составляющими золотой фонд природного наследия степной зоны нашей страны.

По нашему мнению, необходимо продолжить диалог с высшим руководством полигона и пытаться выделить на его территории защитные участки, приобщив тем самым наше военное ведомство к охране наследия России.

Троицкие меловые ландшафты

В южной части Соль-Илецкого района в верховьях реки Шыбынды, по балке Акбулак и на Илекско-Утвинском междуречье вдоль границы России с Казахстаном развиты меловые ландшафты. Они связаны с выходами писчего мела верхнего отдела мелового периода. Меловые ландшафты представлены здесь четырьмя типами урочищ: меловыми ровнядями, меловыми увалами, меловыми прибалочными «белогорьями» и солонцово-меловыми полигонами.

Меловые ровняди получили развитие на высоком междуречье Шыбынды и балки Акбулак в 8-10 км к западу от села Троицкого. Шыбынды-Акбулакская меловая ровнядь – плакор, почвенный покров которого сформировался на меловом субстрате. Растительность этой равнины – полынно-типчаково-ковыльная степь, обогащённая типичными растениями-меловиками.

Урочища меловых увалов представлены на Илекско-Утвинском междуречье в 15 км к югу и юго-востоку от села Троицкого. Высшие отметки этих увалов имеют абсолютную высоту до 260 м. Склоны и вершины увалов слабозадернованы и покрыты полынно-кальцефитно-солонцовой растительностью.

В верховьях Шыбынды и на левобережье балки Акбулак сформировались урочища овражно-увалистых меловых «белогорий». Они представляют собой цепочку прибалочных меловых обрывов, имеющих вид односторонних округлых крутых холмов. В верховьях речки Шыбынды выделяется урочище Турты протяжённостью около 4 км, а по балке Акбулак – Троицкие Меловые горы протяжённостью около 6 км.

На меловых обрывах растут типичные растения: ежовники меловой и солончаковый, нанофитон ежовый, кермек меловой, парнолистник крупнокрылый, льнянка меловая, пупавка

Корнух-Троцкого, василёк Маршалла, астрагал крымский. На более выположенных меловых склонах обычны левкой душистый, копеечник крупноцветковый, копеечник Разумовского, короставник татарский, полынь солянковидная, курчавка кустарниковая, франкения волосистая, юринея киргизская. Большая часть этих видов относится к флористическим редкостям Оренбуржья.

В настоящее время в районе Троицких меловых ландшафтов ведутся научно-исследовательские работы по обоснованию организации здесь трансграничной (российско-казахстанской) особо охраняемой природной территории.

Кзыладырское карстовое поле

Этот уникальный участок карстово-сульфатного ландшафта площадью 3 600 га расположен на правобережье реки Бурли и вытянут с юго-востока на северо-запад вдоль линии простирания передовых изоклинальных складок на 12 км. Одна из них, так называемая Бурлинская антиклиналь, вывела на поверхность слои кунгурского яруса пермской системы. Этот ярус представлен породами с преобладанием гипсов, серых и красновато-коричневых глин, аргиллитов с прослоями песчаников и конгломератов.

В ландшафтно-геоморфологическом отношении участок представляет собой эталон карстово-сульфатного ландшафта с полным набором форм: воронок обрушения и выщелачивания, провальных колодцев, арок, карстовых мостов, галерей, карстовых озёр и источников. Здесь выявлено более 20 карстовых пещер, несколько подземных озёр.

Вдоль гипсовых гряд, по участкам с карровым рельефом тянутся цепочки берёзово-осиновых колков. В непосредственной близости от них можно встретить урочища кочкарных болот, заросли чия, участки глинистых и солончаковых такыров. На отдельных межгрядовых площадках сформировались эталонные участки ковыльных степей на южных чернозёмах.

На Кзыладырском карстовом поле произрастает 11 видов растений, занесённых в первые издания Красной книги Российской Федерации. Среди них ковыли Залесского (красивейший, перистый и опушённолистный), тюльпан Шренка, ятрышник шлемоносный, лапчатка Эверсманна. Из реликтовых видов растений можно отметить смолёвку алтайскую, остролодочник уральский, льнянку слабую, истод сибирский. Во флоре участка много эндемичных видов: гвоздики уральская и иглолистная, астрагал Гельма, копеечник серебристолистный и другие.

Из млекопитающих здесь обитают лось, косуля, лиса, барсук, сурок, русак, степной хорь,

степная пищуха, рыжеватый суслик, обыкновенный хомяк, хомячок Эверсманна, большой тушканчик и многие другие виды мышевидных грызунов и землероек.

Здесь гнездятся степной орёл, красавка, стрепет, серая куропатка, перепел. Многочисленные карстовые водоёмы привлекают водоплавающих птиц, в том числе огарь.

Геолого-геоморфологическая уникальность Кзыладырского карстового поля, его исключительное ландшафтное и биологическое разнообразие ставят это урочище в число объектов природного наследия национального и всемирного значения. Представляется весьма актуальным создание здесь ландшафтного заказника или нового кластера госзаповедника «Оренбургский».

Гусихинская степь

Самый значительный по площади участок степи в подзоне обыкновенных чернозёмов расположен в северо-западной части Кваркенского района на правобережье речки Средней Гусихи вдоль границы с Челябинской областью. Здесь находится перспективный природный резерват Гусихинская степь площадью около 6 500 га. Ландшафт Гусихинской степи — плоскоувалистая, слаборасчленённая грядово-останцовая равнина. На участке хорошо сохранились фрагменты разнотравно-злаковых степей на маломощных обыкновенных чернозёмах, луговых степей на намытых почвах по лощинам и ложбинам сток, каменисто-петрофитных степей на склонах и вершинах увалов. В Гусихинской степи гнездятся стрепет, красавка, огарь, степной орёл. Здесь обитает крупная колония сурков.

В восточной части Гусихинской степи возвышается гора Средняя Гусиха, которая известна у геологов как Гусихинский вулкан с отметкой 411 м. Гора образована штоком кварцевых порфиров диаметром около 2 км, которым было закупорено жерло вулкана.

Склоны горы и окружающая её равнина представляют собой прекрасный эталон разнотравно-типчаково-ковыльной степи. На северном склоне горы наблюдаются обильные выходы грунтовых вод, в зоне увлажнения которых растут черноольшанник и берёзово-осиновый колок.

Гусихинская степь — один из самых ценных степных участков Оренбургской области. В настоящее время здесь выпасается несколько групп мясного крупного рогатого скота. Выпас не привёл к деградации степной растительности.

Создание в Гусихинской степи пастбищно-степного ландшафтного заказника позволит реализовать идею так называемых «пасторальных заповедников», направленную на сохранение уникального биоразнообразия, характерного для

пастбищ с умеренным и регулируемым выпасом.

Участки плакорных степей Оренбургского Зауралья

Оренбургское Зауралье охватывает территории шести целинных районов Оренбургской области, которые до 1954 года представляли собой громадный массив разнотравно-злаковых и типчаково-ковыльных плакорных степей на черноземах и тёмнокаштановых почвах. Дрофа, стрепет, красавка, степной орёл, степной сурок обитали в изобилии. Во время сезонных миграций и на летних пастбищах здесь находились многотысячные стада сайгаков.

Несмотря на широкомасштабное земледельческое освоение территории целинных районов, здесь сохранились крупные участки плакорных и останцово-водораздельных степей, которые могут рассматриваться в качестве важнейших звеньев ландшафтно-экологического каркаса Оренбургского Зауралья. Ограничимся их аннотированным перечнем.

Чилектинская степь

Участок останцово-водораздельных и плакорных степей на левобережье реки Суундук (ныне залив Ириклинского водохранилища) в Новоорском районе. Преобладают лессингово-ковыльные и каменисто-степные ассоциации на маломощных тёмнокаштановых почвах и южных черноземах. На участке обитает степной сурок. Общая площадь — около 15 тысяч га. Используется под выпас большого табуна лошадей, овец и крупного рогатого скота.

Карабутакская степь

Расположена на междуречье Карабутака и Жарлы в Адамовском районе. Представляет собой плосковолнистую равнину с низинами и западинами, сложенную гранитами и их элювием. Растительный покров характеризуется сочетанием разнотравно-кустарниковых, лугово-разнотравных, разнотравно-ковыльных, типчаково-ковыльных, полынно-типчаковых, петрофитных и галофитных группировок. Общая площадь — около 7 тысяч га. Используется как сенокосное угодье, под выпас овец и крупного рогатого скота.

Карагачская степь

Участок плакорной типчаково-ковыльной степи на южных легкосуглинистых и супесчаных черноземах. Расположен на междуречье Жарлы и Кумака в бассейне речки Карагачки к югу и юго-западу от лесного урочища Шийлиагаш в Адамовском районе. В травостое преобладают ковыли Лессинга, Залесского и тырса, типчак, тонконог стройный. В состав доминирующих ассоциаций входит ксерофитно-мезофитное разнотравье:

подмаренник настоящий, коровяк фиолетовый, грудница мохнатая, чабрец Маршалла, вероника беловойлочная, шалфей степной, зопник клубненосный. Характерны заросли степных кустарников: вишни степной, караганы низкой, спиреи городчатой и др. Общая площадь — около 2600 га, часть участка нарушена при закладке лесных культур. Используется под выпас. В благоприятные годы ведётся сенокошение.

Пишенкольские степные участки

Представляют собой нераспаханные фрагменты плакоров с типчаково-ковыльными степями с солонцеватыми тёмнокаштановыми почвами. Расположены на слабодренированном междуречье в районе озера Пишенколь вдоль границы с Актюбинской областью в Домбаровском районе. Общая площадь — около 200 га. Выпас отсутствует, сенокошение проводится только в благоприятные годы.

Джабыгинская степь

Участок типчаково-овсецово-ковыльной степи на придолинном плакоре со среднемощными карбонатными глинистыми тёмнокаштановыми почвами. Колония сурков. Выпас незначительный. Расположена вдоль реки Джабыги в 16 км к северу от посёлка Веселовский Ясненского района. Общая площадь — 1330 га.

Каинсайская степь

Расположена в 13 км к северо-западу от пос. Комаровский Ясненского района. Представляет собой участок слабодренированного междуречья в верховьях балки Каинсай с разнотравно-ковыльными ассоциациями на южных чернозёмах. Урочище имеет лугово-степной облик. Поверхность усеяна множеством очень крупных сурчин, старых и новых. Выпас отсутствует. Частично выкашивается. Урочище площадью 56 га лежит в окружении пахотных угодий и залежей.

Акжарская степь

Самый крупный массив нераспаханных степей Зауралья. Представляет собой типчаково-ковыльную, местами полынно-злаковую солонцеватую степь на глинистых маломощных тёмнокаштановых почвах. Расположена на левобережной равнине в бассейне реки Кумак в Ясненском и Новоорском районах. Сохранилась от распашки как полигон для военных учений. Общая площадь — 14600 га. По обилию и разнообразию видов уступает остальным степным эталонам Зауралья. Представляет интерес как наиболее крупный участок неиспользуемых степей региона. В центральной части отмечается незаконная распашка.

(Продолжение следует)

А. Чибилёв знакомит посетителей с обитателями Центра разведения степных животных

Ковыльная степь на хребте Шайтан-Тау

Озеро Косколь. Оренбургское Предуралье

Река Урал у горы Дюяташ. Оренбургское Предуралье

Степные сурки. Оренбургское Зауралье

Оренбургские козы в Долгих горах. Предуралье

Папайская степь. Донгузский полигон под Оренбургом

Осень. Бузулукский бор